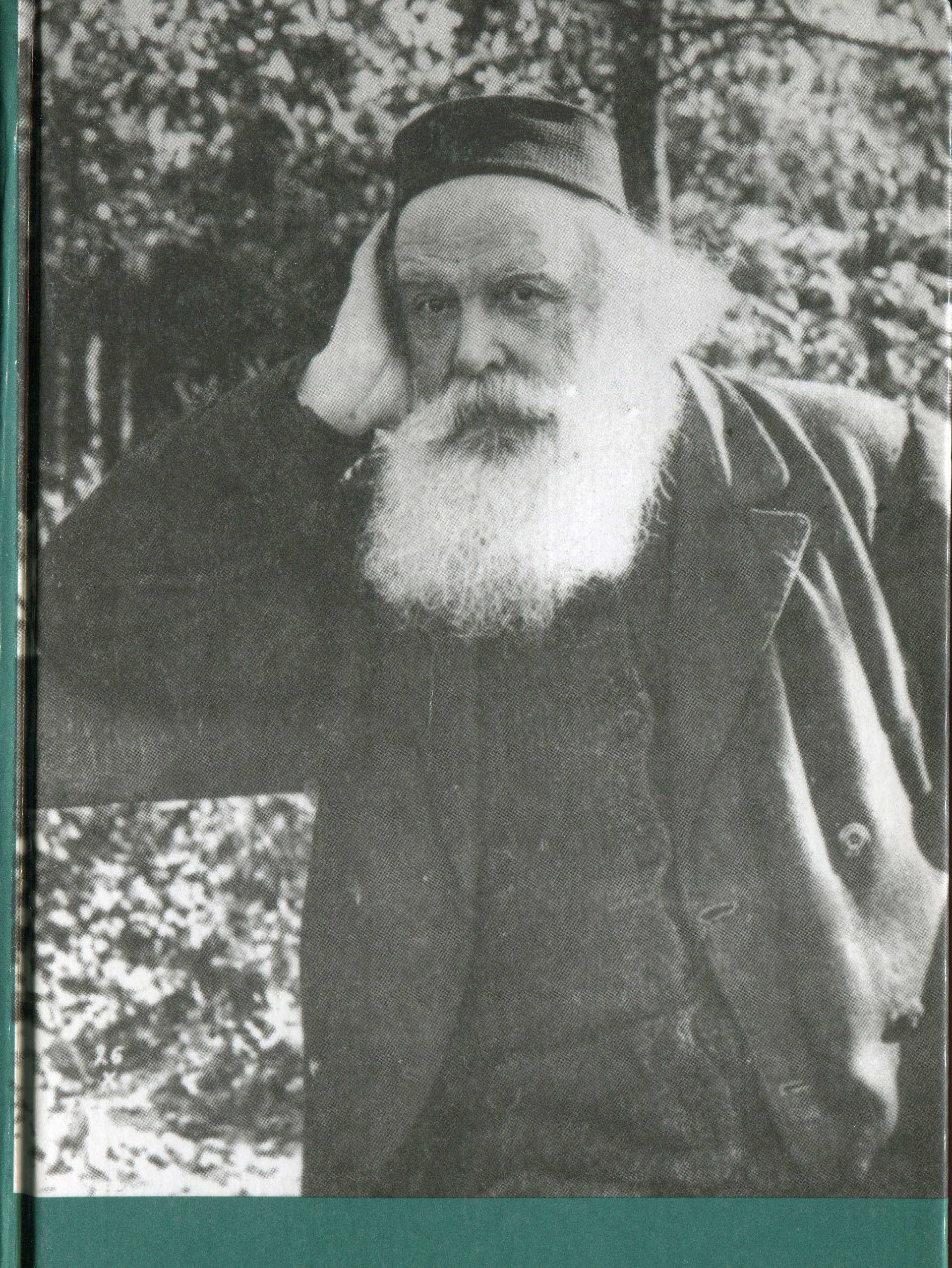

С. А. НИЛУС

Сергей Александрович НИЛУС

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ОБЩЕСТВО СВЯТИТЕЛЯ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО

Москва • 2005

Сергей Александрович НИЛУС

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ШЕСТОЙ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Материалы к жизнеописанию Сергея Нилуса

ОБЩЕСТВО СВЯТИТЕЛЯ
ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО

Москва • 2005

Шестой том завершает издание Полного собрания сочинений Сергея Александровича Нилуса. Первый раздел книги содержит малоизвестные и впервые публикуемые его произведения. Они существенно дополнят сложившееся представление о корпусе текстов, созданных этим выдающимся духовным писателем. Второй раздел тома — биографический, в нем помимо справочных и архивных разысканий имеются еще и все сохранившиеся личные воспоминания сподвижников и современников С. А. Нилуса. Таким образом, читатель теперь сможет составить о жизни этого прозорливого человека достаточно полное представление.

ISBN 5-88060-039-4

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ ИГУМЕНИИ СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ МАРИИ

7 сентября [1904 г.] исполняются двадцать дней со дня отшествия ко Господу Дивеевской наместницы Игумении Марии, и благодарное сердце властно требует посвятить памяти блаженной Серафимовой старицы свое слово.

«У вас, матушка, Игуменьей будет Сама Царица Небесная! Сама Она, Матушка, вас Своим последним Вселенским жребием избрала. От века не было женской Лавры, а у вас она будет. Сам Царь и Царская Фамилия будут у вас, матушка. Во, радость-то нам какая будет!.»

Так говорил простым сердцем первонасельницам Дивеева в 30-х годах прошлого столетия сам Преподобный Серафим Саровский и всея России Чудотворец.

Оттого и я называю почившую праведным сном до всеобщаго близкого пробуждения Игуменію — наместницей: она наместницей была в Дивееве Самой Пресвятой Девы Богородицы.

Великая, безмерно-великая честь и радость, и похвала! Непостижимая и необъятная человеческим разумом слава! И слава эта, по слову Преподобного, принадлежала отшедшей в небесныя Серафимовы обители Игумении Марии.

Помяни нас в Царстве Света, дорогая всем тебя знавшим и чтившим, усопшая! Помяни твоим всегда любвеобильным и ласковым словом нас у Престола Св. Троицы, Которой земными твоими безчисленными страданиями и твоею безграничной твердости верой ты соорудила величавый собор Дивеева, вещественный знак величия Серафимо-Дивеевского духа тобой веденных к Божьему Царству молитвенниц, сирот Серафимовых, а теперь и ... твоих! Не забудь же нас, матушка!

В прошлом году я был в Дивееве вскоре после торжества всех упований почившей. Матушка казалась утомленною и не совсем здоровою, но любовь и ласка ее не знали утомления и, улучив свободную минутку от безчисленных посетителей, со всех концов России несших ей свои приветствия и поздравления, она с тою же задушевною теплотой и вниманием приняла меня в своей келье, с какою три года назад принимала, когда я впервые посетил ее с радостною вестью о том, что сам Преподобный Серафим во сне явился одному Орловскому доброму пастырю и предвозвестил о том, что его мощи возстали[1].

— Теперь, мой батюшка, надо ожидать, что сам Преподобный придет в Дивеев! — сказала мне, в ответ на мои поздравления, Игумения.

---

[1] М[осковские] Вед[омсти]. 1901. Ноябрь.

— Как это так, матушка? Я этого что-то в толк не возьму!

— Как то случится, мы и сами точно не знаем: сказывали наши старицы, которые еще при Преподобном жили в Дивееве, что сам батюшка им это говорил: — «Не то диво, матушки, что суды-то к вам наехали, да ни с чем вернулись, а то будет диво, так диво как грешная-то плоть убогого Серафима-то из Сарова в Дивеево к вам перенесется. И понесут ее с одной-то стороны Ангелы Божьи, а с другой — мои сироты. Вот это будет диво, так диво!..»

— А как это, мой батюшка, совершится, — видимо или невидимо, — то можем ли мы знать, грешные люди? Из Святых Отец нам известно, что св. мощи скрываются. Одно вам скажу с уверенностью, что Батюшка наш, Преподобный, непременно будет в Дивееве, только мне уж не дожить до этой радости!

При этих словах затуманилось радостное личико матушки.

Это было мое последнее свидание на земле с дивною старицей.

Дивеевские сестры знали, что их матушка уже не проживет долго. Не преклонный возраст Игумении давал им повод так думать,— нет, — сироты Серафимовы чужды общечеловеческим размышлениям и соображениям: и не диво крепость сил и бодрость духа в таком возрасте, который уже недоступен обыкновенным силам мирского среднего человека. Дивеев, порожденный дивом, возращенный чудом, живет и дышит явлениями силы и духа, непонятными и, как все непонятное, отвергаемыми миром.

Божий человек один говорил назад тому несколько лет нашей матушке: «До мощей доживешь, а там готовься к смерти!»

Вот чему верил Дивеев, и чему верила сама Игумения. Дивеевская вера никогда не посрамляла сирот Серафимовых: не подходят они, эти святые, многолюбящие, многоверующие и многострадальные души под шаблонную и ничтожную мерку наших условных и столь суетных понятий. На своем самобытном стоит Дивеев и будут стоять последнею угрозой надвигающемуся со всех сторон антихристову духу, а там, вскоре ... и самому антихристу.

Дивеев был уверен в близкой кончине своей матери еще задолго до ее смерти. Открытие мощей Преподобного Серафима — вот был земной предел безчисленных трудов и скорбей во славу Божию святой старицы. Святой предел — святой жизни!

Последний год жизни Игумении Марии был подвигом приготовления к переходу в обетованную землю христианских упований. Тихо догорала Божия свеча, зажженная прозорливостью Серафима:

— Запомните, матушка! На двенадцатой Игумении у вас и монастырь устроится, а игуменьей той будет Мария, Ушакова родом!

Тихо, безстрашно, безропотно со всею полнотой любви и могучей веры угасал светильник, столько лет светивший через Дивеевское окно всему православному миру... Блаженная Дивеевская, Христа-ради юродивая Паша последнее время все твердила:

— Стена отваливается, стена отваливается: мать уходит, уходит мать-то!

Отвалилась стена, ушла мать и нашла себе в святой земле Дивеева успокоение у придела Преподобного Серафима, который был тридцати с лишним лет назад устроен ею в Троицком соборе и, по вере ее в святость Серафима, стоял неосвященным до полного торжества ее великой веры в этого величайшего Божиего угодника и до полноты исполнения времени ее праведной и Богоугодной жизни.

Хорошо, сладко, радостно и торжественно так умереть!

Да удостоит Господь, за молитвы отшедшей праведницы, такой же кончины всех верующих в любовь и истину Христова Воскресения! Да сохранит под Своим Покровом новую Свою наместницу Девеева Пресвятая Игумения, Сама Владычица Неба и земли, Заступница рода Христианскаго!

Московские Ведомости. 1904, № 247,
7/20 сентября. — С. 2.

ДУХОВНЫЕ ОЧИ

ИЗ БЕСЕД СО СТАРЦАМИ

Безбожное, безверное время настало для Православной России: одной плотью и ради плоти стал жить русский человек, и забыл он о жизни духовной. По названию только слывет он православным христианином, а духом своим уже не тот он стал, что был еще так недавно, когда веровал в жизнь духа, а на плоть свою смотрел, как на временное жилище. И когда жили так русские люди, легко тогда переносили они все скорби житейские, веруя в воздаяние от Господа в жизни вечной, а на смерть, стараясь при жизни исполнять Божии веления, смотрели, как на желанное освобождение от горя и болезней и на переход в обители райские, где ждет вечная радость и слава всех, при жизни своей земной благоугодивших Господу. И жилось тогда по вере всем легко: всякое зло, всякая обида, всякое горе — всё переносилось бодро, а некоторые даже и с радостным благодарением: Христа ради терпели, Господа ради, Который и

Сам за наше спасение столько претерпел, что и не в подъем никому из человеков.

Рая люди ждали за терпение, оттого и терпели. Ну, и то сказать, ждали рая на небе, да и на земле терпением своим много блага созидали. Оно и понятно: терпел один, глядя на него другой, третий; друг другу уступали, друг друга прощали, старших почитали, начальства боялись, друг друга уважали, богатым не завидовали, бедным благотворили, убогих жалели, странников кормили и согревали, на Церковь Святую уповали, как на мать родную. И созидалось, и росло, и крепло на страх врагам великое, Богом хранимое царство Русское, Православное. А за последние годы куда что подевалось?.. Стали люди русские жить не по-Божьи, преступать святые Божьи заповеди, и отошла от них благодать Божья, а с ней ушла и вера, и настало в земле Русской великое разорение: озверели православные, хуже зверей диких стали, и конца краю не видится народной гибели...

Хотят на зле добро строить, душегубством брата жизнь создать веселую, привольную!.. Ой, не расти на репейнике винограду, на крапиве колючей не расти сладкой малине! Оглянитесь-ка кругом себя, люди русские, — те, чья голова еще умеет свою думу думать, своего разума еще не утратила: чем вся эта буря зла и неверия кончится? Опомнитесь!..

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

— «Бога нет»! — на все лады завыли волки и шакалы лжеучительства. Кто и где Его когда видел?..

И на весь этот зловещий вой десятки, сотни, тысячи голосов безумцев всякого звания и состояния отозвались безумным воплем: «Нет Бога! Кто Его видел?» Сатане того только и нужно было: и попали богоотступники из-под природной власти Божией в добровольную кабалу к нечистому. По делам, что теперь творятся у нас на Руси Православной, видно, — чье теперь стало царство...

И вот, припомнилось мне, как в Оптиной Пустыне один знакомый мне старец-иеромонах, из образованных, родовитых дворян, сказывал мне о своей беседе с Петербургским извозчиком. Было это дело давно, лет тридцать назад, но сказ этот и доселе еще новенький. Послушай-ка его, человек русский: может он к чему-нибудь тебе и пригодится!..

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

«Было это, о чем я вам хочу рассказать, — так повел со мною беседу старец-иеромонах, — годков 25—30 тому назад. Я был в то время молодым еще художником, кончавшим свой академический курс в Академии Художеств. Уже и тогда дух неверия и отступничества сильно действовал в русских людях, хотя больше в высшем сословии, чем в простолюдинах; но уже следочки этого духа и тогда стали прокладываться в душу народную, — и там начинала заводиться та гниль и червоточина, которая теперь обуяла с такой силой молодое деревенское поколение, особенно то, которое простоту и правду безхитростной деревенской жизни, простор полей, лугов и лесов променяло на чванливость и ложь го-

родской тесноты и каменных бездушных фабричных и заводских острогов». [Далее рассказ ведется от лица иеромонаха Даниила (Болотова), вошедший в книгу С. А. Нилуса «Великое в малом».]

Печатается по:
Нилус С. Духовные очи: Из бесед со Старцами
Сергиев Посад, 1906. — С. 1–4.
Этот фрагмент не включен автором
в книгу «Великое в малом».

НЕБЕСНЫЕ ПЕСТУНЫ

ВСТУПЛЕНИЕ

В жизни каждого человека и тем более православного христианина происходят едва ли не на каждом шагу такие события, в которых мало-мальски нерассеянное внимание может ясно усмотреть незримое водительство Божие на пути души человеческой к уготованному ей Царству вечного блаженства. Событиями, правда, мы привыкли называть нечто выходящее как яркое пятно из общего серого фона будничной, повседневной жизни человека, а то, что сливается с этим тусклым фоном, мы или обходим нашим вниманием — попросту забываем, как недостойное внимания, или же, обозвав совсем неуместным и ничего не значущим словом — «случай», стараемся о нем забыть, потому что с утратой веры в Промысл Божий не видим в нем его сокрытого, таинственного смысла. Мне казалось всегда непонятным и странным, как с непомерным развитием в современном человеке чувства гордости, которое

каждого из нас пытается вознести «выше леса стоячего и облака ходячего», сотворить из него самодовлеющего авторитета, для которого «никакой закон не писан», ибо он сам себе закон, — как с чувством этим уживается другое ему совершенно противоположное — чувство зависимости его, гордеца, от якобы безсмысленного сцепления столь же безсмысленных обстоятельств, которое именуется «случаем»? Однако уживается, и человек этого как будто не замечает, живя в таком трагическом противоречии изо дня в день, пока... пока «гром не грянет, и мужик не перекрестится». Но бывает и так — и все чаще и чаще бывает — что не крестится и тогда...

Взгляните-ка на ежедневные самоубийства, известиями о которых пестреют столичные и провинциальные газеты! О чем говорят они твоему уму и сердцу, дорогой читатель?..

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

С распадом у нас на Святой Руси церковной жизни, которою жили наши православные предки, мы, в большинстве, совсем утратили сознание исконно русского определения взаимоотношений Церкви Христовой и ее членов и отношений их к Богу. Несложно это определение и выражается оно в коротких словах: «кому Церковь не мать, тому Бог не отец». Утратив разумение этих слов, составившихся вековою народною мудростью на основании опыта жизни всего строя бытия русского православного народа, современное нам общество настолько успело отторгнуться от Церкви, что даже обязательные ее постановления ему стали или чужды, или

вовсе неизвестны: Церковь осталась как бы в стороне, сама по себе, а мы, ее дети — сами по себе. Так повелось у нас на Руси не со вчерашнего дня, а уже давно, со времен сближения нашего с иностранцами, на которых «умники» тех времен приучали смотреть наших предков как на существ особого, высшего порядка. Особенное же отступление от Церкви в русских людях проявилось с тех дней, когда им дарована была Царскою милостью первая свобода — от крепостной зависимости. С этого времени, полегоньку да понемножку, то, что было болезнью людей ученых, — я говорю о неверии, стало заражать и неученых простолюдинов: и начали русские люди все больше да дальше отбиваться от Церкви, а теперь уже дошли до того, что почти и вовсе от нее отбились.

Дожили мы до таких денечков, что в храм Божий и не заглядываем, а если и заглядываем, то не по нужде душевной, а по старой привычке; постов не соблюдаем, а праздники Божии обратили на пьянство, на разгул, на богопротивные увеселения, на разбой да на драки.

Стоном застонала мать-сыра земля; обагрилась она, задымилась святой кровью человеческой, распалилась заревом пожаров, облилась горючими слезами вдов, сирот, отцов, матерей да самих богоотступников — церквеотступников. Судите сами: чего ж еще видеть нам с вами, от мужика до барина, все люди русские, когда-то православные?..

Вот одним-то из таких церквеотступников был когда-то и я, мой дорогой читатель! Богоотступником я, по милости Божией, никогда не

был, но, не отрекаясь от Бога, от Церкви Его святой отступил — вот ровно так, как теперь делают многие из наших, которые не хотят себя звать православными, а зовутся баптистами, штундистами, пашковцами, евангелистами, старообрядцами... и мало ли еще какими именами и названиями — где всех их перечесть? Недаром говорится: «сколько голов, столько и умов!» Но опять-таки, отойдя от Православной Церкви, я, по милости Божией, ни в какую секту не вступил, а просто стал жить по своей вольной волюшке: куда, стало быть, глянет глаз — туда и двигают ноги. И не день, и не два жил я так-то, а долгие годы.

Но «сколько кувшину по воду ни ходить, а там ему и голову сломить» — так случилось со мною: «грянул гром», и стал наш мужик креститься. Подошли такие «случаи», а Бог-то у меня разума не отнял — я и поглядел, что за тем да за другим «случаем» как будто стоит разум, да разум-то такой, который намного повыше моего собственного. Ровно так, как люди отступают от Бога и от Церкви, так они и к Богу с Его Церковью возвращаются: полегоньку да понемножку, словно ниточка с клубочка да на клубочек: поди там, в мотке-то разбирай концы да петли!.. Ну, словом, добрался я-таки опять до Бога, от Которого я хоть и не отступал, но как бы вовсе о Нем позабыл во дни моей молодости. А как добрался, так меня разом тут и осенило забытыми святоотеческими словами: «кому Церковь не мать, тому и Бог не отец», осенило и привело с повинной и покаянной головой к матушке роди-

мой, Церкви Христовой Православной. И с той самой поры стал я по милости Божией хоть грешным, да верным и любящим ее сыном.

Печатается по:
Нилус С. Небесные пестуны.
Сергиев Посад, 1909. — С. 3–7.
Фрагмент, не вошедший в книгу
«На берегу Божьей реки».

ОДИН ИЗ ТЕХ НЕМНОГИХ, КОГО ВЕСЬ МІР НЕДОСТОИН

Блаженный Христа ради юродивый священник, отец Феофилакт Авдеев

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ[1]

Христианство возродило и обновило древний мір, разлагавшийся от дряхлости и внутреннего растления. *Небесный огонь* любви, *низведенный на землю* Спасителем (Лук. XII, 49), воспламенил новую жизнь в сердцах людей, подавленных чувственностью, оживотворил дух, почти *омертвевший в узах греховности* (Ефес. II, 5), и при содействии благодати ревность к благочестию во многих воспламенилась с такою силою, что сделалась главною стихиею духовной жизни, и вся деятельность духа сосредоточилась в непрерывном усилии *распять плоть* свою *со страстьми и похотьми* (Гал. V, 24), стать выше своей чувственности, покорить высшему духовному зако-

[1] «Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви» — священника Иоанна Ковалевского (Москва, 1895 г.).

ну все порывы поврежденной грехом природы, чтобы по мере сил, постепенно возрастать духом, всецело жить в Боге и для Бога. Христианство, *обновивши ветхого человека* (Кол. III, 10), *соделав его причастником Божественного естества* (2 Петр. 1, 4), произвело многие виды подвижничества, которыми христианин нравственно возвышается до возможного для человека совершенства. И в великом сонме угодников Божиих, прославленных Св. Церковью, юродивые христиане являются *дивными во святых* по роду своего подвига и по той высокой степени самоотвержения, которому они следовали. Ради Христа и своих ближних они отрешились не только *от міра и яже в мире* (I Иоан. II, 15), но и от всего лучшего, что есть в природе человека, поскольку последнее необходимо для христианина, по слову Апостола: *аще внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. IV, 16). Поистине, в них внешний человек тлел по мере того, как внутренний духовно жил и нравственно возвышался.

Юродство о Христе — один из труднейших и великих подвигов христианского благочестия, какие из любви к Богу и ближним принимали на себя особенные ревнители благочестия. «Юродство Христа ради составляет столь редкий, столь труднейший и вместе с тем столь высокий христианский подвиг, на который призываются Господом Богом только особенные избранники и избранницы, сильные телом и духом»[1].

---

[1] Сказание о блаженной Серафимо-Дивеевского монастыря, Пелагии Ивановне Серебренниковой. Тверь, 1891. С. 1.

Эти славные подвижники, одушевляемые горячею ревностию и пламенною любовию к Богу, добровольно отказывались не только от всех удобств и благ жизни земной, от всех выгод жизни общественной, от родства самого близкого и кровного, но даже отрекались *при полном внутреннем самосознании* от самого главного отличия человека в ряду земных существ — от обычного употребления разума, добровольно принимая на себя вид безумного, а иногда и нравственно падшего человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда, дозволяющего иногда себе соблазнительные действия... Лишенные по-видимому простого, здравого смысла человеческого, отрешившись от общепринятых обычаев міра и правил общественного благоприличия, они под личиною юродства нередко совершали такие гражданские подвиги, на которые не решались люди, «мнящиеся» быть «мудрыми», из страха ли то пред сильными міра сего, или из житейских расчетов и соображений; и при этом подвиги их были таковы, что их не могли совершать с таким успехом люди обыкновенные. Непрестанно возводя очи ума и сердца своего к Богу, постоянно горя духом пред Ним, подвижники эти, подобно древним пророкам, ревнителям славы Божией, не стеснялись говорить резкую правду в глаза сильных міра сего; они своими словами и необычайными поступками то грозно обличали и подобно молнии поражали людей могучих и сильных, но несправедливых и забывающих правду Божию, то подобно весеннему благотворному солнцу радовали и утешали людей

благочестивых и богобоязненных. Юродивые нередко вращались среди самых порочных членов общества, среди людей, погибших в общественном мнении, с целью исправить их и спасти; и многих из таких отверженных возвращали на путь истины и добра. *Имея дар предсказывать будущее*[1], они молитвами своими нередко избавляли сограждан от грозивших им бедствий, не раз отвращали гнев Божий от своих современников, у которых были большею частью в поношении и презрении.

Совершенно свободные от всяких привязанностей к земному, отказываясь от всякой собственности, не имея обыкновенно определенного пристанища и потому подвергаясь всем случайностям бездомной и безприютной жизни — эти избранники Божии самым делом, с буквальной точностью осуществляли в своей жизни заповедь Спасителя: *не пецытеся душею вашею, что ясте или что пиете, ни телом вашим, во что облечетеся; не душа ли больши есть пищи и тело одежди?* (Матф. VI, 25). *Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (33). Эти *«причастники небесного звания* (Евр. III, I), не имея на земле пребывающего града, но грядущего взыскуя, так как по слову Апостола *преходит образ міра сего,* (I Кор.VII, 31) — *не сообразовались веку сему* (Рим. XIII, 2): вся их жизнь представляла собою как бы воплощенный протест против чрезмерного тяготения людей к земным, временным интересам, как бы живое, наглядное напоминание о выс-

[1] Курсив С. А. Нилуса. — *Ред.*

шей цели жизни — о *едином на потребу* (Лук. X, 41)

Взирая на образ жизни Христа ради юродивых, можно подумать, что это несчастные, осужденные влачить горькую участь безумия. Пренебрегая общепринятыми обычаями міра, не сообразуясь с законами общества гражданского, юродивые, по-видимому, в некоторых случаях даже самыми постановлениями Церкви не приводились к обыкновенному порядку жизни[1]. Это были как бы пришельцы из другого міра, не считавшие для себя нужным знать и делать то, что по общему мнению составляет необходимую принадлежность жизни земной. Живя в теле, они считали себя как бы безплотными или в чужом теле... Пища, одежда, жилище, казалось, не составляли для них существенной потребности и необходимой жизненной принадлежности. По несколько дней, иногда по целым неделям не вкушали пищи, только ту вкушали пищу, которую подавали им люди благочестивые; от прочих они не принимали или принятую передавали другим. Одеждою для них служило ветхое, раздранное рубище, но нередко они отлагали и

[1] О Симеоне юродивом в «Четиях Минеях» читаем: «На большее мнимаго своего юродства показание, отлагаше стыдение человеческое, и множицею обнажен по торжищу хождаше...» «во утрие дню недельну бывшу, вниде в церковь. Начинающейся Литургии, имеяше в недрех орехи, первее убо нача погашати свещи, и егда изгнати его хотяху, он востек на амвон, меташе орехи на жен и едва со многим трудом возмогоша его изгнати из церкве»; или он же «некогда во святый Великий четверток из утра на торжищи седя ядяше, еже видяше мимоходящии глаголаху: виждь безумнаго сего, яко ни святаго четвертка не почитает, но рано яст». 21 Июля, стр. 146, 147 и на обор.

этот бедный покров наготы своей. Редко входили и часто не были впускаемы в жилища человеческие, проводили большую часть под открытым небом — на городских площадях и улицах близ церковной паперти или ограды, на кладбищах, иногда даже на куче сора, страдая от холода, голода, стужи и зноя и, вообще, подвергались всякого рода стихийным невзгодам и испытывали всевозможные лишения, неразлучные со скитальческой жизнью... С каждым подвигом Христианского самоотвержения связаны те или другие лишения; нелегко человеку, склонному к чувственным удовольствиям, отказываться от них, истощив свою плоть постом и воздержанием; нелегко также пристрастившемуся к богатству раздать свои сокровища и жить в евангельской нищете, человеку, жившему в славе и почестях, вступить в безвестную жизнь. Но отказаться от ума — этого лучшего украшения человеческой природы, как это мы видим в юродивых, конечно, для каждого должно показаться труднейшим подвигом, лишением, с которым не может сравниться никакое самолишение. В разуме Бог положил существенную черту в нас великого Своего образа (Ефес. IV, 22, 23), почему с отрешением от «этого благодатного дара неба», с которым ничто не может сравниться в мiре видимом, человек теряет все, что составляет истинное его величие, истинное его достоинство. При здравом уме — так как юродивые о Христе были людьми истинно мудрыми, — принять на себя вид безумного — жертва великая. Не большею ли частью, чтобы не сказать всегда, бывает для человека чувстви-

тельнее укор в скудоумии, чем в каком-либо другом недостатке, даже нравственном?! Жизнь человека не свидетельствует ли с очевидностью, сколько во все времена, из удовлетворения уму, было добровольных мучеников науки... Отчего такая исключительная честь уму? Оттого, что в нашей душе эта сила осталась более доступною человеческим трудам в своем развитии и образовании, потому что она по преимуществу свидетельствует о достоинстве духовной природы человека. Отсюда понятно, как должно быть трудно и чувствительно для человека при полном здравом уме выдавать себя за лишенного простого смысла, действовать в течение всей своей жизни подобно умалишенным... Велик и свят подвиг предать тело свое в руки мучителей за исповедание имени Христова. Но менее ли требуется мужества, вращаясь в мирском обществе, постоянно, каждый день, каждый час умерщвлять свое тело, отсекать всякую нечистую мысль?!

При всей трудности этого подвига, для святого юродства какая требуется высокая мудрость, чтобы безславие свое обращать во славу Божию и в назидание ближним, в смешном не допускать греховного, в кажущемся неблагопристойным ничего соблазнительного или обидного для других!.. Путь юродства чрезвычайно опасный и трудный путь. Как подражать иногда безрассудству людей самых низких, сохранять дух всегда возвышенный, стремящийся к Богу, постоянно ругаясь мiру, обнимать, однако, всех совершенною любовию?! Наконец, как удержать себя от духовной гордости тому, кто перенеся

столько оскорблений и лишений, сознает что все это терпит он невинно и что он совсем не таков, каким его считают многие? Это произвольное, постоянное мученичество, эта постоянная брань против себя, против міра и диавола, и притом борьба самая трудная и жестокая. Это крестоносцы, по преимуществу, так как по доброй воле, по собственному избранию, единственно из любви к Богу и ближним несли самый тяжелый и трудный крест...

I

В двадцатых годах прошлого столетия таким великим подвигом подвизался в пределах Рязанской губернии и в смежных с нею уездах Тульской — Христа ради юродивый священник, о. Феофилакт Авдеев.

Разбирая рукописи в архиве одного из великих по духу монастырей русских, я нашел в числе их тетрадку, в которой рукой неизвестной мне монахини записано об этом великом подвижнике и прозорливце следующее:

Начинаю с того, во славу Божию, с какого года я стала знать отца Феофилакта. Опишу все, что известно мне или лично, или от достоверных свидетелей об этом истинном и великом рабе Божием.

В 1824 году я поступила в Михайловский Покровский монастырь. Родитель мой был Родион Феодорович Ураев; он служил, не помню в каком году, в городе Скопине уездным судьей. В то время там городничего не случилось, тоже не знаю почему, и отец мой правил его должность. В это время обокрали Скопинское казначейство; родитель же мой просрочил рапорт об этом и потому

находился под судом. Из числа привлеченных к этому делу лиц, кроме отца моего, только казначей да стряпчий имели кое-какую собственность, и то самую незначительную, а потому казна обратила взыскание на городничего, т. е. на моего отца, правившего тогда эту должность. Хотя и наше имение было не велико, но оно все было описано и назначено для продажи с аукциону. Это горе случилось в 1824 году, в год, именно, моего вступления в монастырь, в котором старшая моя сестра уже была монахиней. Отец Феофилакт в то время уже юродствовал и был почитаем как истинный блаженный в нашем монастыре, куда и хаживал часто, и даже гостил.

Приехал к нам в монастырь со своею скорбью наш родитель, а тут как раз случился и отец Феофилакт. Мой батюшка ему и говорит:

— Вот, я скоро должен остаться без куска хлеба с шестью детьми: имение продадут — казна все возьмет!

— Нет, — отвечает о. Феофилакт, — барин прав! Вот, поедут через Москву в мантиях да в черных шляпах — и будет барин прав!

— Неужели же я буду опять владеть своим имением? — спросил батюшка.

— Непременно, — ответил отец Феофилакт, — только его после всё разложат по кабакам.

Ничего в то время из его слов понять было нельзя; но год спустя, в 1825 году, скончался в Таганроге Государь Император Александр Павлович, и повезли его тело через Москву, и, конечно, все были в трауре — «в мантиях и черных шляпах» — по выражению о. Феофилакта. Отец

мой в то время уехал в Петербург, где и подал просьбу князю Волконскому о снятии с него казенного иска. Прошение было принято, и по случаю восшествия на престол Государя Николая Павловича ему простили казенный долг «не в пример прочим», как было ему объявлено.

Так и сбылись слова о. Феофилакта: «барин прав».

В 1834 году скончался мой родитель. После него наследником остался мой брат, человек нетрезвой жизни: и вскоре всё имение родительское он пропустил в пьянство — «разложил по кабакам», как предсказал блаженный.

Это был первый в моей жизни случай прозорливости о. Феофилакта.

II

Не помню, в каком году, над нашим монастырем был благочинный архимандрит Солотченского монастыря, о. Иларий. Приехал он к нам по делам благочиния при игумении Евсевии. В то время в нашем монастыре гостил о. Феофилакт и проживал по разным кельям. Как человеку всеми признанной высокой духовной жизни, юродивому и к тому же старцу, отцу Феофилакту это нарушение монастырского устава дозволялось, вернее, на это смотрели сквозь пальцы, по слову — «праведнику закон не лежит».

Неуверенная, как отнесется к этому благочинный, игумения, боясь, чтобы о. Феофилакт не попался архимандриту где-нибудь в келье, предупредила его, сказав, что у нас гостит юродивый священник. Архимандрит пожелал его

видеть. Меня дали ему в провожатые, так как я была приставлена к нему для услуг в начальнической келье. Когда меня о. архимандрит позвал его провожать, о. Феофилакт находился в келье у одной послушницы, крестьянки села Жаловля, Михайловского уезда. Никому и в голову не могло прийти, чтобы к этой послушнице пожелал зайти архимандрит, а между тем, пока мы собирались в келье игумении идти к ней, отец Феофилакт, лежавший в келье послушницы на полатях, вдруг стал слезать с них и говорить:

— Приберите всё — гости будут!

Спустя немного времени, мы с отцом архимандритом вошли в келью. Встреча была мирная. Отец Феофилакт поцеловался с архимандритом по чину иерейскому; и тут между ними произошел такой разговор:

— Ты — праведник, но священник! — сказал ему архимандрит. — А я — грешный, но архимандрит. Скажи мне, причащаешься ли ты Святых Таин?

Отец Феофилакт отложил свое юродство и смиренно ответил:

— Причащаюсь!

— Где же?

— В селе Осанове, каждый Успенский пост. Там священник — мой духовник!

И действительно, как потом узнали, отец Феофилакт всегда этим постом уходил в село Осаново Михайловского уезда.

Много в тот раз они говорили между собою, но я частью не слыхала о чем, а частью и не упом-

ню. Только, когда мы вышли из той кельи, архимандрит сказал:

— Великий человек сей юродивый!

Когда этот архимандрит приезжал к нам в монастырь, он любил, бывало, чтобы ему у матушки игумении в келье пели наши клиросные певчие, и он всегда давал им за это довольно много денег. В этот его приезд в числе клиросных была и я, приставленная, кроме того, к нему для поручений. Заметив это, оделяя других, он тайно ото всех, чтобы не было другим завидно, сунул мне в руку красную бумажку, которые тогда ходили за десять рублей ассигнациями. Об этом щедром даре я никому не сказала, кроме монахини, с которой жила в одной келье, и та мне подала совет никому об этом ничего не говорить, чтобы не ввести в зависть; и никто об этом ничего не знал.

Проводили мы архимандрита — его вскоре после того перевели в Задонск — и спустя несколько времени мы, послушницы да и некоторые монахини, собрались большой компанией к о. Феофилакту в ту келью, где он на ту пору находился. Пришла и я туда же со своей монахиней, и все стали хвалить доброго архимандрита Илария. О. Феофилакт молчит — ни слова. Тут и я свое словечко вставила:

— Батюшка, — говорю, — а ведь хорош архимандрит? У нас такого не бывало!

А тот на мои слова:

— Что мне, сударыня, — говорит, — его хвалить? Если бы он мне дал красную ассигнацию, я бы его похвалил.

Конечно, другие никто ничего не поняли из слов блаженного старца, но мы-то, переглянувшись с моей монахиней, это хорошо поняли...

Когда нашего благочинного, архимандрита Илария, перевели в Задонск, случилось и мне там быть на богомолье. Когда я собралась ехать обратно в свой монастырь, архимандрит Иларий дал мне отвезти от его имени о. Феофилакту книжку творений Святителя Тихона и сказал:

— Попроси его, чтобы он мне что-нибудь написал!

Когда я вернулась в обитель, отца Феофилакта у нас в монастыре не было, и поэтому я не могла ему скоро передать книгу. В это время к одной из наших монахинь, Феофании, приехали из Скопина родные. Приехали они не столько к ней, сколько к о. Феофилакту, которого легче всего было найти в нашем монастыре; но так как он находился на этот раз не у нас, а в одной деревне, то и Феофания, и ее родные собрались ехать к нему туда. Я была рада оказии переслать ему книгу и, отправляя ее с м. Феофанией, дала с ней и лист белой бумаги, чтобы он написал что-нибудь архимандриту.

Вернулась м. Феофания и привезла письмо от о. Феофилакта. И что же за письмо написал этот старец Божий! Только вера в святость его как Божьего угодника заставляла отнестись к этому письму как к чему-то серьезному, несмотря на всю видимую нелепость его содержания. Написано оно было на целом листе, а начиналось так: «Ваше Высокопреосвященство и Ваше Высокопреподобие! Когда наши российские по-

клонники пойдут к Соловецким чудотворцам, то Вы их примите, учредите» и т. д. — все в том же роде и все о Соловецком монастыре. В конце же этого письма было написано так: «а Надежду Родионовну (так меня прежде звали) сделайте игуменией», — но монастыри назначил не те, в которых мне уже после смерти архимандрита Илария Бог привел быть игуменией. Для меня, малодушной и маловерной, в то время это предсказание казалось даже и смешным, потому что я и в рясофоре тогда еще не была. Отца же Илария тем же годом перевели в Соловецкий монастырь, и он по чину Соловецкой обители служил там с осенением, т. е. почти, как архиерей. Через шесть лет он возвратился обратно в Задонск и письмо о. Феофилакта берег как сокровище.

III

Бывая часто в нашем монастыре, о. Феофилакт у всех сестер обители был желанным гостем. Только в одном при приеме его в качестве гостя выходило маленькое, говоря по-монастырски, «искушение»: когда зазовут его к себе сестры чай пить, то он почему-то иногда чай пил просто, как все пьют, а то с одной, с двумя чашками чаю возьмет да всю сахарницу сахару и скушает; а сахар-то в то время был еще почти что диковиной, да притом и очень дорогой; вот некоторые, глядя на это, и опасались иной раз приглашать его к чаю.

Был он однажды у монахини Аркадии. Она и подумай про себя: чаю бы ты, сколько хочешь, пил, да вот сахару-то больно много кушаешь!..

Был у нее этот помысл до обедни. Пришла она от обедни в свою келью; подали самовар, а отец Феофилакт вдруг встал из-за стола и куда-то скрылся. Потом через несколько минут, глядь, возвращается и приносит целую тарелку комочков, наделанных из снегу; поставил тарелку на стол и стал с этими комочками пить чай. Мать Аркадия, прямо, не знала, куда деться от такого обличения.

Было и со мною нечто подобное: тоже захотелось мне как-то раз позвать его к себе, но боролась так же, как и мать Аркадия, с помыслом насчет сахару, но только вовремя опомнилась и мысленно сказала себе: да что жалеть-то? Если он и на синюю ассигнацию съест сахару, мне не жалко!.. Пошла я за о. Феофилактом звать его к себе. Он, по первому зову пошел в ту же минуту, и как же я была этому рада! Забыла даже и свои помыслы и с великим радушием угощала старца Божия.

Пришел он ко мне на другой день обедать. Сели за стол. Смотрю: мой о. Феофилакт сидит какой-то скучный и кушает мало. Я говорю:

— Батюшка! Что вы такие скучные?

— Да, — говорит, — правда! И Сын Человеческий не имел места, где главы подклонити.

Я на это ему возразила:

— Батюшка! Мы все вам рады.

— Как же, — говорит, — сударыня, не рады? Только, вот, иному, глядишь, в один раз и стану в синюю ассигнацию. Тут я вспомнила, о чем накануне думала.

— Простите, батюшка! — сказала я ему. — Куда ж уйдешь от помыслов?

В этот раз он долго у меня прогостил.

Как-то в это свое посещение, живя у меня, он одну ночь еще с вечера стал скорбеть и петь панихиду, выпевая из нее разные заупокойные стихи. Я встревожилась и говорю ему:

— Батюшка! Иль у меня кто умрет из родных?

— Нет, сударыня! — ответил о. Феофилакт.

Но так как он всю эту ночь и на другой день утром все продолжал петь и читать за упокой, то я несколько раз приставала к нему с тем же вопросом: не умрет ли кто из моих родных? Наконец, он мне ответил:

— А помните, ко мне Матрена Ивановна приставала: «Батюшка, помолись, чтобы моя душа безбедно прошла воздушные мытарства». Вот я об ней-то и молюсь.

Матрена Ивановна была нашей клиросной, претерпела много скорбей и болезней и была очень хорошей жизни. В тот день, когда у нас шел разговор с о. Феофилактом, Матрена Ивановна уже скончалась, и ей шел как раз сороковой день.

Утром на сороковой, стало быть, день по кончине Матрены Ивановны я была у обедни. Прихожу от обедни домой и застаю о. Феофилакта в полной радости. Я спросила:

— А где-то теперь, батюшка, наша Матрена Ивановна?

— Слава Богу, слава Богу, сударыня! — весело ответил блаженный старец. — Сидит на престоле и веселится.

И по сияющему лицу о. Феофилакта было видно, что загробная участь Матрены Ивановны

была ему открыта, оттого-то и радостен так был этот земной ангел.

IV

В монастыре нашем была игуменией матушка Евсевия, а казначеей — Елпидифора. В это время в городе Касимове сменили игумению, а на ее место взяли нашу казначею. У нас многие сестры очень жалели об ее уходе.

Сидит как-то раз о. Феофилакт в келье послушницы Павлины, она и говорит ему:

— Жаль нам, батюшка, казначею, что взяли от нас в игумении: она до нас хороша была.

— Что ее жалеть! — возразил о. Феофилакт. — Пусть как уточка, поплавает там, поест рыбки хорошей годочка три!

Так оно и вышло: через три года наша матушка Евсевия подала на покой, а Елпидифору перевели к нам в игумении. А в Касимове — Ока, на Оке же и подворье Касимовского монастыря, и рыбы хорошей много.

Рассказывают наши монастырские старушки: еще не было в Михайлове монастыря (наш монастырь был тогда в 12 верстах от Рязани, а переведен в Михайлов в 1819 г.), на месте же, где теперь стоит монастырь, была маленькая кладбищенская церковь, которая еще и поныне цела; а на полугоре стояла богадельня, в которой жило несколько бедных девиц и старушек. Отец Феофилакт часто гостил в этой богадельне. Бывало, попросит он клубок шерсти или ниток и начнет мерить место, где быть монастырю и ограде; а на том месте, где теперь собор и самый алтарь, тут

он из камешков сделал подобие престола и говорит:

— На этом месте Лавра будет. О, как хорошо!.. И мощи будут.

При этом он поминал имя Прокопия. Рассказывали это те, которые жили еще в богадельне, а в настоящее время живут у нас в монастыре; слышали это они сами из уст о. Феофилакта.

Не запомню, в каком году, когда уже перевели наш монастырь в г. Михайлов и я была уже в монастыре, тут же жила одна женщина-солдатка с дочерью, молоденькой девочкой. Эта солдатка была бесноватая. Я ее знала лично и очень хорошо помню, и многие из монастырских ее тоже знают и помнят. Она так была мучима бесом, что на нее было страшно смотреть, особенно, когда она желала причаститься Святых Христовых Таин: ее подводило к Св. Чаше несколько человек, потому что ее иначе невозможно было причастить — она вся синела и делалась как бы в исступлении, и в таком страшном виде ее и после Причастия выводили из церкви.

Эту солдатку как-то раз взял о. Феофилакт и вывел за ограду. Там на одной могилке он читал над ней молитвы, и в это время с ней сделался сильнейший припадок беснования. Отец Феофилакт продолжал читать молитвы, и ей стало лучше, а под конец чтения она совсем успокоилась.

— Ты теперь здорова, — сказал ей батюшка, — но не я тебя исцелил, а исцелил тебя Угодник Божий Прокопий, которого тут мощи.

Исцеление это совершилось на глазах многих монастырских. После этого женщина та ста-

ла совсем здорова и, когда говела, то спокойно, как и все, подходила к Св. Таинам. До самой своей смерти, хотя после своего исцеления она и долго жила, солдатка эта не подвергалась более припадкам беснования.

Нередко говаривал о. Феофилакт:

— Повезут мощи Николая Чудотворца мимо вашей обители, а вы не примете — скажете: не надобно нам, не надобно нам!

Незадолго до своей кончины — за год или даже и того менее — он, проживая в то время за 30 верст от нас и уже болея, несколько раз присылал проситься пожить у нас в монастыре, потому-де, что он скоро умрет. Посылал он с этой просьбой к монахине Павле, и та несколько раз ходила к игумении просить о том, чтобы она исполнила желание о. Феофилакта; но наше духовенство было против этого, и потому игумения никак не соглашалась принять блаженного старца.

— Не надобно нам его, не надобно! — говорила игумения.

Поэтому мы теперь и думаем, что под словами «Николай Чудотворец» о. Феофилакт подразумевать давал благодать Божию, на нем почивавшую, тем более, что когда он скончался, матушка игумения посылала казначею и монахиню Веру просить его тело, но его не дали.

Отец Феофилакт был болен несколько месяцев и жил в селе Земино, Михайловского уезда, у одной благочестивой дворянки. Эта дворянка очень боялась, чтобы он не умер без напутствования. Сколько раз упрашивала она причаститься и особороваться, но он отвечал на ее просьбу:

— Не вашей я, сударыня, веры!

Но, зная его много лет, она все продолжала ему об этом напоминать. Когда же наступил день его кончины — 30 августа 1841 года — он сказал хозяйке дома, где жил:

— Ну, теперь, Арина Павловна, посылайте за священником!

Поисповедался старец Божий, причастился, особоровался и в тот же день скончался без всяких предсмертных страданий, заставив до последнего своего вздоха пришедшую к нему дьячиху кропить его святой водой.

В селе, где скончался о. Феофилакт, было два помещика: один — Николай Николаевич Желтухин, другой — Хлуденев. Желтухин прежде не любил почему-то о. Феофилакта, а Хлуденев, напротив, очень его любил и верил в его святость. После его смерти они оба пошли поклониться его телу, и тот, и другой выразили желание похоронить его на свой счет. Вышло так, что Хлуденев, несмотря на свою любовь и веру к старцу, уступил Желтухину, и Желтухин справил на свой счет все похороны: сделал обед священникам и накормил многих бедных. До могилы гроб несли на своих руках оба помещика. Торжественны были похороны!..

Когда же, спустя некоторое время, стали разбирать кое-какие бумаги, оставшиеся после покойника, то в них нашли что-то вроде духовного завещания, в котором он просил именно Желтухина его похоронить и помянуть.

Похоронен о. Феофилакт в селе Земине Михайловского уезда Рязанской губернии, близ

церкви, против алтаря, и над могилой его поставлен памятник-камень с надписью. Многие до сего дня приходят на его могилу, служат панихиды, берут с могилы землю и по вере своей получают исцеление.

Я хорошо помню жизнь этого Божьего угодника: она почти вся проходила на глазах нашего монастыря. Подолгу гащивая у нас, он, конечно, не мог совершенно утаить от нас, монастырских, подвига своей богоугодной жизни. Молитва его была непрестанная: днем и ночью, лежа и сидя, он пел псалмы духовные, часто певал на голос из Евангелия притчу о блудном сыне: а голос у него был очень хороший. Глубокой ночью он всегда, бывало, становился на молитву и так всю ночь и простоит на молитве; а днем опять юродствует. Пища его была самая умеренная, нестяжательность безмерная. Приходили к нему многие мирские, нанесут ему и денег, и пищи всякой, и платочков, и полотенец — чего только ни нанесут; но он ничего из принесенного себе не возьмет, а все оставит в той келье, в которой его застанут подарки. У меня доселе хранятся его полотенце и трость — едва ли не единственное его достояние.

Бывая иногда на городском базаре, случалось, он и побьет кого-нибудь из встреченных им на пути. За это его несколько раз сажали в острог, и он сидит, бывало, там с видимым удовольствием и поет священные стихи, которых он знал великое множество. Подержат, подержат его в остроге и выпустят. В последние же годы жизни его уже в острог не сажали, и он пользовался большим уважением.

Наружности о. Феофилакт был весьма благообразной: росту высокого, лицо белое, правильные черты лица, лоб большой, открытый...

Иногда к своей небольшой косе он привязывал свернутый пучком лошадиный хвост, и мы спрашивали его:

— Для чего это вы, батюшка, привязываете такое безобразие? А он на это, бывало, скажет:

— Да будто пригожее, сударыня, так!

Разговор его о духовном был горячий; слово пламенное, назидательное; и любимой его беседой было о том, что Царство Божие достается только трудом. О духовном он любил говорить наедине, с глазу на глаз с собеседником, и тогда не юродствовал, а говорил с великой убедительностью и силой. Каждому, кто хотел его слушать, он толковал Св. Писание и — всегда правильно. Любимым же его занятием было чтение книг духовных.

Таков был этот Божий угодник, таким я его застала и помню.

V

Были у нас в монастыре тульские две сестры, по фамилии — Духонины. Одна сестра была у нас казначеей и теперь скончалась, а другая — монахиня Рафаила, и теперь жива[1]. Вот, что рассказывала мне об о. Феофилакте монахиня Рафаила:

---

[1] Какие годы разуметь надо под словом «теперь», рукопись, разобранная нами, ответа не дает. Надо думать, судя по ветхости тетрадки и по тому, что автор воспоминаний описывает жизнь о. Феофилакта уже после его смерти, последовавшей в 1841 году, слово «теперь» должно обозначать или конец сороковых, или пятидесятые годы прошлого столетия. — *Прим. С. А. Нилуса.*

«Однажды он пришел к нам в келью и говорит:

— А я был в Туле!

Мать казначея, сестра Рафаилы, и спрашивает его:

— Что же вы к нашему батюшке не зашли?

— Куда тут, сударыня, к ним? — ответил о. Феофилакт. — Его и самого-то в дом не пускают — там стоят солдаты с рочагами, с баграми!

— Что вы такое, батюшка, говорите? — возразила казначея. — Какие солдаты?

— Да, сударыня, — продолжал говорить свое о. Феофилакт, — а дом-то их каменный, взглянешь — так шапка свалится!»

«Мы с сестрой, — сказывала мать Рафаила, — ровно ничего не поняли из этих странных слов батюшки, тем более, что у родителя нашего в Туле дом был деревянный, а не каменный. Что же вышло? Ровно через год после этого наш тульский дом сгорел до основания, а после этого пожара родители наши действительно выстроили себе дом большой, каменный».

О. Феофилакта очень любили мужички и выстроили ему келью в селе Новопанском Михайловского уезда. Да и в других местах по крестьянам у него были поделаны такие же кельи усердием его простых сердцем почитателей. Из этих келий он после своей смерти две завещал в наш монастырь, которому они и отданы. Когда он живал в своих кельях, то налагал на себя большие труды: постился по целым дням, ничего не вкушая; часто с самого утра уходил в болото и до поздней ночи собирал в воде тростник; а в келью свою возвращался холодный, голодный, весь мокрый... Великий был труженик!..

В нашем монастыре, в церкви, на левой стороне, находится его чудотворная икона Божией Матери «Взыскание погибших». Она была написана одним живописцем по его желанию и указанию. Написана она так: в верху иконы — образ Богоматери, поддерживаемый двумя Ангелами, а внизу ее — лики многих Святых. Когда икона была написана, о. Феофилакт зашил ее в холстину, а сверху обшил двумя набойками и еще холстиной. Во всей этой тройной обшивке он прорезал отверстия для ликов и так и поставил ее в своей келье. Его все и спрашивают:

— На что же это вы, батюшка, зашили икону-то холстиной?

— Да, это, сударыни, на ней три ризы! — ответил старец Божий. Так и стояла она у него в Новопанской келье зашитой.

Еще при жизни о. Феофилакта наш михайловский купец Иван Иванович Ложников был как-то в Лебедяни на ярмарке и там разговорился о батюшке с тульским купцом Киселевым. В разговоре этом он и скажи Киселеву, что о. Феофилакт многих исцеляет своими молитвами, а у Киселева жена больна была семь лет кровотечением. Запало это слово Киселеву в сердце и, возвратясь домой, он послал свою жену, Агриппину Егоровну, к о. Феофилакту. На ту пору он имел пребывание в своей келье в селе Новопанском. Как только Киселева пошла к нему в келью, о. Феофилакт поднялся к ней навстречу и только сказал:

— Помолитесь, сударыня, Царице Небесной и исцелеете!

Сказал эти слова, вышел вон из кельи и куда-то скрылся. Очень оскорбилась таким приемом Киселева, особенно же тем, что он в келью свою не вернулся, но потом одумалась, стала молиться пред иконой и тут же почувствовала себя исцелевшей. В благодарность Божией Матери за исцеление, Киселева сделала на икону киот и очень хорошую ризу накладного серебра. Только самому о. Феофилакту не пришлось этой ризы видеть: ее привезли уже после его кончины.

В наш монастырь икону эту взяли по сонному видению одной благочестивой девицы, в котором сам о. Феофилакт, явившись ей, приказал это сделать, сказав, что от этой иконы будут совершаться исцеления. И точно: чудотворений от нее исчислить невозможно, у меня много писем из дальних и ближних мест от разных лиц, свидетельствующих о чудесах, дарованных через эту икону Богоматерью.

После дара Киселевой на чудотворную икону была сделана вторая риза, серебряная, вызолоченная; а недавно на изображение Самой Заступницы рода христианского пожертвовали ризу жемчужную. Тогда вспомнили три холстины о. Феофилакта и слова его о трех ризах, которые будут украшать святую икону. Еще их и не было, а святой прозорливец уже видел их сияющими богатством и красотою сквозь убогое рубище домотканой холстины. Дивный старец!..

VI

В нашем Покровском монастыре живет одна девица, дочь священника. Эта девица мне об о. Феофилакте передавала следующее:

Тульской губернии, Епифанского уезда, села Хитровщины, священник Феофилакт Авдеев внезапно оставил свое священническое место, жену и маленькую дочь и сделался странником. Приняв на себя такой подвиг не иначе как по особому Божьему изволению, он не имел, где главы подклонити, преследуемый всюду злоречием и насмешками міра, пониманию которого никогда не был доступен этот род христианского православного подвижничества. К одному только священнику Тульской епархии, села Соколовки, Алексею Ивановичу Преображенскому отец Феофилакт имел невозбранный вход и даже, за его отлучкой из прихода, исправлял за него требы: исповедовал, причащал больных, крестил младенцев, отпевал покойников, служил молебны; и все эти требы он совершал всегда без всякого упущения, не дозволяя себе пропускать ни одного слова.

Когда о. Преображенский еще был учеником 3-го класса духовного училища в Коломне, Феофилакт Авдеев был там учителем. С тех пор они не видались друг с другом до того времени, когда, уже будучи священником в с. Соколовке, о. Преображенский увидал, что мимо его дома ведут на господский двор какого-то связанного человека. Заинтересовавшись этим человеком, о. Преображенский подошел к нему поближе и сразу узнал в нем своего бывшего учителя. Сейчас же он приказал развязать его и повел к себе в дом. Все это видела из окна жена о. Преображенского и подумала про себя: вот, ведут к нам какого-то безумного — он только детей перепугает... Когда о. Фе-

офилакт вошел в дом, то первое его слово было к жене о. Преображенского:

— Матушка! — сказал он ей смеясь. — Запритесь с детками в спальню, а я их не перепугаю!

С этих слов о. Феофилакта матушка почувствовала, что в его лице она встретила гостя не из обыкновенных, и стала относиться к нему с величайшим уважением.

Как-то раз, когда о. Феофилакт находился в гостях у Преображенских, зашла сильная гроза. Он в это время лежал на полатях. Его просили встать и помолиться, но он не встал, а сказал:

— Какая благодать! Эта благодать свет Божий освящает!

В другой же раз было не так. Был о. Феофилакт на огороде и что-то там копался в грядках. Вдруг, бежит он с огорода скоро-скоро и кричит:

— Ух, страх какой! Идет туча!

И стал молиться. Все вышли посмотреть, но тучи никакой не было. Прошло несколько времени, зашла туча страшная, и хотя скоро прошла, но успела разразиться тремя страшными ударами; в трех ближайших деревнях от этих ударов был пожар. Отец Феофилакт все время молился, пока не прошла туча.

Был у о. Преображенского сын лет двенадцати, он учился в школе, а жил у своей тетки Евдокии Филипповны. На масленице во вторник послали за ним лошадь, пришла и середа, а сына все нет. Вот и спрашивают о. Феофилакта:

— Батюшка! что же это наш сын долго замешкался?

— До четверга, — отвечает он, — лошадку и кучера ваша сестрица, Евдокия Филипповна, покормит, а племянник ваш с семейством пробирается к своему брату; да куда ехать в такую погоду-то? Здесь масленицу попразднует... А сынка вашего, Ивана Алексеевича, укусила черная собака очень больно...»

При этом слове отец Феофилакт вздохнул.

— Батюшка, — говорят ему, — что вы такое говорите? Какая собака?

— Да, Иван Алексеевич женится, — отвечает он, — а Дарья Ивановна смотрит, как печка топится... Ух! Как жарко!

Что же вышло? В этот же день вечером к о. Преображенскому приехал племянник с семейством: по дороге к своему брату заехал навестить дядю; ночь заночевал, а наутро поднялась метель: «Куда было ехать в такую погоду!» — и они остались на всю масленицу. Сын, за которым была послана лошадь, приехал в четверг благополучно: его задержала тетка, Евдокия Филипповна. Слова же о. Феофилакта — о черной собаке, о Дарье Ивановне и о печке сбылись в свое время дивным образом: сын о. Преображенского, Иван Алексеевич, которого тогда ждали на масленице, достигши 17-тилетнего возраста, внезапно сделался болен чем-то вроде умопомешательства; потом это болезненное состояние у него прошло, и его определили на службу в Тульское губернское казначейство. Когда же Ивана Алексеевича родные собрались женить, то на свадьбу приехала и родственница Преображенских, Дарья Ивановна. Все это происходило в Туле. Собрались уже

все ехать в церковь к венцу, а пришлось вместо венца спешно бежать из Тулы, которая внезапно загорелась. Пожар разгорелся с невероятной быстротой; пламя бушевало, как море; разрушались церкви Божии, каменные здания; на реке мосты горели: так сбылось предсказание о. Феофилакта. В ужасном положении вместе с прочими очутилась тут и Дарья Ивановна, едва перенесшая зрелище этого страшного пожара.

Дочери Преображенских о. Феофилакт предсказывал, что она останется в девицах и что ее нужно отдать в монастырь «на Черную Гору», т. е. в Михайлов. Родители не соглашались ее отдать в этот монастырь и говорили:

— Если уж хочет идти в монастырь, то пусть идет в ближайший Тульский.

А о. Феофилакт на это, бывало, скажет:

— Тульский монастырь на паутинке висит: там с голоду все поколели; а в Михайловском монастыре наша барышня будет своими пяльчиками довольна.

По времени дочь Преображенских поступила в Тульский монастырь, жила там 8 лет и сказывала с ней жившим, что не сбылось на ней предсказание о. Феофилакта. Но, после его смерти, ей все-таки пришлось переселиться в Михайловский монастырь и жить своими трудами.

К отцу Преображенскому хаживал еще один юродивый, известный под именем «босого Миронушки». Сидели как-то за обедом — семья Преображенских, о. Феофилакт и Миронушка. К ним за трапезу вошел неожиданно неизвестный немой и стал всех благословлять иерейским

благословением. Отец Феофилакт очень обрадовался этому немому, встал из-за стола, поцеловался с ним за руку и сказал:

— Христос посреде нас!

И еще сказал ему тихо, но так, что можно было расслышать:

— Не всем же быть в одном доме!

После этих слов, как ни оставляли Преображенские немого обедать, он не остался и ушел. По уходе его спросили о. Феофилакта:

— Кто такой немой этот?

И о. Феофилакт, и Миронушка в один голос ответили:

— Священник, отец Афанасий.

Немым он стал, по словам о. Феофилакта, оттого, что ему язык отрезали разбойники.

К этому же о. Преображенскому о. Феофилакт пришел на престольный праздник. У хозяина были гости, и между ними был и о. благочинный, священник села Люторец. Вскоре пришел и дьячок из села Собакина Рязанской губернии, подошел он к о. благочинному и к хозяину под благословение, а затем и к о. Феофилакту. Этот благословлять его не стал и сказал ему:

— Ты тридцать дымящих духов с собой привел! Дьячок на это ответил грубо:

— Иной учился, учился, да и заучился!

О. Феофилакт схватил его за волосы и потащил вон, приговаривая:

— Не ходи с этим, солдат, в благословенный дом!

И точно: вскоре этот дьячок за порочное поведение был отдан в солдаты.

Поехал раз о. Преображенский в Тулу за св. міром. В его отсутствие приехали за священником звать к больному за 7 верст. Матушка о. Преображенского и просит о. Феофилакта съездить причастить больного.

— Они там не помрут, — ответил батюшка, — сам отец Алексей (Преображенский) от Шилова поспешает на своих золотых крылышках. Взял міро, а храмозданную привезет мастер.

И часу не прошло, приехал о. Преображенский и привез св. міро. Оказалось, что он ночевал в деревне Шилове, откуда и торопился приехать домой, боясь за требы. Передали ему слова о. Феофилакта; он удивился и сказал:

— Я действительно подал владыке прошение разрешить перекрыть церковь и расписать ее внутри заново.

А за о. Преображенским в тот же день приехал живописец, взял подряд на работы в храме и вызвался сам привезти и указ на ремонт храма.

В приходе о. Преображенского у помещичьего приказчика сын служил чем-то у полкового генерала и нажил деньги. Как-то раз сидит у Преображенского о. Феофилакт и вдруг как засмеется, да и говорит:

— Вот ведь, как распестрились! Все судьбы Божии за один пирожок хотят узнать!

Сказал и лег на полати. Через час приехала женщина в ярко-пестром ситцевом капоте, привезла пирожок от приказчицы и подает его с почтением о. Феофилакту. Он не взял и сказал со вздохом:

— Не такие столбы и те падают: то катаются на тройках, то ползком ползают!

Впоследствии сын приказчика приехал к родным на побывку и отморозил себе ноги; одно время ползал на четвереньках, а потом стал кое-как ходить на костылях и так и остался навек калекой.

Одно время стали вызывать священников ехать по желанию служить на Кавказ. Вот и говорит раз матушка Преображенская своим детям:

— Поговорить надо отцу: требуются священники на Кавказ; там, говорят, очень хорошо, и прогоны дадут казенные.

Приходит отец Феофилакт рассерженный, не в духе; ничего не пропел, как всегда, по своему обычаю, певал при входе; ни многолетия не возгласил, что тоже делывал обыкновенно. На нем ряска в то время была ватная, подрясник овчинный, ситцевая рубашка на подкладке, и к подолу рубашки была еще пришита толстая холстина; сапоги старые. Хозяева не знали, чем ему и угодить, спрашивают:

— Не угодно ли вам, батюшка, покушать?

— Куда тут кушать! — отвечает он с сердцем. — Жара какая! Бежал, бежал: сказали близко, а верст двенадцать будет от Новопанска (село Новопанское Михайловского уезда от Преображенских в 45 верстах).

— Батюшка! Что ж вы так спешили?

— Как же? На Кавказ идут!

Хозяева спрашивают:

— Кто ж это идет, батюшка?

— Да, Аграфена Филипповна (жена о. Преображенского). Вас там наставят, дураков, да в пушки и ударят!

— Кто ж вам, батюшка, сказывал?

— Кто? Петербургский купец приезжал в Михайлов пачпорт брать — он и сказывал!

Конечно, ни с каким Петербургским купцом и речи об этом не было, как не было и самого купца.

— Да мы, батюшка, и не пойдем! Он засмеялся и сказал:

— Пожалуйте, матушка, покушать; ведь вы обещались!

Разулся. Ноги все в кровь стерты, переменил рубашку и отдал хозяйке.

— Вот тебе, родимая сестрица, Феодосья Авдеевна! Он ее так часто называл.

— Береги, чтобы рубашка лежала в покое!

Рубашка эта и до сего дня лежит в сундуке и оставлена в наследство меньшей дочери священника о. Алексея Преображенского.

Так, бывало, поживет о. Феофилакт у этого священника сколько угодно — иногда недели три, а там и уйдет, не сказавшись.

В последний раз он приехал к Преображенским на лошади с Новопанским мужичком. Было это Великим Постом. Ночевал одну ночь; утром, напившись чаю, позавтракал и приказал заложить лошадь. Напомнил про рубашку и опять наказал, чтобы была в покое. Упрашивал его, чтобы он еще остался ночевать, но он не остался. Благословил дом, благословил семейство Преображенских и, прощаясь, сказал:

— Мир дому сему!

С тех пор его уже в этом доме не видали: тем же годом он и скончался...

Сказывал еще протоиерей г. Епифани, о. Иоанн Гумилевский, родственник о. Преображенского:

— Пришел однажды ко мне о. Феофилакт и запел: со святыми упокой! — Я, признаться, на себя подумал, что это он мне смерть пророчит. А он, пропевши, в ответ на мои мысли сказал:

— И чего тебе только в голову не придет? Ведь ты не маленький! После этого у протоиерея скончался сын, ребенок лет восьми. Тот же протоиерей рассказывал:

— Приходил о. Феофилакт просить на свою жену, чтобы не позволять ей отдать его дочь за солдата, а сам заплакал. Я вызвал жену его, но запретить не мог: она выдала дочь в село Петровское замуж за господского человека. У нее уже было пятеро детей; господин прогневался за что-то на ее мужа и отдал в солдаты, а она умерла с горя.

«...Сам заплакал»! Проникаешь ли ты, дорогой мой читатель, чутким твоим сердцем в тайный смысл, в глубину значения этих слез великого праведника? Разумеешь ли ты все величие отречения от семейных уз, от любви родительской этого великого сердца, добровольно отказавшегося от всей их сладости, чтобы одиноким, гонимым, осуждаемым идти во след своему Господу?.. Прошли года, за лютые скорби, за смирение чистого сердца, за веру, неведавшую сомнения, благодатию Христовой отверзлись духовные очи праведника, сообщились одинокому сердцу дары благодатных утешений, перед которыми, как свидетельствуют люди духовного опыта, вся красная мира не что иное, как смрад и тление, — а ветхий человек всё еще был жив, и жгучая слеза родительской любви и страха за участь любимого ребенка, как растопленное олово, жгло огнем паля-

щим сердечной муки... Какова сила самоотречения! Каков подвиг! Какова любовь к Богу!..

«Праведницы во веки живут, и в Господе мзда их».

Таково сказание, которое мною было найдено в старых рукописях Скита Оптиной Пустыни. Писано оно, видимо, женской рукою.

В той же рукописи записан был еще один глубоко знаменательный случай прозорливости блаженного старца. Хотя он касался, по-видимому, только одного частного лица, но, по моему мнению, значение его гораздо обширнее, и таинственный смысл его имеет характер не только прозорливости, но даже пророчества... Чтобы он глубже запечатлелся в памяти моего боголюбивого читателя, помещаю его особо в конце моей статьи о великом прозорливце.

Как-то раз, в один из приходов в дом Преображенских матушка-попадья спросила у него:

— Батюшка! В городе говорят, что в 1836 году будет свету конец — правда ли это?

— И, сударыня, — ответил он, — не верьте — они врут! А вот в 55-м году начнется эпоха, а в 56-м будет и свету кончина!

По слову старца так и совершилось: матушка Преображенская заболела в 1855 году опухолью ног, а в 1856 году от жизни временной перешла в жизнь вечную. Но в этом предсказании, как я думаю, заключен и другой смысл: им предвозвещалось иное, неизмеримо важнейшее событие...

17 октября 1908 года

ПИСЬМО К ИЕРОДИАКОНУ КИРИЛЛУ (ЗЛЕНКО)

От 17 Ноября 1916

Валдай

Дорогой мой Отец Кирилл!

Человек предполагает, а Бог располагает: до сих пор никуда из Валдая не уехал, хотя предстояло ехать неоткладно, казалось, в два места. Поторопился Вас об этом предуведомить и оказался... в дураках. Простите моей немощи.

Не помню, писал ли я Вам, что один епископ высокой духовной жизни, в ответ на посылку ему моей книги «На берегу Божьей реки», прислал мне письмо и в нем написал мне, между прочим, следующие чрезвычайной для меня важности слова (думается, важные и не для одного меня): «...от истинно-верующих чад Божиих смысл настоящих событий не сокрыт. Даже более того. На ком почиет благоволение Божие, им будет открыто и время пришествия антихриста, и кончина міра *точно...*»

Я и сам так всегда думал, основываясь на слове Господнем, что только день и час — оста-

нутся до конца неизвестны. Но кто я? А это — епископ.

И вот, мой милый, в то время, когда уже печатается моя книга «Близ есть, при дверех», одна раба Божия, никакого касательства к моим исследованиям не имеющая, о судьбах міра никогда не задумывавшаяся, но сердцем благоговейно и просто верующая, в ночь с 24-го на 25-е Октября под утро, увидела такой сон (пишу ее словами): «Дорогая мама, — так пишет она своей матери, — с понедельника на вторник (24 и 25 Октября) видела странный и страшный сон. Находилась я в незнакомой местности, и около меня были люди, но точно на улице прохожие, незнакомые. И вот смотрю я на небо: будто не ночь, но и не очень светло; и вижу в чистом небе большую луну. И пока я гляжу, эта луна начинает превращаться, и из нее делаются огромные часы, — циферблат черный, а цифры белые. Стрелки показывают *3 часа 17 минут. Я чувствую, что это конец міра начинается,* и охватывает меня тревога. А кругом меня точно никому и дела нет. Затем стали будто набегать тучки, и на одну из тучек под часами, вдруг прилетела и села большая ворона. Все это мне показалось так страшно, что я проснулась и отчетливо помню, как на часах было *3 часа 17 минут...*»

Спрашивает толкования, ибо сном весьма обезпокоена.

Мне сон этот как-то сразу вошел в сердце и показался вещим. Не удовлетворяясь, однако, своим толкованием, я, не объясняя ей, описал этот сон такому же, как и Вы, другу моему и еди-

номысленнику, протоиерею-академику, вдовствующему 14 лет, тайно подвизающемуся в молитве Иисусовой, человеку глубокой и живой веры. И вот каков был его ответ: «Луна положена Творцом во времена, а обратившаяся в часы тем более означает время — время последнее («конец міра начинается»). Но на что тут обратить внимание: на 3 ч. 17 мин., или на остающиеся (до *полунощи)* 8 часов 43 минуты? Часы, очевидно, означают годы, а минуты — недели. Три часа прошедших и 17 минут не могут означать времени кончины міра, ибо прошли, а 8 ч. 43 мин. (8 годов и 43 недели) похоже на дело — 1925-й год![1] Ворона *или ворон* считается у нас вещей птицей, и появление ее под часами усиливает вещее значение. До Пришествия Жениха, Грядущего в полунощи, остается, по этому сну, 8 лет и 43 недели... Так или иначе, а все-таки дни наши и всего міра сочтены и взвешены у Бога...»

Теперь слушайте далее. Помните круг из 7 огурцов, показанный мне великой блаженной Дивеевской? Он мне показан был 30 Июня 1915-го года. Я тогда понял, что завершен круг седмеричного счисления (нынешнего века) и что остается 7 лет — но до чего? до конца ли міра, или до антихриста? До этого сновидения (заметьте: дошедшего до меня, хотя не мне описанного) я определить этого не мог. Ныне же ясно, что до антихриста, ибо 7 лет от половины 1915-го года будет половина 1922-го года и 3 $^{1}/_{2}$ года его царствования — половина 1925-го года и конец его, то есть

[1] От 26 октября 1916 года 8 лет и 43 недели придутся около 14 сентября 1925 г. — *Примечание С. А. Нилуса.*

как раз почти полное совпадение со сновидением, выше мною описанным.

Как хотите, а это наводит на размышление и вполне соответствует великопостному пророчению. А день и час остаются и до конца останутся неизвестными. Что скажете Вы на все это, дорогой друг мой?

Поздравляю с наступающим Праздником всей Обители. Как грустно нам быть так далеко от нее в такие дни!

Буду с нетерпением и любовию ждать от Вас весточки. Земной поклон старцам живым и почившим.

Душой Ваш

С. Нилус.

Жена Вас сердечно приветствует. Что нового в Скиту и Пустыни? Собирается к Вам один истинный раб и служитель Бога Вышняго, иерей Свято-Троицкого женского монастыря Подольской епархии (местечко Сатанов), о. Иоанн Лукианович Васильев. Я его направил к Вам. Примите его, как брата.

ПИСЬМО
К ИЕРОДИАКОНУ ЗОСИМЕ

От 6 Августа 1917

День Преображения Господня

Дорогой о Господе о. Зосима!

Письмо Ваше получил и благодарю от души за любовь Вашу и молитвы. Не могу отказать Вам в удовлетворении просьбы Вашей осведомить Вас по важнейшему в наши дни вопросу об антихристе и о лукавстве переживаемого нами истинно последнего времени. Так как, судя по Вашему письму, от писаний моих книг пользуетесь не Вы только один, но и весьма многие, ищущие разуметь значение и смысл переживаемых событий, то, прежде всего, считаю долгом совести перед Богом, Коему служу, как умею, и пред Православными Христианами, которым от всего сердца желаю в разум истины придти, объяснить Вам самое важное в моей проповеди устной, письменной и печатной — *«кто мя на оную постави»*.

Вопрос этот потому важен, что от его разрешения зависит определенно законность моей проповеди и ее духа, от Бога ли она, или от духа льсти? Как Вам известно, вся полнота благодати Св. Духа находится в обладании епископов Православной Церкви, или передается тем, кого они признают достойными. С тех пор, как я передал себя и дар свой на служение Богу и Его Христовой Церкви, я ни одной строки, особливо об антихристе, не передавал печати без благословения епископского в лице Архиепископа Никона... Но мало того, когда вышла из печати книга моя «На берегу Божьей реки», то великий праведник и подвижник истинно монашеского духа Епископ Феофан Полтавский писал по поводу ее следующее: «Я с великим интересом читаю все Ваши книги и вполне разделяю Ваши взгляды на события последнего времени. Люди века сего живут верою в прогресс и убаюкивают себя несбыточными мечтами, упорно и с каким-то ожесточением гонят они от себя самую мысль о кончине міра и о пришествии антихриста. Их очи духовно ослеплены. Они видя не видят и слыша не разумеют. Но от истинных чад Божиих смысл настоящих событий не скрыт. Даже более того, на ком почиет благоволение Божие, им будет открыто и время пришествия антихриста, и кончина міра точно. Когда Господь изречет Свой грозный Суд над грешным міром: «не имать пребывать Дух Мой на человецех сих, зане суть плоть», тогда Он скажет верным рабам Своим: *Изыдите от среды их и отлучитесь, и нечистоте не прикасайтесь, и Аз приму вы* (2 Кор. 6, 17).

И сокроет их от взоров міра, воздыхающего в страхе о грядущих великих временах и событиях. Господь да поможет Вам глаголати о сем в слух міра всего благовременно и безвременно со всяким долготерпением и назиданием (2 Тим. 4, 2). Ваш искренний почитатель и богомолец Епископ Феофан. 1915 г. Ноября 24-го».

Из подчеркнутых слов сего письма Вы усмотрите, коею властию и по чьему полномочию я творю дело моей проповеди. Пишу Вам о сем не для Вас, а для сомневающихся. По выходе в свет моей книги «Близ есть, при дверех» также Богомудрый и Богопросвещенный Владыко по поводу ее писал мне следующее: «Достоуважаемый Сергей Александрович, да не будет у Вас никакого сомнения, что антихрист действительно уже существует и ожидает только времени для явления міру. Он находится недалеко от пределов России. Больше ничего не могу сказать, равно и того, как я знаю это». Письмо это было 20 Февраля сего 1917 года. 20 апреля я, по милости Божией, переселился в пределы епархии Владыки Феофана Полтавского. Перед переселением сюда мне недели две пришлось провести в Киеве *в общине* с людьми высокой духовной настроенности, и там в Киеве игумения предоставила мне возможность видеть старицу Ржищева монастыря (ниже Киева по Днепру) и при ней послушницу 14-тилетнюю девочку Ольгу Зосимову Бойко. Эта малограмотная деревенская девочка 21 февраля сего года во вторник *Второй недели Великого Поста* впала в состояние глубокого сна, продолжавшегося с небольшими перерывами до самой *Великой*

Субботы, всего ровно сорок дней. Во время этого сна при пробуждениях, последние же две недели и во сне девочка эта питалась только одними Св. Христовыми Тайнами. В *Великую Субботу* Ольга проснулась окончательно, встала, умылась, оделась, помолилилась Богу, пошла на свое клиросное послушание и отстояла всю Пасхальную службу, не садясь, несмотря на уговоры. Во время своего этого сна Ольга имела видение жизни загробной и сказывала сонная и когда просыпалась, что видела, а за ней записывали. В Киеве с ее слов и слов ее старицы записал я, о чем главное повествую теперь и Вам.

Во вторник второй недели Великого Поста, в 5 часов утра Ольга пришла в моленную (псалтырню) и, положив три земных поклона, обратилась к сестре, которую она должна была сменить, и сказала: «Прошу прощения и благословите, матушка, я буду умирать...» Сестра ответила ей: «Бог благословит... час добрый. Счастлива бы ты была, если бы в эти годы умерла». После этого Ольга легла спать на кровати в псалтырне и заснула. В шесть часов сестра стала будить Ольгу, потом будили другие сестры и не могли добудиться, через несколько времени дыхание у нее прекратилось, и лицо приняло мертвенный вид. Спустя после того 2 часа она проговорила во сне: «Господи, как я уснула!» И начала снова дышать, В сонном состоянии много говорила вслух в присутствии сестер. Так продолжалось трое суток, после чего она проснулась, проснувшись, рассказала следующее: «За неделю до этого я видела во сне Ангела, который сказал мне, что через

неделю во вторник я пошла бы в псалтырню, чтобы там умирать, но этого сна мне не велено было говорить. Когда во вторник я шла в псалтырню, то увидела как бы пса, бежавшего на двух лапах, и в испуге бросилась в псалтырню, там в углу, где иконы, я увидела Св. Архистратига Михаила, в стороне смерть с косою; я испугалась, перекрестилась, а потом легла на кровать, думая уже умереть. Смерть подошла ко мне, и я лишилась чувств». Затем пришел Св. Ангел, который и стал ее водить по разным светлым и темным местам.

Всех видений Ольги я Вам описывать не буду, ибо они во многом очень похожи на все видения подобного рода. Опишу Вам только важнейшие и имеющие касательство к нашему времени... «И увидела я, — сказала Ольга, — за большим рвом много людей, скованных цепями. Я спросила, что это за люди. «Это те люди, — был мне ответ, — которые примут печать антихриста...» Затем дошла до темного места и остановилась. Тут я увидела замечательно красивого молодого человека лет 28-ми в красном одеянии. Он быстро побежал мимо нас, и когда я взглянула ему вслед, то он показался мне уже не человеком, а диаволом. Я спросила Ангела: «Кто это?», и Ангел ответил, что это и есть самый антихрист, который будет мучить последователей Христовых за св. веру, за Церковь, за Имя Божие. Затем я увидела необыкновенный свет, и в свете том стоял большой хрустальный стол, но стола этого не было видно из-за множества лежащих на нем фруктов. За столом сидели в разноцветных блестящих одеждах

св. апостолы, пророки, мученики и все святые, а в стороне над ними в небесной высоте в ослепительном свете на неописуемом дивном Престоле сидел *Спаситель*, а возле Него по правую руку наш Государь, окруженный ангелами. Государь был в полном царском одеянии, светлой белой порфире, короне, со скипетром в руке... И я слышала, как беседовали между собой мученики, радуясь, что наступает последнее время и что число их умножится. Говорили они, что мучить будут за Имя Христово и за неприятие печати и что церкви и монастыри скоро будут уничтожены, а живущие в монастырях будут изгнаны, что мучить будут не только духовенство и монашество, но и всех, кто не захочет принять печати и будут стоять за Имя Христово, за веру, за Церковь... Слышала я, как они говорили, что Царя уже не будет и земное время приближается к концу, слышала я, но не очень ясно, что если Господь не прибавит сроку, то конец всему земному будет в 22-м году. Затем слышала, что при антихристе Св. Лавра Киевская подымется в воздух, все святые угодники уйдут своими телами на небо и все, живущие на земле, избранные Богом, будут восхищены на воздух, то есть на небо...»

1-го марта в среду вечером Ольга проснулась и, проснувшись, сказала:

«Вы услышите, что будет на 12-й день ее сна». В самый этот день в Ржищеве по телефону из Киева узнали об отречении Государя от Престола. Когда вечером в этот день Ольга проснулась, старица обратилась к ней и в волнении рассказала. Ольга ответила: «Вы только теперь узнали, а

у нас там давно об этом говорили, давно слышно. Царь там давно сидит с Небесным Царем». Старица спросила: «Какая же тому причина?» Ольга ответила: «То же, что было и Небесному Царю, когда Его изгнали, поносили и распяли. Наш Царь, — сказала она, — мученик». «Что же теперь еще будет?» — спросила старица. Ольга вздрогнула и ответила: «Молитесь, молитесь, последнее время». «Кто же теперь будет после Царя?» — спросили Ольгу. «Царя уже не будет, — ответила Ольга, — будет антихрист, а пока новое правление». «А будет ли это к лучшему?» «Нет, — говорит, — новое правление справится со своими делами, тогда возьмется за монастыри, готовьтесь все к странствованию». «Какое странствование?» «Потом увидите». «А что будем брать с собою?» «Одни сумочки». «А что же в сумочках понесем?» Тут Ольга сказала старице одну старческую тайну (и старица, и Ольга окормлялись у старца Голосеевской пустыни схииеромонаха Алексия, скончавшегося в Марте 1917 года) и прибавила, что все тоже возьмут. Из этого старица поняла, что всякий возьмет свои дела... «А что будут делать с монастырями?» — спросила старица. «То же, что и с церквами», — ответила Ольга. «Разве одни монастыри будут гнать и теснить?» «Всех будут гнать, кто будет стоять за *Имя Христово*, и кто будет противиться новому правлению и жидам. Будут не только теснить и гнать, но будут по суставам резать, но боли чувствовать не будут (как бы сухое дерево резали), помня, за Кого они страдают». Старица спрашивает: «Зачем же разорят монастыри?» «Затем, что в монастырях

живут или считаются живущими ради Бога, а такие должны быть изгнаны». «Но мы, — сказала старица, — и в монастырях друг друга гоним». «Это, — ответила Ольга, — не вменяется». Сестры при этом пожалели Государя и сказали: «Бедный, бедный, несчастный страдалец». Ольга улыбнулась и сказала: «Наоборот, из счастливых счастливец. Он — мученик. Тут пострадает, а там с Небесным Царем будет».

Таково, в главном, видение послушницы Ольги Бойко из Ржищева монастыря Киевской епархии.

30 Июня 1915 года я был в Дивееве у блаженной Параскевы Ивановны, истинно великой и святой прозорливицы. От нее приточно получил я известие, что круг седмеричного исчисления закончится через 7 лет, то есть в половине 1922 года.

Из многих других источников чисто духовного происхождения год 1918-й был указан как год роковой для Государя и міра. Если 1922 год будет действительно конечным годом земного исчисления, то 1918 год будет годом явления антихриста.

Пишет мне из Новгородской епархии один благоговейнейший иерей: «В нашем городе Новгороде распространяется воззвание Универсальной лиги следующего содержания: «Русские граждане! Вы блестяще начали дело свободы! Остается с такой же решительностью довести дело до конца. Вы должны теперь понять, что христианскому рабству, которому уже давно подпали европейские государства, приходит конец. Это рабство должно быть уничтожено соглас-

но миропониманию провидевших его евреев и некогда казнивших позорною смертью Того, Кто создал это рабство. Вся сила теперь у нас: промышленность и торговля у нас, банки и биржа у нас, железные дороги наши, мы проникли всюду и перенесли свою деятельность на войска. Результат у всех на глазах. Вскоре армия уже будет нашей. Наконец, в наших руках золото всего міра. Мы держим в своих руках весы Европы и когда наступит время, сотрем силу Вильгельма II-го способом, еще неведомым міру, так как среди нас *обладатель* могущественнейших воли и разума в полном расцвете духовных сил. В целях безопасности имя его еще не подлежит оглашению. Идите к нам, мы избавим вас от духовного рабства, в которое ввергло вас христианство. Знаком сочувствия целям лиги служит треугольник всякого цвета, обращенный вершиной вниз. Знай: это символ Триѵпостасного Бога, но только обращенный не вверх, а вниз — в знак низвержения Богочеловеческим сердцем или, что то же, отречения, отступления от Него христианина».

Да будет вам известно, что этим знаком еще в 1912 году было заклеймено все казенное белье нашей армии.

23-го Апреля сего года в Петрограде представительница ордена Звезды на Востоке, некая В. Н. (Пушкина. — *Ред.*], читала лекцию под названием: «Новое небо и новая земля». В этой лекции она объявила слушателям о «грядущем Великом брате»: «Все должны, — говорила лекторша, — встретить Великого учителя с великой любовью. А если не так, то всех тех мы сметем и уничтожим».

Та же лекция была повторена в Москве. Теперь смотрите сами, как далеко зашло антихристово дело и как оно воистину близ есть, при дверех. Есть уже некоторое как бы указание даже на имя его.

Из еврейских газет мне еще в феврале стало известно, что Американское еврейство (этот цвет всемирного кагала) назначило на май сего года всемирный конгресс еврейства. Собраться этот конгресс должен был в столице Северо-Американских Соединенных Штатов. И где находятся все государственные учреждения Штатов, и где живет президент. Зовется эта столица Вашингтон. Конгрессу этому жиды придавали и придают огромное решающее значение. Если антихрист действительно существует, о чем теперь открыто говорят и сами жиды в лице Универсальной лиги, то, надо полагать, без него на конгрессе не обойдется. И вот что прочел я в № 128 «Русско[го] Слов[а]» от 8-го Июня сего года:

«Вашингтон 7/20 июня. Русская дипломатическая миссия прибыла сюда, в Вашингтон, сегодня и была встречена горячими выражениями глубокого доверия американцев и новой европейской демократии. Огромная толпа народа приветствовала русских, когда они, под двойным эскортом кавалерии, направились к дому знаменитого инженера Ганнен-Феникса, где будут иметь пребывание».

Кто этот доселе никому неизвестный и в то же время знаменитый инженер, носящий царственно-пророческое имя Давид и явно придуманную фамилию Ганнен-Феникс?

По-русски петух — Феникс, легендарная птица, возрождающаяся из пепла. Почему к нему первому, не обладающему никаким положением, помимо воли президента Вильсона, явилась на поклонение наша миссия, которая у него же и будет иметь пребывание? Не есть ли он тот обладатель могущественнейшей воли и разума, который сотрет силу Вильгельма II-го способом, еще неведомым міру. Недаром же он «знаменитый инженер». Такие мысли пришли мне в голову при чтении этой телеграммы («Русского Слова»). Заметьте, что печать (герб) зверя «Еврейского народа» — печать (герб) антихриста. Зовется эта печать «Мохин Довид» — щит, что то же и герб Давидов. В этой печати заключено число 666, в ней же и имя Давид, следовательно, и в имени Давид заключается число Зверя 666, не Давид ли будет имя антихристу; по-моему, да. Искали числа Зверя в имени антихрист по буквенному способу, но оно в нем находится совсем иначе. Итак, мне сдается, что антихрист в данное время находится в Америке в Вашингтоне на Всемирном Еврейском конгрессе, имя ему Давид Ганнен-Феникс. Так мне думается. Если доживем, то увидим.

В заключение моего братского послания, дорогой мой молитвенник, сообщу Вам сновидение одного Киевского старца-протоиерея, друга детства, впоследствии и сотаинника старца моего и отца духовного Схиархимандрита Варсонофия Оптинского. Сон этот был им виден до революции. Вот он с его слов: «Вижу я, что служу Литургию в Великой Лаврской Церкви, в правом ее

приделе, мне надо преподать мир молящимся в храме, для сего я выхожу из церковных врат главного Алтаря и говорю: «Мир всем». В это время я замечаю на хорах, прямо против меня, настоятеля Киевского Софийского собора протоиерея Златоверховникова, который с большим недоброжелательством следит за каждым моим движением. В то же время вижу по правую и по левую сторону храма по священнику, с таким же недоброжелательством следящими за мною. Преподав мир, я возвращаюсь в Алтарь, где совершаю Литургию, я обращаюсь к дискосу, на котором лежит Агнец, хочу произнести слова: «Приидите, ядите», и когда поднимаю руку, чтобы ею указать Агнца, то вижу, что дискос стоит не на своем месте, а по правую сторону потира, и что на дискосе Агнца уже нет. В ужасе я указываю на дискос стоящему в Алтаре наместнику Лавры (нынешнему) Архимандриту Амвросию и говорю монаху-пономарю: «Беги скорее за новой Агнчей просфорой, и я ее потом освящу незаметно для молящихся, чтобы не смутить их и не прервать Литургии. Затем обращаюсь к Св. Чаше и хочу указать на нее и сказать: «Пиите от Нея вси», и в великом смятении вижу, что вместо потира стоит подсвечник и в нем нагоревшая потухшая свеча. На этом было мое пробуждение в великом страхе».

Видите, мой батюшка, сколько написал я Вам, но не для Вас одних, а для всех, через [Вас] желающих жать класы спасения и разуметь сокровенное лукавых наших дней. Очень желал бы, чтобы с содержанием моего письма ознакомились прежде всего те, кто законно поставлен во

главе старческого окормления Св. Вашей Обители, ибо хочу к Вам войти дверьми, а не отъинуду, путем правильным, Богоуказанным, да не лишуся мзды своея.

Затем, испрашивая св. молитв Ваших и всех, кто через Вас послание мое пользует, прошу о получении сего послания и о последующем известить слугу Вашего и любителя

Сергия Нилуса.

ПИСЬМО к Л. А. ОРЛОВУ

Письмо адресовано Льву Александровичу Орлову (1889 † 1967), мужу М. В. Смирновой-Орловой, автора воспоминаний о последнем периоде жизни С. А. Нилуса в селе Крутец Владимирской губернии. Лев Александрович был большим почитателем Нилуса, имел переданную ему отцом, инженером-генерал-майором Александром Кирилловичем Орловым (1855 † 1941) книгу «Великое в малом» 1911 г. издания. В период написания письма он жил в Москве, где работал бухгалтером, а его жена, Мария Васильевна, с детьми находилась у своего отца, священника, в селе Крутец.

В 1926 г. тесть Л. А. Орлова, о. Василий Арсеньевич Смирнов (1874 † 1937), настоятель храма во имя Успения Пресвятыя Богородицы с. Крутец, узнал о бедственном положении Нилусов, высланных «минус 6» из предыдущего места жительства и искавших пристанища. Мария Васильевна сообщила об этом мужу, и тот попытался связаться с Нилусом, чтобы предложить ему ос-

тановиться у них, но опоздал. В Москве, куда Орлов приехал вслед за Сергеем Александровичем, ему рассказали, что в Чернигове нашлись люди, приютившие писателя. Это были граф Митрофан Николаевич и его дочь Ольга Митрофановна Комаровские. Получив адрес, Л. А. Орлов сразу же написал С. А. Нилусу о готовности принять его семью и вскоре получил ответ от Сергея Александровича, «в котором тот искренне благодарил за приглашение и обещал воспользоваться им, если будет в этом нужда».

В 1928 г. эта нужда настала — С. А. Нилуса выслали и из Чернигова, ввиду его возросшей известности и авторитета. В конце апреля он приехал в дом о. Василия Смирнова, в Крутец, который стал его последним пристанищем среди «градов Исраилевых». За время пребывания там, писатель много общался с Л. А. Орловым, поведал ему о своей близкой кончине: «Уже последние звонки мне даны, Левушка».

Публикуемое письмо является ответом на вопросы — Л. А. Орлова, где тот задает С. А. Нилусу несколько вопросов, касающихся прежде всего «Декларации» от 29 июля 1927 года митрополита Сергия (Страгородского) и возглавляемого им Временного Священного Патриаршего Синода. Также как Лев Александрович и его семья, о. Василий не принял «Декларации», пойдя путем исповедничества церковной чистоты, стал «непоминающим», был неоднократно репрессирован, а затем расстрелян.

Чернигов, 9[-11]-го Февраля [19]28 г.

Драгоценный мой Лев Александрович!

Давно не умилялся я так, как был умилен сегодня от чтения Вашего письма. В 28-то лет, да еще в наше-то лукавое и пребеззаконное время и сохранить так свою душу. Как Господь помог сохранить ее Вам — как же тут было не умилиться?! Исполать Вам, родной мой, и слава и честь родителям Вашим, наипаче же Господу Богу, соблюдшему Вас седмитысящным в среде неподклонивших выи своей Ваалу! Радуюсь и паки реку — радуюсь и благодарю Создателя моего и Вашего, что хоть и на дванадесятом часе моей жизни я встретился с Вашей душой, но все же на ее примере я лишний раз убедился, что как ни мало стадо Христово, но не одолеть его и самым вратам адовым. От всего сердца обнимаю и целую Вас, жемчужинка Божия драгоценная! Храни Вас и соблюди от всякого зла и навета вражьего Господь и Матерь Божия!

По любви и вере Вашей Господу угодно, чтобы письмо мое это шло к Вам не почтой, а с оказией и потому, с Божьей помощью, надеюсь дать им на все Ваши вопросы исчерпывающие их ответы. Начну с важнейшего — с Сергиевской смуты.

В письме своем Вы пишите, что, почитая всякую законную власть и церковное единство и не видя в действиях м[итрополита] Сергия ничего противоканонического, Вы молитесь о нем и о теперешнем Синоде, равно и за всех правящих иерархов Российския Церкви. Но скажите мне: Каиафа и Анна каноничны были, или нет, с точки зрения ветхозаветного формального правове-

рия, когда осудили Господа на пропятие? А Иуда не был ли единым от двунадесяти? Однако, первые христиане не решились бы молиться за них, как о *право правящих слово истины*. Таково в глазах моих (да и не одних моих) деяние м. Сергия и иже с ним от 16/29 Июля 1927 года. Деяние это, по бесовски меткому выражению советского официоза, «Известий», есть попытка «построить крест так, чтобы рабочему померещился в нем молот, а крестьянину — серп». Иными словами: заменить крест советской печатью — печатью «зверя» (Апок. XIII, 16).

Вот что по этому, всякого плача достойному поводу, размышляли мы, нехотящие подклонять выи своей Ваалу и «зверю, рана которого исцелела», «Уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа. Но вы уклонились от пути сего, для многих послужили соблазном в законе, разрушили завет Левия, говорит Господь Саваоф. За то Я сделаю вас презренными и униженными перед всем народом, так как вы не соблюдаете путей Моих, лицеприятствуете в делах закона» (Малах. II, 7–9). Эти слова пророка Божия пришли нам на память после прочтения воззвания от 16/29 Июля 27 г. м. Сергия и организованного им Врем[енного] Свящ[енного] Патр[иаршего] Синода. Восстали они, как обличение того пути, на который так решительно и безоглядно стали они в этом своем «Обращении». Может ли Церковь, которая есть «столп и утверждение истины», может ли она и ее иерархия, при каких угодно случаях и для каких угодно целей стано-

виться на путь лжи и человекоугодничества? Нет, ибо это безусловно воспрещается словом Божиим (Деян. IV, 19; Иезек. III. 18). Все, что говорится от лица Церкви, должно дышать истиной Христовой, исходить из нее, быть сообразно с ней; и всякое отклонение от истины, какими бы соображениями оно ни оправдывалось, является оплеванием Пречистого Лика Христова, и для Церкви, в конечном итоге, оказывается всегда позорным и вредным. Позорно и вредно ей и то дело, которое начато м. Сергием, позорно и вредно потому, что в нем нет истины, а все оно полно лжи, соображений и расчетов человеческих.

После Октябрьского переворота Русская Церковь оказалась перед лицом государственной власти не только безрелигиозной, но ярко антихристианской, в существе своем отрицавшей Христианство и Христу противоположно-враждебной, а потому фатально обреченной на борьбу с Ним. Церковь стоит поперек дороги коммунизму в самых главных основных пунктах. Она является отрицанием коммунизма в области материалистической философии, его категорических концепций и практических средств его осуществления. Противоположность эта равняется противоположности между «да» и «нет», между утверждением и отрицанием, и поэтому враждебные действия государственной власти против Церкви были неизбежны. Однако, власть не находила до сих пор в себе достаточной силы открыто начать бороться с Церковью, как таковой, — она делала это под видом борьбы с политической контрреволюцией цер-

ковной иерархии и церковных организаций. Но если явления политической контрреволюции и имели место в словах и деяниях отдельных немногих личностей церковной иерархии, то они, во-первых, были весьма немногочисленны и, во-вторых, быстро прекратились. Кроме того, несомненно, что если бы этих явлений и совершенно не было, то все-таки враждебные действия совласти по отношению к Церкви проявились бы обязательно, как вытекающие из гораздо более глубоких причин (Вы их из моей книги знаете), чем случайное поведение тех или иных личностей, и, значит, объяснять отношения между Церковью и властью лишь только настроением отдельных иерархов ни в коем случае невозможно. Когда таким образом поступает власть, то это еще понятно, но, когда то же исходит от церковного деятеля, когда и он напряженные отношения между властью и Церковью стремится объяснить только, как следствие контрреволюционных политических настроений церковных кругов, — такому поведению трудно найти имя, до сих пор такими инсинуациями занимались «обновленцы» и прочие предатели и враги Церкви Христовой. И мы и за себя лично, и от лица всей Церкви, с негодованием отвергаем все такие обвинения как ложь и клевету.

Но теперь к этому хору лжесвидетелей присоединился и заместитель Патриаршего Местоблюстителя со своим «Врем[енным] Патр[иаршим] Свящ[енным] Синодом». Объясняя, почему Православная Церковь в России до сих пор гонима, они пишут: «Мешать нам может лишь то,

что мешало и в первые годы советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности — это недостаточность сознания всей серьезности совершившегося в нашей стране. Утверждение соввласти многим представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным». В другом месте недоверие Правительства к Церкви м. Сергий называет «естественным» и «справедливым», т. е. вину за него возлагает всецело на Церковь, а не на правительство. Таким образом, убиение сонма священно- и церковно-служителей, разгром церковных организаций, тюрьмы и ссылки весьма многих епископов, отнятие храмов и всякого церковного имущества, — беззаконные даже и с точки зрения нынешних законов, — по мнению м. Сергия и его «Свящ. Патр. Синода» законны и справедливы. Более того: оказывается, что все эти гонения и, вообще, отсутствие міра власти по отношению к Церкви, по мнению м. Сергия, имеют причину только в том, что Церковь со дня на день ждала краха советской власти, противясь в чем-то этой власти, что, поэтому правы были не мы, а «живисты-обновленцы», сразу «оценившие конъюнктуру» и поспешившие еще пять лет назад сделать то, что теперь с таким опозданием сделал м. Сергий.

Неизвестно, какими побуждениями высказаны м. Сергием все эти невероятные в устах православного иерарха утверждения, но для всякого православного христианина ясно, что в этих утверждениях нет истины, что это опасная клевета на Церковь, на ее епископов и, что

в действительности, враждебное отношение совласти к Православной Церкви не было «естественным» и «справедливым», как то пытается утверждать м. Сергий.

Одна неправда влечет за собой другую. Мы показали, как несправедливо обвиняет м. Сергий православных епископов в контрреволюционном политиканстве, становясь, таким образом, единомышленником обновленцев и других врагов Церкви. И вот, зная, что эти его выступления вызовут справедливое возмущение и сопротивление истинно верующих, м. Сергий, с целью защитить себя, снова говорит неправду. Эта новая неправда состоит в том, что м. Сергий старается заранее опорочить перед правительством и перед народом тех, кто по совести не сможет присоединиться к неправедным деяниям его и Синода. Этим несогласным с ним он снова навязывает политическую контрреволюционность, говоря будто все, кто не поддерживает его в новом его начинании, думают, что «нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с Православием». М. Сергий знает, что опасно в настоящее время даже самое легкое подозрение в контрреволюционности и, тем не менее, не боится эту опасность навлекать на служителей и рядовых членов Церкви, на своих братьев и детей, обвиняя их в контрреволюционности, и за что же? За то, что они не в состоянии по совести признать, что «радости и успехи Советского Союза — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи», что «всякий удар, направленный в Союз, сознается нами, как удар, направленный в нас». Разве христиане,

которые не всякую радость безбожного, воинствующего против всякой религии, коммунизма могут счесть своей радостью и не всякий успех — своим успехом, тем самым политические враги советской власти? Да и можно ли требовать от верующего христианина такого отождествления в жизненных оценках с безбожным коммунизмом, какого требует м. Сергий? Пусть м. Сергий не укрывается за казуистические различения Советского Союза и коммунизма: это исключается многочисленными заявлениями членов правительства, вроде сделанного Бухариным, заявившим, что «наша партия неотделима от СССР» («Известия», 18/VII 27 г., № 187/3121). И так оно, конечно, и есть. Поэтому всецело на совести м. Сергия и грех несправедливого и напрасного обвинения своих братьев в тяжких политических преступлениях и грех унизительной чудовищной лжи и пресмыкательства пред сильными міра сего, совершаемые им от лица Святой Церкви, вопреки прямому запрещению Апостола «сообразоваться с веком сим» (Римл. XII, 2).

Что же понудило м. Сергия к такому греху против Церкви Русской? Очевидно, желание этим путем добиться легального существования церковных организаций, вопреки примеру Господа, решительно отвергшего путь сделок с совестью ради получения возможности иметь поддержку в силах міра сего (Мф. IV, 8–10). М. Сергий сам заявляет об этом результате печатно в дополнение к «Обращению» («Изв[естия]» за 19 Авг. 27 г.). Сам м. Сергий сознается, что «его усилия,

как будто не остаются безплодными, что с учреждением Синода укрепляется надежда не только на приведение всего церковного управления в должный строй, но возрастает уверенность в возможность мирной жизни». Он не уверен даже в том, что легализация распространится далее Синода, а только *надеется,* т. е. кроме туманных посулов и неопределенных обещаний покамест ничего не получено. Печальный итог даже с точки зрения житейских соображений.

«Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся в положении нашей Православной Церкви», — говорит м. Сергий. Да, едва ли и нужно, потому что все ясно. Ясно, почему вместе с легализацией Синода не легализуется тем самым и вся Церковь. Так оно и должно было бы быть, если бы Синод был, действительно, центром Церкви, единым с ней в мысли и жизни. Но на самом деле это не так, и, с легализацией Синода, Церковь продолжает пребывать в безправном состоянии, ибо легализована не Церковь, а всего лишь новая ориентация, носящая к тому же ярко политический характер. Церковь же легализуют лишь тогда, когда она, в лице собора, даст окончательное одобрение предпринятому м. Сергием «делу», т. е. совершит тот же грех самооплевания и преступного компромиса. Ясно и то, почему м. Сергий говоря о «втором Поместном Соборе», говорит не о том, что этот собор изберет Патриарха, как должен был бы сказать, [а] только о том, что он изберет нам уже не временное, а постоянное центральное церковное управ-

ление. Умолчание знаменательное. Ясно для чего потребовалась такая обостренная формулировка новых отношений Церкви и власти, по которой «радости и успехи ее — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи» и т. д. Эта явная, унизительная, смешная и безполезная ложь, по справедливости оцененная в газетных комментариях к «Обращению» («Изв.», 19/VII-27), необходимая, однако, для того, чтобы сделать условия легализации, проводимой м. Сергием, по возможности наиболее неприемлемыми для всех честных церковных деятелей и тем самым, как бы, уже не по суду государства, а по суду якобы, самой Церкви, оплевать их политическими контрреволюционерами, лишив, таким образом, лучших пастырей Церкви возможности принимать участие в церковной жизни и тем окончательно ослабить Церковь. Ясно, наконец, и то, как будет проходить легализация: будут анкеты в том или ином роде, в роде как во время оно у «живистов», с известными уже по воззванию, а может быть, еще и неизвестными обязательствами. Отвергшие эти обязательства будут заключаемы, заточены в тюрьмы. Словом, все остается по-старому, а истинная Церковь будет гонима. Новое же во всем этом печальном деле будет лишь то, что это гонение на Русскую Церковь будет оправдываться временным ее предстоятелем, м. Сергием.

Делая то, что он делает (Иоанн, XIII, 27), м. Сергий, во всяком случае, обязан был выполнить то, чего он сам требовал от м[итрополита] Агафангела, от бывшего архиепископа Григория

Екатеринбургского и прочих претендентов на создание новых ориентаций, — испросить благословение от своего иерархического начальника. Ведь, м. Сергий только заместитель Местоблюстителя, т. е., лицо не самостоятельное и обязанное действовать, во всяком случае, не вопреки указаниям того, чье имя он сам возносит на Божественной литургии, как своего Господина. Поэтому он должен был запросить м[итрополита] Петра о его отношении к предпринимаемому им весьма важному и ответственному делу и только с его благословения действовать. Между тем, ни в протоколах синодских заседаний, ни в самом «Обращении» нет и следов указаний на то, что это было сделано, и что благословение получено. Наоборот, обоснование на покойного Патриарха Тихона и его довольно апокрифические слова (что [sic] страшно сближать м. Сергия с ВЦУ, Лубенцами и прочими, якобы продолжателями дела покойного Патриарха), дает полное основание заключить, что санкций от м. Петра не получено. А если это так, то это уже крупное самочиние. Насколько важно было для м. Сергия получить благословение м. Петра показывает то соображение, что, в случае его несогласия с деятельностью своего заместителя, м. Сергия, сей последний сразу становится таким же «похитителем власти», как и те лица, о которых он упоминает в своем обращении.

Таково, дорогой мой Лев Александрович, было мнение мое и единомышленных об «Обращении» м. Сергия. Вопрос, затронутый им об отношении к эмигрировавшему духовенству, мы рассматривали с той же точки зрения, с какою

отнеслись и ко всему «Обращению». — Вы ее теперь знаете. — Недоставало нам, в утверждение ее, авторизованного высшим посвящением голоса Церкви истинной в лице ее епископата. И голос этот не замедлил. Из прилагаемой при сем копии «Обращения» к м. Сергию наиболее авторитетной части Петроградского духовенства с санкцией м[итрополита] Иосифа и епископов Димитрия и Сергия, а также письма к м. Сергию еп. Воткин[ского] Виктора, Вы увидите, что м. Сергию и его синоду голос этот уготовал место в среде «Церкви лукавнующих», от которого и Вас и меня да избавит Господь.

Покончив с Сергиевой смутой, отвечу теперь Вам на вопрос Ваш, почему я не принял священства. Прежде всего потому, что на то не было воли Божией, несмотря на глубокое мое желание послужить в сем сане Церкви Божией. А воли Божией на то не было потому, что у меня до моего рукоположения был мой «Адеодат», горячо любимый сын, рожденный во дни еще моего студенчества и впоследствии законно мною усыновленный. Таким образом, по 17-му Апостольскому правилу, в клире состоять не мог. От брака моего с женою моею, Еленой Александровной, детей у меня не было, и мой «Адеодат» стал любовью ея к нему и к его матери, нашим общим сыном. Такова была воля Божия, сообщенная нам четверым старцами Оптиной Пустыни, в которой мы с женой и с матерью нашего сына имели несравненное счастье прожить 5 лет, и духовному разложению которой, на наших глазах, поработал с усердием не по разуму, Ваш духовник, архиман-

дрит Георгий, в то время бывший иеродиаконом. На его душе лежит этот тяжкий грех, повлекший за собою болезнь и смерть Настоятеля Оптиной Пустыни, святой жизни старца схиархимандрита Ксенофонта, а также удаление из обители ее Старца и Скитоначальника архимандрита Варсонофия, нашего духовника и старца, последствием чего была также и его кончина. Таков Георгий. Таков и я.

Еще вопрос Ваш: «Что нам делать и куда идти?» По глубочайшему моему убеждению, Истинная Церковь Христова, «Жена облеченная в солнце» (Апок. XII, 1), уже находится в пустыне, ибо ангелы Церкви нашей — Кирилл и Петр, первостоятели и епископы-исповедники поместных Церквей — все они в ссылке и изгнании в местах пустынных — следовательно, и мы, верные Церкви той, тоже находимся в пустыне. А в пустыне же что иного делать, как только молиться? Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Пока есть и храм Божий не от «Церкви лукавнующих», ходи, когда можно, в церковь, а нет — молись дома; если же и домашние — враги человеку, то молись в клети сердца: *Г*[осподи] *И*[исусе] *Х*[ристе], *С*[ыне] *Б*[ожий], *п*[омилуй] *м*[я], *г*[решнаго]! и: *Пресвятая Богородице, спаси мя!* Скажете: а причащаться где? у кого? Отвечу: Господь укажет, или же Ангел причастит, ибо в Церкви лукавнующих нет и не может быть Тела и Крови Господних. У нас в Чернигове, из всех церквей, только церковь Троицкого осталась верной Православию; но если и она сохранит поминовение Экзарха Михаила и, следовательно, молитвен-

ное общение с ним, действующим по благословению Сергия и Синода, то мы прекратим общение и с нею. Веруем, что за веру нашу Господь пошлет к нам во время благопотребное, как Пр[еп]. Марии Египетской, своего Зосиму.

Так веруем. Так исповедуем. 1928-й год — год критический: по утверждению евреев он — год явления міру их мессии. Это я от них самих знаю...

Ну, вот, я Вам все сказал и показал. Да послужит Вам сие во свидетельство моей к Вам любви и доверия. За любовь — любовью.

Когда получите это письмо, сообщите, но помните, что почта на службе состоит в известном учреждении.

Обнимаю Вас и заочно люблю.

Ваш С.

Жена Вас приветствует. Меня пока оставляют в покое. Что будет дальше, покажет Господь.

Бутылочку с водицей Батюшки Пр[еп]. Серафима берегите до случая. Спаси Вас Господи!

❖❖❖❖❖❖❖❖❖❖

«Оказия» отъезд свой откладывает, и к сказанному об «Обращении» м. Сергия хочется добавить еще от Писания: «Горе непокорным сынам, говорит Господь, которые делают совещания, но без Меня, и заключают союзы, но не по Духу Моему, чтобы прилагать грех ко греху, не вопросивши уст Моих, идут в Египет, чтобы подкрепить себя силою фараона и укрыться под тенью Египта. Но сила фараона будет для вас стыдом и убежище под тенью Египта — безчестием... Все они

будут постыжены из-за народа, который безполезен для них; не будет от него ни помощи, ни пользы, но стыд и срам» (Ис. XXX, 1–5).

Вспомните сновидение, в котором показано прощение козла и креста вместе. Если Вы читали мою книгу «Близ есть, при дверех», то Вам ясна будет эта символика. Таково значение Сергия и его синода. М. Сергий был руководителем безбожных «Религиозно-философских собраний» в Петербурге во дни м[итрополита] Антония (Вадковского) и покаявшихся «обновленцев». Могло ли добру от него быть? М[итрополит] Арсений Новгородский, хоть и значится в списке Синода, но, как стало мне известно, отказался от этой чести, предпочитая, по его словам, «готовиться к переходу в иную жизнь». Кого мне из всего этого соборища кровно жаль, так это Епископа Сергия (Гришина), заведующего делами Синода. Очень бы мне хотелось довести до сведения этого, поистине хорошего, человека эти строки. Я знал его в Оптиной, куда он приезжал еще студентом Академии.

В заключение письма моего, разросшегося безмерно, сообщу Вам из письма моего приятеля, живущего в Палестине, некоторые сведения, исполненные глубокого значения для христиан всех толков, для нас же, православных, — в особенности. 16-го Ноября 1918 г. англичане вступили в Иерусалим. На касках их, на седлах кавалерии и на всей амуниции были поставлены знаки еврейского «Мохин-Давида» ✡. Ими были открыты замурованные во все время турецкого владычества «Золотые Врата», через которые, по

преданию, совершил Свой вход в Иерусалим Господь наш Иисус Христос. И на эти врата ими же поставлены были те же знаки. А блаженнейший патриарх Дамиан английского губернатора, еврея Самюэля, ввел через Царские врата в алтарь Храма Воскресения, где Голгофа и Св. Гроб Господень. 28 Июня 1927 года в Иерусалиме и во всей Палестине произошло сильнейшее землетрясение, совершенно разрушившее на Иордане древнейший храм Св. Пр[ор]. Иоанна Крестителя и другие греческие храмы. От этого землетрясения купол и стены Храма Воскресения дали такие трещины, что Богослужение в нем было прекращено. Известие это у меня от августа минувшего года. Возобновилось ли после того Богослужение на сем мировом «месте святе», того не знаю, но для меня, как знамения, довольно того, что оно прекращалось, хотя бы и на время после акта совершенного патриархом Иерусалимским.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

11 Февр. — Оказия все еще не едет, а так много, безчисленно много нужно еще сказать из того, чему свидетелем поставил меня Господь — точию свидетелем.

Вот, например, лежит передо мною обширное послание нарочитых «свидетелей истины» — епископов, Соловецких заточников. Оно тоже обращено к м. Сергию по поводу его «Обращения». И сколько же в послании этом и негодования и скорби! Оно большое и переписать его для Вас у меня нет ни времени, ни силы (я ведь, больной сердцем, «коечный больной», по свидетельству

Комиссии от ГПУ). Вот что, между прочим, пишут Соловецкие страдальцы-епископы:

«...Что скажем мы, когда управляющий наш святитель произносит нам строгий приговор о «словах и делах». Не ставят ли эти слова черный крест над всеми мучительными и невыразимыми страданиями, пережитыми Церковью за последние года — над всей этой борьбой, которая казалась героической? Не объявляют ли подвиг Церкви преступлением? И как прочитают эти слова те, кто теперь в далеком изгнании? Что почувствуют, увидев обвинителя в лице своего ответственнейшего собрата? И не сорвется ли страшное слово «клевета» с их побледневших уст? Не покажется ли им, что даже покой усопших (убиенных за слово Божие) тревожит этот приговор, подписавших декларацию епископов?»...

И далее: «...По поводу предполагающейся легализации, м. Сергий предлагает «выразить всеподданную нашу благодарность советскому правительству за такое внимание к нуждам православного населения».

За что же благодарить?

Покамест мы знаем один факт: м. Сергий и члены Синода имеют возможность заседать в Москве и составлять декларацию.

Они в Москве. Но первосвятитель Русской Церкви м. Петр, вот уже не первый год без суда обречен на страшное томительное заточение.

Они в Москве. Но м. Кирилл, потерявший счет годам своего изгнания, на которое он обречен, опять-таки, без суда, находится ныне, если

только жив, на много [верст] за пределами Полярного круга.

Они в Москве.

М. Арсений, поименованный среди членов Синода, не может приехать в Москву и в пустынях Туркестана, по его словам, готовится к вечному покою.

И сонм русских святителей совершает свой страдальческий подвиг между жизнью и смертью в условиях невероятного ужаса...

Так не за всё ли это благодарить?! За эти неисчислимые страдания последних лет?! За то, что погасла лампада Пр[еп]. Сергия?! За то, что драгоценные останки Пр[еп]. Серафима, а еще раньше — святителей Феодосия, Митрофана, Тихона, Иоасафа — подверглись неимоверному кощунству?! За то, что замолкли колокола Московского Кремля и закрылась дорога к Московским Святителям?! За то, что Печерские Угодники и Лавра Печерская в руках у нечестивых?! За то, что северная наша обитель (Соловецкая) стала для нас и других местом непрекращающихся страданий? За мучения эти, за кровь м[итрополитов] Вениамина, Владимира и других убиенных святителей?!

За что же благодарить?!»

Дальнейших выписок из этого святительского исповеднического «Плача» не продолжаю — довлеет ми и Вам, рука едва повинуется писать от сердечного волнения. Добавлю от себя: не за Дивеев ли благодарить, разогнанный в ответ на приглашение м. Сергия «благодарить за внимание»?

Доколе же, о Господи!

А м. Сергия центром служения — Данилов монастырь, который почитаем «Оплотом Православия», и где духовничествует и «окормляет» многие православные души духовный разоритель великой старческой обители, Георгий.

Имеяй уши слышати да слышит!

Храни Вас, дорогой мой, Господь и Матерь Божия.

Ваш С.

ВЕЛИКАЯ ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА

Перед вашими глазами оригинал записей С. А. Нилуса со слов самого Н. А. Мотовилова о пророчествах преподобного Серафима Саровского, раскрывающих «Дивеевскую тайну» для последних христиан. Береглась она все эти годы племянницей С. А. Нилуса, Еленой Юрьевной Концевич. Частично «Тайну» она опубликовала во втором томе «На берегу Божьей реки».

Предлагаем тут две страницы подлинника, трепетно записанные преданнейшим почитателем Преподобного. Своими собственными глазами Нилус очевидствовал первое десятилетие исполнения пророчества о разгромлении нашей дорогой Святой Руси, что, по попущению Божию, продолжалось 70 библейских лет. И, как сегодня мы воочию наблюдаем, восстает Святая Русь из пепла, рассеивается богоборческий дурман. Но отрезвляется ли русский народ? Приспело ли время, о котором вещали боговдохновенные уста преподобного Серафима?

Ниже расшифровка рукописи С. А. Нилуса.

Чудом преподобного Серафима, по вере моей, спасенный в 1902 году от смерти, я в начале лета того же года ездил в Саров и Дивеево благодарить Преподобного за свое спасение, и там в Дивеево, с благословения великой дивеевской ста-

рицы игуменьи Марии и по желанию Елены Ивановны Мотовиловой, я получил большой короб всякого рода бумаг, оставшихся после смерти Николая Александровича Мотовилова, с разными записями собственной руки его, и в этих-то записях я и обрел то бесценное сокровище, тот «умный бисер», который я называю «Дивеевской тайной» — тайной преподобного Серафима, Саровского и всея России Чудотворца. Передаю обретенное словами записи.

«Великий старец, батюшка отец Серафим, — так пишет Мотовилов, — говорил со мною о своей плоти (он плоти своей никогда мощами не называл), часто поминал имена благочестивейшего Государя Николая, августейших супруги его Александры Феодоровны и матери — вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны. Вспоминая Государя Николая, он всегда говорил: «Он в душе христианин».

Из разных записок, частью в тетрадях, частью на клочках бумаги, можно предположить, что Мотовиловым была приложена немалая энергия к тому, чтобы прославление Преподобного было совершено еще в царствование Николая I, при супруге его Александре Феодоровне и матери Марии Феодоровне. И велико было его разочарование, когда усилия его не увенчались успехом, вопреки, как могло тому казаться, предсказаниям Божьяго угодника, связавшего прославление свое с указанным сочетанием августейших имен.

Умер Мотовилов в 1879 году, не дождавшись оправдания своей веры. Могло ли ему или кому-

нибудь другому прийти в голову, что через 48 лет после смерти Николая I на престоле всероссийском в точности повторятся те же имена: Николая, Александры Феодоровны и Марии Феодоровны, при которых и состоится столь желаемое и предсказанное Мотовилову прославление великого прозорливца преподобного Серафима?..

В другом месте записок Мотовилова обретена мною и следующая Великая Дивеевская тайна. «Неоднократно, — так пишет Мотовилов, — слышал я из уст великого угодника Божия, старца отца Серафима, что он плотью своею в Сарове лежать не будет. И вот однажды осмелился я спросить его:

— Вот вы, Батюшка, всё говорить изволите, что плотию вашею вы в Сарове лежать не будете. Так нешто вас саровские отдадут?

На сие Батюшка, приятно улыбнувшись и взглянув на меня, изволил мне ответить так:

— Ах, ваше Боголюбие, ваше Боголюбие, как вы! Уж на что Царь Петр-то был царь из царей, а пожелал мощи святого благоверного князя Александра Невского перенести из Владимира в Петербург, а святые мощи того не похотели.

— Как не похотели? — осмелился я возразить великому Старцу. — Как не похотели, когда они в Петербурге, в Александро-Невской Лавре почивают?

— В Александро-Невской Лавре, говорите вы? Как же это так? Во Владимире они почивали на вскрытии, а в Лавре — под спудом. Почему так? — А потому, — сказал Батюшка, — что их там нет.

И много распространившись по сему поводу своими благоглаголивыми устами, батюшка Серафим поведал мне следующее: «Мне, ваше Боголюбие, убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи русские так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что главному догмату веры Христовой, Воскресению, и веровать больше уже не будут, то Господу Богу благоугодно взять меня, убогого Серафима, до времени от сея привременной жизни и посем воскресить, и воскресение мое будет аки воскресение седми отроков в пещере Охлонской во дни Феодосия Юнейшего».

Открыв мне, — пишет далее Мотовилов, — сию великую и страшную тайну, великий Старец поведал мне, что по воскресении своем он из Сарова перейдет в Дивеев и там откроет проповедь всемирного покаяния. На проповедь же ту, паче же на чудо воскресения, соберется народу великое множество со всех концов земли, Дивеев станет Лаврой, а Вертьяново — городом, а Арзамас — губернией. И, проповедуя в Дивееве покаяние, батюшка Серафим откроет в нем четверо мощей и по открытии их сам между ними пятым ляжет. И тогда вскоре настанет конец всему».

Такова Великая Дивеевская благочестия тайна, открытая мною в собственноручных записях Симбирского совестного судьи Николая Александровича Мотовилова, сотаинника великого про-

зорливца чина пророческого, преподобного и Богоносного отца нашего Серафима, Саровского и всея Руси Чудотворца.

В дополнение к тайне этой вот что лично я слышал из уст 84-летней Дивеевской игуменьи Марии. Был я у нее в начале августа 1903 года, вслед за прославлением преподобного Серафима и отъездом из Дивеева Царской Семьи. Поздравляю ее с оправданием великой ее веры. (Матушка, построив Дивеевский собор, с 1880 года не освящала его левого придела, веруя, согласно Дивеевским преданиям, что доживет до прославления старца Серафима и освятит придел во святое его имя.) Поздравляю ее, а она мне говорит:

— Да, мой батюшка Сергей Александрович, велие это чудо, когда крестный ход-то, что теперь шел из Дивеева в Саров, пойдет из Сарова в Дивеев, а народу-то, как говаривал наш угодничек-то Божий, преподобный Серафим, что колосьев будет в поле. Вот то-то будет чудо чудное, диво дивное.

— Как же это понимать, матушка? — спросил я, на ту пору совершенно забыв тогда уже мне известную Великую Дивеевскую тайну о воскресении Преподобного.

— А это кто доживет — тот увидит, — ответила мне игуменья Мария, пристально на меня взглянув и улыбнувшись.

То было мое последнее на земле свидание с великой носительницей Дивеевских преданий, той двенадцатой начальницей, «Ушаковой родом», на которой по предсказанию преподобного Сера-

фима и устроился с лишним 30 лет после его кончины Дивеевский монастырь, будущая женская Лавра.

Через год после этого свидания игуменья Мария скончалась о Господе.

ПОСЕЩЕНИЕ РАЯ ПРЕПОДОБНЫМ ИОНОЙ КИЕВСКИМ

К 210-летию со дня его рождения
Память 9 Января (1794–1902)

Сохранилась еще неопубликованная глава второй книги дневников «На берегу Божьей реки» Сергея Александровича Нилуса, опущенная его племянницей Е. Ю. Концевич из-за боязни, что слишком невероятное описание видений юного отца Ионы могло бы отрицательно повлиять на обнародование «Дивеевской тайны», находящейся в этом же томе дневника Нилуса. По совету ее духовников, все эти долгие годы записи о «Посещении Рая» юным отцом Ионой не видали свет в Нилусовой версии, полученной им уже после революции от церковного писателя Е. Поселянина, который вскоре после передачи текста принял мученическую кончину за его благотворную деятельность для Святой Руси. Сам Нилус ничуть не сомневался в подлинности видений, так как глубоко верил, что детям Бог Сам открывается и мы все призываемся быть чистыми сердцем, как дети.

Предваряем сей текст кратким описанием хранившего его долгие годы присного ученика преподобного Ионы. Записавший об отце Виссарионе и этим сохранивший

для нас историю об этом, тоже в свою очередь праведник, наш друг д-р Анатолий Павлович Тимофиевич, сам знал С. А. Нилуса, и память о нем нам тоже очень дорога. А в конце дадим краткое описание жития самого Преподобного Ионы, недавно прославленного. Он ныне вкушает то, о чем поведал нам для подкрепления веры нашей, его необыкновенное «Посещение Рая»

I

Схимонах Виссарион

В городе Киеве, в трех верстах к югу от Печерской Лавры, в конце прошлого века был воздвигнут новый Свято-Троицкий общежительный монастырь, вскоре приобретший славу рассадника великих духом подвижников.

Строителем монастыря был известный старец архимандрит Иона, в схиме Петр. Замечателен он был уже тем, что в молодости целых 12 лет был под непосредственным руководством самого преподобного Серафима, подвизаясь в Саровской Пустыни. По откровению великого угодника Божия инок Иона направился в Киев с указанием, что здесь Господь откроет ему Свою волю. В самом деле, на месте, где теперь расположена обитель, явилась ему Сама Пречистая Богоматерь и повелела строить здесь монастырь.

Чудом потекли средства, и к началу революции, это был благоустроенный монастырь — истинный очаг духовной мудрости. Сам Старец, достигши более чем столетнего возраста, в мире почил в 1902 году, всеми оплакиваемый.

В этом-то монастыре и привел Господь узнать, а затем и горячо полюбить приснопамятно-

го старца схимонаха Виссариона, любимого келейника почившего основателя монастыря.

Почти 20 лет он келейничал и был безотлучно при отце Ионе, и, когда я уже с ним познакомился, он был хранителем келлии своего аввы, где все сохранялось в полной неприкосновенности со дня кончины Старца и круглые сутки читалась Псалтирь.

Отец Виссарион отличался удивительно детской простотой, скромностью, а в то же время глубоким духовным опытом. Сорок лет не выходил за ограду монастыря и не знал иного пути, как только храм и келлия.

Маленький, тщедушный, с реденькой бородкой, с опущенными глазами, он неизменно стоял в храме у чудотворного образа Богоматери Троеручицы, погруженный в глубокую молитву, чуть перебирая четки. Я сразу как-то всем сердцем привязался и полюбил его, и Батюшка мне отвечал тем же. Иногда, задержавшись у него до позднего вечера, я оставался ночевать, расположившись на полу в келлии старца Ионы, но до сна ли было, когда Батюшка, бывало, сам увлекшись, начнет рассказывать о многих чудесных и удивительных событиях из жизни своего духовного руководителя, старца Ионы — живого свидетеля подвигов Преподобного Серафима.

У отца Виссариона хранилась даже тетрадь, куда много было занесено знаменательного из жизни покойного Старца.

С разгромом монастыря тетрадь эта бесследно исчезла, что является невосполнимой потерей.

Отец Виссарион любил покойного старца Иону безгранично, и для него он был жив доселе.

Прихожу я как-то к нему, а он чуть не плачет, чем-то очень расстроен.

— Что с вами, батюшка, родной?

— Да как же, один брат наш взял у меня на несколько дней книгу отца Ионы и вот уже почти три месяца не отдает ее. Уж я и так и сяк просил его и по начальству ходил, чтобы усовестили его отдать книгу. Не отдает. Все обещает, а книга-то ведь Батюшкина, как же можно так не почитать Батюшку.

Посочувствовал я отцу Виссариону, но, конечно, ничем не мог помочь.

Прихожу опять через несколько дней и первый мой вопрос:

— Ну, что, отдал брат книгу?

— Отдал, как не отдать, отдал.

— Да как же случилось, что он отдал, ведь не хотел он возвращать книги.

— Да что же делать, верно, что не хотел, ну и пришлось пожаловаться Батюшке. «Что это, — говорю, — батюшка, и управы-то на него нет, онто твои вещи расхищает, а с меня весь ответ будет, так ты уж сам заступись». А утром чуть свет бежит брат, трясется и книгу сует. «Прости меня, отче, — говорит, — много потерпел я сегодня ночью от Старца за эту книгу». А что потерпел, так и не сказал, — улыбаясь, добавил отец Виссарион.

Сильна была молитва Батюшки, и Господь с любовью внимал Своему верному рабу — простецу. Помню, как однажды пришел я к Батюшке. Время тогда было голодное. Хлеба и того крайне трудно было тогда достать, не говоря уже о чем другом.

Монастырь с большим трудом мог питать своих насельников.

Как всегда, Батюшка засуетился, захлопотал, поставил крохотный самоварчик, чтобы утешить гостя чайком. Я принес небольшой каравай черного хлеба, но по скудости того времени ни у меня, ни у батюшки не оказалось не только сахару, но даже и темной патоки, что обычно заменяла в ту пору населению недоступный по цене сахар.

Вижу, немного опечалился Батюшка, что нельзя гостя даже чаем по-настоящему угостить. Даже вздохнул он при этом, что с ним редко бывало, но делать нечего. Принес Батюшка вскипевший самоварчик, заварил вместо чаю листьев смородины, нарезал ломтиками хлеб, поставил соль, затем помолился, благословил трапезу, и сели мы за стол.

Не успел я, однако, выпить и половину стакана чая, как в дверь постучали и на пороге показалась старушка.

Поклонившись Батюшке, она сказала:

— Прошу вас очень, Батюшка, помолиться о рабе Божием Николе, внуке-то моем. Ехать обязан он по службе далеко, так усердно прошу ваших молитв, чтобы Господь сохранил его в пути. Я ведь знавала, — продолжала она, — еще батюшку отца Иону и многим ему обязана, так уж не погнушайтесь принять от меня в память Старца вот это, — заключила она, передавая отцу Виссариону небольшой пакет.

В нем оказалась банка чудесного душистого меда и яблочный пирог. Нужно было видеть, как светел и радостен стал Старец.

— Ну вот, видите, как милостив к нам Господь, не по грехам нашим, а по молитвам отца Ионы, посылает нам свой дар, а то как же, чтобы его же гость да ушел от него не утешенным.

Этот небольшой эпизод, который, конечно, можно, как всегда это делается, приписать счастливой «случайности», на меня произвел сильное впечатление.

В одно из моих посещений отца Виссариона, уже незадолго до закрытия обители, повел меня Старец в небольшую комнату, находившуюся рядом с келлией, где скончался отец Иона, в которой раньше я никогда не был, и, плотно притворив двери, сказал:

— Хочу я вам показать одну картину. Ее теперь мы не всем показываем и объясняем, чтобы не нажить беды, разные теперь люди бывают у нас, не то что прежде.

Он осторожно вынул завернутую в полотно довольно большую картину в раме. Хотя писана она была не красками, а карандашом, но, видимо, искусной рукой.

На ней был изображен двор Киево-Печерской Лавры. На заднем плане виднелась великая лаврская церковь, справа высилась колокольня, слева тянутся соборные корпуса. Вверху на всем этом пространстве летало множество голубей. Они летали по всем направлениям, как бы в ужасе, пытаясь спастись от каких-то страшных, неведомо откуда налетевших, черных птиц, напоминавших не то воронов, не то коршунов. Хищники яростно набрасывались на беззащитных голубей и тут же в воздухе растерзывали их сво-

ими острыми когтями и огромными клювами. Множество погибших голубей валялось на земле.

Несмотря на видимо аллегорический и не совсем понятный смысл рисунка, он производил на зрителя сильное впечатление, изображая символически два начала, беспощадную жестокость и смиренную покорность.

На мой немой вопрос отец Виссарион вновь тщательно спрятал рисунок, а когда мы уселись в его крохотной келлии, сказал: «То, что вы видели на рисунке, то в точности было показано в видении отцу Ионе, незадолго до его кончины. Один из духовных детей его со слов Батюшки и изобразил это видение.

Все наши великие старцы последнего века, начиная от преподобного Серафима и кончая отцом Иоанном Кронштадтским, согласно предсказывали о грядущих страшных бедствиях на русских людей, если не одумаются они и не покаются. Не только мирская жизнь, но и монашество дошло до такого упадка, так далеко удалилось от истинной своей цели, что гнев Божий давно бы излился на народ наш, если бы не вопли ко Господу немногих праведников, своими молитвами до времени еще удерживавших праведную Десницу Господню. Но вот и они ушли, не разбудив народной совести, потонувшей в бездне греха, и как страшно наказал нас долготерпеливый Господь! Мог ли я думать, что мне грешному придется быть свидетелем того, что с такой ясностью было открыто при жизни отца Ионы? Когда всё Русское Царство было в такой силе, кто бы смел поверить, что дни его уже сочтены, а отец Иона плакал, раскрывая нам, маловерным, грядущее.

— Молитесь, плачьте, взывайте ко Господу, чтобы помиловал народ наш, — постоянно говорил он братии. — Отнимет всё Господь, если не исправитесь, и Лавра святая погибнет, и братия будет уничтожена страшными воронами, что налетят на нее и истребят. И наш, как и другие монастыри, не пощадит Господь, и даже колокольня наша, что уже начала воздвигаться, не достроится, если не умолит Господа русский народ.

Как странны и непонятны были в ту пору его речи, а теперь вот и совершилось всё — и колокольня, что хотели сделать повыше лаврской и до первого этажа не вывели. Всё, всё исполнилось в точности, о чем говорил покойный Старец...» — и седая голова отца Виссариона, как бы под тяжестью всего пережитого, склонялась долу. Взволнованный словами отца Виссариона, покинул я на сей раз его гостеприимную келлию.

Прошло года полтора со дня этой беседы, и на моих глазах исполнилось последнее предсказание отца Ионы. Монастырь был закрыт, братия частично сослана, частью разбежалась. Осталось только несколько глубоких старцев, в том числе и отец Виссарион, которые ни за что не хотели уходить, хотя бы под угрозой лишения жизни, от стен своей родной обители, и, живя у добрых людей в конурке и прячась днем, ночью приближались к монастырю, и здесь в уединенной молитве просили у Господа силы донести свой крест.

Господь сохранил отца Виссариона от тяжкой участи многих его собратий. Он избежал и ареста, и пыток, и ссылок. В той же каморке, рядом с дорогой сердцу обителью, он и предал дух свой Гос-

поду, радуясь, что приходит конец его земным страданиям, и веря, что Господь соединит его по смерти с его любимым аввой, отцом Ионой.

Д-р. Анатолий Павлович Тимофиевич
Ново-Дивеево, 1953 год.

Еще несколько слов об этом забытом праведнике[1]. Схимонах Виссарион до схимы был монах Виктор, келейник и смиренный сотаинник преподобного Ионы. Он составил немножко о своем Старце кратких воспоминаний, записанных кем-то из братии, по всей вероятности отцом иеромонахом Тарасием. Пришел он к отцу Ионе в 1878 году, а отец Виктор-Виссарион на 13 лет его опередил. Вот что мы о нем знаем.

Случай 1-й

У келейника батюшкина Виктора одно время страшно болели зубы. Он не находил себе места, не мог ни пить, ни есть, ни спать. Как-то поутру отец Иона спрашивает других келейников:

— Где Виктор?

— У него зубы болят.

— Пусть чай пьет.

Пришли они к нему и говорят, что батюшка велел ему чай пить.

— Где мне тут при такой боли?

Тут вошел сам Старец и говорит:

— Пей чай, да горячий, чтоб из-под крана лить, а не из чайника.

Тот сперва не хотел, а потом из послушания выпил. Первый глоток он еле смог проглотить, так

[1] Из рукописной книги «Священно-архмандрит Иона». Киев, 1925.

болезненно было прикосновение кипятка к больным зубам. Когда же, понуждая себя, он допил весь стакан, боль прошла и с тех пор доселе никогда не возвращалась.

Случай 2-й

Как-то хорошо уродились груши, и келейнику Виктору довелось их съесть десятка два. Одному монаху он сказал:

— Вот, как животное какое, целых два десятка груш съел.

Тут вскоре встретился со Старцем, и Старец его строго спрашивает:

— Сколько ты груш съел?

Виктор оробел, но ответил:

— Простите, батюшка... Больше двух десятков съел.

— Смотри, — сказал Старец, — больше сотни не кушай.

Случай 3-й

Как-то раз Старец, отпуская отца Виктора из церковной кельи в алтарь для поминовения на проскомидии, сказал:

— Иди, своих поминай, — потом, вздохнув, сказал: — Да, кто знает эти минуты, того молитву за живых и умерших принимает Бог не только в церкви у алтаря, но и работая в поле, кто поминает, — примет Господь.

Случай 4-й

Однажды после поздней обедни старшие иеромонахи пили у Старца чай. К чаю была подана рыба. Один из присутствующих в виде шутки:

— Вот так бы и всегда. А то что один чай.

Батюшка подозвал к себе келейника:

— Вот он хочет рыбы (Старец указал на того иеромонаха рукой.) Так убери ее.

Так все и остались без рыбы.

Случай 5-й

За два года до удаления Мелхиседека из обители, 1 мая, отец Виктор видел сон. Будто в соборе служил батюшка обедню. Было много служащих, трижды становились на колени за молитвою. После «Отче наш» вышли из алтаря три разоблаченных монаха. Отец Виктор спросил шедшего за ними пономаря:

— Что это они обедню не дослужили?

— А это Батюшка велел выслать их. Они хромые.

Отец Виктор посмотрел им вслед, как они шли. Походка их была, однако, прямая. Ведь те трое потом и были высланы: Мелхиседек, Смарагд и Валентин.

Случай 6-й

Летом 1911 года (уже после смерти Старца) около 20 Августа были в обители человек двадцать из Донской области, одной партией. Когда они вошли в келлию Старца и увидели его портрет, четыре женщины стали плакать. Бывший тут келейник Старца отец Виктор спросил их:

— Что вы плачете?

— Этого батюшку, — отвечали они, показывая на портрет, —мы видели в церкви.

Отец Виктор подумал, что они видели утром одного из монастырских схимников, который по-

казался им похожим на портрет отца Ионы. Днем схимники вовсе никогда из келлий не выходят.

— А когда же вы его видели?

— А сейчас.

Было 2 часа дня. Оказалось, что в церкви они спрашивали монаха, что это за схимник прошел. Но монах никакого схимника не видел, как и прочие из партии. Они же ясно слышали, как прошуршала по полу его мантия.

Случай 7-й

Однажды Старец заказал иеромонаху Ираклию, опытному столяру, сделать штук 25 особых низеньких скамеечек. Когда они были готовы, Старец велел позвать старших монахов и раздать эти скамеечки с таким советом: «Когда вы свободны, то после общего правила садитесь на эти скамеечки и занимайтесь по четкам Иисусовой молитвой, сколько позволяет время — с полчаса или с час. Этим ум просвещается. После этого можно ложиться, и непременно на правый бок, и, лежа в постели, прочитывать покаянный псалом «Помилуй мя, Боже» и «Верую». И так всегда делайте и храните совесть. Если будете хранить совесть, пойдете за забор — и там вам ничего не дадут».

Случай 8-й

В монастыре совершалось бдение под праздник Входа Господня во Иерусалим. Тогда не было еще большого храма, а в первоначальном храме было тесно. По многолюдству бдение совершалось в трапезной. Служил отец Иона и с ним все иеромонахи, иеродиаконы и певчие. Во время

чтения кафизм прибежал келейник иеромонаха Пимена, который умирал у себя в келлии. Больной просил скорее прийти к нему с напутствием, так как чувствовал себя при последнем издыхании.

— Передай ему, что мы здесь предстоим все пред Господом, совершая Ему славословие. Пусть он за послушание подождет умирать. А по окончании бдения мы к нему придем и напутствуем его.

По окончании службы отец Иона со старшею братией тотчас отправились к отцу Пимену, совершили над ним таинство елеосвящения, исповедовали и приобщили его и постригли в схиму. И к утру отец Пимен, в схиме Антоний, мирно преставился.

II

Посещение Рая Преподобным Ионой Киевским
Пропущенные главы 2-го тома «На берегу Божьей реки» С. Нилуса

Глава 23

О ТОМ, ЧТО ВИДЯТ БОГОИЗБРАННЫЕ ДЕТСКИЕ ДУШИ

В Киеве мне довелось быть в общении с возобновителем Скита Пречистыя, что в Церковщине, игуменом Мануилом. Составляя его житие и историю восстановления его обители, я слышал от него много дивного о его великом Старце, схиархимандрите Ионе, строителе Киевского

Свято-Троицкого монастыря. Один из его рассказов, особенно запечатлевшихся в моей памяти, переданный мне впоследствии в рукописном списке с жития старца Ионы, составленного Е. Поселяниным[1], я хочу привести здесь, из опасения, что это сокровище духа иным путем может никогда не увидеть свет.

«Когда Иоанну, будущему старцу Ионе, — так сообщается его келейными записками, — было всего шесть месяцев, он пропадал 12 дней из виду своих родителей. А было это так.

Однажды в летнее утро, шестимесячным младенцем, Иоанн остался один на дворе, а мать его, оставя его одного, пошла внутрь дома и занялась по хозяйству.

Солнце только что взошло. Было ясно, светло и тепло... Лежа среди широкого, зеленого ковра, обогреваемый солнечными лучами, видя над собой беспредельный голубой шатер неба, младенец следил глазами за голубями, летавшими по воздуху. Его охватило желание летать, как они...

Вдруг к нему подходит Старец. У Старца была большая, густая, широкая и длинная борода. Обнаженный череп только по краям был покрыт волосами. На нем была синеватая нижняя одежда, опоясанная поясом, а сверху зеленоватая.

---

[1] Сказание это составлено по келейным запискам старца Ионы. Писаны эти записки на больших листах мелким неразборчивым почерком славяно-русским языком. Переложено на русский язык с некоторыми сокращениями Е. Поселяниным. Сказание то, как и все Житие старца Ионы, составленное Е. Поселяниным, находится в рукописи и составляет собственность Свято-Троицкого Киевского Ионинского монастыря (Сергей Нилус).

Старец сел на землю, на зеленой траве, справа от младенца. На приятном лице его играла улыбка... Сперва младенец взглянул на старца, но сейчас же перестал смотреть на него, так как он мешал ему видеть летающих голубей.

Старец ласково заговорил.

— Ты смотришь на голубей, — сказал он. — Тебе нравится, что они летают. Им крылья даны Богом, оттого они и летают, и тебе бы того же хотелось. Но ты человек естеством, а не птица и потому не имеешь видимых крыльев. Тебя это печалит, но ты не скорби, а молись Господу Богу, Создавшему тебя, люби Его, благоугождай Ему и верою, правдою и любовию истинно Ему послужи. И Он даст тебе крылья не временные и тленные, но вечные, которые вознесут тебя горе́. Эти крылья дает людям на подвиг Господь Бог наш Вседержитель и Возлюбленный Его Сын, Господь наш Иисус Христос Спаситель, искупивший нас Своею Божественною кровию.

Потом Старец спросил младенца:

— Желаешь ли ты иметь крылья и парить на них и восходить всё выше и выше к Богу, живущему во веки веков?

Младенец, глядя на Старца, ответил:

— Желаю, чтобы Бог дал мне такие крылья.

— Тебе еще мало дней, — сказал с улыбкой Старец. — Но запомни и сохрани на всю твою жизнь мои слова: Бог Сущий неизменным, Бог Сущий ныне и во все нескончаемые веки подает эти крылья людям, как крылья премудрости, разума, смысла, силы и жизни. Бог изрек: «Если кто любит отца и матерь больше Меня, если кто не

отречется всего своего имения, не достоин Меня». Если кто послушает гласа Его и возлюбит Его Единого выше всего и всех, тому Бог дает и силу и полет горе́. Возлюби же и ты Господа Бога твоего, создавшего тебя. Родителей твоих люби, уважай и почитай, люби наравне с ними и всех людей, но всею любовию твоею люби Бога; люби Его всею душою, всем сердцем, умом и мыслью; люби Его больше родителей твоих, не противопоставляй им Бога.

Когда Старец сказал младенцу, что Бога надо любить больше родителей, ему стало жаль их: они хранят его, питают, ласкают, дорожат им, и за все это он должен их мало любить. Слова эти ему показались чрезвычайно горькими.

— Как это возможно, — сказал он Старцу, — не любить родителей? Это для меня тяжко, и поступить так я не могу.

Тут Старец взял его за руки. Указательным пальцем правой руки он вскрыл ему грудь, обнажив внутренности, чтобы вынуть слабое и робкое человеческое сердце, что-то извнутри вынул и выбросил, а потом место разреза загладил рукою[1].

Потом Старец взял Иоанна за правую руку и сказал ему:

— Ты со мною не бойся ничего, и держись крепко за меня и за мою одежду, и иди со мною смело!

Они отправились и вышли в какое-то место чистое и высокое. Там дули страшные ветры, так

[1] Старец Иона незадолго до смерти показывал шрам на этом месте старому келейнику отцу Виктору (в схиме Виссарион).

что едва можно было устоять на ногах. Постепенно приблизились они к другому месту, широкому, ровному, чистому, светлому. Там стояла высокая стена-ограда, и стена издавала из себя великий свет.

Старец взял спутника за руку и сказал ему:

— Успокойся и ничего не бойся! Мы миновали ту бурю и тот путь, и мы уже пришли сюда, в тишину. Здесь нет никакого страха. Здесь царствует только благоговейное благодарение и любовь. Здесь пребывает Бог и истинно Его возлюбившие послушники Его... Ты видел бурю и вихрь там, где ты проходил: он был страшен, но не повредил тебе ни в чем. И ныне ты совершенно цел. Это образ твоего бытия. Многие вихри и бури встретятся на пути бытия твоего, но зри сам, где ты ныне стоишь, пред Кем и к Кому идешь. Зри без страха и боязни, с благоговением и любовию чистою.

Они подошли к великим и дивным вратам, и вверху врат сиял светом Крест Господень. Два воина стояли на страже пред вратами, светлые и прекрасные, и держали в свои руках мечи. Протянув руки с мечами, они крестообразно преградили вход во врата.

— Помолимся Господу Богу пред вратами, — сказал Старец.

Когда они перекрестились и поклонились Животворящему Кресту Господню, тогда стражи опустили мечи свои и дали путникам свободный вход.

Не рассказать словом, что открылось пред путниками, когда они вошли в те врата. Здесь было

небо новое и земля новая, свет сияющий, воздух легкий, свежий, тонкий; земля чистая, светлая, как чистый хрусталь; деревья по обе стороны их пути стояли живые, издавали от листьев своих благоухание, и между деревьями росли цветы разных сортов, разной красоты, разнообразной величины.

Там стоял храм Божий. И вошли они внутрь его и стали пред отверстыми вратами священного алтаря. И на высоком Престоле Славы восседал Сущий. Лик Его окаймлен был власами и был светел, ласков, спокойно мирен и влек к себе сердце и дух в сильную к Небу любовь.

И ужас объял младенца. И был он как мертв. И Старец поддерживал его. И чувствовал он, как веет на него духом жизни. Он словно обновился и стал в новой силе пред Богом своим. И ему показалось, что ему шел 21-й год.

И все окружающие Божественный Престол воспели хвалу, славу и благодарение Сидящему на Престоле, и дивно величественна была та песнь. Небесные Силы воспели Параклит Парящего, Оживляющего, Животворящего и Освящающего. Они пели священные слова «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», и с ними пело великое множество разного рода племен, чинов, колен, званий и возраста — люди, лики святых, пророков, апостолов и иерархов Господних, царей, священников, мучеников и всякого чина и звания праведных, убеливших одежды свои, изукрасивших Кровию Агнца, истинно возлюбивших Господа Иисуса Христа Сына Божия.

И ближе всех к огнезрачному Престолу стояли девственники, ничем не осквернившие себя

в земной жизни. Одеянные в белую одежду, они стояли у Престола, предначиная песнь хвалы, славословия, молитвы и благодарения. И никто не сиял такой славой, как иноки, облеченные в схиму.

Когда всё множество святых запело божественные песнопения, тогда Старец сказал:

— Юноша! Воспевай же и ты Владыку всех и Господа и приникни к тому, где ты теперь стоишь, что видишь и что слышишь. Произноси ясно слова Хвалы Господней, ибо животочные слова те и безсмертны — они пребывают во век. Слушай и внимай! Сейчас начнется песнь, воспеваемая Господу, Триѵпостасному Божеству, Богу Отцу, Богу Сыну и Богу Духу Святому, от всех святых и горних небесных чинов, от всех земнородных и от всей твари видимой, от всего создания Божия и от всех стихий. Внимай же прилежно, кто будет предначинать Богу эту песнь.

И стала тогда великая тишина.

И тогда, по повелению Господню, один из серафимов предстал пред Престолом Господа Славы. Он взял от алтаря кадильного кадило, и вложил в него фимиам молитв святых, и стал пред Господом, имея в руке то кадило.

И девственники, окружающие Престол Господень, предначали песнь великую, трегубую. И воспевали хвалу. И песнь неслась как из единых уст: от святых, с земли от земнородных и от всей твари видимой и невидимой. И стройности того пения и согласия даже и представить ни звуками, ни словами невозможно. А Серафим, предстоя пред Господом, воздымал пред Ним кадило

молитв святых, славословия, величания и благодарения Творцу всяческих.

Господь повелел Старцу показать Иоанну все обители святых.

Глава 24

И когда Старец с Иоанном вышли из храма, то пред ними открылось широкое пространство неизъяснимой красоты.

Земля была там чистая, светлая, сияющая радостью, и на ней было много живых, роскошно зеленеющих деревьев. Иные из них цвели, на других были только завязи, третьи несли уже на себе плоды. И чудные листья тех деревьев, тихо трепеща, возносили, как живые, хвалу Господу, Создателю всякого творения.

Иоанн стоял в оцепенении и не хотел двинуться с того места, где стоял и молил Старца, прося навсегда оставить его здесь, где отовсюду окружал его преизбыток и торжество жизни.

Земля — жизнь. Небо, светло сияющее, — жизнь. Излияние воздуха — жизнь. Сияющий, мягкий свет — жизнь. Деревья, украшенные красотою и славою, — жизнь. Цветы различной красоты и великолепия, расстилающиеся по земле, — жизнь.

И всё это привело юношу в восхищение. Он был вне себя и умолял спутника своего и путеводителя оставить его на этом благословенном месте. Но Старец понудил идти далее.

И дошли они до стены высокой ограды. Прекрасные врата были увенчаны крестом, и над вратами была надпись, слова которой испуска-

ли сияние, как от солнца расходятся лучи. Там было написано: «Здесь святая обитель Всесвятой Владычицы міра и Царицы царствующих, Матери Бога нашего, Пресвятой Девы Марии. Если кто из земнородных призовет Ее имя, тот спасется».

Старец приказал Иоанну прочесть всё надписанное над вратами. Когда он прочел, ожил в нем дух, упавший от разлучения с виденными местами, и он забыл и их, и то, что хотел в них навсегда остаться.

Старец сказал ему:

— Сотворим молитву ко Пресвятой Владычице и Царице, истинной Богородице, во всем благом Поборнице! — И начал Старец сказывать слова молитвы ко Владычице и Царице всех, и приказал Иоанну повторять за ним эти слова ясно и умиленно, объясняя ему, что это — слова жизни.

Когда они сотворили молитву до конца, изнутри раздалось слово: «Аминь!» Тогда величественно распахнулись пред ними врата Святой Обители. Внутри, начиная от врат, в два ряда стояли воины в воинских сияющих доспехах. На их главах были царские венцы, а в руках мечи.

Радостью просияли лица насельников Небесной обители Пречистой Девы, когда предстали пред ними входящие, и все воспели великую божественную песнь Пречистой Владычице Богородице, Матери Господа Бога нашего. И все множество небожителей, вышедших им навстречу, пели песнь сладкую и радостную, исполненную

жизни и неизреченной сладости, какую не выразить никакими устами и никаким языком.

Старец спросил Иоанна:

— Почему ты не поешь с ними песнь Богоматери?

— Я вне себя, — отвечал юноша. Но Старец приказал ему петь громко и, прислушиваясь к словам поющих, повторять их разумно и достойно.

И по пении том все двинулись от врат ко храму Всесвятой Владычицы Госпожи Богородицы.

Глава 25

Никто выразить не сможет той силы радости, торжества и той великой любви к Пресвятой Владычице, Матери Умного Света, который охватывает душу на пороге Ее храма...

Иоанн уже стоял пред Ее Престолом. Чудно было видение Преславной Царицы небес. Радость сияла на пресветлом Ее Божественном Лике, исполненном мира и любви ко всем земнородным...

А вокруг раздавалась хвала ликов святых и ангелов Матери Света.

Престол Царицы небес окружают небесные воины, святые архангелы и лики святых девственниц в светлых, убеленных ризах, сияющих несказанным светом, с венцами на главах, и в венцах горели драгоценные каменья.

Когда было совершено славословие в храме Всесвятой Владычицы, наступила великая тишина. Тогда Матерь Умного Света призвала одного из предстоящих архистратигов и велела ему принять из алтаря кадильного кадило с горящим углем.

И предстал архистратиг пред Владычицей у Ее Святого Престола. И повелела Пречистая одному из предстоящих святых возложить в кадило фимиам молитв праведников и вознести дар молитвы славословия, хвалы, величания, благодарения и поклонения Вседержителю Господу Богу, Искупившему нас кровию Своею, неизглаголанною силою Своего Божества.

И пели песнь великую, дивную, сладкую, исполненную крепости, жизни и бессмертия. И, совершив хвалу, все пали на землю и поклонились Его Божеству. И снова настала тишина.

И тогда раздалось новое пение — то была хвала Матери Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа, Сына Божия. Все воспели в песни Царицу и Владычицу, песнь дивную, предивную. И радостью, и славою, и великолепием звучала эта песнь, которою лики святых едиными устами и единым языком похваляли Пренепорочную Деву.

Изумлялся Иоанн силе и величию той хвалы. А старец, державший его за руку, сказал ему:

— Приди в себя, юноша, и дерзай, и будь сопричастник пения, и воспой с поющими и воспевающими хвалу Всесвятой Владычице, Матери Истинного Бога нашего, чрез Которую Он нас спас и Которая нас привела сюда.

И юноша стал причастником той великой хвалы, которую воспевали святые Богоматери пред Пречистым Лицом Ее. И трепетал смертный состав его тела, а душа расширялась от той чудной хвалы, готовая расторгнуть союзы с телом, не могущим вместить хвалы той.

И зарыдал Иоанн, и струи слез текли из очей его, а сердце взывало: «Боже мой, Боже мой! Неизреченна Твоя благость и Твоя любовь к нам, тленным смертным людям!»

— Не бойся! — сказал ему старец, — место, на котором мы ныне стоим, не место мертвых, но во век живых: нет здесь смерти — здесь одна жизнь.

И когда Иоанн несколько пришел в себя от душевного потрясения, восторга и радости, великое славословие Богоматери было совершено, и все славящие Ее поклонились Ей до земли.

И сошла тогда Всемилостивая Владычица с Престола славы, остановилась во вратах святилища и тихим словом любви подозвала к Себе старца, державшего в своей руке руку юноши Иоанна.

— О, предивный, премудрый и Боголюбивый, святый, великий апостол Христа, Бога Сына Моего, Иоанн Богослов, — рекла Владычица, — неустанно обходишь ты поднебесную. Премудрым предвидением твоим привел ты сюда этого юношу...

И, обратясь к Иоанну, продолжала Пречистая:

— О, юноша! Святый Дух умудрил тебя довериться старцу. Доверясь ему, ты предал себя в руки сотворившего тебя Господа Бога, Искупившего тебя и всех, здесь стоящих, Своею Кровию, за тебя и за них излиянною, и Господь привел тебя ныне в Мою обитель.

И много еще говорила юноше Иоанну Владычица, а он стоял в восторженном ужасе и трепете, в неизглаголанной радости сердца.

— Не бойся же, юноша! — продолжала матерински говорить Богоматерь, — но только внимай себе. Тебе нужно быть еще там, откуда ты пришел. Помни там, что ты безопасно миновал угрожающие тебе бури, и пропасти, и великие грозы, потому что зрел тебя и руководил тобой Господь Вседержитель.

И повелела затем Владычица одному из святых мужей повести юношу Иоанна по Обителям святых, и он в великом благоговении последовал за указанным ему путеводителем и за старцем, пришедшим с ними.

— Кто святой тот, что показывает нам Обители и говорит с нами? — спросил юноша Иоанн.

— Это, — отвечал старец, — великий святой, дивный в пророках, печать святых пророков. Имя его Иоанн, святой Креститель Господень.

Глава 26

Как описать этот обход Обителей святых?

Полки небесных сил охраняют всех там живущих и служат им. Обители все дивные, великие, пространные, и неизъяснимо прекрасно их украшение. Деревья многоразличны, исполнены красоты и мощи; цветы многообразны и, стелясь по земле, испускают ароматы чудной нежности, а воздух напитан и преисполнен жизнию.

Живущие в обителях тех святых матери и девы с любовию и радостию встречали путников и, приветствуя их, славили Господа Бога, Спасающего и Милующего рабов Своих.

И спросил юноша Иоанн старца и святого мужа, ведущего их:

— Что значит, что вижу я снаружи стен этого града, на стенах внутри, на вратах и храмах снаружи и внутри, и на всех Обителях святых, и на завесах, и на вратах храма Господня — везде изображено имя Всесвятой Владычицы Девы Марии, Матери Царя Славы Иисуса Христа, Сына Божия, а над этим именем вверху всюду царская корона, и от слов и от короны исходит великий свет?

И ответили ему путеводители:

— Велико Всеславное, Всесвятое имя Девы Марии, безсеменно зачавшей и безболезненно рождшей Царя Славы Христа. Предивно и преславно Имя Ее — Мария. Она — Царица небес и земли и Владычица всей твари, Высшая небес и Честнейшая и Славнейшая Херувим и Серафим. Ее помощью и милостью все мы спасемся. Ею спасается мiр. Она — мост, приводящий к небу.

Этот обход Обителей святых исполнил радостью сердце юноши Иоанна, и был он от него в восхищении ума, в неземном восторге.

Когда же возвратились они к Богоматери, сказала Владычица:

— О, юноша! Благо тебе, что ты возлюбил Господа Бога твоего и всего себя предал Ему в любовь и послушание Божественной воле Его. Ты обрел бесценный бисер Христа с детства самоохотно и прилепился Ему, подклонив выю твою под благий ярем святой Господней воли. Ты пойдешь во след Его, восприняв от Него твой крест. На твоем пути тебя встретят бури, вихри, терния и волчцы, но ты благополучно минуешь их. Да будет ум твой направлен всегда к Нему горé,

туда, где ты теперь с нами всеми, и все мы единодушно и с великой любовью будем ожидать вновь прихода твоего сюда.

И Владычица продолжала:

— И еще скажу тебе: да не погаснет никогда в сердце твоем чистейшая любовь к Сладчайшему Господу Иисусу Христу. Всегда имей имя Его в уме, в духе, в душе, но и в теле твоем: будь чист весь во все дни бытия твоего на земле... Милость Господня предварила тебя. Она велика и неисповедима, ибо Бог так возлюбил человека, что Единородного Сына Своего не пощадил ради его спасения. Так живи же в Нем, будь Ему спослушником и ничего не бойся. Он с тобою. Служи же и делай, не ослабевая в служении святом и Божественном прехвальном послушании Ему во всегдашней радости, веселии, в утешении от Него и в Нем... Я буду следить за тобою, и очи Мои будут на тебе, и посещения Мои явятся тебе во время благопотребное. Ты вскоре отойдешь отсюда, но недалеко и ненадолго, а ум твой, дух и сердце твое будут здесь. Осмотрись же внимательнее, пока ты еще здесь, чтобы унести всё это с собою в сердце своем.

И неизглаголанной радости исполнилось сердце Иоанна от слов Владычицы. И вновь велела Богоматерь всем воспеть песнь хвалы; и земля, и небо, и воздух подвигнулись на великое то славословие, и юноша Иоанн от восхищения, сладости и радости пения того упал замертво.

Владычица коснулась руки его и главы и сказала:

— Тело твое смертное не в силах вынести этого славословия, но дерзай и жив буди и воспой с нами Господу слова хвалы.

И вновь воспелось славословие великое, и в нем, по глаголу Владычицы, принял участие и юноша Иоанн, с бессмертными воспел дивную песнь хвалы и благодарения Творцу всяческих...

Глава 27

И когда юноша Иоанн вышел из Обители Пречистой и продолжал путь со своим старцем, старец сказал ему:

— Те слова, которым ты внимал в пениях безсмертных и которые ты воспевал и сам, слова эти дух возьмет от тебя, ибо, пока ты плоть и кровь, ты их отсюда с собою на землю земнородных снести не можешь. Там всё смерть и тление. Здесь же одна жизнь, и жизни полны те слова, которыми ты возносил здесь хвалу Господу и Всесвятой Его Матери.

— Как, — спросил юноша, — разве мне нужно опять быть там, откуда ты меня взял?

— Да, ты будешь там. Господня воля на то, чтобы ты был там, чтобы ты прошел все пропасти, стремнины, ветры, бури, вихри, как тебе о том говорила Сама Всесвятая Владычица. Но твоей любовью к Богу, к Пресвятой Владычице Богородице ты навсегда там будешь укреплен в духе и всегда будешь памятовать о том, где ты сейчас находишься.

Сильно опечалили душу юноши Иоанна эти речи, и в горести упал он, где стоял, на землю. Ему казалось лучше разстаться с жизнью, чем с

этими местами. Так лежал он на земле, обливаясь слезами, и не желал утешиться.

А окрест него всё было так величественно и дивно прекрасно! Повсюду росли деревья, полные жизни, издавая листьями своими шум, подобный звуку струн или громогласно-мелодичных духовых инструментов, вещая хвалу их Создателю. Чистейший воздух дышал тонкой прохладой. Всюду был разлит живой свет, будто сияло не одно, а несколько солнц, но свет тот был тихий и мирный. В великой скорби от предстоящей разлуки с этими местами, юноша Иоанн со слезами продолжал умолять старца оставить его здесь.

— Нельзя быть тебе здесь, — отвечал ему старец. —Многомилостивый Господь в благости Своей вознес тебя сюда от земли, чтобы показать тебе всё, что ты здесь видишь очами и слышишь ушами и что осязаешь руками, что измеряешь стопами. Здесь земля новая, чистая, здесь свет немеркнущий и никогда не изменяющийся; здесь нет ночи и день не нуждается в солнце, ибо Солнце его — Солнце Правды Господь Бог. Человеку тления здесь, пока он во плоти, не место. Показал тебе чудеса этой жизни Господь не для того, чтобы ты скорбел, но чтобы ты их хорошо запомнил, вспоминал о них в земной твоей жизни, радостно благодарил за них Господа и был полезен на земле и другим, ищущим спасения.

И много другого говорил старец юноше Иоанну и поднял его на ноги от земли, на которой он лежал, обливаясь горькими слезами.

И предстал им тут юноша прекрасный, одеянный в белые сребровидные ризы и препоясанный накрест орарем, и сказал:

— Сей юноша добрый, возлюбивший Бога, хочет остаться с нами. Но ему должно идти в мір и там творить заповеди Божии, поддерживая в сердце своем огонь любви к Господу Богу, и тогда уже соединиться с нами навеки.

И юноша тот прекрасный передал старцу Господнее повеление поставить Иоанна пред Господом.

Глава 28

У Храма Вседержителя архистратиг Господень, предначиная песнь хвалы Агнцу, Закланному прежде сложения міра, призывал громогласно все племена людские присоединиться к великому тому пению. И вознеслось тогда хвалебное, великое и сладкое величание, и в величании том святые сотворили молитву к Бессмертному Агнцу о живущих на земле, верующих в Его Святое Имя. А Иоанна объял страх, что он смертный и стоит среди святых в их селениях.

И когда после славословия настала тишина, Господь Иисус Христос повелел старцу подвести к Себе юношу Иоанна и ублажил его за его любовь к Себе с детских его лет.

— Смотри, — сказал ему Господь, — на язвы от гвоздей на руках Моих, осяжи раны гвоздильные на ногах Моих, прикоснися к прободенной копием воина язве у ребра Моего.

И пал юноша Иоанн на землю в слезах ужаса и жалости, видя жестокие раны раскрытые, глубокие на руках, ногах и ребрах Христа.

— Не бойся, юноша, — сказал Господь, — прикоснись и осяжи раны Мои. Я все терпел ради

избранных, верующих в Меня. И ныне Я снова терплю за избранных Моих и ныне еще верующих во Имя Мое и терпящих ради Меня гонения, скорби и страдания, за любовь, которую они имеют ко Мне. Я с ними, и с ними страдаю, и люблю их, и все за них приемлю на Себя. Словам Моим внимай: они полезны будут и тебе, и по тебе и другим.

Храм Господа Бога, где пред лицем Господа стоял юноша Иоанн, был так обширен и велик, что всё безчисленное множество всех чинов святых и людей всякого колена, рода и чина — все свободно вмещались внутри Храма Господа Славы.

И снова повелением Господним юношу Иоанна водили по иным многим Обителям святых; и тою же нетленною красотою сияли и те Обители, и те же там воспевались неизреченною красотою звуков песни хвалы Господу. И в одной из этих Обителей приступил к юноше Иоанну некто и, возложив руку свою ему на голову, сказал:

— Ты юноша — первенец у отца и матери. И я имел сына первенца и принес его в жертву Господу Богу моему. Вот я и сын мой — мы оба здесь. Так и ты — возьми себя во всесожжение Богу и не сомневайся в Нем.

То был Авраам, друг Божий. После того видел юноша Иоанн Обители пророков и апостолов и другие светлые Обители — и всюду всё сияло и ликовало неизреченною радостью и веселием.

И когда вернулся юноша Иоанн со своим старцем-путеводителем в Храм Господа Вседержителя, где вновь услышал пение новой хвалы,

Господь дал старцу книгу жизни и повелел показать ее Иоанну, но с тем, чтобы он не читал ее. Книга эта была мелко написана. Иоанн просил прочесть ему из книги хотя одно слово, но голос Всевышнего повелел ему принять эту книгу и съесть. И он ее ел, как мягкий и сладкий хлеб. И было в гортани его ощущение великой сладости, но потом почувствовал он в себе великую тяжесть и болезнь, как бы в прообраз того, как трудно смертному человеку исполнить, претворить в жизни своей закон Христов.

И сказал Господь:

— Это не в болезнь, а во врачевание тебе то, что ты принял.

И ощутил тут в себе Иоанн великую силу и возраст тридцатилетнего мужа. И стоявшие у Престола Божия воинственные мужи по Господнему повелению взяли с Престола одежды, начали одевать Иоанна в воинские доспехи — в латы и шлем — и дали ему оружие — меч, лук и стрелы. И стал Иоанн мужем крепким и сильным. И голос Господа изрек:

— Смотри на себя! Ты теперь муж годами, силою и крепостию. Ты вооружен благодатью — не бойся, иди и стой, ибо Я с тобою.

От этих слов Спасителя Иоанн почувствовал во всем существе своем необыкновенную силу и крепость. И повелел Господь сопровождавшему Иоанна старцу блюсти его и быть ему руководителем во все дни его жизни. Сам же десницею Своею коснулся груди Иоанна и сказал:

— Сердце твое принадлежит Мне.

И вновь воспето было славословие великое и великая хвала Господу. И вышел Иоанн со своим путеводителем, сопровождаемый святыми, из града Господня, и оказались они на том месте, на лужайке у бедной хаты посада Крюкова города Кременчуга, откуда старец восхитил в небесные Обители Иоанна. И снова на лужайке той Иоанн лежал шестимесячным младенцем.

— Смотри, — сказал старец, — мы возвратились: вот твой дом, отец твой и мать твоя. Не бойся, чадо мое. Я буду посещать тебя.

И положил старец младенца Иоанна на земле и, обложив его травою, как в колыбели, стал невидим.

Тут выбежала мать в величайшей радости, что обрела вновь своего ребенка, пропадавшего 12 дней.

Сказание это свидетельствовал сам великий старец схиархимандрит Иона, строитель Свято-Троицкого Киевского Ионина монастыря, запечатлев сказание это своеручно в своих келейных записках. Запись же эта помечена им 1838 годом и до кончины великого старца известна была лишь немногим особо доверенным и приближенным к нему лицам.

Цены нет этому сокровищу духа для души развитой духовно; ей и посвящается этот умный бисер в назидание, утешение и укрепление за молитвы схиархимандрита Ионы, старца великого. Аминь.

Глава 29

О ТОМ, КАК ВИДЕНИЯ БОГОИЗБРАННЫХ МЛАДЕНЦЕВ ОПРАВДЫВАЮТСЯ В СОВЕРШЕННОМ ИХ ВОЗРАСТЕ НА ДЕЛЕ

В конце 90-х годов на пути моего земного странничества мне довелось, по милости Божией, повстречаться с одним из духоносных архипастырей нашей Церкви. Это был епископ Макарий, бывший Калужский, а потом Оренбургский. Скончался он в Белевском монастыре на покое. В Белеве же я имел счастье с ним познакомиться и от него слышать сказание о старце схиархимандрите Ионе, известное ему из уст самого Старца.

«Сказывал отец Иона, — говорил мне епископ Макарий, — как Сама Пресвятая Богородица призвала его к строительству Свято-Троицкого монастыря в Киеве, когда он был никому еще не известным иеродиаконом Белобережской Пустыни.

Было это, — сказывал мне отец Иона, — летом того года, когда были великие пожары во всей Орловской губернии, когда горел Орел, Елец и другие города, сгоравшие почти что дотла. Был один из великих праздников: не то Вознесение, не то Троицын день. Потрапезовав с братией, я пришел в свою келлию, совершил обычные благодарственные молитвы Господу Богу, Богородице и всем святым с земными поклонами; потом снял с себя мантию и подрясник, повесил на свое место, скинул башмаки и остался в одних чулках да в одежде.

Дверь келлии была закрыта мною на крючок. Поставил я свою скамеечку, сидя на которой обычно занимался Иисусовой умной молитвой, облокотился о столик, правой рукой подперев голову у правого уха, взял в левую руку четки и, сидя в белом балахоне, стал творить молитву. Прошло с полчаса...

Вдруг слышу, за дверью кто-то молитвится:

— Молитвами святых Отец, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!

Я не ответил. Молитва повторилась. Я промолчал. В третий раз молитвится кто-то. Я опять не ответил «аминь». Слышу, голос женский... Взяла меня досада на беспокойство, а тут вдруг дверь сама отворилась, хотя и была на крючке, и кто-то вошел. В сердцах я обернулся и тут же со скамейки упал на пол без памяти и лежал как мертвый, пока почувствовал прикосновение руки. Очнулся: предо мною Матерь Божия и с Нею одиннадцать светлых спутников, как потом узнал я из слов их: святые апостолы Петр, Иоанн, Иаков, Лука; Святитель Николай Чудотворец, святой великомученик Георгий Победоносец, святые великомученицы Варвара и Екатерина, святая мученица Феврония и преподобная Евфросиния Полоцкая.

— Мы пришли к тебе, — рекла Пречистая, — с сими святыми возвестить тебе дело святого послушания, чтобы ты потрудился и послужил Господу Богу, исполняя Его святую Волю во славу Имени Его, на благо святой Его Церкви и верующих в Него.

Я всё еще лежал в страхе.

— Дерзай! — сказала Владычица и подняла меня за руку. И встал я пред Матерью Божией на колени и услышал от Нее такое слово:

— Сын Мой и Бог восхотел явить славу Свою в последние дни рода сего, и тебя Он избрал орудием святого дела Его и благоизволил Меня и тех, кто предстоит Мне, послать к тебе. Нужно тебе оставить святую обитель и перейти на другое место, чтобы там послужить Ему и исполнить Божественную волю Его. Воля же Его, чтобы на месте, которое будет тебе показано, была устроена обитель в прославление Его и чтобы собрались в нее боголюбивые иноки послужить и благоугодить Ему. Но ты не смущайся и знай, что Господь Бог Сын Мой будет там и Я там буду и пребудем там до скончания века. Ты — орудие, а всё делание будет Бога. Внимай: монастырь на том месте будет великий и иноков соберутся полки — сонм людей, возжелавших Господа Славы.

И пал я после слов этих к пречистым стопам Богоматери, орошая их слезами.

— Молю тебя, Всесвятая Владычица, — восклицал я в великом смятении духа, — оставь меня почить здесь и положить кости мои в этой обители: скудоумен, нищ, худ, грешен, немощен во всех слабостях моих и страстях, а для такого дела потребен муж правды, исполненный мудрости, разумения духовного, силы, просвещенный свыше благодатию Божественною, муж исполненный веры, надежды и любви. Не вижу я в себе ничего доброго и не подготовлен я к этому священному и великому делу. Не просвещен я Словом Божиим, и крайний невежда я в Священ-

ном Писании. В строении домовном и устроении святой обители совершенно неопытен и неискусен. Молю Тебя, Всесвятая Владычица Богородица, Матерь Всемилостивого Бога, оставь меня скончать здесь дни моей жизни.

— Всуе мятешься ты, — рекла Владычица, — всуе противишься воле Всеблагого Бога: на полезное и спасительное дело избрал тебя строителем, а ты противишься Ему подобно Савлу, гнавшему Церковь Его Святую. Скажу тебе более, уже не в пользу твою: не противься воле Сына и Бога Моего и Моему желанию и воле и Мною налагаемому на тебя послушанию. Иди и потрудись!

Снова отрекался я, заливаясь слезами.

— Дивлюсь тебе, — сказала Матерь Божия, — оставляла ли Я тебя когда-нибудь? Не всегда ли Я была везде с тобою? А ты всё не уверяешься во Мне. Неужели же Я наветница твоего спасения или желаю ввергнуть тебя во зло? Вспомни святого праотца Авраама: Господь указал ему переселиться в иную землю, — противился ли он Богу? Так и ты, — иди на место, которое Господь благоволил избрать для тебя.

— Матерь Божия! Оставь меня в Белых Берегах.

И сказала на то упорство мое Владычица:

— Размысли, подумай, а Я снова приду к тебе. — И, исходя из келлии, Владычица повелела мне проводить Ее. На крыльце келлии я пал Ей в ноги, а когда поднялся, то увидел Ее и сопутствовавших Ей святых уже входящих в храм чрез церковную паперть.

А в келлии разлито было такое благоухание, которому и подобия нет на земле.

Глава 30

Прошло две-три недели. Был опять праздник, и опять я занимался молитвой Иисусовой, всем умом и сердцем погрузившись в это умное делание. И снова послышалась мне чистым женским голосом произносимая входная молитва, и снова молчал я, недовольный, что прерывают молитву, и снова дверь отворилась, как тогда, сама собой, и снова упал я еле живой, и, как прежде, воздвигла меня Владычица, и от прикосновения руки Ее разлилось в теле моем преизобилие жизни.

И с Материю Божиею явились вновь угодники Божии, и было их более прежнего.

И стою я на коленях пред Пречистою Владычицею, и слышу, говорит Она мне:

— Вот опять пришли мы к тебе, исполняя волю Господа Сына Моего. Как решил ты о послушании, к которому Господь призывает тебя?

И вновь, окаянный, я стал отрекаться в страхе пред непосильной для меня тяжестью возлагаемого на меня бремени:

— Об одном просил я и прошу Тебя, Мати Божия, оставь меня навсегда на этом месте.

И не прогневалась Царица Небесная и кротко рекла:

— Напрасно волнуют сердце твое помышления суетные: Господь создаст тебе обитель и пришло время исполниться воле Его. Пойми же ты, что ты только орудие Его, а всё дело, труды и по-

печение — всё будет Его. Не в скорбях и болезнях твоих будеши. И да будут тебе поручителями в словах Моих все сии...

И Матерь Божия назвала всех сопровождавших Ее святых поименно каждого. И были они: святая равноапостольная Мария Магдалина, святая первомученица Фекла, святые великомученицы Варвара и Екатерина, Святитель Христов Николай, святые великомученики Георгий Победоносец, Феодор Тирон, Феодор Стратилат, святая мученица царица Александра, святые апостолы Петр, Иаков, Иоанн, Лука, Симон Зилот и Святый Иаков брат Господень, первый епископ Иерусалимский, святитель Иоанн Милостивый, святые равноапостольные царь Константин и князь Владимир, святый благоверный князь Александр Невский и святая благоверная княгиня Ольга.

Но я, грешный, всё об одном молил:

— Оставь меня, Матерь Божия, на месте сем, благоволи и кости мои сложить в той обители!

И опять продолжала убеждать меня Царица Небесная:

— Зачем смущаешься ты, — говорила Она мне, непокорному, — утверди чувства твои в священной воле Христовой. Господь благоволит к чину монашествующих, и Я всегда им готовая Попечительница. Но Я говорю тебе: лучше уйти тебе отсюда. В святой обители этой будет перемена и ослабление в управлении: управители ее будут держаться своего мудрования и будут во многом подобны мирянам, введут их к себе, и миряне обоснуются среди них и братии. И пой-

дет в обители молва и шатание, братия отступят от старцев, и гласу их места уже не будет; станут говорить: «Зачем мне слушать старцев? Они отжили свое время, и мы не хотим знать их учение и будем жить по-своему: наш путь нравится нам, и мы пойдем по нему»... Вот Я возвестила тебе всё, что здесь будет, а ты обдумайся, осмотрись. Я снова приду к тебе.

И уходя из келлии рекла мне Матерь Божия:

— Оставайся в мире. Я приду к тебе опять.

И пал я к стопам Царицы Небесной и долго смотрел вслед Ее, пока стала Она невидима. И был я в великой туге и смятении, не зная, что творить мне, и чувствуя потребность в духовном совете; но советников не было, ибо все близкие душе моей старцы уже отошли ко Господу.

Глава 31

Тогда решил я сходить в Свенский Брянский монастырь, где еще были в то время хорошие старцы. Беседы с ними успокоили меня, и, вернувшись от них, я жил в мире.

Недели через три или более, в будний день, в час, когда я начал заниматься молитвой Иисусовой, последовало мне новое видение Матери Божией.

— Смотри, — сказала Она мне пречистыми устами Своими. — Я вновь пришла к тебе, и свидетели Мои со Мною. Мы пришли вновь звать тебя к святому послушанию. Ты не хочешь знать, что должно произойти здесь. Опять говорю тебе: здесь будут начальники, имеющие ум и очи, зараженные страстями, ласкательные миролюбцы

и плотолюбцы, пекущиеся только о плоти. По холодности и невнимательности слух их будет закрыт славословию. В святом послушании они не будут усердны и мало будут пещись о спасении братии. К ним открыт будет вход мирским людям и женам, и не будут они заботиться о благоустроении святой обители, о благочинии и благочестии братии. Будут они привержены и к винопитию. Старцы и правожительствующие терпимы ими не будут, и не будет им никакого дела до сокровенного учения стремящихся к совершенству. Они будут изгонять доброживущих иноков, говоря им: «Хотите жить у нас здесь, живите как и мы». И ты, малодушный, не понесешь всего того, что заведется здесь, посему и решил Всеблагий Господь извести тебя отсюда.

— Но нет во мне никаких дарований, — дерзнул я возражать Владычице, — всё одни немощи.

— От тебя не дарования требуются, — рекла Матерь Божия, — а покорность, всё же остальное, что явится впоследствии, явится не от тебя, а Самого Христа Бога твоего.

И с явившимися с Материю Божиею угодниками святыми узрел я великого Иоанна Предтечу и Крестителя Господня, и тот, возвысив глас свой, напомнил мне, как он покорился воле Господней и, будучи человеком смертным, возложил руку на главу Господню. И святой апостол Павел, стоявший тут же, поведал о том, как по дороге в Дамаск, послушав Господня гласа, он из жесточайшего гонителя Христова стал призванным Его апостолом.

И пал я в слезах к пречистым стопам Преблагословенной Владычицы, Царицы неба и земли и воскликнул в великом умилении грешного сердца моего:

— Буди воля Господня со мною, окаянным! Буди же и Ты мне, Владычице, покровом, руководительницею и наставницей во всем!

И тут внезапно почувствовал в себе некую перемену: сердце во мне как бы ожило, ум просветился, точно переродился. Всё мне стало легко, и всё существо мое освежилось и ободрилось — точно я вновь родился. А Матерь Божия продолжает утешать и ободрять меня, говоря, что всё исходит от Бога и к Богу же приходит, мне же предлежит только быть верным слугой и послушником Божиим.

И когда стала исходить из келлии и была уже на крыльце Матерь Божия, мелькнула у меня мысль вопросить Ее, где же та страна, где произойти должно все предсказанное, и я спросил о том Пресвятую Деву.

— Место то, — сказала Владычица, — будет Киев, у Лавры над Днепром. Видишь, в той стороне огненный столп... В свое время ты то же место увидишь, отмеченное тем же огненным столпом.

И тогда же мне в видении показано было и место оное, на коем воздвиглась впоследствии Свято-Троицкая обитель, и узрел я над ним столп огненный, который указала мне Владычица и который я вновь увидал уже не в видении, а въявь, на месте своем, когда исполнилось время создания предуказанной мне обители.

«И удивлялся я, — так передавал преосвященному Макарию старец Иона, — и негодовал я на себя за то, что я так долго дерзал противиться небесному велению и вместе ужасался перед тем, что мне было открыто, и тому, какого я, недостойный, был сподоблен посещения; но в душе моей после того наступило полное успокоение и мир Божий, всяк ум преимущий. И был я на всё готов и ничего уже более не страшился, ибо знал, что уже не я буду действовать, а сила Божия совершаться будет в моей немощи. И стала мне Белобережская обитель как чужая, и вскоре после того я выбыл из нее в Киев»[1].

Таково сказание, которое я слышал из уст преосвященного Макария, бывшего Калужского, и которое довелось мне большими подробностями дополнить из неизданного рукописного жития старца Ионы, хранящегося до Богом определенного срока его издания в Киевском Свято-Троицком Ионинском монастыре.

Отец Иона, подобно святому апостолу Павлу и преподобному Серафиму, был девственник, посвятивший себя и девство свое Богу, — таковым дано и здесь на земле зреть тайны третьего неба и там на небе петь дивную песнь «Аллилуия», и пению их «никтоже можаше навыкнути», как о том сказует в Божественном Откровении святый Тайнозритель и девственник Иоанн Богослов: *И видех, и се Агнец стояше на горе Сионстей, и с ним сто и четыредесять и четыре тысящи,*

[1] Записано не по памяти, а по рукописному житию старца Ионы, составленному Е. Поселяниным по келейным запискам самого старца Ионы.

имуще имя Отца Его написано на челех своих... поющих яко песнь нову пред престолом и пред четыри животными и старцы, и никтоже можаше навыкнути песни, токмо сии сто и четыредесять и четыре тысящи искуплени от земли. Сии суть, иже с женами не осквернишася, зане девственницы суть (Апок. 14, 1 и 3–4).

От таковых, яко един от древних, бысть и схиархимандрит Иона, старец Великий.

Из собственноручной записи старца Ионы на старой большого формата Псалтири, на первых страницах значится: «Полтавской губернии, города Кременчуга гражданин, сын Павла Никитича Мирошникова, Иоанн-первенец оставил суетный міp, всю прелесть и славу его временную, имевша тогда от роду лет на двадцать первом году. Холост и никогда не был женат от роду своего. Вступил в монашескую жизнь в 1834 году Генваря 1-го числа, Орловской губернии, Брянского уезда, Белобережской Предтечевой пустыни. При строителе иеромонахе Моисее, пострижен оным Моисеем, уже игуменом, в малый образ в 1836 году Марта 11-го числа. Имя дано Иоиль. В мантию пострижен оным игуменом Моисеем в 1840 году Генваря 1-го числа. Имя дано Иона. Посвящен в иеродиакона Смарагдом архиепископом в 1845 году Июня 20-го числа»[1].

Сергей Нилус

Печатается по:
Русский Паломник. Валаамское общество Америки.
2004, № 29. — С. 14–18, 29–44.

[1] Старец схиархимандрит Иона (в схиме Петр) скончался 9 Января 1902 года *(С. Н.)*.

ТАЙНА ПЕЧАТИ АНТИХРИСТА

(Письмо С. А. Нилуса)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Нижеследующие соображения С. А. Нилуса составляют не статью в собственном смысле, а отрывок из переписки: Сергей Александрович Нилус, известный талантливыми описаниями почитаемых мест богомолья и достопримечательных явлений духовной жизни (особенно святого Серафима Саровского), принадлежит к числу не малочисленных ныне лиц, убежденных в близости пришествия антихриста и конца міра. Однажды уже в бытность мою издателем «Московских Ведомостей» он прислал для напечатания в газете форменное предостережение верующим под заглавием «Ганнибал у ворот», разумея под Ганнибалом именно антихриста. Я не счел возможным дать место этой статье ввиду того, что не нашел ее фактически обоснованной. Но сам интересуясь вопросами эсхатологии, я время от времени обменивался с С. А. Нилусом письмами, задевавшими этот

предмет. Недавно он высказал мне свое безусловно отрицательное отношение к созыву Поместного Собора именно потому, что «Держай» уже «отнят от среды» (это место апостола Павла известно всем, занимавшимся вопросами эсхатологии), и так как я в этом решительно усумнился, то С. А. Нилус ответил мне длинным посланием с подробным объяснением «тайны печати антихриста». С разрешения автора, я решил опубликовать его.

Но что касается возможности созвать Собор действительно «благодатный», я в этом отношении остаюсь при своем мнении, как и вообще при мнении об обязанностях и значении борьбы нашей против мирового зла, о чем пишу особо.

Л. А. Тихомиров

ПИСЬМО С. А. НИЛУСА

Оптина Пустынь 9 Сентября 1910 г.

Дорогой Лев Александрович!

Долгом своей христианской совести и моего содружества с Вами считаю совершенно необходимым поделиться с Вами тем, что для меня представляется *знанием* (не гаданием). Под сим я имею в виду тайну антихристовой печати и звериного числа 666, ныне уже явленную міру и действующую в нем открыто и без всякого противодействия со стороны как Государства, так и Церкви (разумею — официальной).

Предмет значителен и важен и кроме того интересен. Не взыщите, если не буду краток.

С того момента, как мне пришлось впервые ознакомиться с известными Вам «Протоколами Сионских мудрецов» (тому уже прошло с лишним десять лет), я стал добиваться проникновения в суть тайны масонства, предчувствуя в нем скрытого врага не столько даже христианской государственности, сколько Господа нашего Иисуса Христа. Что я на пути своих исканий перевидал по литературе предмета, перечитал и передумал, про то писать Вам здесь не место. Но из всего, доставшегося моему разумению по сему вопросу, я вынес ясное и категорическое заключение, что нашему времени досталось в удел быть свидетелем и участником того момента вселенской трагедии, который в Апокалипсисе изображен 7-м стихом главы XX-й и который представляет собою ничто иное, как последний акт богоборчества диавола с Триүпостасным.

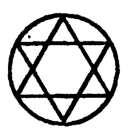
Что это так и что этого уже не скрывает само масонство, — видно было из того, что еще в 1884 году орган итальянского масонства «La Rivista della Massoneria Italiana» — в ответ на предупреждение папы Льва XIII, что «Vexilla regis prodeunt inferni»[1] — ответил такими словами: «Да, да! Знамена властителя ада двигаются вперед. И нет сознательного человека, любящего свою родину, который не встал бы под эти хоругви франмасонства».

Вам известно понаслышке, что диавол является или подвижникам благочестия, или людям, поработившим себя греху, то есть — или тем, кто

[1] «Знамена князя ада двигаются вперед» (лат.). — *Сост.*

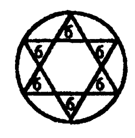
его одолел, или тому, кого он одолел. Современный мір «он», видимо, признал уже безповоротно своим уделом и посему не скрывается от него.

Еще в изданиях русских масонов времен Александра I и ранее мне доводилось видеть некую геометрическую фигуру, изображенную так:

и под ней надписание — *«Тайна шестидневного творения»*.

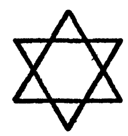
Велико было мое изумление, когда из источников новейших изысканий в области еврейско-масонского засилья во Франции, приводимых Дрюмоном с присными, я узнал, что эта геометрическая фигура, «тайна шестидневного творения», есть фигура каббалы, так называемая «каббалистическая тетраграмма», без которой нельзя будто бы произвести ни одного оккультного действия. Узнал я и то, что фигура эта в то же время служит и большой государственной, так сказать, печатью масонства, причем в этом своем назначении она изображается так:

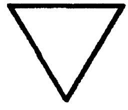
Круг. Два взаимопересекающиеся равносторонние равные треугольника, из которых один

обращен вершиною вверх, а другой — вершиною вниз, и *цифра 6*, помещенная в каждом углу обоих треугольников.

Узнал я, что существуют еще две разновидности этой печати, как бы средняя и малая печати того же масонства, причем средняя изображается так:

а малая так:

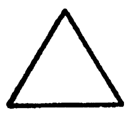

Когда я окончательно пришел к заключению, что масонство есть богоборство диавола, производимое им чрез создание Божие — человека против Богочеловека Ипостаси Пресвятыя Троицы, то я во всех этих разновидностях масонской печати с очевидной ясностью усмотрел ничто иное, как графическое изображение этого богоборства, этой извечной борьбы диавола с Триѵпостасным Богом.

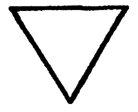
Прислушайтесь:

Круг есть вечность.

Равносторонний треугольник вершиною вверх — Триѵпостасный Бог.

вершиною вниз — диавол.

Взаимопересечение — борьба.

Святая Церковь, как известно, изображает Пресвятую Троицу фигурой равностороннего треугольника, обращенною вершиною вверх, помещая иногда внутри или Всевидящее Око, или начертание Имени Божия.

По Откровению, диавол возомнил себя *быти равным Богу*. Равный первому треугольник, но обращенный вершиною вниз, и есть изображение гордыни диавола и его самого, яко гордыни, а также и существа его дела, прямо противоположного делу Божию, не без свидетельства также и о том, что сатана свергнут с неба (вершина обращена вниз).

Начавшееся в вечности, но, по Писанию, в некоторое определенное время (по Преданию, во время Совета Божия о создании человека с его высоким предназначением), богоборство диавола устремляется в вечность. Тетраграммой или масонской печатью *богоборство* изображается графическим *взаимопересечением* равных треугольников, а *извечность* — кругом...

Кажется — ясно? Ясно, конечно, только нашим дням, которым *дано* знать, что такое культ сатаны.

Далее: что должны изображать собою цифры 6, поставленные в каждом углу треугольника?

По толкованию Св. Отцов, цифра 7 есть изображение настоящего века от Сотворения мира и

до Страшнаго Суда Господня. Век будущий тем же толкованием изображается цифрою 8.

Таким образом, тот век, о котором Св. Писание и Предание свидетельствует как о веке предшествовавшем веку творения, и вместе как о веке отпадения Денницы-Люцифера от Бога, начертанием цифровым *логически* может обозначать только цифрою 6.

В треугольнике три угла:

Три угла — три шестерки: **666**.

Число зверя. Но оно же и «число человеческое», во-первых, потому, что угол равностороннего треугольника = 60°, а во-вторых, потому, что оно будет и именем антихриста. Но об этом последнем значении числа Зверя толковать преждевременно, ибо антихриста еще нет в явлении, а я свидетельствую только о том, *что есть*.

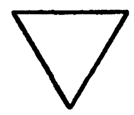
Цель еврейского масонства — образовать *всемирное братство (?)* с общим для всех царем-богом от «семени Давида». Ясно, что «и сеющий, и жнущий едину мзду приимут», и печать масонства будет печатью и «царя-бога» (человека-бога), то есть по-нашему *антихриста*.

Большой печати антихриста мы в обращении повседневном не видим, кроме разве специфических изданий явно или прикровенно антихристианских; ну, а средняя и малая печать в таком теперь обращении, что без средней ни одна иллюминация не обходится.

Этот же знак красуется и на синагогах, и на папиросках «Сион» Илика в Харькове, и на многих мануфактурных изделиях; вместо креста его же воздвигают на шестах на новых стройках в Западном крае и всюду в черте оседлости; он же красуется на кружках по сбору пожертвований на сионистов и на выселение в Палестину семитов; его же (так мне свидетельствовали боголюбцы) накладывали на правую руку во время забастовки в 1905 году тем, кто вступал, снимая с себя крест, в ряды «боевиков» Московской революции...

Что касается малой печати, изображающей собою диавола:

то под этою печатью вы и мы ездим во вновь окрашенных вагонах российских железных дорог, ибо нумер вагона изображается теперь в равностороннем треугольнике, обращенном вершиною вниз. Если захотите проследить, то эту печать Вы найдете на многих предметах домашнего хозяйства. Мы ее нашли в чайных ложках финляндского изделия и т. д.

Но тайну беззакония масонско-антихристовой печати мы не исчерпали еще во всей ее кощунственной сущности. Она еще глубже («глубины сатанинские»), еще омерзительно-ужаснее: она изображает собою чаяние сатаны и его слуг конечной победы его над Богом и воцарения диа-

вола самодержавно над всей вселенной. Тайна эта усматривается из того, что в круге вечности (на большой печати) от взаимопересечения треугольников образуется новая фигура — шестиконечной звезды, «звезды бога вашего Ремфана» (Амос V, 26), что то же — Денницы.

«Велия же беззакония тайна» в том и состоит, что диавол масонов-люцифериан есть по вере их будто бы бог добра, а Пресвятая Троица (прости меня, Господи!) — Бог зла, а также и в том, что царство диавола заменит собою царство Божие...

Может ли быть тайна беззакония, которая по кощунству и беззаконию была бы подобна изложенной?

Уверенно говорю: *нет*.

«Ваш отец — диавол» (Иоан. VIII, 38–44).

«...Говорят, что они иудеи; а они не таковы, но сборище сатанинское» (Ап. II, 9; III, 9).

Думается мне, что — согласитесь ли Вы или не согласитесь с моим толкованием — Вы все-таки не пожалеете времени, потраченного на ознакомление с ним.

В дополнение к изложенному позвольте мне привести здесь нечто вроде послесловия. *Беззаконное* время, нами переживаемое, настолько чревато всякого рода знамениями и предуказаниями на конечное осуществление во всем явно ныне отступническом міре уже раскрытой многим «тайны беззакония», о которой свидетельствовал некогда Св. Апостол Павел, — что после мною сказанного, казалось бы, не леть бы ми и глаголати. Для всякого внимательного христиа-

нина ныне стало ясным, что даже сам отступнический мiр и тот весь насыщен предчувствием близкого явления некоего сверхчеловека, который «придет и устроит всё». Одни ожидают его в виде хилиастического Христа (Бейнинген, адвентисты), другие — в виде царя Сионской крови, мессии (евреи и масоны), а мы, православные христиане, в образе «человека греха и сына погибели» — *антихриста*. Не этим ли мировым предчувствием охвачены души писателей Запада, создающих произведения подобные книге Торна «Когда наступит мрак», столь нашумевшей в обоих полушариях нашей грешной и многогрешной земли? Не им ли был охвачен выдающийся мыслитель Востока В. С. Соловьев, возвысившийся до создания своих «Трех разговоров»? Не оно ли загоняет наш простой православный народ в дебри иоаннитских и адвентистских сект? Не оно ли побуждает обезверившуюся интеллигенцию всего мiра, и русскую в частности, ожидать явления некоего сверхчеловека? Не оно ли, наконец, дало при всеобщей прострации измельчавшего духа глаголемых христиан такую непомерную силу и власть еврейско-масонскому мировому засилью, пригнувшему во прах под пяту свою народы, правительства и троны, бросив в «безначалие» все общества и союзы человеческие?..

...Слиозберги, Эрентали, Бетман-Гольвеги, Луццати, Натаны[1] с их «королями» Ротшильдами, которым наследник австрийского престола

[1] Мэр города Рима — некрещеный жид.

делает визиты, — всё это еврейское сверхправление «христианскими» государствами не свидетельствует ли о том, что «звезда бога Ремфана», «скинии Молоховой» и современной синагоги должна вскоре засиять на тиаре царя царей, первосвященника и человеко-бога, чаемого мессии тех, коих «отец», но по слову Мессии-истинного — «диавол»?

Кто по совести ответит отрицательно на все эти вопросы?

Посему надлежало бы мне, поставив эти вопросы, и умолкнуть, предоставив дальнейшее о сем слово имеющим благодать и власть Апостольскую, если бы не настояло нужды отметить еще одно обстоятельство, которое, по-видимому, не оставило должного впечатления ни в сердцах, ни в умах «Стражей дома Израилева». В № 12173 от 31-го Января сего 1910 года газеты *Новое Время* появилась статья, озаглавленная —

«Сэр Макс Ветчер»

Вот что, между прочим, изображено было в ней:

«В Петербурге в настоящее время гостит сэр Макс Ветчер, популярный английский общественный деятель, задавшийся в последние годы грандиозною целью: *объединитъ*[1] все европейские государства в одну великую европейскую федерацию на экономических[2] началах.

— Мы не поднимаем, — говорит сэр Макс Ветчер. — вопроса о всеобщем разоружении,

---

[1] Ср.: Апокалипсис, XX гл., 7 и 8 ст.

[2] Все забастовки начинались якобы экономическими требованиями.

так как мы того мнения, что этот вопрос будет разрешен отдельными государствами по мере осуществления идей европейской федерации. Желательно лишь, чтобы все государства объединились для совместной защиты Европы, и в этом случае *вопрос о войне и мире должен быть в руках особого европейского комитета, который решает вопрос: быть войне или нет*. Мы имели возможность убедиться, — так продолжает сэр Макс Ветчер, — что наш проект в главных своих чертах встречен повсюду с величайшим вниманием и большим сочувствием, вследствие чего мы и надеемся на *близкое* практическое осуществление наших идей... Моя работа близится к концу... Я надеюсь *создать международную силу, с которой придется считаться и которая сумеет остановить любую войну»*.

Как кому, а мне речи эти не звучат утопическим пустозвонством. Почему? Вам на это ответит букет европейских сверхправителей с махровым Ротшильдом посредине и будущий «европейский комитет» с его председателем — грядущим человеко-богом.

Вот почему, дорогой друг, я и решился, в ответ на призыв Нейдгардта «работати Господеви», предложить Вам обратить внимание на ту сторону вопроса, которая была тылом к Вашему наблюдению.

Вы боитесь «большого греха», если будете действовать без церковных полномочий, а я боюсь другого: не назвал бы нас Бог «псами, не умеющими лаять», если мы, зная признаки ан-

тихристовы, будем их только сами знать, а не сообщать их и другим щедро — как повелевает Св. Кирилл Иерусалимский...

Ну, будет!

Сердцем Ваш С. Нилус.
«Московские Ведомости», № 228.
1910, 5 октября. — С. 1–2.

МАТЕРИАЛЫ К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ СЕРГЕЯ НИЛУСА

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

(К 75-й годовщине со дня кончины Сергея Александровича Нилуса)

Было время, когда о Сергее Нилусе в открытой печати совсем ничего не говорилось. Казалось, что для этого имени уста и не разомкнутся, так плотно они некогда были сжаты от страха. И вот всё переменилось. Теперь стало нормой: любишь родную страну — знай Нилуса. Именно он, талантливый и чуткий писатель, своим духовным зрением предвидел всё то, что стало в мiре явью, а по существу, недугом вселенной. И только ли своим духовным зрением предвидел? Ведь кроме личного опыта, его пророческое умозрение обострялось превосходным знанием апостольских и святоотеческих писаний, через усвоение наставлений русских подвижников благочестия и непосредственное общение с великими водителями совести — старцами. Книги Сергея Нилуса ныне наиболее читаемые благочестивыми людьми как в нашей стране, так и далеко за ее пределами. Добрые люди называют их душепи-

тательными, а злые — вредными. Да и как по-другому, если писатель сдергивает маску с лицемеров, раскрывает тайные замыслы служителей диавола?

Свою первую большую книгу Сергей Александрович Нилус назвал «Великое в малом». На примере Саровских впечатлений он рассмотрел святость старца Серафима не только в свете почитания, — а оно было всенародным, — но и во всё возрастающем нравственном его влиянии на раненую душу современного человека, на ее просвещение евангельским учением. Сам Сергей Александрович к 1903 году, когда во многом определилась эта его книга, оставил позади жизнь по стихиям міра, став благочестив, он был уже свободен от пороков своей молодости, оказался пригодным для стяжания даров Божиих — благодати Духа Святого, вдохновения спасительного и пророческого. Человек, склонный к добру, любящий ближнего не менее, чем себя, совершает подвиг во имя Христа, и этот подвиг в пределах возможностей одного человека пусть и не велик, но ведь из малого складывается великое. Заглавие вполне отображало содержание всей книги.

Во второе издание своего труда «Великое в малом» С. А. Нилус включил важнейший и принципиально новый раздел «Антихрист как близкая политическая возможность». В предисловии к этому разделу автор пишет:

«Все усилия тайных и явных слуг антихриста, его сознательных и безсознательных работников разрушения, устремлены теперь на Россию. Причины понятны, цели известны. Они должны

быть известны и всей верующей и верной России. Чем грознее надвигающийся момент, чем страшнее скрытые в сгущающемся мраке грядущие события, тем решительнее и смелее должны биться безтрепетные благородные сердца, тем дружнее и безстрашнее должны они сплотиться вокруг своего священного знамени — Церкви и Престола Царского. Пока жива душа, пока бьется в груди пламенное сердце, нет места мертвенно-бледному призраку отчаяния». Заметим, что второе издание книги «Великое в малом» выпущено в свет в конце 1905 года, когда Россию уже начали сотрясать разрушительные натиски революционной черни. В разделе об антихристе и его слугах Сергей Нилус поместил попавшие в его руки «Протоколы сионских мудрецов», содержащие планы подчинения всего христианского міра под пяту «избранного» богоборствующего народа. Этот, по выражению Нилуса, народ-международ сеет ненависть, революции, растлевает самодостаточные нации. Конечно же, выход такой книги злодеи подвергли заговору молчания, а весь тираж был ими скуплен и уничтожен: сохранились единичные экземпляры. Но «Протоколы» со света в темные тайники уже не вернуть, они, хоть и медленно, но делались достоянием общественности.

За саровским циклом публикаций последовал оптинский. В Оптиной писатель будет безвыездно жить свыше пяти лет (1906–1912), работая над своими замечательными книгами. Первая из них «Сила Божия и немощь человеческая», в основном, создана на материалах монастырского архива с широким использованием записок игумена

Феодосия (Попова). Книга эта написана С. А. Нилусом за короткий срок, в ноябре 1907 года она уже была готова к печати. В своих записках игумен Феодосий доверительно поведал историю своей души, стремящейся к Богу, к сокровищам нетленным. На его примере писатель убедительно показал пути спасения современного человека, и пути эти связаны с духовным восхождением. Литературная обработка монашеского архива открыла перед писателем широкие возможности создавать оригинальные, глубоко поучительные произведения. Следующее из них — книга «Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа» (окончена в апреле 1909 года). С ее страниц также повеяло святостью прозорливых Оптинских старцев, «предваривших верных духовных чад своих о том, что именно нашему времени суждено в особенности готовиться к исполнению времен», и неустанно повторявших апостольское предупреждение: «Чадца, последнее время!»

Центральная оптинская книга Сергея Нилуса — «На берегу Божьей реки». Ее подзаголовок «Записки православного» указывает на характер выбранного жанра: записки личные, содержат эпизоды из жизни православной. И действительно, автор раскрывает здесь суть прикровенных бесед с Оптинскими старцами, устремленными к Богу и нашедшими уединенный приют в святой обители. Их суждения мудрые, поучения назидательные, а пророческие слова о грядущих судьбах России полны горечи эсхатологических предчувствий. Сергея Нилуса оптинские мона-

хи по духу считают своим и утайки от него не держат никакой. В этой обители он некогда хранил рукопись «Протоколов», здесь же зарождалось у него и мистическое их истолкование. «На берегу Божьей реки» — книга безпримерная во всей русской литературе, каждая ее страница благоухает святостью и насыщена мудрыми духовными размышлениями.

В мае 1912 года состоялся отъезд С. А. Нилуса из Оптиной пустыни. Предлежал путь на Валдай, поближе к святыне Иверской. Монастырь этот воздвигнут тщанием патриарха Никона в середине XVII века. Поселился Сергей Александрович в доме, где в свое время жил беллетрист Всеволод Соловьев, сын знаменитого историка Сергея Михайловича Соловьева. Дом еще хранил память о своем прежнем хозяине, писателе честном, весьма Русском, умелом разоблачителе происков темных сил, изнуряющих нашу страну. Здесь Сергей Нилус и принялся за свою главную работу — вскрывать тайны беззакония, предупреждать христианский мiр о надвигающейся смертельной опасности, носителями которой являются агенты антихриста — богоборцы и их приспешники из революционного стана. Раздел «Антихрист как близкая политическая возможность» из второго издания книги «Великое в малом» он решил не только переработать — такая переработка вышла в свет еще в 1911 году и называлась «Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле», — но и значительно расширить, а по существу, изложить более полную версию неотвратимых событий. Книга получила

название «Близ есть, при дверех», то есть антихрист близок, при дверях, и стоит ему занести ногу через порог, как окажется со своими приспешниками в каждом доме. При создании этого уникального труда С. А. Нилусом для доказательств заговора темных сил было привлечено множество источников, как русских, так и зарубежных. Тотальный сговор бесов против России получил таким образом подтверждение из самых разных стран, и разворачивающиеся современные события были всего лишь иллюстрацией к их планам. Некоторые главы по еврейскому вопросу автору, возможно, по настоянию его духовника (им был архиепископ Вологодский Никон), пришлось оставить за пределами этого издания. Книга напечатана и выпущена из типографии в канун 1917 года, и в продажу поступила лишь часть тиража, остальное хранилось на складе в Троице-Сергиевой Лавре. Когда разразилась Февральская революция, одним из первых актов масонского правительства стало распоряжение об уничтожении этой книги С. А. Нилуса. Все экземпляры «Близ есть, при дверех», находившиеся на складе или в пути, были изъяты и уничтожены, и уцелела только распроданная часть тиража. При чрезвычайно остром интересе в патриотической среде к поставленной проблеме цена за каждый экземпляр книги возросла в сотню раз, но и за большие деньги далеко не всегда удавалось приобрести ее, запрещенную и потаенную. В революционную смуту за хранение этой книги полагался расстрел, но приверженцы веры Православной, исповедники и новомученики, которыми так сильна истина, сумели сберечь писания Сергея Нилуса.

Ныне его стержневая книга исключительно востребована: за последние 10 лет издана не менее двадцати раз, практически стала доступна каждому разумному человеку. Ее называют пророческой, и на то есть все основания.

В апреле 1917 года писатель покинул Валдай и, пожив недолгое время в Киеве, уже летом того же года переехал в имение князя Владимира Жевахова Линовица, что на стыке Полтавской и Черниговской губерний. Заводилы смуты повсюду разжигали ненависть, кипела она и на Украине, но в патриархальной глубинке устои менялись не столь круто, как в Великороссии. Линовица стала пристанищем для Нилуса на целых пять лет. Здесь он под молитвенным прикрытием подвижников благочестия и под заступлением Божией Матери продолжил свою главную работу над разоблачением тайны беззакония — исправлял, а затем и вовсе заново переделал и переписал книгу «Близ есть, при дверех». Эта пятая, и последняя версия его книги теперь напечатана — рукопись, несмотря на невероятные испытания, уцелела, и она хранит следы огромного труда автора (Сергей Нилус считал себя составителем, поскольку для своих доказательств приводил свидетельства из множества источников). Там же, в Линовице, Сергей Александрович создал и вторую часть книги «На берегу Божьей реки», напечатанную лишь в 1969 году, и то не полностью.

Если книги С. А. Нилуса рассматривать в целом как произведения духовные, — а они таковые, бесспорно, и есть, — то сквозь искания святости, через напряженную борьбу добра со злом

явно проступает пророческий смысл его писаний. Сергей Нилус — состоявшийся пророк в своем Отечестве, признанный духовный писатель и талантливый государственник. Его мысли овладевают сердцами множества людей на всех континентах, он понят и на своей великой Родине, в России. Пророк состоялся и принят в своем Отечестве — обычное ли это дело? В случае с нашим духовным писателем такое произошло.

Исполнилось 75 лет со дня кончины Сергея Александровича Нилуса. Родился он в Москве 25 августа 1862 года, а жизненный путь свой окончил 14 января 1929 года в селе Крутец, невдалеке от города Александрова, что на самой границе Московской и Владимирской земель. Могила его отмечена высоким крестом, воздвигнутым почитателями. Православные люди не забывают это памятное место.

Александр Стрижев
2004 г.

Сергей Александрович Нилус:

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Нилус Сергей Александрович [25.8 (6.9) 1862, Москва — 14.1.1929, село Крутец близ города Александрова, Владимирской области], церковный писатель, агиограф. Предки по линии отца, Александра Петровича, крупного орловского помещика, титулярного советника, восходят к Иоганну Леонарду Нилусу (в 1735–1742 годы заведующий аптекой Адмиралтейства в Кронштадте). По матери, Наталии Дмитриевне, урожденной Карповой, — потомок князей Скуратовых. Учился в первой Московской прогимназии (впоследствии седьмая), окончил третью Московскую гимназию (1877–1882 годы) и сразу же поступил на юридический факультет Московского университета. По окончании Университета (1886) служил кандидатом на судебной должности при прокуроре Эриванского окружного суда в урочище Баш-Норашен Шаруло-Даралагезского уезда. Вскоре оставил службу, занялся собственным хозяйством в имении Золоторёво Мценского

уезда, Орловской губернии (1888–1905). В те же годы продолжительное время жил заграницей.

В конце 1890-х годов происходит перелом в мировоззрении Нилуса (вначале либерально-демократического, затем испытал влияние философии Фридриха Ницше) и он осознает себя «и верующим, и православным». Встречи с наиболее значительными деятелями Православной Церкви (в частности, с протоиереем Иоанном Кронштадтским) пробудили в Нилусе желание защитить печатным словом устои Самодержавия и Православия в России. Первая его книга «**Корень зла. Истинная болезнь России**» (М., 1899) — публицистическое изложение проекта контрреформы земского самоуправления, содержащее критику прежнего дворянства и призывы к формированию новой аристократии, главной чертой которой должна стать безусловная преданность Престолу. Ту же направленность имеет «**Речь в Мценском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности**» (М., 1903). Ряд автобиографических очерков посвящен возвращению Нилуса к «вере отцов своих»: «**Голос веры из міра торжествующего неверия. Поездка в Саровскую Пустынь**» (М., 1902), «**Отец Егор Чекряковский**» (М., 1904). В 1901–1904 годах Сергей Нилус посильно сотрудничал в газете «Московские Ведомости».

После исцеления Нилуса от болезни в Сарове и Дивееве (воспринял это как чудо) вдова ближайшего ученика преподобного Серафима Н. А. Мотовилова (1808–1879), Елена Ивановна, передала писателю в 1902 году неразобранный архив

мужа (в том числе записи бесед с Саровским старцем Серафимом). Публикация этих материалов, к которой Нилус относился как к священному долгу, поставила их в ряд современного церковного предания. Очерк «**Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его с Н. А. Мотовиловым**» («Московские Ведомости», 1903, 18–20 июля, отдельное издание в том же году) — сжатое изложение православного учения о стяжании благодати Святого Духа — оказало заметное влияние на православную аскетику XX-го века. По записям Мотовилова Нилусом был также составлен текст «**Великой Дивеевской тайны**» (в брошюре «Об участи верных христиан», б. м., 1917) — ключ к эсхатологическим пророчествам преподобного Серафима.

Книга очерков духовного содержания «Великое в малом» (М., 1903; 3-е доп. изд., Сергиев Посад, 1911) была отмечена цельным православно-мистическим мировоззрением и призвана, по мысли автора, пробудить в читателе благоговение к церковным святыням.

Наибольшую известность книга приобрела начиная со 2-го издания (Царское Село, 1905), в котором были опубликованы «Протоколы собраний Сионских мудрецов» (впервые под названием «Программа завоевания міра евреями. Протоколы заседаний франмасонов и Сионских мудрецов» — в газете П. А. Крушевана «Знамя», 1903, 28 апреля, 7 сентября; с предисловием Нилуса). Публикуя «Протоколы», Нилус связал их со святоотеческими воззрениями на описанное Библией «царство антихриста», а также с совре-

менными политическими реалиями и с деятельностью тайных обществ. Вопрос о подлинности или подложности «Протоколов» для самого Нилуса не имел принципиального значения. Допуская даже их подложность, он тем не менее считал необходимым придать документ широкой гласности как несомненное свидетельство приближающегося конца міра, способное ужаснуть людей и пробудить в них чувство покаяния.

По свидетельству князя Н. Д. Жевахова, ввиду ярко выраженной антиеврейской направленности книги практически весь тираж издания 1917 года был почти полностью уничтожен; цена на книгу, выросшая уже до 600 рублей, стала при большевиках, расстреливавших держателей книги уже на месте, подниматься, достигнув 200 тысяч рублей).

Извлеченные из православно-мистического контекста «Протоколы» получили как бы самостоятельное существование, их неоднократно переиздавали на территории белогвардейских образований и в русской эмиграции, они были переведены на многие языки міра и с начала 1920-х годов вызывают непрекращающуюся полемику. С резко отрицательным отзывом о «Протоколах» выступил в 1923 году небезызвестный А. В. Карташев. Издававшиеся миллионными тиражами в гитлеровской Германии, «Протоколы» использовались для нацистской пропаганды и выработки идеологического обоснования расизма. Представления о том, в каких кругах и с какой целью создавались «Протоколы» существенно расходятся и остаются предметом полемики.

В 1906 году Нилус женился на бывшей камер-фрейлине Императрицы Марии Феодоровны, Елене Александровне Озеровой, предполагая принять священство и сделаться сельским пастырем на Волыни. По свидетельству современника, брак этот «не имел под собою никакой плотской основы, и явился закреплением их многолетней дружбы, установившейся на почве общей глубокой религиозности». Но из-за публичной огласки незаконной связи Нилуса с Н. А. Володимировой (у нее от Нилуса в 1883 году родился сын) архиепископ Антоний (Храповицкий) отменил назначенное рукоположение. В том же году Нилус с женой покинул Петербург и начался период его пожизненных скитаний. После недолгого пребывания в Николо-Бабаевском монастыре на Волге и в Валдае (там написано «**Сказание о чудотворной иконе Божией Матери Ея Иверского явления и о чудотворной Ея иконе Иверской...**», Сергиев Посад, 1908), писатель поселился в Козельской Оптиной Пустыни (1907–1912).

Рукописи Оптинского архива и записи бесед с насельниками обители определили содержание большинства последующих книг С. А. Нилуса: «**Жатва жизни. Пшеница и плевелы**» (серия «Троицкая Народная Беседа», книга 46, 1908), «**Один из тех немногих, кого весь мiр недостоин. Блаженный Христа ради юродивый свящ. Феофилакт Авдеев**» (там же, кн. 50, 1909), «**Звезды пустыни. Житие святого преподобного отца нашего Онуфрия Великого**» (там же, кн. 54, 1909), «Для чего и кому нужны православные монастыри» («Троицкий Цветок», 1909, № 57) и

др. В произведениях Нилуса было опубликовано много личных и монастырских материалов (неизвестных широкому читателю), подробно живописующих подвиги благочестия, аскетизм, мистику, эсхатологизм, присущие русскому Православию XIX — начала XX веков. В основе книги «**Сила Божия и немощь человеческая**» (Сергиев Посад, 1908) — литературно обработанные автобиографические записки бывшего настоятеля Троицкого Лютикова монастыря игумена Феодосия, а также назидательные истории, изложенные по материалам самовидцев («Самоотверженная игумения», «Несчастный», «Свидетельства живой веры», «Вражья сила»; отдельный очерк посвящен посмертным чудесам святителя Митрофана Воронежского («Из міра Божественной тайны»). Характерное использование диалектной лексики восточных губерний, а также сходство некоторых сюжетных линий свидетельствуют о воздействии на книгу Нилуса «Очарованного странника» Н. С. Лескова. В противоположность Лескову Нилус опирается на систему церковно-духовных авторитетов, послушание которым в основе определяет поведение персонажей.

Книга «**Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа**» («Троицкое Слово», 1910, № 2–49; 1911, № 51–70; отдельное издание — Сергиев Посад, 1911) по мотивам келейных дневников Оптинского летописца иеромонаха Евфимия рассказывает о жизни русского иночества середины XIX века и представляет собой сложный сплав церковного очерка, патериковых повествований, полемической (по отношению

к либерально настроенным современникам) публицистики, с вкраплениями монашеских наставлений, апологетическими рассуждениями. Для писательской манеры Нилуса характерно пристальное внимание к пророчествам и откровениям о кончине міра (в основном, XVII–XX вв.).

С 1909 года С. А. Нилус начал вести регулярные дневниковые записи, фиксируя чудесные и грозные знамения, очевидцем которых был сам (а также со слов многочисленных рассказчиков). Даже малейший эпизод из жизни верующего в сопоставлении с событиями общезначимыми приобретают для Нилуса определенный отпечаток одного из двух полюсов, между которыми существует современное общество: Мір Христа и мір грядущего антихриста. Книга «**На берегу Божьей реки**» (Сергиев Посад, 1916; ч. 1–2, М., 1991–1992) — наивысшее литературное достижение Сергея Нилуса — во многом предвосхищает приемы «исповедальной прозы». На формирование этого стиля у Нилуса оказали влияние мистические настроения французских писателей католической ориентации (Ж. К. Гюисманса, Деляссю, особенно Л. Блуа). Вместе с тем «Записки православного» явно противопоставлены публицистике В. В. Розанова, хотя Нилус, как и Розанов (но по иным причинам), подвергает критике современную официозную церковность. Несмотря на известность среди православных читателей, книги Нилуса не получили оценки в прижизненной критике. «Современной литературе я совершенно чужой человек: ни знакомств в ее царстве, ни связей, ни общения в Духе с кем бы

то ни было из пишущей братии у меня не было, нет и теперь, за немногими исключениями. Как и я, в мірской литературе мало известными, не будет, полагаю, и в будущем» («Великое в малом», 3-е изд., с. XI).

Вынужденный покинуть в 1912 году Оптину Пустынь, Нилус возвращается на Валдай (в дом, где ранее жил романист Всеволод Соловьев, близ Иверского монастыря). С 1917 по 1923 год Нилусы жили в усадьбе Линовица (Пирятинского уезда, Полтавской губернии), принадлежавшей князю В. Д. Жевахову (будущему святителю Иоасафу Могилевскому). Единственно известная книга этого времени — «**Игумен Мануил (в схиме Серафим) — основатель Рождество-Богородичного монастыря**» (Киев, 1919). Несмотря на возможность выехать за границу, тяжелобольной Нилус остался в России. В августе 1924 года он был арестован в городе Пирятине и отправлен в киевскую тюрьму (середина сентября). После освобождения (середина февраля 1925 года) жил в Киеве, где в конце сентября — начале октября 1925 года был вновь арестован и вскоре переведен в московскую тюрьму на Лубянке. В феврале 1926 года Нилуса освободили, но с запрещением проживать в шести главных городах Союза. Около двух лет он провел в Чернигове (был там под арестом с апреля по 6 мая 1927 года), откуда в 1928 году переселился в село Крутец. Часть собранного им богатейшего агиографического наследия удалось с помощью немецких родственников жены вывезти в дипломатической врлизе и, таким образом, сохранилась. Во многих рукописных копиях ра-

зошлось адресованное «другу» письмо Нилуса (1928), в котором он резко осудил «Декларацию 1927 года» митрополита Сергия (Страгородского) и попытки сближения определенной части духовенства с безбожной властью.

Нилус скончался от разрыва сердца в канун празднования памяти преподобного Серафима, в доме приютившей его семьи священника Василия Арсеньевича Смирнова.

Предчувствие разрушения Самодержавной России и последующей кончины міра — общий фон большинства произведений Нилуса. В центре повествования — любовно выписанные им образы праведников Святой Руси из числа «не подклонивших выи Ваалу». В художественных обработках иноческих автобиографий Нилус органично использует просторечие рассказчика, раскрывает его психологический тип, сохраняя при этом благоговейную дистанцию.

Роман Багдасаров,
при участии Александра Стрижева
и Сергея Фомина

Справка предназначалась для очередного тома литературной энциклопедии «Русские писатели: 1800–1917», но из-за интриг русофобов и рептильности рецензентов была снята с публикации. Ненавистников России не устраивал даже отстраненный и формальный тон изложения биографии писателя, а главное, их не устраивало утверждение С. А. Нилуса в составе подведомственного издания.

Елена Юрьевна Концевич

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИЛУС: КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ[1]

I

ДО ПОСЕЛЕНИЯ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

1862–1907

Сергей Александрович Нилус родился 25-го августа 1862-го года в Москве на Патриарших прудах. Происходил он из среды крупных землевладельцев. Семья его, как и вся среда, была охвачена духом того времени, то есть материализмом и крайним либерализмом. Всё церковное презиралось. В таком направлении велось воспитание отрока Сергея. Однако в детском возрасте мальчик не мог жить холодным рассудком. Бог дал ему сердце пламенное и горячее, и всю любовь сердца своего он разделил между ста-

[1] Печатается по: Нилус С. А. На берегу Божьей реки. San Francisco, Cal.: Изд. Братства преподобного Германа Аляскинского чудотворца, 1969. Ч. 2. — С. 1–42.

рушкой няней, жившей круглый год в их имении, и самим родовым гнездом, называвшимся Золотарёво. Он их любил до слез — и няню, и деревню; по его выражению, «жалел» их.

Но по мере того как он рос, безбожное воспитание приносило свои плоды. На уроках Закона Божия он ловчил, из единиц не выходил. Однажды явился на исповедь безобразно пьяным. В IV классе гимназии на экзаменах, чувствуя свою неподготовленность, он дал обет пойти к «Троице-Сергию» и там перекреститься «обеими руками и ногами». Но обещание было забыто, пока не случилось чудо, которое напомнило ему, что он клятвопреступник. Это произошло после окончания Университета, на Кавказе, где он в качестве судебного следователя ехал верхом по горной дороге, усеянной острыми камнями. Он вздумал погнать свою лошадь, которая оступилась и перевернулась в воздухе, сбросив седока на камни. Такое падение не могло не быть роковым. Но чудом Божиим и лошадь, и всадник уцелели и обошлись легкими ушибами. Это чудо заставило его вспомнить об обете, данном в детстве.

Вскоре ему пришлось вернуться домой и заняться управлять имением. Там он был избран крестьянами в церковные старосты и по этому случаю говел Великим Постом. Здесь впервые после причащения ощутил он обновление души. Обет свой, наконец, решил исполнить... Когда приехал в Троицкую Лавру, монах сначала водил его по всем достопримечательным местам обители и, наконец, привел его к раке Преподобного Сергия, где служился общий молебен. Сергей Александрович

стал усердно молиться Богу, и, подняв глаза, взглянул на схиму Преподобного, находившуюся под стеклом. В великом душевном потрясении Нилус узрел в схиме живой лик Преподобного Сергия с устремленным на него грозным взором. По мере его горячих покаянных молитв, взор этот перестал быть грозным и вскоре исчез.

Однако и на сей раз переворот, совершившийся в душе Сергея Александровича, еще не был окончательным. Грешник не мог вырваться из плена страстей. Полное обращение Нилуса совершилось позднее у ног о. Иоанна Кронштадтского, куда его направил случайный дорожный спутник о. Амвросий, казначей Лютикова монастыря, бывший келейник и сотаинник последних пяти лет праведной жизни великого угодника Божия старца Амвросия Оптинского.

Дело было в феврале месяце и стоял мороз. В Кронштадт Нилус поехал сильно простуженный, лишившись голоса и весь в жару. Ехал он на извозчике по морю в осеннем пальто, ветер его пронизывал насквозь. Он рисковал жизнью, но потребность видеть о. Иоанна была непреодолима... Мы приведем подлинные слова Нилуса о том, что он испытал во время исповеди у о. Иоанна, обратившемуся к нему с вопросом: «Я не мог в ответ, — говорит Нилус, — издать ни звука — горло совсем перехватило. Безпомощный, растерянный, я только взглянул на Батюшку с отчаянием... О. Иоанн дал мне поцеловать крест, положил его на аналой, а сам двумя пальцами правой руки провел три раза за воротом рубашки, по горлу... Меня вмиг оставила лихорадка, и мой голос вернулся

ко мне сразу свежее и чище обыкновенного... Трудно словами передать, что совершилось тут в моей душе!..

Более получаса, стоя на коленях, я, припав к ногам желанного утешителя, говорил ему о своих скорбях, открывал ему свою грешную душу и приносил покаяние во всем, что тяжелым камнем лежало на моем сердце... Трудно обнаружить себя перед Богом при свидетеле и преодолеть эту трудность, отказаться от своей гордости — это и есть вся суть, вся таинственная, врачующая с помощью Божественной благодати сила исповеди. Впервые я воспринял всей душой сладость этого покаяния, впервые всем сердцем почувствовал, что Бог, именно Сам Бог, устами пастыря, Им облагодатствованного, ниспослал мне Свое прощение, когда мне сказал отец Иоанн: «У Бога милости много — Бог простит».

Какая несказанная радость, каким священным трепетом исполнилась душа моя при этих любвеобильных, всепрощающих словах! Не умом я понял совершившееся, а принял его всем существом своим, всем своим таинственным духовным обновлением. Та вера, которая так упорно не давалась моей душе, несмотря на видимое мое обращение у мощей Преподобного Сергия, только после этой моей сердечной исповеди у о. Иоанна, занялась во мне ярким пламенем.

Я сознал себя верующим и православным»[1].

Так совершилось окончательное обращение современного Савла.

---

[1] *Нилус С. А.* Великое в малом... Изд. 3-е. Сергиев Посад, 1911. С. 28–30.

Читатель прочтет на страницах настоящей книги о посещении Нилусом Дивеевской обители и как он был принят блаженной Пашей Саровской, которая предсказала ему, что он переменит «зипун», как крестьяне называли верхнюю одежду, иначе говоря, сменит богатую одежду на бедную. Так оно и случилось: погиб у него урожай, он не смог расплатиться с долгами и должен был продать имение.

Потеря любимого Золотарёва причинила сердцу Сергея Александровича мучительную скорбь. Это событие явилось кризисом в его жизни, отрывом от почвы. С этого момента он постепенно отдаляется от «міра сего» и становится взыскателем «Града небесного». Господь ведет его к этому постепенными этапами, через чередующиеся скорби и духовные утешения.

Радостным событием вскоре после этого была его встреча с будущей женой. Елена Александровна Озерова, в противоположность Нилусу, с детства воспитана святой своей матерью в строгом послушании Церкви. Ее духовник — протопресвитер о. И. Янышев — запретил ей с ее 30-летнего возраста принимать участие в светской жизни. Ее жизнь была посвящена заботе о престарелом отце, и кроме того, она посвятила себя благотворительности. Она была попечительницей одной из Патриотических школ, основанных в прошлом веке Императрицей Елизаветой Алексеевной для сирот, оставшихся после Отечественной войны, где, кроме наук, девиц учили ремеслам. Была она также попечительницей фельдшерских женских Рождественских курсов, где и произош-

ла ее встреча с Нилусом, который бывал у начальницы этих курсов — Олимпиады Федоровны Рагозиной, имя которой встречается в первой части его книги «На берегу Божьей реки». Он ее называл Липочкой.

Во время Японской войны Елена Александровна работала в Зимнем дворце в складе Императрицы Александры Феодоровны. Здесь произошло сближение ее с Императрицей, которая предложила Елене Александровне стать председательницей Красного Креста в Царском Селе и заведовать всеми Ее благотворительными учреждениями. Это происходило в 1905–1906 гг.

Свадьба Нилусов могла состояться только благодаря воле Императрицы: выходя замуж, Елена Александровна по закону теряла отцовскую пенсию, на которую жили осиротевшие племянники Озеровы, а также престарелые слуги ее отца. По желанию Императрицы ей была сохранена половина пенсии, и, таким образом, никто не пострадал. Венчались они 3-го февраля 1906 года в Петербурге. Венцы держали генерал Д. А. Озеров — брат невесты, и Рафаил — старик-лакей, 40 лет служивший в семье. Оба плакали, уверенные, что Елена Александровна совершает безумие.

Планы были таковы: Нилус должен был принять священство и сделаться сельским пастырем на Волыни[1]. Было уже известно название его при-

[1] Императрица Александра Феодоровна прислала Нилусам в благословение икону и самовар в виде желудя с Ее инициалами. Она хотела подарить серебряный самовар, но Елена Александровна возразила, что сельскому батюшке неудобно ставить на стол серебряный самовар. Поэтому им был прислан медный, но в высшей степени художественной работы.

хода и даты его рукоположения в диакона и иерея в Казанском соборе архиепископом Антонием (Храповицким), которого Нилус посвятил в обстоятельства своего прошлого. Всё казалось радостно и хорошо, новобрачные удивительно дополняли друг друга. Например, благодаря Елене Александровне выявился художественный талант ее мужа. Она в молодости училась рисовать и владела техникой, но талантом не обладала. Он же всего-навсего учился рисовать в гимназии и то карандашом. Когда же она научила его обращаться с красками, — то тут сразу же появились на свет прекрасные этюды, которые жили и дышали. В них чувствовалась перспектива, они передавали простор полей, воздух, солнечный свет. Таким образом, будучи врожденным музыкантом, он оказался еще и художником.

Что касается до Елены Александровны, она расцвела душой, стала еще добрей. Не будучи красивой, она была привлекательна и приятна, хотя опережала мужа на 7 лет. Благодаря редкому уму, духовной тонкости, высококультурному своему развитию, Елена Александровна производила исключительное впечатление и была сокровищем и твердыней во всем, что касалось христианского долга. Она никогда не спорила с мужем, зато в ней он имел твердую опору.

Сам же Сергей Александрович в те годы еще не утратил признаков былой красоты, несмотря на полуседую широкую бороду. Интересный собеседник, прекрасный музыкант, сохранивший остатки когда-то хорошего голоса, благодаря своей сердечности и ласковому со всеми обращению

он был очень обаятельным. Это был безхитростный, увлекающийся человек. В нем таилась действительная детская простота.

Но петербургское общество посмотрело на него и на этот брак совсем иначе: создалось общее убеждение, что он авантюрист, который женился на любимице Императрицы — пожилой фрейлине и принимает священство в надежде пробраться в царские духовники для влияния в сторону реакционной политики.

В петербургском свете поднялась невероятная шумиха. Но особый взрыв произвела клеветническая статья в «Новом Времени», в которой в отвратительной форме излагалась прошлая жизнь Сергея Александровича. Он был представлен в ней как самый распутный человек.

На самом деле прошлое его таково: в самом его юном возрасте в него влюбилась соседняя помещица, дальняя родственница. Муж этой дамы лежал в параличе. У нее имелось несколько человек детей. Она оказалась на 18 лет старше Нилуса. От этой связи родился сын, усыновленный и воспитанный его отцом и получивший хорошее образование. Наталия Афанасьевна — богатая помещица, ни в чем не нуждавшаяся. До сих пор она расстраивала все попытки Нилуса жениться. Она еще не была вдовой, когда Нилус порвал эту связь и, наконец, женился. Вот в этот момент и всплыла на поверхность вся эта история под видом невероятной грязи, как это представлено в статье, появившейся в «Новом Времени».

Архиепископ Антоний Волынский сильно разгневался. О рукоположении более не могло

быть и речи. Нилусам хотелось скрыться подальше от Петербурга, где близкие родственники и все знакомые отшатывались от них, как от людей отверженных.

Закончив все дела в Петербурге, Нилусы выбрали себе отдаленным от міра убежищем Бабаевский монастырь на берегу Волги, где кончил свои дни приснопамятный епископ Игнатий Брянчанинов. По дороге их посетила неожиданная радость, оказалось, что с ними одновременно плывет на пароходе о. Иоанн Кронштадтский. О значении о. Иоанна в жизни Нилуса мы только что говорили. Что касается до Елены Александровны, Батюшка знал ее как сестру Давида Александровича Озерова, в то время управлявшего Аничковым дворцом. Отношения между Озеровым и о. Иоанном были долголетними[1]. Брат и сестра Озеровы — дивные почитатели Батюшки. В раннем детстве они росли парой, будучи погодками. Давид отличался редким юмором и живостью характера, а сестренка его — своим всегдашним благоразумием. В детские годы их прозвали в семье «обезьянка и гувернантка». С годами дружба и духовная близость возрастали, пока в жизни Елены Александровны не появился Нилус, ради которого ей пришлось решительно разорвать все прежние связи и отказаться от своего прошлого.

Итак. супруги Нилусы были оба знакомы о. Иоанну, когда он встретил их, плывя на пароходе.

Лаской и любовью он старался возместить им за те клеветы и оскорбления, которыми их

[1] См.: *Озеров Д. А.* О. Иоанн Кронштадтский: Личные воспоминания // Православная Жизнь. 1964. №№ 11–12.

подвергло петербургское общество. Он одобрял и благословлял их брак и предсказал Елене Александровне, что она никогда не раскается и не пожалеет о совершенном ею шаге. И, действительно, Нилус ценил и любил свою жену как дар, ниспосланный ему от Бога. Более тесного союза и более дружной пары нельзя себе и представить.

Прожив некоторое время на «Бабайках», Нилусы встретили одного архимандрита, уроженца г. Валдая, который так расхвалил им свою родину, что убедил их туда переехать.

II

ОПТИНА ПУСТЫНЬ И ВАЛДАЙ

1907–1917

Живя в Валдае, Нилус постоянно вспоминал Оптину Пустынь, где он провел несколько месяцев, когда готовился к священству. Оттуда он вернулся даже внешне изменившимся — потерял облик светского, мірского человека. На нем стал заметен отпечаток духовности и свободы от всего условного, житейского... Там он как бы вторично родился. Там была его настоящая духовная родина. Переезд Нилусов в Оптину Пустынь совершился так[1]:

«В конце июля 1907 г., — вспоминает Нилус, — говорит мне жена:

“Что же мы никак не можем собраться в Оптину? Сколько ты мне наговорил о ее духовной красоте, о ее старцах, о живописности ее место-

[1] На берегу Божьей реки. Сергиев Посад, 1916. Т. I. С. 178.

положения, а как ехать туда, так ты все оттягиваешь. Напиши о. архимандриту [Ксенофонту] и о. Варсонофию, что собираемся к ним погостить. Ответят, и тогда с Богом".

Я так и сделал. Вскоре от обоих старцев я получил ответ, с любовью нас призывающий под покров Оптинской благодати на богомолье и на отдых душевный, сколько полюбится и сколько поживется. Мы наскоро собрались и поехали. На жену Оптина произвела огромное впечатление. Про меня и говорить нечего: я не мог вдосталь надышаться ее воздухом, благоуханием ее святыни, налюбоваться на красоту ее соснового бора, наслушаться ласкающего шепота тихоструйных, омутистых вод застенчивой красавицы Жиздры, отражающей зеркалом своей глубины бездонную глубину Оптинского неба.

О, красота моя Оптинская! мир, о, тишина, безмятежие и непреходящая слава Духа Божия, почивающая над святыней твоего монашеского духа, установленного и утвержденного молитвенными воздыханиями твоих великих основателей!.. О, благословенная моя Оптина!

К Успеньеву дню мы готовились, а на самый великий день Богоматери удостоились быть причастниками Св. Тайн. На следующий день, 16-го августа, был праздник Нерукотворенному Спасу — день, из-за родового нашего образа, особо чтимый в моей семье. Мы были у поздней обедни. После отпуста мы с женой направились к выходу из южных врат храма. У самого выхода, у Казанской иконы Божией Матери, нас встречает один из старцев, иеромонах о. Сергий,

и, преподав нам свое благословение, неожиданно для нас говорит:

— Как жаль, Сергей Александрович, что вы от нас так далеко живете!

— А что?

— Да вот, видите ли, есть у нас помысл издавать Оптинские листки вроде Троицких, жили бы вы где-нибудь поблизости, были бы нашим сотрудником.

— За чем же, — говорю, — дело стало? Мы, слава Богу, люди свободные, никакими мирскими обязанностями не связанные: найдется для нас в Оптиной помещение — вот, мы и ваши.

— Ну что ж, — говорит старец, — Бог благословит. Переговорите с о. Архимандритом и с о. Варсонофием: благословят они — и поселяйтесь с нами, что может быть лучше нашей Оптинской жизни?

Мы были вне себя от неожиданной радости. Разговор этот происходил во Введенском храме, как раз под Казанской иконой Божией Матери, у правого клироса Никольского придела. И запали нам слова батюшки о. Сергия в самую глубину сердечную: и впрямь, что может быть лучше жизни Оптинской?!.

Когда-то в Оптиной проживал на временном «положении» один из знаменитых постриженцев, впоследствии архиепископ Виленский, архимандрит Ювеналий (Половцев). Во внешней ограде монастырского сада он выстроил себе в конце 70-х годов прошлого столетия отдельный корпус со всеми к нему службами, прожил в нем лет десять и оттуда был вызван на кафедру Виленской

епархии. С тех пор корпус этот, перешедший в собственность Оптиной, стоял почти всегда пустой, изредка лишь занимаемый на короткое летнее время случайными дачниками. Вот об этом корпусе, вернее усадьбе, я и вспомнил после знаменательного для нас разговора с о. Сергием под Казанской иконой Матери Божией. Решили пойти его смотреть. Послали в архимандритскую за ключами и, пообедав у себя в гостинице, пошли около часу дня присматривать себе новое жилище.

В этот час вся Оптина отдыхает. На площадке между монастырскими жилыми корпусами и храмами не было ни души, никого даже из богомольцев не было видно на всем пространстве обширного внутреннего двора обители, когда я с женой и с одной валдайской старушкой, нашей спутницей, проходили по нему, направляясь в сад к Ювенальевской усадьбе.

Подошли к Казанской церкви. Я остановился перед ней, снял шляпу, перекрестился и, пользуясь тем, что кругом посторонних никого не было, вслух молитвенно сказал: «Матушка, Царица Небесная, если Тебе угодно, чтобы мы здесь поселились под Твоим кровом, то Ты уж Сама благослови!» И не успел я до конца промолвить последнего слова «благослови», как неожиданно из-за угла Казанской церкви показался с полным ведром воды в руках один из старейших оптинских иеромонахов, ризничий о. Исаия, некогда бывший старшим келейником великого старца Амвросия. Услыхал он мое слово, поставил свое ведро на землю и, не без живости спросил меня: «На что благословить-то?»

Так нас эта встреча взволновала, что я едва был в состоянии и толком объяснить о. Исаии, на что я просил благословения у Царицы Небесной. Снял батюшка с головы своей камилавку и, благословляя нас, растроганным голосом произнес: «Бог — да благословит вас! Да благословит намерение ваше доброе Сама Царица Небесная!» И пока благословлял нас о. Исаия, вокруг, откуда ни возьмись, собрались еще три иеромонаха: благочинный о. Илиодор, о. Серапион и скитский иеромонах о. Даниил Болотов, особо близкий наш друг и доброжелатель, — и тут все четверо благословили наше водворение под кров обители Оптинской, созданной и освященной в честь и славу Введения во храм Пресвятой и Пренепорочной Приснодевы Богородицы.

Для меня такое совпадение было знамением. Знамением же оно показалось и всем в тот час с нами бывшим.

Чего только? Тут ли на земле это откроется, или на небе, — Одному Богу известно. О. Даниил, Царство ему небесное, пошел с нами в наше будущее гнездышко и на коленях, милый и любвеобильный старец помолился там с нами перед иконой Смоленской Божией Матери — домовая икона корпуса Одигитрия-Путеводительница, чтобы и укрыла Она нас в гнездышке этом от зла века сего, от клеветы человеческой!

До чего же нам полюбилось тогда Ювенальевское затишье!.. О, как было бы желанно в нем и жизнь свою кончить!.. С о. архимандритом уговор о жительстве нашем покончен был с двух слов: обычно наш авва никому из мирских не по-

зволяет подолгу заживаться в Оптиной. И это было нам тоже в знамение. Съездили мы тут же к о. Егору Чекряковскому, моему присному советнику в важные минуты жизни. Село Спас-Чекряк, где священствует батюшка, от Оптиной на лошадях 55 верст. Он тоже благословил нам поселиться в Оптиной.

— Благословите, — говорю ему, — батюшка, поселиться нам в Оптиной до смерти.

— Да, да, — отвечает он, — годочка два, ну три, поживете! Только условие с монахами напишите, а то, ведь, их там не один человек: мало ли что может случиться.

— Батюшка! — опять говорю. — Уж вы до смерти нам там жить благословите!

А он свое:

— Годочка два-три поживете. Ведь вы сами знаете, что теперь почетных мест нет: какие могут быть почетные места-то?

Очень нам тогда эти слова были не по мысли. Всё это происходило в августе 1907-го года, а в первую ночь в новом своем Оптинском приюте мы провели с 30-го сентября на 1-ое октября того же года. Первое утро нашей Оптинской жизни, таким образом, было утром Покрова Божией Матери: милости Ее искали — милость Ее в Покров и получили, под кровом Ее Обители в среде Ее верующих послушников Оптинских.

И это тоже было вере нашей в знамение».

Нилусы прожили в Оптиной Пустыни, таким образом, с 1-го октября 1907 г. по 14 мая 1912 г. Описание «Ювенальевской» или «Леонтьевской» усадьбы, где поселились Нилусы, мы находим в

сборнике, посвященном памяти Константина Николаевича Леонтьева[1], великого русского мыслителя, который там жил в конце прошлого века.

«Осенью, — пишет Евгений Поселянин, — я пришел к Леонтьеву в его дом-особняк, который он занимал у Оптиной Пустыни и который находился в нескольких десятках саженей от монастырской ограды.

Смотря парадной стороной своей на ограду, боковыми стенами своими дом выходил на реку Жиздру, протекавшую от него тоже саженях в пятидесяти, а другой — на старый тенистый сад, заросший преимущественно кленами.

Дом был веселый, покрытый белой штукатуркой, стоял высоко на фундаменте и был увенчан наверху мезонинчиком.

Сразу из прихожей вы попадали в длинную, большую трапезную комнату, шедшую в ширину всего дома. Большое итальянское окно выходило к Жиздре, а напротив балконная дверь вела в сад.

Кроме этой комнаты, в нижнем этаже были еще две комнаты и помещение для прислуги, буфет. Деревянная лестница вела вверх в мезонин, где были просторные кабинет и спальня.

Широко лился с лугового простора, со стороны Жиздры, свет в окно кабинета... Из окон открывался чисто русский пейзаж, который ничего не скажет, может быть, иностранцу, но хватает за сердце русского человека. Огород, спускающийся к Жиздре, забор, проезжая дорога,

[1] Литературный сборник памяти К. Н. Леонтьева. СПб., 1911. С. 385–401.

уютная в берегах своих, светлоструйная река, луговой простор, а за ним — деревня Стенино».

В этой Оптинской усадьбе Нилусы прожили почти 5 лет. Этот краткий период своей жизни они сравнивали с земным раем. Старцем и духовником Нилусов был о. Варсонофий. В это время еще был жив и старец о. Иосиф, к которому они ходили на благословение. Между монахами были еще живы многие подвижники, как например, игумен Марк, постриженик великого настоятеля о. схиархимандрита Моисея, также о. Иоиль, о. Иоанн (Салов), слепец о. Иаков, дивные образы которых Нилус запечатлел на страницах своего оптинского дневника[1] кистью большого художника. Общение с ними было величайшим счастьем для Нилусов. Мы не упомянули имя будущего старца о. Нектария, беседы с которым украшают страницы упомянутого дневника.

Самым драгоценным в оптинской жизни Нилусов являлось их частое посещение богослужений и представлявшаяся возможность пребывать в послушании у старца.

Вот как описывает Нилус в первой части книги «На берегу Божьей реки» свои чувства при входе в храм Божий ко всенощной под праздник в честь иконы Казанской Божией Матери:

«Пришли мы с женой в храм задолго еще до начала бдения. Так и всегда приходим мы под великие Оптинские праздники, чтобы занять заблаговременно привычное наше место в храме, пока оно свободно от других богомольцев.

[1] На берегу Божьей реки. Сергиев Посад, 1916. Т. I.

И как же мы любим этот последний получас перед началом торжественного звона к праздничной всенощной!

Вот вступаем мы на каменные ступени церковного крыльца. Отворяется перед нами стеклянная дверь его тамбура, и впереди нас входит очередной пономарь-монах. Он друг наш, как и все оптинцы, по нашей к ним любви и дружбе: и мы чувствуем, как чувствует это и он, вратарь храма, благоговейный служитель его святыни.

Если очередным пономарем случится быть отцу Маркеллу — монаху живого и общительного характера, то, открывая двери и стуча железным засовом и тяжелым замком о железную ее обшивку, он не преминет обернуться в нашу сторону и с ласково-приветливым кивком головы всегда промолвит: «А, старички-то уж тут? Вот преподобные-то!» — И он знает, а мы и подавно, что и тени нет в нас преподобия, что это привычная шутка благожелательного отца Маркелла; и к шутке его и мы сами относимся с равной благожелательностью, а, главное, любим его и чувствуем, что и он нас также любит и считает своими оптинскими.

И вот первое впечатление при входе в Божий храм — благоухание братской любви. И с этим чувством любви мы переступаем порог дома Божия, осеняемся таинственным полумраком его сводов, едва выступающих росписью святых своих изображений из сгустившегося под ними мрака, напоенного благовонием фимиама кадильного. «Вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, в страсе Твоем», — шепчут уста, и

чело преклоняется под знамением креста Господня.

Хорошо, сладко!.. Таинственно и... жутко!

На аналое, в венке из искусственных ландышей и незабудок уже возложена наша коренная Оптинская святыня, чудотворная икона праздника. В храме тепло: пахнет росным ладаном, ароматом чистого пчелиного воска от своих пчел, со своего свечного завода... Мы снимаем с себя теплые верхние одежды, кладем их на наши места и идем прикладываться.

«Заступнице Усердная, Мати Господа Вышняго! За всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего...» И тут молитвенная память твоя подскажет тебе все дорогие и любимые тобою имена дорогих твоих и любимых, за которых молит сердце твое Пречистую, а Ангел-Хранитель невидимым рукавом незримой ризы своей возьмет и смахнет навернувшуюся на твою ресницу слезу умиления и... грусть о тех далеких, живых и отошедших, за кого уста твои беззвучно шепчут слова сердечной молитвы:

«Спаси и сохрани их от зла и соблюди их для блаженной вечности, Преблагословенная!»

Приложишься к чудотворной иконе и следом пойдешь прикладываться к другим иконам Казанского храма, а там к дорогим и близким сердцу надгробиям, скрывающим под собою святые останки великих восстановителей Оптинской славы, родных по плоти и по духу братьев — схиархимандрита Моисея и схиигумена Антония. Трудились вместе во славу Божию и лежат под одной могильной плитой в одном и том

же храме, угодники Божии. От Моисея и Антония подойдешь к архимандриту Досифею, недолго управлявшему обителью после схиархимандрита Исаакия, — его надгробие почти рядом, его помянешь и его молитв попросишь. Оттуда сердце поведет в противоположную сторону храма, к схиархимандриту Исаакию... Как дороги, как близки сердцу все эти подвижники Оптинские, управившие и себя, и вверенные их духовному руководительству христианские души в Царство Небесное.

Царство вам всем Небесное, место покойное!

И вот один по одному, а то и группами, начинают появляться богомольцы и постепенно наполнять обширный храм Царицы Небесной, посвященный памяти чудотворного явления Ея иконы в Казани. Зажигаются привычной и ловкой рукой екклесиархов безчисленные лампады и свечи: в храме всё светлеет и светлеет... Вот входят и становятся по своим местам темные и благоговейные тени монахов и послушников... И вдруг, могучий медный удар шестипудового колокола... За ним, немного погодя, другой; за другим, с равным промежутком — третий, и широкой звуковой волной, заливая на далекое пространство все окрестные леса и луга, польется с высоты Оптинской колокольни дивно-божественный зов полнозвучного металла к величавому праздничному Оптинскому бдению, к великому празднику чудной и славной во обителях российских Оптиной Пустыни.

Слава Богу, дождались Богородицына праздничка!..»

Кроме общения с оптинскими монахами, Нилусы знакомились со многими богомольцами, посещавшими Оптину Пустынь. Назовем имя матери игумении Софии Киевского Покровского монастыря. В то время она была начальницей небольшой монашеской общины «Отрада и Утешение». А также упомянем имя Елены Андреевны Вороновой. Кроме того, в Оптину приезжала и помощница ее, Наталия Ивановна Евреинова, которая заняла ее место во главе тюремного комитета после ее смерти. Это была, подобно Елене Андреевне, святая женщина, находилась в тайном постриге, будучи матерью многочисленного семейства. Имя ее никогда не упоминалось в печати. У нее был дар исцелять глазные болезни. На это она имела разрешение от старца Варсонофия. Она присутствовала при его кончине. Он через нее передал земной поклон Нилусам, говоря, что они вместе с ним пострадали за одно и то же. Но мы забегаем вперед... Однажды в письме к Нилусам Наталия Ивановна описывала слышанное ангельское пение... Вся красота земной музыки с тех пор перестала для нее существовать. В эмиграции Наталия Ивановна жила в Брюсселе[1].

[1] Находясь в эмиграции, Н. И. Евреинова чрезвычайно беспокоилась о судьбе Нилуса, сидевшего тогда в тюрьме в Москве на Лубянке. Вот ее письмо от 11 апр. 1925 г.: *Дорогая Х, вот уже третье письмо, которое я вам пишу. Жду с нетерпением хоть маленькую весточку, одну открыточку, что наши страстотерпцы, святые мои, С. А. и Е. А.? Если бы вы знали, какая иногда тоска обхватывает мое сердце. Каждый день со страхом и надеждой заглядываю в почтовый ящик наших дверей, и всё нет ничего. Последнее ваше письмо от 15 февраля, и после этого ни строчки. Может быть, я чем-нибудь вас огорчила? Во всяком случае — невольно, этому вы можете доверить. От*

Но перенесемся в Оптину, в большую трапезную, тянувшуюся во всю длину «Ювенальевской» усадьбы. Там у Нилусов за гостеприимным столом сидят самые разнообразные оптинские паломники: здесь Мария Николаевна Максимович, жена Варшавского генерал-губернатора, пьет чай рядом с простыми крестьянами; тут нет никаких рангов, все чувствуют себя в общей духовной семье; тут царит искреннее, христианское расположение друг к другу. Нилусы умели объединять людей, окружать их сердечной любовью.

Но кому-то это не понравилось... Когда Нилус стал сотрудником «Троицкого Слова», издаваемого архиепископом Никоном Вологодским, помещая статьи под заглавием «На берегу Божьей реки», он пришел к старцу о. Варсонофию просить благословения на этот труд. Старец одобрил это начинание, благословил, но речь свою он прервал, сказав: «А знаете — против вас начинается восстание, да какое восстание!» — «Откуда, батюшка?» — «Извне и изнутри, со стороны одной партии». Продолжать речь Старцу помешали. Это был как бы первый звонок.

К биографии С. А. Нилуса нельзя не отнести его рукописного повествования об исцелении его супруги от тяжкого недуга и связанного с этим

сердца любящего пишу, что кроме глубокой любви и высокого уважения я ничего другого не чувствую к вам, а мою любовь к дорогим моим С. А. и Е. А. ничто и никто из меня не исторгнет, она будет длиться во веки веков. Я в моей жизни никого не встречала выше их в смысле христиан, людей примерных во всех отношениях. Перед ними я преклоняюсь и радуюсь, что Бог дал мне их узнать.

другого чуда, а именно — его избавления от многолетнего порока куренья:

«...7 июля 1909 г. Сегодня ночью со мной был тяжелый приступ удушливого кашля. Поделом! — это все от куренья, которого я не могу бросить, а курю я с третьего класса гимназии и теперь так насквозь пропитал себя проклятым никотином, что он уже стал, вероятно, составной частью моей крови. Нужно чудо, чтобы вырвать меня из когтей этого порока, а своей воли у меня на это не хватит. Пробовал бросить курить, не курил дня по два, но результат был тот, что на меня находила такая тоска и озлобление, что этот новый грех становился горше старого. О. Варсонофий запретил мне даже и делать подобные попытки, ограничив мою ежедневную порцию куренья пятнадцатью папиросами. Прежде я курил без счета...» — Это было сказано в 1-й части «На берегу Божьей реки», стр. 230. Теперь следует посланная рукопись: «Придет ваш час, — сказал о. Варсонофий, — и куренью настанет конец». «Надейся, не отчаивайся: в свое время, Бог даст, бросишь», — по поводу того же куренья, от которого я никак отстать не мог, сказал мне о. Иосиф. И чудо это, по слову обоих старцев, надо мной совершилось. А было это так:

Живем мы с подружием моим, женой моей Богоданной, что называется душа в душу, в полном смысле Евангельского слова так, что мы не двое, а одна плоть. Великая эта милость Божия, нам дарованная свыше, по глубокой и убежденной нашей вере в таинство брака, к которому мы оба в свое время приступали со страхом и трепе-

том. И вот в июне 1910 г. жена моя заболела какой-то странной болезнью, которой ни фельдшер оптинский, ни приглашенный врач определить не могли: утром почти здорова, а как вечер — так и до 40 температуры. И так и неделя, и другая, и третья! Вижу, тает на моих глазах моя радость, тает, как восковая свечечка и вот-вот вспыхнет в последний раз и погаснет. И великой, безмерно великой тоскою и скорбью исполнилось тогда мое сиротеющее сердце, и пал я ниц пред иконой Божией Матери Одигитрии Смоленской, что стояла в углу моего кабинета, и плакал я перед Ней, и ужасался и тосковал и говорил Ей, как живой: «Матушка Царица моя Преблагословенная Богородица! Ты, верую, дала жену ангела моего, Ты же и сохрани мне ее, а я Тебе за то обет даю не курить больше никогда. Обет даю, но знаю, что своими силами исполнить его не могу, а не исполнить — грех великий, так Ты Сама мне помоги!» — Так было это часов около десяти вечера. Помолившись и несколько успокоившись, подошел к постели жены. Спит, дыхание тихое, ровное. Дотронулся до лба: лоб влажный, но не горячий — крепко спит моя голубушка нежная. Слава Богу, слава Пречистой! На утро температура 36,5°, вечером 36,4° и через день встала, как и не болела. А я забыл, что курил, как не курил никогда, а курил я ровно тридцать лет и три года, и весь организм мой был так пропитан проклятым табачищем, что я без него жить не мог не только дня, но и минуты. Это ли не чудо Одигитрии?»

Между тем счастливая жизнь в Оптиной Пустыни подходила к концу. Грех молодости

Сергея Александровича всплыл снова на поверхность и был причиной его изгнания из Оптиной Пустыни. Произошло это так: г-жа Володимирова вскоре после свадьбы Нилусов овдовела и раздала всё свое богатство своим детям, с тем, что они будут выдавать ей пенсию. Но ее зятья с быстротой молнии пропустили до нитки всё ими полученное, и старуха стала нищей. Она попробовала поселиться у своей сестры, но та ее так пилила за легкомыслие и ошибки, что терпеть было невозможно. Она обратилась к Нилусу, умоляя взять ее к себе. Елена Александровна пошла к старцу, о. Варсонофию, спросить, что делать? Старец предупредил, что если она примет Наталию Афанасьевну, то с этим будут связаны скорби, но не запретил принять ее к себе. Жалость и мысль, что она причинила ей горе, взяли верх, и Елена Александровна приняла к себе г-жу Володимирову. Последняя в это время достигла уже глубокой старости и ходила, переваливаясь, нетвердыми шагами. Сначала она питала вражду к Елене Александровне, затем это сменилось совершенно обратным отношением: Елена Александровна победила ее предубеждения своей ангельской добротой и вниманием к ней.

Однако появление г-жи Володимировой в Оптиной Пустыни вызвало вскоре настоящую трагедию. Началось с того, что в Оптину Пустынь прибыла некая Мария Михайловна Булгак, рожденная Бартенева. Трудно себе представить существо более отталкивающее и физически, и морально. Это была Квазимодо в образе женщины. Она была начальницей женской гимназии в

г. Гродно. Перед приездом в Оптину она наскандалила в Вировском монастыре Седлецкой губернии, где ее собаки врывались в церковь. Пришлось обратиться к полиции, чтобы ее удалить. Там жила тогда на покое мать игумения София — сестра Елены Александровны Нилус. Явившись в Оптину Пустынь, г-жа Булгак возгорелась пламенным обожанием к старцу Варсонофию и обещала сделать завещание в его пользу, то есть в пользу Скита, на сумму в сто тысяч рублей. На этом основании она считала себя вправе командовать Старцем. Когда же это ей не удалось, ее обожание сменилось страстной, яростной ненавистью. Вооружившись всевозможными клеветами и сплетнями, Булгак покатила в столицу и явилась в салон графини Игнатьевой. Этот салон посещался также архиереями, которые, увы, не задумываясь, поверили этой болтовне. Дабы лично проверить столь любопытные сенсационные слухи, в Оптину Пустынь отправилась сама графиня Игнатьева. Сначала она сделала визит настоятелю архимандриту Ксенофонту, потом дала знать о. Варсонофию, что явится к нему не как к старцу, но как к настоятелю Скита. Ввиду такого неприятного посещения о. Варсонофий попросил М. Н. Максимович выручить его при приеме графини и вести с ней светскую беседу. М. Н. Максимович была супругой Варшавского генерал-губернатора. Она жила почти безвыездно в Оптиной в собственном домике и была смиренной старицей, поистине святой жизни. Она пришла к чаю и вела с графиней любезный светский разговор, а Старец пребывал в молчании.

Результат был такой: графиня вернулась в Петербург с доносом — в Скиту растут цветы, а у Старца в келье хозяйничают женщины.

К этому прибавилось, что в монастыре оказалось 3 монаха-бунтовщика. Старец и Настоятель их усмирили. Но они подали на Настоятеля донос в Синод о якобы существовавших безпорядках в лесном хозяйстве.

Под самый Новый год — 1912-й, в Оптину прибыл архиепископ Серафим Чичагов и прямо с дороги, ничего не исследовав, за всенощной новогодней произнес против скитоначальника — о. Варсонофия и настоятеля — о. Ксенофонта поносную и оскорбительную проповедь перед лицом всей Оптинской братии. Он заявил, что Оптина Пустынь стала местом полнейшего падения нравов и грозил гневом Божиим. Оба начальствовавших старца, убеленные сединами, стояли по бокам говорившего и поддерживали архиерея под руки. Оптинская братия была поражена, как громом... Это был жестокий удар... Преосвященный поднял даже вопрос о закрытии Оптинского скита...

Что касается о. Ксенофонта, он вскоре доказал, что в ведении им хозяйства не было никаких неправильностей или ущербов. Однако потрясение, им пережитое, вскоре свело его в могилу. С о. Варсонофием пришлось труднее: от него потребовали, чтобы он произнес осуждение Нилуса в блудной жизни. Старец наотрез отказался это сделать и должен был покинуть Оптину Пустынь. Его произвели в архимандриты, несмотря на то, что он был схимник, и дали в управление Голутвинский монастырь, заброшенный и в полном упадке. Оби-

тель эта стала быстро возрождаться, но о. Варсонофий не мог пережить разлуки с Оптиной Пустынью, он тяжко заболел и в 1913-м году преставился.

Благодаря распоряжению Синода, воспретившему мiрским лицам жить в Оптиной, Нилусам пришлось вернуться в Валдай.

Оптиной Пустыни обязаны выходом в свет следующие книги Нилуса: «Сила Божия и немощь человеческая», «Святыня под спудом». Преосвященный Никон Вологодский печатал в «Троицком Слове» дневник Нилуса под заглавием «На берегу Божьей реки», который вышел отдельной книгой в 1916-м году. Нилус не ожидал, что с отъездом из Оптиной Пустыни он сможет продолжать вести свой отдел в «Троицком Слове», где печатались его дневники. Но жизнь в Валдае была богата духовными впечатлениями и общением с людьми преданными Церкви. К нему приезжали со всех концов России, ему писали... «Божья река» не иссякла и продолжала струиться, и он мог продолжать закидывать в нее свои рыбачьи сети...

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

«Жизнь в Валдае продолжалась с 1912 года и вплоть до начала революции. Приблизительно 8 лет. Описывать подробно мы эту жизнь не можем. Приведем здесь только два отрывка из воспоминаний: 1) бывшего студента, прогостившего у Нилусов 6 недель; 2) племянницы Е. А. Нилус.

Дом, в котором жили Нилусы, — рассказывает студент, — принадлежал профессору политической экономии П. Н. Георгиевскому. В этом

доме когда-то жил романист Всеволод Сергеевич Соловьев (сын историка, Сергея Михайловича Соловьева, и брат философа, Владимира Сергеевича Соловьева), автор исторических романов «Сергей Горбатов», «Старый дом» и др., которыми в свое время зачитывалась молодежь. В этом же доме и написаны были эти романы. Стоял Нилусовский дом в красивом заглохшем парке, спускавшемся по косогору к самому озеру, на которое открывалась калитка сада. Здесь была устроена маленькая пристань для причаливания лодок. Перевозными лодками правили женщины-лодочницы, они возили, главным образом, в Иверский монастырь, расположенный в лесу на острове посреди озера. Мы отплывали по праздникам рано утром, и в это время начинался гул знаменитых Валдайских колоколов. Гудели все городские церкви. Утреннее солнце освещало чудесное ярко-синее озеро и весь расположенный по левую сторону от нашего дома белый Екатерининский городок, который со своими многочисленными церквами, казался опрокинутым в водах озера. Это была дивная картина! Мы плыли направо, монастырь еще не был виден. Его скрывали поросшие лесом зеленые островки. Зато из центра города он был виден, как на ладони. По озеру проходила цепь Валдайских гор. Сергей Александрович по этому поводу вспоминал слова псалма: «На горах станут воды... посреде гор пройдут воды» [Пс. 103, 6, 10]. Наконец, мы проплывали пролив, разделявший остров и лодка причаливала к монастырскому берегу всегда ровно в 9 часов утра. И в это мгновение с точностью раз-

дался удар могучего монастырского колокола, возвещающего начало обедни.

Из всех обитателей Нилусовской усадьбы первым привлекал внимание сам хозяин. Это была сильная личность, человек блестящий, талантливый музыкант, художник и писатель. Говорил он необыкновенно интересно, взгляды его были глубоки и оригинальны. Его чисто русская душа — нараспашку, с сердцем восторженным, искренно открытым, была готова любить всякого. Идеализировал он кого только мог, при этом попадался, разочаровывался, но был неисправим. При почти постоянном безденежье он умудрялся проявлять самую широкую щедрость. Вера его была непоколебима. Сергей Александрович был высокого роста, очень представительный, с большой окладистой бородой с сильной проседью и выразительными карими глазами. Дома он носил русскую рубашку и высокие сапоги и, несмотря на скромную эту крестьянскую одежду, походил типом на русского боярина.

Приехал я в Валдай 29-го июня 1916-го года в день св. Апостолов Петра и Павла, и мне сразу же без всякой подготовки пришлось окунуться в удивительную атмосферу, которую и словами передать трудно. Скажу только: мне приходилось встречать в жизни людей доброй христианской настроенности, но такой жизни по вере, такого глубокого, живого евангельского духа, какой я увидел здесь, мне не приходилось встречать доселе нигде, да и не пришлось и после. Все отношение Нилусов к людям, несмотря на испы-

тываемые ими огорчения, было так христиански просто, доверчиво, сердечно и ласково, таким овеяно светом и теплом, что я не мог не погрузиться сразу же всей душой в эту радостную, уютную, любвеобильную атмосферу. Здесь выдуманного, натянутого не было ничего: Нилусы были такие, это была их жизнь, это был их дух. Ежедневно читали они жития святых и были проникнуты их настроенностью. Шесть недель провел я в этой чудесной усадьбе, и эти 6 недель положили на мою душу такой сильный отпечаток, который уже впечатлениями всей последующей жизни не мог изгладиться.

Особенно поразил меня разговор, имевший место за обедом в памятный день моего приезда: до сих пор мне не приходилось нигде слышать таких речей... Прежде всего надо сказать, что одновременно со мной у Нилусов гостила Екатерина Николаевна Яблонская, которую молодежь звала тетей Катюшей. Ее отец, Н. Тимофеев, после Балканской войны был советником посольства в Константинополе. В их доме любил бывать известный мыслитель К. Н. Леонтьев. Эта семья рано осиротела, и их опекуном стал А. П. Озеров — отец Е. А. Нилус.

Таким образом у тети Катюши издавна сложились близкие отношения с семьей Озеровых. Однако она вопреки им всем, а также общественному мнению, горячо одобряла брак Елены Александровны и очень любила Сергея Александровича. Это была безхитростная и простая сердцем женщина, обладательница чудесного, бархатного контральто, и только благодаря зависти и

интригам не поступила в молодости в Мариинскую оперу — можно думать, на свое счастье.

Речь за завтраком была вот о чем: уезжая из Петербурга в Валдай, тетя Катюша сдала чемодан в багаж. Время было военное — 1916 год. На железных дорогах царил полнейший хаос. Тетя Катюша помолилась преп. Серафиму и его образом благословила свое достояние. На пересадке ей удалось заметить, что чемодан отправляют не туда, куда надо, и добиться правильной погрузки. О своей молитве преп. Серафиму она совершенно забыла. И вот 28-го июня просыпается она на рассвете и смотрит на часы, твердо запоминая час, и вдруг видит: перед ней стоит сам преп. Серафим и указывает ей рукой на ее чемодан. Указал и скрылся, как бы упрекая в неблагодарности и поучая, что ничего случайного в жизни не бывает.

С трепетом и радостным волнением стала она рассказывать о явлении ей угодника Божия Сергею Александровичу... Он тотчас же уселся за письменный стол и стал вносить в свой дневник запись об этом чуде. В этот день стояла обыкновенная июньская погода, солнце светило, не было никаких признаков непогоды. И вдруг к ужасу всех присутствующих сверкнула молния, которая расщепила грабли, прислоненные к окну, у которого писал Сергей Александрович. Одновременно раздался оглушительный удар грома. Но ни дальнейшей грозы, ни дождя не последовало.

Каким образом произошло такое странное и таинственное явление? И чья рука оградила от смерти, записывавшего о чуде Сергея Алексан-

дровича? Вот о чем говорили за обедом обитатели Валдайской усадьбы, обсуждая между собой вчерашнее происшествие».

Вторым воспоминанием является статья [Е. Ю. Концевич], напечатанная во Владимирском календаре в 1954-м году. Она передает ту атмосферу, которая окружала Нилусов в валдайский период их жизни: *Валдайские впечатления*

«В первый раз собралась я в Валдай в октябре 1913 года. Ехала я со станции Борисов через Оршу и Витебск. Отправившись в путь около полудня, я только в пятом часу утра добралась до Валдая. Вышла я из поезда в темноте, при свете фонарей и сразу очутилась в широких родственных объятиях, приехавших встретить меня, несмотря на ранний час, моих старичков — тети и дяди.

В эту ночь, вернее в то утро, мы не пошли отдыхать, а всё говорили и говорили без конца: сначала еще при свете лампы, а потом дождались и дневного света. Утром повели меня по всем комнатам.

Главной, центральной был кабинет — уютный и старомодный, с тяжеловесными мягкими креслами, шезлонгом, расположенными у круглого стола с лампой и отгороженными от двери китайскими ширмами. В углу виднелся огромных размеров образ Божией Матери Одигитрии. У одного из окон стоял дядин письменный стол, за которым протекала вся его жизнь, его творчество. Стены были увешаны портретами и этюдами работы самих хозяев. Дядины этюды всегда были хороши: они были живыми, дышали воздухом, изобилием света и широтой и раздольем. Тетя, которая научила его

писать масляными красками, была им превзойдена, у него был врожденный талант.

Другая примечательная комната — их спальня, половина которой была обращена в моленную. Икон было множество, были и старинные, фамильные. Но больше всего обращал на себя внимание дивной красоты лик Христа, как живой, в терновом венце, работы неизвестного итальянского мастера. Был случай исцеления от этого образа калеки-ребенка. Кроме того, привлекал к себе чудный образ-портрет Преподобного Серафима, написанный Дивеевскими монахинями. Перед иконами горели лампады. От этих двух комнат веяло особенным миром и уютом. Такой умиротворяющей атмосферы нигде и никогда я не встречала больше в жизни. Остальные комнаты: столовая и две комнаты для гостей, не носили такого яркого отпечатка личности хозяев.

С внешней стороны усадьба имела очень поэтический вид, она была старая, расположенная в тенистом саду, среди деревьев и кустов сирени, на самом берегу озера. Валдай — обыкновенный провинциальный городок, хорош, главным образом, своим местоположением на берегу озера. Бывала я там не раз в соборе и, кроме того, в церкви св. Екатерины, построенной Императрицей Екатериной II-й, которая, как и другие царственные лица, останавливались в Валдае при путешествиях из одной столицы в другую. Эта церковь была создана в стиле ампир, так мало гармонирующим со старорусским городком и бытом.

Прожила я в этот приезд не более месяца в Валдае. Погода мало располагала к прогулкам.

Я сидела в кабинете на одном из кресел против тети с работой или книгой в руках. Дядя, сидевший за своим письменным столом, как-то обратился к тете: «Эта девочка мне не мешает, она умеет молчать, как и ты». Я не тяготилась этим молчанием, напротив, я наслаждалась этой старосветской обстановкой, лаской, любовью моих старичков. Ведь существуют разного характера молчания: одно — холодное, сухое, щемящее сердце, происходящее от отчужденности и разномыслия и бывает, наоборот, другое — когда царит полное понимание, внутренняя гармония, тогда слова кажутся лишними.

Целым событием показался мне наш выезд «в свет»: нас пригласили церковные друзья на именины. Эти друзья были торговцами красным и бакалейным товарами. Они были людьми с очень небольшим школьным образованием. Но я никогда не ожидала встретить в этой среде такую благовоспитанность, такие естественные и полные достоинства манеры. Ясно — они унаследовали это от прежних поколений. Это были представители старого русского склада и быта. Какая разница, подумала я еще тогда, с теми другими, потерявшими связь с почвой и верой отцов! И вот, когда вслед за этим повеял ветер революции, эти безпочвенные люди закружились и понеслись, как пожелтевшие листья, радуясь этому движению, этой завирухе и не сознавая, что они летят в бездну. Безумие охватило всех. Вихрем всё снесено, разбито, развеяно и даже праха не собрать уж теперь! Да, могла ли я думать, что стою у самого порога и рубежа и на-

блюдаю уходящую Русь, что от ее красоты не останется и следа.

А пока, выйдя на балкон Валдайской усадьбы, я могла еще любоваться на дивную панораму: передо мной расстилалось озеро окружностью более ста верст. Против самого города на зеленом полуострове среди мачтовых сосен высились древние белые стены и башни Иверского монастыря. Это была захватывающая дух красота. Я смотрела и не могла наглядеться. Но еще в больший восторг привела меня эта картина, когда я приехала весной. Стояли тогда теплые майские дни. Особенно запомнился один вечер. В монастыре шло вечернее богослужение. Через голубую ширь озерных вод доносился могучий, невыразимо прекрасный благовест древних колоколов. В лучах заходящего солнца монастырские строения и храмы были словно облиты прозрачным золотом. Казалось, они были озарены небесным огнем. Так изображают горний Иерусалим, Град торжествующих святых. Но вот это златоогненное освещение перешло в пурпурно-красное, затем краски розовеют, принимают лиловый оттенок. Время идет, а небо и отражающее его озеро всё продолжают менять свои фантастические цвета, пока вечерняя заря не погасла и не настала светло-прозрачная северная ночь. Но то было в мае, а в тот первый мой приезд на дворе была хмурая осень, без красочных закатов, и по озеру мы избегали ездить. Поэтому 12 октября 1913 г. мы поехали в монастырь кружным путем на лошадях и ехали 7 верст вместо трех, если бы поплыли напрямик, на лодке. В этот день, канун

Своего праздника, Иверская икона Божией Матери возвращается на всю зиму в монастырь, обойдя за лето несколько уездов, посетив по дороге все города, села и деревни.

По приезде, к концу дня, мы пошли вместе с крестным ходом на берег озера к монастырской пристани встречать икону. Это был по-осеннему темный вечер. Ждали не так долго: вот показались на фоне чернеющего водного пространства цветные огоньки, — фонарики, которыми была украшена лодка с иконой. Лодка подошла к берегу и причалилила. Крестный ход принял икону, и ее понесли в зимний храм со свечами и пением. По дороге икону проносили над отдельными богомольцами, склоненными до земли. Этот теплый храм, где Иверская икона проводила зиму, переносил вас всецело в допетровскую Русь, прямо из XX века вы попадали в эпоху Царя Алексея Михайловича, в палатную церковь того времени, где помимо архитектуры уцелели и некоторые предметы боярского обихода. Мы отстояли всенощную.

Как описать то ощущение тишины, покоя и мира душевного, когда врата монастырские заперлись и мы очутились как бы под защитой этих древних стен от всего остального мира с его страстями. Как легко и радостно было чувствовать себя укрытой в этом святом месте! Я всегда уезжала из монастыря с глубокой болью сердца, отрываясь как бы от самого родного.

Иверский монастырь был создан Патриархом Никоном в XVII столетии. Никон еще в бытность свою новгородским митрополитом проезжал не раз мимо Валдая по дороге в Москву. Он был пле-

нен красотой местности и задумал построить здесь монастырь. Явившийся ему в видении Святитель Филипп благословил его намерение. Став Патриархом, Никон мог осуществить свое желание. За образец он принял Иверскую обитель на Афоне, план которой вместе с двумя копиями иконы Иверской Божией Матери ему был доставлен оттуда. Для одной из этих икон была построена в Москве так называемая Иверская часовня, а другая пребывала в Валдайском монастыре.

В 1663 году началась постройка монастырских зданий под наблюдением Патриарха и материальной поддержкой со стороны Царя Алексея Михайловича и вельмож. Сам Патриарх освятил обитель и богато украсил икону Б. М. Иверской и приказал перенести из Боровичей мощи святого Иакова Праведного.

В Петровскую эпоху наступил общий упадок монастырей, Иверский был приписан к Александро-Невской Лавре. В Екатерининский век тучи еще более сгустились, но исключительными усилиями энергичного настоятеля монастырю удалось выйти из состояния запустения, и обитель снова стала самостоятельной.

В Иверском монастыре было 5 храмов. Из них главным был Успенский Собор. В нем замечателен пятиярусный иконостас с иконами XVII века в драгоценных окладах. За левым клиросом в серебряной раке почивали мощи свв. угодников (48). Был кубок самого Патриарха Никона. Была богатая ризница с патриаршими пудовыми облачениями. Помню огромный, тяжеловесный кубок самого Никона. При монастыре была библиотека.

Помимо исторических святынь, была чудотворная икона и нового происхождения: образ Божией Матери «Умудрительницы», малая копия которой путешествует со мной по белу свету до сих пор.

Монашествующие Иверского монастыря существовали по преимуществу рыбной ловлей. Их было около 30-ти человек. Я еще застала в живых иеромонаха отца Лаврентия, бывшего безсменным с юных лет келейником архимандрита Лаврентия, настоятеля Киево-Печерской Лавры, известного в летописях подвижников благочестия XIX века и скончавшегося на покое, управляя Иверским монастырем. Архимандрит Лаврентий также описан в автобиографии знаменитой Леушинской игумении Таисии. Он ее благословил на монашество и при этом вручил ей, тогда еще совсем молодой, мирской девушке, свой настоятельский посох.

Иеромонах Лаврентий, подобно своему учителю, был также праведным и прозорливым. Когда он еще был в средних годах, с ним произошло следующее: в монастыре умерли нетрезвые монахи. Отец Лаврентий безмерно скорбел об их погибели и умолял Господа дать ему понести за их грех какое-либо страдание, дабы облегчить их загробную участь. И действительно, вслед за этим его постигла мучительная болезнь: воспаление лицевого нерва и когда периодически болезнь эта обострялась, то страдания его доходили до крайнего мученичества.

«Самая страшная зубная боль, — говорил он, — ничто в сравнении с этой болью». Однажды,

находясь в состоянии почти невменяемом, он стоял на обрыве над озером, помышляя о самоубийстве. Рядом появился человек и стал решительно поддерживать его в этом намерении. Отец Лаврентий уже решившийся было броситься в воду, осенил себя предварительно широким крестом — и в это мгновение успел заметить, что стоявший рядом человек внезапно стал невидим. Потрясенный отец Лаврентий сразу опомнился и с той поры понес безропотно свои нестерпимые муки. Умершие монахи не раз являлись ему в сновидениях и изъявляли ему свою благодарность.

Внешний облик о. Лаврентия был необычайно светлый: внутренний свет его души как бы просвечивался сквозь оболочку его старческого тела. На контрастном сумрачном фоне каменной кельи этот сияющий, любвеобильный образ выделялся еще более разительно. Жил о. Лаврентий в монастырской стене постройки XVII века, где помещались монашеские кельи. Он редко выходил, а, может быть, и совсем уже не выходил.

Отец архимандрит Иосиф почитал его, как старца и ничего не предпринимал без его благословения. Монахи и мирские обращались к нему за руководством.

Однажды к нему пришел монастырский фельдшер отец X., который был чем-то обижен и собирался переменить обитель. Отец Лаврентий сказал ему коротенькую басню: «Жила, жила сорока на острове, пока не опоганила всё кругом. — Давай, говорит, полечу искать чистое место». Басня не прошла даром, фельдшер не покинул Иверского.

Мне же, совсем не зная обстоятельств моей жизни, отец Лаврентий велел прочитать житие преп. Серапиона Египетского, говоря, что я там найду для себя некое указание. И в самом деле, прочтя это житие, я поняла духовный смысл переживаемых мною трудностей, и это сознание укрепляло меня в течение долгих лет.

Отец Лаврентий горячо любил Россию: когда началась война 1914 года, он пламенно молился о победе русского оружия, все время интересуясь ходом событий. Но за полгода до своей кончины отец Лаврентий видел сон: будто читает он священную, написанную огненными буквами книгу о конечной судьбе земного міра, читает, ужасается и просыпается в величайшем страхе, запомнив лишь заключительные слова: «Но Господь не даст усилиться пагубе и ускорит кончину».

После этого сна о. Лаврентий оставил все помышления о земном, всецело отдавшись безмолвию. Скончался, насколько я запомнила, в конце 1915 года. Перед кончиной он удостоился зреть наяву Божию Матерь, явившуюся ему в видении со Святителем Николаем.

Еще много и долго могла бы я рассказывать и о некоторых старосветских валдайских жителях, и о братиях святой обители, ее настоятеле о. архимандрите Иосифе, отличавшемся простотой и скромностью, и, главное, теплой любовью ко всем незадачливым и несчастным. Отец наместник вспоминается мне с метлой в руке, метущий двор в часы общего послеобеденного отдыха. Отец Геннадий, ризничий, опытный духовник, строгий монах и многие другие. Вижу и

сейчас детское сияющее лицо юродивого Абрамыча, косматого и лохматого. Более добродушной физиономии вообразить себе невозможно! Меня предупредили, что он неопустительно должен поцеловать каждого, в ком видит доброе христианское расположение. Как я ни крутилась и ни увиливала, но не миновала его приветствия. Все же, кончая, хочется мне еще упомянуть об отце Вениамине, молодом монахе, несшем послушание «гробового», то есть он был приставлен к мощам праведного Иакова и к чудотворной иконе. Он и его приятель о. Никита, просфоряк и рыболов; оба были корелами. Корелы сохранили свой особый язык и примитивную наивность. Отец Вениамин передавал нам речь крестьянок-корелок, молящихся перед Иверской иконой, их поистине ребяческий лепет. Таким же оставался в душе и сам о. Вениамин; он производил впечатление необычайной чистоты. Ему явился во сне св. Иаков, жалуясь, что ему неудобно лежать. О. Вениамин тайно осмотрел святые мощи, нашел торчащий гвоздь под головой праведного отрока и увидел необходимость переменить пыльную вату, которая служила изголовьем. Вату купили мои родственники, гвоздь был удален, больше никто об этом не узнал.

Мощи переоблачались через известные периоды лет. Однажды мой дядя при этом присутствовал. Он рассказывал, что св. Иаков был отроком лет 12-ти с курчавенькой головкой. Мощи приплыли к городу Боровичам в XV столетии на огромном бревне. Оно частью сохранилось, я его видела в соборе и удивлялась его толщине.

Кроме Иверского монастыря, была я, но уже во второй мой весенний приезд, и в женском — Короцком, находившемся вблизи того села. откуда родом был святитель Тихон Задонский. Он, как валдайский уроженец, должен был носить в сердце своем всю святыню и красоту этой дивной местности... Мы служили панихиду на могиле его родителей. Тут же близко стояла крошечная, бревенчатая церковка, где отец его служил причетником. Войти туда ввиду ее ветхости не дозволялось. Но двери были отперты, и можно было видеть посреди церкви аналой, а на нем поминание семьи Святителя.

В третий раз мне уже не пришлось быть в Валдае. Скоро подоспела революция, и до меня доходили только отрывочные известия о происходившем там: архимандрит Иосиф был сильно ранен камнями во время крестного хода и положен в больницу. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Благочестивые купцы были расстреляны, возник ужасающий голод, люди умирали...»

Еще раз скажем: жизнь Нилусов в Валдае была полна общением с единомысленными верующими людьми, приезжавшими лично, писавшими интересные письма. Монастырь с его святынями и духовно настроенными иноками, хотя и не мог заменить дорогую им Оптину Пустынь, все же являлся великой духовной отрадой. Дивная природа и все вместе взятое делало их жизнь красочной и богатой. Но вот кончилась «жизнь», произошла революция, и началось «житие»...

III

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

1917–1929

По Промыслу Божию, в первые же дни революции Нилусов посетил князь Владимир Давидович Жевахов, будущий епископ Иоасаф, который пригласил их переехать к нему в его полтавскую усадьбу Линовицу, Пирятинского уезда. Там в конце парка стоял неизвестно зачем им выстроенный небольшой двухэтажный дом... К счастью, Нилусы сразу приняли это предложение. Они немедленно перебрались на Украину. Если бы они этого не сделали, они бы не уцелели. В Новгородской губернии вскоре начался голод и страшнейший террор. Все местные друзья Нилусов погибли. В Полтавской же губернии еще долгое время не было нарушено мирное положение: народ продолжал жить в довольстве, «дядьки» гостеприимно приглашали Нилусов отведать вареников из белой муки со сметаной, приговаривая: «Гуляйте, гуляйте». Конечно, вскоре после прихода советской власти всего этого не стало.

С каждым годом положение значительно ухудшалось... Однако Нилусы ни разу не делали попыток уехать из России. Уходили немцы, ушла Добровольческая армия... Если бы они и захотели уехать, у них никогда не было на руках достаточно денег, чтобы это сделать. Но самое главное, они не считали возможным бросить на произвол судьбы свою церковь. Здесь будет уместно сказать о создании этой церкви в верхнем этаже за-

нимаемого ими дома. В первое же лето своего пребывания в Линовице Нилусы отправились в Полтаву к правящему архиерею — Преосвященному Феофану. Владыка дал им свое благословение на устройство храма в верхнем этаже их жилища. Игумения София Покровского монастыря в Киеве (друг их по Оптиной Пустыни) приняла живейшее участие в создании этой церкви. Она прислала в Линовицу группу монахинь во главе с о. Димитрием Ивановым[1]. Монахини произвели все работы, а о. Димитрий освятил храм. Алтарь был отделен перегородкой — ширмой, обтянутой темно-синим атласом, обрамленным серебряным галуном. Образа Спасителя и Божией Матери были в серебряных ризах и обрамлены тем же серебряным позументом. Над ними спускались лампады. Царских врат не было: просто отдергивалась занавесь. В алтаре запрестольным образом служил дивный лик Спасителя в терновом венце итальянского письма. Он был чудотворный, произведение неизвестного, но гениального художника. Нельзя оторвать от него глаз. Это был родовой образ Сергея Александровича. Церковь посвящена Покрову Божией Матери и вместе с тем преп. Серафиму. Сюда приходили люди, имевшие потребность от души помолиться. Нилусы были чтецами и певцами, к ним присоединялись любители пения, образуя хор.

Конечно, народ приходил в эту церковь нерегулярно за исключением нескольких постоянных прихожан, но все же люди к ней тянулись,

---

[1] См.: *Прот. Михаил Польский*. Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1957. Т. 2. С. 169–170.

черпая духовное утешение. В тяжелое время приходившие молиться приносили продукты.

Одно время настоятелем был архимандрит Иоасаф, который поселился со своим келейником-иеромонахом в кельях при церкви. Отец Иоасаф был исполнен невыразимой небесной кротостью и святостью. До этого он жил в Густынском монастыре, где в свое время подвизался святитель Иоасаф Белгородский. Странно даже это выговорить, но дух революции коснулся густынских монахов, и они выгнали вон жившего у них на покое своего бывшего настоятеля, святого старца. Нилусы приняли его к себе с величайшей радостью, и он прожил у них до самой своей чудной, праведной кончины. За несколько дней до своей смерти о. Иоасаф, подобно Елене Васильевне Мантуровой и Елене Андреевне Вороновой, удостоился видения Пресвятой Троицы. А до этого видения и после него он видел Ангелов. Святой старец, если и служил, то очень редко, службы совершал его келейник.

В письме от 13 августа 1922 года Нилус пишет в ответ друзьям-эмигрантам, мечтавшим помочь ему выехать за границу, что воспользоваться их советами *вряд ли придется, пока стоит наша церковь, к которой Господь и Царица Небесная поставили нас хранителями, блюстителями, чтецами, певцами и пономарями. Изменить нашему назначению никоим образом не можем и должны стоять на Божественной страже до тех пор, пока Сам Господь ясно не укажет, что наша миссия закончена, или до нашей смерти...*

Елена Александровна в следующем письме от 28-го декабря того же 1922-го года пишет о том же: ...*проведя здесь праздники* Р[ождества] Х[ристова], *поняли, что так и надо было. Так было много-много народу, так много причастников, такие хорошие, добрые люди, столько им было утешения от нашей церкви, что, наверное, было бы плохо, если бы мы теперь бросили...* О выселении их из Линовицкой усадьбы и спасении от расстрела рассказано в тексте второй части «На берегу Божьей реки».

В брошюре, посвященной памяти Нилуса, под заглавием «Пламенная любовь», изданной в Нью-Йорке в 1937 году, помещен отзыв о Нилусе лица, побывавшего у него в то время, когда он жил в Линовице:

«В доме у них, — пишет он, — царила прямо благодать Божия, это чувствовалось при входе в дом. Там всегда царствовала радость, никто не ссорился. А у С. А. Нилуса был дар пламенной любви ко всем и к каждому. При мне был случай, когда явился какой-то большевицкий комиссар с нахальным видом осматривать дом. Конечно, шапки не снял и имел вид очень грубый. С. А. повел его по всему дому и завел в церковь, которая помещалась наверху. Долго они оттуда не выходили. Супруга С. А. решила заглянуть туда и увидела, что большевик плачет в объятиях ее мужа... И у самого С. А. слезы текут... Видно он сумел найти и сказать большевику несколько таких слов, от которых растопилось его сердце...»

Жизнь на Украине в те годы была сопряжена со всевозможными лишениями и исполнена

страха и ужаса... *О, эта вера наша! Если бы не она — давно бы нас и на свете не было!* — восклицает в одном из своих писем Сергей Александрович. За письмо, посланное за границу, Нилусы заплатили миллион рублей и боятся, что прервется переписка[1]. Кто с *легким сердцем рассчитывает и отделяет сроки не на года, а на месяцы, тот не понимает истинного положения дел, при котором, по выражению Петра 1-го, «всякое промедление смерти подобно»... Мешок, и при том наглухо завязанный — вот положение, в котором мы живем*. Но Сергея Александровича поддерживает память о пророчестве преп. Серафима о его воскресении из мертвых перед концом міра. Следовательно, настанут еще мирные времена... адский кошмар не вечен... Его миссия довершить дело Мотовилова, «служки преподобного Серафима». *Недаром же*, — пишет он, — *при первой со мной встрече воскликнула Елена Ивановна Мотовилова: «Да, это мой Мотовилов воскрес!» Неспроста то же мне сказал и наш почивший старец, о. Варсонофий, то же почти в тех же выражениях, что и вдова «служки Божьей Матери и Серафимова»*. Как известно, Сергей Александрович опубликовал беседу преп. Серафима с Мотовиловым о цели Христианской жизни, которая была предназначена Преподобным не для одного Мотовилова, но для распространения по всему міру. Не меньшее значение имеет пророчество Преподобного о его воскресении перед концом міра для всемирной проповеди. В письме от 22-го июля того же 1922 года [С. А.] пишет по тому же

[1] В следующем году письмо стоило 20 миллионов.

поводу: *Писал ли я вам про массовое обновление старых икон, чему мы были сами многократно благоговейно-изумленными свидетелями. Весь прошлый год прошел у нас на Украине в этом сплошном чуде. Обновлялись целые церкви, кресты и купола позолоченные на храмах и колокольнях. В Ростове-на-Дону таким образом обновился собор и много церквей. У нас по деревням и хуторам не было почти дома, где бы не совершилось подобное чудо, где, по крайней мере, о нем бы не говорили. Встали в тупик перед ним даже самые ярые гонители Христовой Церкви. На мой разум и понимание, это — знамение, предваряющее близость Воскрешения нового Лазаря в лице Преподобного; нового Торжественного Входа в Иерусалим — яркого торжества Православной веры и Преображения Тела Христа — Вселенской Его Церкви, близость соединения Которой в единую Православную, хотя бы и в малом Филадельфийском стаде, я давно предчувствую; и только уже за тем — конечного предания Ея, Ея смерти и всеобщего Ея Воскресения для Страшного Суда и вечной блаженной жизни под новым небом и на новой земле, идеже будет обитать одна правда...*

Издавая записки С. А. Нилуса, мы не считаем себя вправе скрыть от читателя эту так называемую «Дивеевскую тайну», хотя она может показаться многим, как что-то фантастическое, следовательно, соблазнительное. Воскресение Преподобного должно произойти к концу времен, когда обетовано явление для проповеди пророков Илии и Еноха в Святой Земле. Должно ли нам

сомневаться в возможности величайших чудес, которые должны предварить конец жизни на Земле? Дивеевская тайна записана рукой Мотовилова со слов Преподобного Серафима.

В письме от 28 декабря того же 1922 года Сергей Александрович пишет:

30-го июля в Оптиной скончался близкий нам старец о. *Анатолий (Потапов). Совершенно чудесным образом мы о смерти его получили извещение письмом часа два спустя после того, как он душу свою предал Богу, и потому имели возможность вслед помянуть его за Литургией в самый день его кончины. Вышло это по ошибке корреспондента, получившего преждевременное извещение, когда Старец был еще жив.*

Перед нами письма за 1923-й год: это был год, когда Нилусов выселили из Линовицы и только чудом не расстреляли. Они переехали на Фоминой неделе в апреле месяце в городок Пирятин. *Что сказать о нашем житье?* — пишет С. А., — *Богом видимо и ощутимо не оставлены: живется пока тепло и есть кое-какое продовольствие, не плохо, скорее хорошо и до сих пор покойнее в смысле приятных визитов, чем было на старом пепелище, но душа стремится вон туда, где можно еще работать на привычном труде во славу Божию.*

16 февраля 1924 г. Нилус пишет Е. Н. Яблонской: *Ты получила письмо с изображением нашего домика, в котором мы, трое стариков, живем великим чудом милости Божией. Нам давно надо было бы умереть под забором от голода и от холода, а мы живем и даже благо-*

денствуем, если только можно назвать благоденствием жизнь в условиях тебе хорошо известных, быть может... С переездом сюда мы лишились нашей церкви, но и здесь, благодаря отношениям дружбы с местным священником и псаломщиком, мы читаем и поем на клиросе, как и в своем маленьком храме. Завелись и здесь добрые друзья, которые нам помогают жить сочувствием своим и любовию. Елена Александровна приписывает: *...18 лет прошло с нашей свадьбы, а мы живем всё так же, и он у меня всё такой же хороший, каким ты его знала. Недаром дорогой батюшка Иоанн Кронштадтский, хлопая меня по плечу, повторял: «Спасибо тебе, что ты за него вышла, хорошо ты сделала, он будет тебя утешать до конца жизни».*

Мирная жизнь в Пирятине окончилась в августе 1924 года. В письме от 25 августа Елена Александровна пишет своей сестре, М. А. Гончаровой: *Мужа арестовали неделю тому назад. Никакого повода, ни в чем не замешан. Вдруг приехали из Прилук и увезли. Я поехала тоже и с вокзала шла с ним. С тех пор он сидит, и даже допроса не было, и не говорят за что... Я его вижу почти каждый день. Говорят, что его отправят в Киев. Тогда я поеду. Продала всё, чтобы набрать денег. Всё надеемся, что Господь и Царица Небесная и св. угодники спасут и его выпустят. Он, как всегда, спокоен, благодушен. Говорит, что с ним удивительно хорошо все обходятся. И я сама это видела при свиданиях. Помощник начальника взял его в свою палату и отдал свою кровать и подушку. Муж нашел там*

и двух линовицких знакомых и уверяет, что все ангелы сидят. Одно — разлука со мной его очень огорчает. Мы ведь ни разу никогда не расставались. Я ездила домой, всё уложила, устроила нашу бедную старушку к милому Косте в Лутайку. Как ей бедной трудно и тяжело! Не могла ее к дочери в С.-П[етербург] отправить: слишком дорого, и дочь там бедствует... Ему много присылают всего, даже незнакомые люди, а уже друзья заваливают меня всем, так что он делится с другими. Против тюрьмы подворье мужского монастыря. Живут 4 иеромонаха, трое нам близки, и при них старая монашка — тоже знакомая. Она взялась всё доставлять, когда я не могу, к ней все и носят. Я там ночевала сегодня, была у всенощной и обедни с акафистом Скорбящей Божией Матери. Я и часы читала. Они очень добрые и очень сердечно относятся, молятся на ектеньях за Сергия заключенного. Я ночую то здесь, то там: то на подворье женского монастыря, но там очень тесно: везде отобрано помещение.

17 сентября 1924 года Елена Александровна пишет из Киева: *С[ергея] перевезли сюда, где всё строже, и я еще не могла его видеть. Каждый день ношу ему что-нибудь поесть, могу дать коротенькую записку и получаю ответ, что он получил всё, здоров, целует. Это очень утешает — видеть почерк. Я подала заявление прокурору, прося освобождения по его возрасту, болезни сердца, хороших отзывов местной сельской власти, открытой жизни семь с половиной лет под своим именем. В среду получу от-*

вет... Ехала я с ним вместе и в Гребенке сидела с ним от 4-х часов в субботу до 8-ми утра в воскресенье. Это была великая милость Божия.

Сиденье в Киевской тюрьме продолжалось 5 месяцев: с половины сентября 1924 года до половины февраля 1925 года. Елена Александровна пишет: *Болезнь, оказывается, была гораздо опаснее и тяжелее, чем я думала, и только терпение и незлобие в конце концов победили ее, а терпеть пришлось очень много. Теперь зато живем, как в раю, — именно такая жизнь, как мы любим. У нас комнатка хорошая, теплая — даром! Церковь — только небольшой дворик перейти, службы каждый день, чудные, с двумя хорами, два священника, один лучше другого. Питаемся то у них, то у друзей, которые нас всячески балуют, и все так полюбили мужа, что ты бы ликовала.* (Нилусы, как выяснилось, жили в женском монастыре). *Здесь всё по-старому,* — продолжает Елена Александровна, — *и ты понимаешь, как мы блаженствуем. Любовь нам всячески оказывают и тащат нам так много, что некуда девать... И как пример: у всенощной проходит одна мимо меня, сует пакет и удаляется так скоро, что и лица ее я не разглядела. Разве не трогательно?* Сергей Александрович приписывает: *Голова ходит кругом от пережитых и переживаемых впечатлений. Сейчас я с этой головой и всем своим сердцем погрузился в общение с людьми одного с нами духа, чего был лишен почти всё время со дня отъезда из Оптиной, за немногими, конечно, исключениями, которые все-таки были. Не хватает*

дня, чтобы полномерно и достойно использовать эту радость, тем более, что теперь Великий Пост, и много времени уделяется церковным службам.

Здесь надо упомянуть о том, что было в это время с Н. А. Володимировой: некто Костя обещал Елене Александровне взять ее к себе в деревню, но не взял. Несчастная старуха оказалась покинутой и без средств к существованию, она была совершенно безпомощной, не умея даже печь растопить и готовить пищу. Елена Александровна была вынуждена взять ее в Киев и в конце концов, по общему совету, решила ее отправить с провожатой к дочери в Ленинград. Характерное письмо этой дочери к Сергею Сергеевичу Нилусу, ее полубрату, который находился в Польше:

«Еленище, — так она оскорбительно называет добрейшую Елену Александровну, — исполнила, наконец, свою месть... послать маму теперь к нам я считаю подлостью!» У этой дочери, женщины работоспособной, работали муж и сын. Зять объявил, что тещу выгонит на улицу и на деньги, присланные родственниками Елены Александровны из-за границы, пришлось старуху вернуть обратно в Киев.

21 сентября 1925 года Нилусы еще находились в Киеве и сообщали о том, что им пришлось выписать обратно Наталию Афанасьевну, так как ее зять грозил «принять самые грубые меры». Вскоре после этого письма произошел второй арест Сергея Александровича и отправка его в Москву. В письме из Москвы 21 октября Елена

Александровна пишет: *Я нашла здесь сразу, в какое учебное заведение перевели моего мальчика, и теперь уже могла ему передать белье и гостинцы, но приема еще нет: это так всегда бывает сначала. Насчет экзамена еще неизвестно ничего. Хожу к учебному начальству, чтобы все узнать, пока еще безплодно.* 19 ноября Елена Александровна встретила Владимира Карловича Саблера и была рада его видеть. Только в письме от 26 февраля 1926 года Елена Александровна, наконец, сообщает об освобождении мужа.

Относительно пребывания Нилуса в тюрьме на Лубянке до нас дошли сведения, во-первых, от одной американки, которая ездила в СССР и вернулась сама на себя не похожая от страха и всего виденного там. Во-вторых, от приехавших после войны ДИ ПИ. Пребывание Сергея Александровича в тюрьме было очень тяжелым. Его сажали в чулан, где нечем было дышать, и он в виде протеста отказывался от пищи. Власти по своим особым соображениям не желали его расстрелять, желая, чтобы он умер естественной смертью. Под конец постановили его выпустить. Елена Александровна до глубокой ночи стояла на дворе с шубой, но не дождалась. Только посреди ночи ему разрешили уйти. Сергей Александрович потребовал письменное разрешение. Ему выдали таковое и выпустили на улицу. Но, как известно, на крыше стояли пулеметы, и его бы убили, если бы он пошел вдоль тюремных стен. В это время ехал мимо извозчик. «Братец, — крикнул ему Нилус, — провези меня через пару кварталов. Меня выпустили из тюрьмы, денег у меня нет». Извозчик его

посадил и безплатно довез туда, где жила Елена Александровна. Ехавший без шубы С. А. не простудился.

Вначале Е. А. писала из Москвы, что им не разрешают уехать. Жить им приходилось в разных местах врозь, пользуясь для сообщения трамваями. Под конец им удалось поселиться вместе, но жили они у кого-то в столовой, где постоянно сидели хозяйские и их собственные гости. Лестница там была без перил и такая скользкая, что Сергей Александрович упал и повредил руку. Сама Елена Александровна поломала руку, когда ездила в Дмитров к своей сестре, игумении Софии. Всё это из-за гололедицы. Наконец, в письме от 6-го апреля 1926 года Елена Александровна пишет: *Нам приходится сегодня уезжать. Доктора позволили девочке уехать куда угодно, но не оставаться здесь. Выбрали г. Кролевец, Черниговской губ., куда нас зовет очень хороший друг протоиерея о. И. В. Здесь, в Москве, оставляем много друзей, чудных людей, которые больной девочке очень сочувствовали, пока она болела и также, когда она, слава Богу, поправилась.*

Приехав в Кролевец, Нилусы узнали, что им нужно заявиться в НКВД в Чернигове. По дороге туда, они застряли на 16 часов в Нежине. Там пошли в церковь и местный протоиерей — настоятель храма, пригласил их к себе в дом и дал им письмо к своим детям в Чернигове. Эти дети оказались милейшими людьми и приняли их, как близких родных. Оказалось, что их брат, молодой священник, давно, еще в Киеве, приглашал

Нилусов жить к себе, но они потеряли его адрес. Он жил тут же в 12-ти верстах.

Когда Нилусы были в Нежине, они познакомились с тремя пожилыми сестрами, которые звали их к сёбе жить. Эти сестры так им понравились, что Нилусы стали колебаться между Нежиным и Черниговым. Но остановились на последнем из-за того, что Чернигов стоит высоко, и там хороший воздух. А самое главное — там находился Троицкий монастырь с его чудными службами. Приехав в Чернигов, они пошли утром к обедне и там встретили одну барышню, которая тоже в прежнее время звала их к себе жить. Ее звали Оля, ей 34 года, с ней был отец 82-х лет. Оля возобновила приглашение, и Нилусы с радостью у нее поселились. Пишет Елена Александровна: *Когда я впервые ее увидела, я подумала — вот милягочка! Так оно и оказалось.* Оля поселила Нилусов в хорошей, обставленной мебелью комнате... *Страстную,* — продолжает Елена Александровна, — *почти всю провели в церкви, наслаждаясь монастырской службой, хотя и очень длинной, но не утомительной. Церковь эта одна осталась православной, и потому в ней соединяются все верующие. И большое единение и любовь между ними. Некоторые уже и нас приняли в эту любовь, и на Святой мы были то у одних, то у других и познакомились с очень хорошими семьями, которые и детей своих воспитывают в истине и правде... Хорошего архимандрита арестовали перед Страстной. Мы успели его еще повидать. Скорбь эта была для всех.*

Елена Александровна восхищается красотой их нового местопребывания: *Дом наш на горе, а у подножия разлив реки Десны, так что представляется, как озеро с островом посередине, с домиками, не покинутыми еще, так как светятся вечером огоньки. За озером хвойный лес. Фруктовые деревья теперь в цвету и вода начинает сбывать. При лунном свете и при закате солнца вид восхитительный.*

Жизнь Нилусов в Чернигове продолжалась около двух лет. Елена Александровна пишет от 16-го марта 1927 года Е. Н. Яблонской: *Ты, верно, знаешь про нас, что нам Господь дает спокойную и очень тихую и мирную жизнь с очень милыми, добрыми друзьями, с которыми живем душа в душу. Наша хозяюшка Оля и ее подруга Ксения окружают нас такой любовью, что стали нам, как родные дочки.* То же самое пишет ей же и Сергей Александрович в письме от 24-го февраля 1928 года: О *том, как и с кем мы живем, ты уже знаешь по прежним письмам. Приютившая нас Оля — Ангел Божий и нам, как родная дочка. Уход за нами, стариками, идеальный, преисполненный любви и нежности. Ну, а на какие средства живем и даже прилично живем, тоже «пока». Что будет с нами не думаем: сами себе, друг друга и весь живот Христу Богу предадим.*

Увы! В промежуток между этими двумя письмами эта их мирная жизнь оказалась нарушенной. В открытке от 9-го мая 1927 года со штемпелем «Киев», адресованной той же Е. Н. Яблонской, Елена Александровна пишет: *Сережи*

(С. А. Н.) не было дома, когда пришло твое письмо, — мы опять пережили тяжелое время разлуки, на этот раз всего три с половиной недели, и с 6-го мая он дома. Однако на его здоровье это путешествие плохо отразилось, и сердце неважно: одышка, отеки ног. Поэтому доктор положил его на неделю в постель, на молочную диэту, которую он начал сегодня. Дай Бог, чтобы помогло.

В письме от 14 мая 1928 года Елена Александровна пишет снова Яблонской: *Пишу тебе уже из нового нашего местопребывания. Из Чернигова нас попросили удалиться, к счастью, с возможностью выбрать самим — куда, за исключением Украины. Мы воспользовались давнишним предложением одного заочного московского друга поселиться у его зятя, священника, в трех с половиной часах от Москвы и в трех верстах от гор[ода]. Александрова, Влад[имирской] губ. в селе Крутец. Это историческая Александрова Слобода, куда удалялся Иоанн Грозный. Здесь люди очень хорошие, местность восхитительная, пригорки, поля, луга. Церковь рядом, священник правильный. Московские доброжелатели взяли на себя всё о нас попечение, и мы живем без всякого безпокойства за завтрашний день. Но всё же, по многим причинам нам тяжело было покидать Чернигов, где так хорошо нам жилось. Наталью Афанасьевну пришлось оставить там. Оля ее очень полюбила, и Наташа ее также, так что мы за ее счет покойны, но все же жалко жить врозь. Оля была сначала с нами здесь, помогала нам во всем, а теперь она*

уже вернулась домой. Муж последнее время в Чернигове себя чувствовал очень неважно, и здесь еще тоже не можем очень похвалиться, хотя он все-таки лучше ходит, довольно большие совершает прогулки. Начали принимать йод, и я надеюсь, что с помощью Божией на таком чистом воздухе он поправится.

Увы! Поправиться Сергею Александровичу уже не пришлось. Лето 1928 г. было последним летом в его жизни. Ему оставалось жить всего несколько месяцев. В письме от 29-го июня 1928 года он пишет Е. Н. Яблонской: *Вот уже третий месяц пошел, что мы опять на новом месте. Такова о нас, видно, воля Божия — не засиживаться подолгу на одном месте, чтобы успеть побольше «обойти городов Израилевых» (Мф. 10, 23) в ожидании близкого пришествия Сына Человеческого. Ты живешь своей тихой, трудолюбивой семейной жизнью, в обстановке, настолько похожей на прежнюю привычную, что вряд ли в головку твою и в сердце входят мысли и предчувствия, подобные тем, что волнуют наши души. Все пережитое еще переживается нами, особенно нами двоими, и потому «наши ушки» невольно на «макушке» — слышать, если не как трава растет, то всё же больше того, что слышно ушам огромного большинства «однодневок», «эфемерид», живущих днем и о грядущем не помышляющих. А между тем грядущее не сулит ничего доброго: чего стоит разруха церковная и у нас, и в нашей Зарубежной Церкви? У вас раскол между Антонием и Евлогием... у нас Сергий, Михаил и проч. Бедной*

православной душе негде и главы подклонити... Зная положение вл[адыки] Ф[еофана Полтавского], как мне о том писали, я огорчен до глубины души. Никто себе и в ус не дует! Что же м[итрополит] Ан[тоний] и м[итрополит] Е[влогии]? Признаюсь тебе: очень меня это смущает и заставляет подозревать, что не всё на духовных высотах у вас там благополучно.

Сергей Александрович и Елена Александровна глубоко почитали вл. Феофана как подвижника «не от міра сего», великого аскета, молитвенника и при том ученейшего архиерея во всей Православной Церкви, исключительного знатока святоотеческой литературы. Нилус наблюдал необычайную отзывчивость верующих, живших в советском аду, к своим духовным пастырям и друг ко другу и почувствовал, что у нас в эмиграции нет и тени той святой жертвенности, какая царила «там». Но Сергей Александрович не знал даже того, что в Париже открыта была Духовная Академия и что ее ректором не был назначен бывший ректор С.-Петербургской Духовной Академии, знаменитый богослов, архиепископ Феофан, а вместо него был назначен бывший марксист и профессор экономики, протоиерей С. Н. Булгаков, правда, исключительно талантливый человек, но игнорировавший аскетику и свв. отцов, коими он вовсе не интересовался, отбрасывая их учение в сторону и предлагая свои домыслы взамен. Нам рассказывал ныне покойный И. М. Концевич, возвращавшийся в Париж с какого-то съезда вместе с о. Булгаковым, что последний обратился к нему, в то время студенту Сорбонны, с просьбой

рассказать ему о преп. Серафиме Саровском, о котором о. Сергий имел самое туманное представление. «Запомнился мне острый взгляд о. Сергия, — говорил нам И. М. Концевич, — его умные глаза одаренного человека, казалось, пронзали вас насквозь. Но благостного в этом взоре не было ничего, ни даже простой приветливости. Он очень любил своих друзей и многочисленных поклонников, но к остальным был равнодушен. Во время богослужений фигура его поражала: часто фелонь свисала набок, а богатая шевелюра была всклокочена».

Кончина С. А. Нилуса

1928-й год был последним годом в жизни Сергея Александровича. Он скончался 1-го января вечером на пороге начинающегося 1929 года.

Елена Александровна пишет племяннице в Париж: *Дорогой мой вчера вечером скончался. Подумай! — когда во многих местах служили всенощную батюшке Серафиму! Всё так скоро случилось: были у обедни, потом завтракали. Перед обедом стало нехорошо. Два припадка прошли благополучно. Он сидел и разговаривал с нашими хозяевами, поиграл с маленьким внуком, т. е. говорил и смеялся. Опять припадок, и после трех сильных вздохов — все было кончено. Лицо чудное. Всю ночь провела с ним. Одна читала псалтирь, всех просила лечь. Я спокойна, я знаю, как ему хорошо. Он был очень готов. Каждый день говорил про смерть. Благодарю Бога, что умер на моих руках. Часто бывали обмороки, и я боялась, что его принесут.*

Теперь он еще в нашей комнате, а к вечеру понесем его в церковь и в четверг похороним его на месте, которое сам выбрал.

Письмо от 23-го февраля 1929 года: *Ты знаешь, как вся радость жизни теперь ушла, как стало одиноко и пусто. А все-таки я благодарю Бога за всё и за прошлое, разумеется, и за его чудную кончину... Он явился во сне одному умирающему иеродиакону и много говорил ему о благодати Божией и о том, как легко умирать: никакого страдания, душа легко разлучается с телом. Этот бедный очень боялся смерти, и всякая боязнь прошла после этого видения. Он, муж мой, был очень светлый и приятный. Он говорил о том, что всё проникнуто благодатью Божией, что благодать не отвлеченное понятие, как мы думаем, а совсем другое. Много еще говорил, но больной был очень слаб и не мог всего передать, но главное сказал и скончался вечером перед 40-м днем мужа. Разве это не поразительно?*

Еще милая Марина (дочь Филиппа Петровича Степанова) в самый день и час его кончины заснула после безсонной ночи при больном ребенке и во сне видела, что кто-то стучит в окно, что встала, смотрит: муж и я стоим под окном, и такое у него светлое лицо, как когда солнце освещает снег. И все-таки она ничего не подумала, только, что, может быть, мы скоро опять будем в Москве и к ней зайдем, зайдем, как часто заходили.

Еще Елена Александровна писала племяннице, чтобы она не безпокоилась о том, что Сергей Александрович умер как бы внезапно, будто бы

без должной подготовки. *Но,* — пишет она, — *он был делателем непрестанной молитвы, которая была его вторым дыханием.* И действительно, еще за много лет до его смерти, наблюдая за ним, можно было видеть его левую руку, пребывающую в кармане пиджака, перебирающую четки, которые он там тайно носил. Также и Елена Александровна непрерывно творила Иисусову молитву и даже ночью во сне чувствовала порою ее движенье в сердце.

Кончина Н. А. Володимировой

После смерти мужа Елена Александровна вернулась в Чернигов к Наталии Афанасьевне, которую она целые 4 года содержала, давая уроки иностранных языков.

В письме от 12-го декабря 1932 года Елена Александровна пишет: *17-го октября по старому стилю, тихо, безболезненно и мирно скончалась моя милая Наталия Афанасьевна — так тихо, что, стоя над ней, не могла уловить ее последнего вздоха. Незадолго причащалась, не страдала, только видимо слабела. Последнюю ночь она часто крестилась, читала наизусть свои вечерние молитвы, засыпала и опять за них принималась. Ты меня поймешь! Я благодарю Господа, что Он дал мне, если я и нанесла давно большое горе Наташе, прожить с нею эти последние 4 года, заботиться о ней и похоронить ее, что сделать, как следует, мне помогли добрые друзья: кто в долг дал, кто пожертвовал, а главное, сняли с меня все хлопоты и заботы и мне было прямо умилительно, когда я*

села на дроги возле ее гроба и поехали на кладбище. Так надо было, так должна была кончиться история нашей жизни.

Кончина Елены Александровны

Елена Александровна прожила еще более пяти лет после этого, и кончина ее произошла при драматических обстоятельствах. Похоронив Наталью Афанасьевну и чувствуя, что ходить давать уроки ей уже не по силам, она в 1934-м году поселилась у одной многодетной молодой пары, где помогала смотреть за детьми. Это было около Вышнего Волочка. Дед этих детей жил в Москве и был катакомбным священником. Одно время жена обиделась на мужа и покинула семью, бросив детей на попечение Елены Александровны, которая старалась всячески примирить мужа и жену. Елена Александровна, наконец, достигла своей цели, помирила их. Но, увы! Наступило время ежовщины, и семья эта с чудными, религиозными четырьмя детками оказалась разгромленной. Что с ними сталось — неизвестно! Последнее письмо Елены Александровны, полученное ее племянницей, было датировано октябрем 1937-го года. Оказалось, что воспитанницы ее покойного брата, основавшие гимназию в г. Ирпени возле Киева, звали ее к себе. Но, как они написали позднее, Елена Александровна для них совершенно неожиданно оказалась на Кольском полуострове в г. Коле, куда она добровольно поехала, чтобы сопровождать туда графиню Ольгу Комаровскую.

— *Тётиленина жертва,* — пишет Надя З., — *не была утешительна для Комаровской и доставила ей много трудностей. Тётя Лена болела 2 недели, упала в сенях. Думали — сломаны ребра, но оказалось — ребра целы. Но у тети был жар и бред. Бредила, что едет на пароходе в Иерусалим с Императрицей. И, к счастью, разговор с нею вела по-французски. Умерла 10 апреля 1938 г. тихо, хорошо.* Ей было около 83-х лет.

Итак, кончилась жизнь большого церковно-исторического человека, ушедшего с лица земли видимой и временной, жизнь, протекавшая на фоне угасания славной, неповторимой Святой Руси, под воздействием насилия еще более лютого, чем татарское иго — богоборческого, сатанинского ига воинствующего коммунизма, грядущее явление которого так ясно провидел и открыто запечатлел в своих писаниях обладатель проникновенного, трезвого и твердого духа — Сергей Александрович Нилус.

Михаэль фон Хагемейстер

ПРЕДКИ И РОДСТВЕННИКИ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА НИЛУСА[1]

1. Род Нилуса

Род Нилуса имеет немецко-балтийское, возможно, также шведское происхождение. Имя «Нилус» (или «Нилиус») берет свое начало от «Никлас» или «Николаус» (т. е. Николай). В 18 веке Нилусы постоянно проживали в Лифляндии. В 19 и 20 веках носители этого имени встре-

---

[1] Так как автор подготавливает более объёмную работу о Сергее Нилусе, то в данной статье не приводятся библиографические и архивные ссылки. Помимо печатных источников сведения собирались в архивах России, Франции, Германии, США и Израиля. За полезные указания я благодарю Эрика Амбургера † (Гиссен), Роберта Бёрда (Чикаго), а также Марию Орлову-Смирнову †, Александра Стрижёва и Александра Троицкого (Москва). – Биографию Сергея Нилуса, его произведения, а также литературу о нём см. Michael Hagemeister: Sergej Nilus, в: «Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon», t. 21, Nordhausen 2003, стр. 1063–1067; также под: http://www.bautz.de/bbkl/n/nilus_s_a.shtml.

чаются во многих частях России. Предков Сергея Александровича Нилуса можно проследить вплоть до Иоанна Леонгарда Нилуса, который упоминается в 1719 г. как аптекарь в Санкт-Петербурге; с 1735 до самой своей смерти в 1742 году он возглавлял аптеку адмиралтейского госпиталя в Кронштадте. Его потомки были также преимущественно аптекарями, но также чиновниками и военными. Все они были лютеранами; отец Сергея Александровича был первым в роду, крещёным по православному обряду.

2. Дед и бабушка С. А. Нилуса: Пётр Богданович Нилус и Мария Павловна, урожд. Гурковская

Дед, Пётр Богданович Нилус (род. ок. 1770), лифляндской нации и лютеранского вероисповедания, перешёл в 1778 в качестве каптенармуса в русское подданство. Вместе с Филиппом Вигелем, ставшим впоследствии известным мемуаристом, он брал в Киеве частные уроки у Христиана Мута. Поступив на военную службу, дослужился до чина генерала-майора артиллерии. В Отечественной войне 1812 года командовал егерским полком, за проявленную доблесть в сентябре 1813 был награждён орденом «Pour le Mérite». К концу своей жизни П. Б. Нилус переселился в Москву. В 1819 вступил в московскую масонскую ложу «Александра Тройственного Спасения». В 1821 году он был принят в московское дворянство. Состоял в браке с Марией Павловной Гурковской. Их четверо детей: Анна (1804), Пётр (1805), Василий (1811–

1849) и Александр (1816), были крещены по православному обряду.

3. Родители С. А. Нилуса: Александр Петрович Нилус и Наталья Дмитриевна, урожд. Карпова

Александр Петрович Нилус, отец Сергея Александровича, родился 26 мая 1816 г. в Кимрах Тверской губернии. Обучался в Московском Кадетском корпусе, который он был вынужден оставить «по слабому здоровью». С 1830 по 1850 гг. состоял на государственной службе в Москве, Воронеже и Калуге. Во второй половине 1840-х гг. занимал пост смотрителя Калужских богоугодных заведений. К концу жизни получил чин титулярного советника.

А. П. Нилус имел плохую репутацию. Члены семьи Аксаковых — среди которых славянофил Иван Сергеевич, познакомившийся с А. П. Нилусом в 1845 в Калуге в окружении губернатора — отзывались о нём, в частности, как об игроке, «известном мошеннике» и человеке, которого надо остерегаться. Дурную репутацию Александр Петрович разделял со своим старшим братом Василием, отставным поручиком, который в середине 1840-х находился под надзором полиции в Москве. Поговаривали, что семья Нилусов владела игорным домом в Москве, за что генерал-губернатор граф Закревский пытался их выслать из столицы.

После смерти брата Василия в 1849-м Александр Петрович унаследовал имение Золоторёво в Мценском уезде Орловской губернии, за кото-

рым числилось 553 десятины земли и 202 души. Помимо этого он владел тремя домами в Москве. Таким образом, отца Сергея Нилуса можно считать состоятельным человеком.

В 1850-м Александр Петрович уволился со службы и 10 июня 1853 года женился на 26-летней Наталье Дмитриевне Карповой, дочери умершего коллежского советника Дмитрия Ивановича Карпова. Невеста была родом из зажиточной дворянской семьи Орловской губернии. Карповы состояли родственниками князей Скуратовых, и, как передают, Сергей Нилус гордился тем, что пресловутый опричник Малюта Скуратов относится к его предкам.

После освобождения крестьян А. П. Нилус открыл в 1863 г. в Москве контору, занимавшуюся поиском работы для бывших крепостных. Последние годы своей жизни он провёл в Золоторёве. Дата его смерти неизвестна, но предположительно не ранее 1873 года. О дате смерти его жены также не сохранилось сведений, но есть свидетельства о том, что в 1888 году она ещё проживала в Москве.

4. Брат С. А. Нилуса: Дмитрий Александрович Нилус

У Сергея Александровича Нилуса был старший брат, Дмитрий Александрович, родившийся 23 апреля 1854 г. в Москве. После учёбы на юридическом факультете Московского университета он состоял на службе в окружных судах Орла, Гродно, Нижнего Новгорода, Лиепаи и Риги, после чего в 1903 г. был назначен помощником пред-

седателя Московского окружного суда. В этой должности он вёл в мае 1906 года дело убийцы знаменитого революционера и большевистского активиста Николая Баумана.

С 1908 по 1913 гг. Д. А. Нилус занимал должность председателя Московского окружного суда, состоя в ранге действительного государственного советника, и одновременно являлся председателем Московского Дамского тюремно-благотворительного комитета. Его отношения с братом Сергеем описываются как крайне отдалённые. 2 августа 1916 года Д. А. Нилус умер в Москве.

5. Кузина С. А. Нилуса: Наталья Афанасьевна Володимирова (1845–1932)

В 1882 году Сергей Александрович Нилус приступил к обучению на юридическом факультете Московского университета. На это время приходится афера с его кузиной Натальей Афанасьевной Володимировой. Рождённая 9 марта 1845, Наталья Афанасьевна была на семнадцать лет его старше. Она происходила из дворянской помещичьей семьи Матвеевых в Мценском уезде. Вместе со своим мужем, Александром Николаевичем, и четырьмя детьми жила в соседнем с Золоторёвым имении Становое. Как передают, муж, будучи больным туберкулёзом и парализованным, отказал ей в разводе; поэтому Наталья Афанасьевна поддерживала нелегальные отношения с С. А. Нилусом. Летом 1883 они уехали в Дьепп (Франция). Причиной тому могло быть предстоящее рождение их сына Сергея.

После рождения сына связь С. А. Нилуса с Натальей Афанасьевной по-видимому ослабла или даже совсем оборвалась. Лишь 25 лет спустя — С. А. Нилус был к тому времени женат — они вновь сошлись. Овдовевшая и полностью обедневшая Володимирова была принята в доме Нилуса и его жены на полное их обеспечение до конца своей жизни. Хотя Володимировой тогда было уже за 60, а жене С. А. Нилуса за 50, тройная связь стала поводом для сплетен и критики. Так, Митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих воспоминаниях иронизировал по этому поводу: «Нилус уехал с молодой [!] женой в Оптину Пустынь, сюда же прибыла и его сожительница, — образовался ‹ménage a trois›.» А известный своими критическими взглядами Александр дю Шайла, напротив, неоднократно отмечал бескорыстный характер этого решения: Нилус приютил бедную, старую женщину из сочувствия и не имел от этого никакой выгоды. Несмотря на все трудности и сопутствующие сплетни, жена Нилуса заботилась о «грехе молодости» своего мужа и самоотверженно ухаживала за больной и немощной Володимировой вплоть до её смерти, 30 октября 1932 в Чернигове.

От брака с Александром Николаевичем Володимировым Наталья Афанасьевна имела четверых детей: Александру, в первом браке замужем за графом Владимиром Сергеевичем Татищевым, во втором браке за Александром Александровичем Плотниковым, жила после революции в Ленинграде; Прасковью, в замужестве Хрулова; Юлию, в замужестве Теплова; Святослава — дворянский маршал в Болховском уез-

де Орловской губернии, правый депутат Думы, член «Союза русского народа», состоял в браке с Марией Хрущёвой.

6. Жена С. А. Нилуса: Елена Александровна Озерова (1854–1938)

Елена Александровна Озерова, ставшая супругой Нилуса, была бывшей фрейлиной Императрицы Марии Фёдоровны и доверенным лицом Императрицы Александры Фёдоровны. Рождённая 27 июня 1854 года в Кишинёве, она происходила из знатной семьи дипломатов: её отец, обергофмейстер Александр Петрович Озеров (1817–1900), был послом в Афинах и Берне, а её дядя, Иван Петрович Озеров (1806–1880) — послом в Берлине, Лиссабоне, Бадене и Баварии. Через своих родственников Озерова имела обширные связи при Дворе и в петербургском обществе. Её отец был адъютантом императрицы Марии Александровны; четверо кузин были фрейлинами матери Императрицы Марии Фёдоровны. Старший брат Борис (1852-?) был гофмейстером, сестра Ольга (1848–1924), овдовевшая княгиня Шаховская, жила под именем игуменьи Софии в Дмитровском монастыре вблизи Москвы. Её сестра Мария (1849–1925), фрейлина матери Императрицы Марии Фёдоровны, была замужем за Александром Ивановичем Гончаровым (1844–1906). После бегства из России Мария Гончарова со своей кузиной, графиней Екатериной Петровной Клейнмихель, урожд. княгиней Мещерской (1843–1925), жила недалеко от Парижа.

Самым влиятельным в семье Елены Александровны был младший брат Давид (1856–1916), генерал-майор и начальник управления Аничковым дворцом, бывший близким доверенным лицом Иоанна Кронштадтского. Давид Александрович Озеров состоял в браке с фрейлиной, Екатериной Петровной Степановой (1859-?), дочерью генерала Петра Александровича Степанова (1805–1891). Владельцы имения в Тульской губернии Степановы, в свою очередь были знакомы с Сергеем Нилусом. Вероятно, они и познакомили его с Озеровой.

Елену Озерову описывают спокойной, скромной, смиренной и самоотверженной. Она была попечительницей фельдшерских женских курсов, председателем «Красного креста» в Царском Селе и нескольких благотворительных заведений, в том числе школы по уходу за детьми. Её духовник, протоиерей Иоанн Янышев, бывший также духовником Царской четы, запретил ей принимать участие в светской жизни, когда она достигла тридцатилетнего возраста. После смерти своего отца она проживала вместе со своей племянницей Еленой Карцовой (смотри ниже) в «Китайской деревне» в Царском Селе, пристанище вышедших на пенсию придворных, их вдов и незамужних дочерей.

Возможно, у Озеровой был сын. В одном письме Алексею Суворину от 7 августа 1905 она упоминает своего сына («мой сын»), который подпоручиком принимал участие в битвах у Мукдена и был награждён орденом Св. Анны. О проис-

хождении сына и о его дальнейшей судьбе сведений не сохранилось.

3 февраля 1906 года Сергей Нилус и Елена Озерова были повенчаны в Санкт-Петербурге. Императрица одарила новобрачных и позаботилась о том, чтобы жена Нилуса и впредь могла получать половину значительного пансиона её отца. Эти постоянные доходы позволили обоим вести независимую в денежном отношении жизнь, сначала в Оптиной Пустыне, позднее в Валдае.

После революции Елена Александровна сопровождала своего мужа во время его вынужденных скитаний по России и Украине. Сначала они жили в Линовице (Полтавская губерния) в родовом имении князя Владимира Давидовича Жевахова (1874–1938), позже также в Чернигове у Ольги Митрофановны Комаровской (1892–после 1938) и под конец в Крутце (Владимирская губерния) в доме священника Василия Арсеньевича Смирнова (1874–1938), где Сергей Александрович и умер вечером 14 января 1929 года.

Спустя несколько дней после смерти своего мужа Елена Александровна уехала в Чернигов и ухаживала за оставшейся там Володимировой до самой её смерти. Она давала уроки за обед. В марте 1934 переехала к Марии Васильевне Орловой-Смирновой (1906–1997), дочери её последнего домохозяина, которая жила со своим мужем, священником Катакомбной церкви, в деревне Городок Калининской области. Елена Александровна помогала в воспитании четверых детей и научила их приятно картавить. Финансовую поддержку она получала от живших во Франции друзей и род-

ственников, переводивших через торговую сеть Торгсин французские франки, которые выплачивались ей рублями. Последнее письмо Елены Александровны датировано октябрём 1937 года. Той же осенью она была арестована и вместе с Ольгой Комаровской зимой 1937/38 г. сослана в город Колу Мурманской области. Там она умерла 10 апреля 1938 г. в возрасте почти 84 лет.

7. Сын С. А. Нилуса: Сергей Сергеевич Нилус (1883–1941)

Сергей Сергеевич Нилус родился 25 сентября 1883 года в Дьеппе. В реестре актов гражданского состояния города упомянут только отец, Сергей Нилус, «студент юридического факультета Московского университета (Россия), 21 года, проживающий в Москве».

Позже Нилус усыновил Сергея, причём, признав своё отцовство, он стремился узаконить его внебрачное происхождение. В 1896 уездный суд в Орле дал согласие на усыновление, однако потребовалось подать ещё целый ряд заявлений, прежде чем внебрачный сын в 1898 году полностью был узаконен и принят в дворянское сословие.

Сергей Сергеевич Нилус посещал гимназию в Орле, а по её окончании учился в знатном Московском Катковском лицее и в Сельскохозяйственной академии. В 1904-м он начал скромную карьеру чиновника, состоя сначала на службе у губернатора и в финансовой палате в польском городе Кельце, а в 1910-м стал окружным комиссаром по делам крестьян в Бендзине, промышленном городе к востоку от Катовиц (Польша). В

этом же году ему было присвоено звание титулярного советника. Во время войны Сергей Сергеевич был назначен уполномоченным отделения по делам беженцев Министерства внутренних дел в Минской губернии, а с января 1917 г. руководил продовольственным обеспечением оккупированных территорий Турции, состоя на службе при генерал-губернаторе в Тифлисе.

В первом браке Сергей Сергеевич Нилус был женат на Зинаиде Константиновне Гривнак (ум. 1911), во втором браке — на её сестре Валентине, овдовевшей Девель. От второго брака имел сына, Сергея Сергеевича, родившегося 6 ноября 1915 года — умер 9 мая 1936 года, смертельно ранив себя при игре с револьвером.

В 1918 году Сергей Сергеевич переехал со своей семьёй в оккупированную немцами Украину. Лето и осень он провёл в Линовице, в имении князей Жеваховых, где также уединился и его отец со своими родственниками. В декабре 1918 Сергей Сергеевич покинул Россию и поселился в Кельце (Польша). С 1920 он работал то агрономом, то управляющим имением, часто меняя место работы в окрестностях Познани и Гнезно, а также, некоторое время продавал автомобили. В 1930 он и его жена приняли польское гражданство.

Сергей Сергеевич Нилус, по-видимому, в последнее время вёл незаметную жизнь и более не заботился о своём отце. По всей вероятности у него больше не было контактов с живущими за границей родственниками и друзьями Нилусов. Лишь в ходе знаменитого Бернского процесса о «Протоколах сионских мудрецов» пробудился

интерес к личности их издателя, Сергея Нилуса, а когда в октябре 1934 г. для второго слушания судебного разбирательства стали искать свидетелей, которые могли бы дать показания о Нилусе и о происхождении «Протоколов», то «открыли» и сына Нилуса. С 1934 он поддерживал тесные связи с немецкой «Вельтдинст» (Мировой службой), агентством антисемитской пропаганды под руководством Ульриха Флейшгауера. В сотрудничестве с «Вельтдинст» Нилус видел возможность улучшить своё крайне напряжённое экономическое положение, которое он неоднократно подчёркивал в своих письмах.

С целью сбора информации для «Вельтдинст» Сергей Сергеевич возобновил давно прерванную переписку с Еленой Александровной Нилус, своей мачехой, жившей в деревне в Калининской области. Он утверждал, что владеет ещё «двумя или тремя ящиками» с «сочинениями, письмами и книгами» своего отца, которые он хотел бы предоставить в распоряжение «Вельтдинста». Ящики были якобы отправлены в Варшаву, где однако след их пропал. Розыски «архива старого Нилуса» остались безуспешными.

Также безуспешной оказалась попытка выпустить на немецком языке книгу его отца «‹Близ есть, при дверех. О том, чему не желают верить и что так близко» (Сергиев Посад, 1917). Порученный Николаю Маркову перевод оказался крайне недоброкачественным. Когда гранки были уже набраны, «Вельтдинст» должна была сообщить разочарованному сыну, что цензурное ведомство отказало в разрешении для печати, «так как про-

странные рассуждения Вашего отца о религиозных вопросах не соответствуют нашему современному мировоззрению».

Тем временем Сергей Сергеевич Нилус встретился в Варшаве со своим дядей, Александром Афанасьевичем Матвеевым, самым младшим братом своей матери, и поступил к нему на службу. С апреля 1937 до сентября 1939 года он управлял принадлежащим Матвееву имением Великий Малышев, в Столинском уезде в Полесье. Позднее он вынужден был бежать от вступившей в город Красной Армии и уединился в части Польши, занятой вооружёнными силами Германии. При помощи своего друга Владимира Шелехова, представителя «Российского Фашистского Союза» в Варшаве и многолетнего сотрудника «Вельтдинста», ему наконец удалось найти должность в русском ведомстве по трудоустройству в Варшаве.

9 марта 1940 Сергей Сергеевич обратился с письмом к Альфреду Розенбергу, главному идеологу НСДАП. Он писал, что является «единственным сыном человека, открывшего “Протоколы сионских мудрецов”, С. А. фон Нилуса» и поэтому просит предоставить ему возможности продолжить труд своего отца. О реакции Розенберга ничего не известно. 11 января 1941 Сергей Сергеевич Нилус умер от сердечной недостаточности в Кузьмах при Гловно.

8. Племянница С. А. Нилуса: Елена Юрьевна Карцова-Концевич (1893–1989)

Елена Карцова, племянница и воспитанница Елены Александровны Озеровой, родилась 13 ап-

реля 1893 в отцовском имении Довспуда в Сувалковской губернии. Её отец, дипломат Юрий Сергеевич Карцов (1857–1931), был опытным и образованным человеком. Он обучался в Московском Катковском лицее, затем в Императорском Александровском лицее в Санкт-Петербурге, по окончании которого поступил на службу в Министерство иностранных дел. В 1879 году он стал секретарём консульства в Константинополе, а позже вице-консулом в Видине (Болгария) и Мосуле (Турция), где он написал этнографический очерк о езидах. В 1892 он женился на Софии Михайловне Кристафович.

Прослужив короткое время консулом в Ньюкасле (Англия) Карцов перешёл в Финансовое министерство и стал финансовым агентом в портах Северного и Балтийского морей. Когда у него на этой должности возникли трения и в конце концов разрыв с Сергеем Витте, он распрощался и уединился в своём имении Довспуда. С началом Мировой войны Карцов вновь поступил на государственную службу и стал чиновником особых поручений при Министерстве торговли и промышленности.

Юрий Карцов был консерватором. В 1878 году в доме своих родителей в Санкт-Петербурге он познакомился с Константином Леонтьевым и на протяжении всей его оставшейся жизни оставался с ним в дружеских отношениях. В 1880–90-х годах Карцов часто бывал в кругу бывшего министра внутренних дел Н. П. Игнатьева. К друзьям Карцова относились А. С. Суворин, М. Н. Катков, а также публицист и бывший дипломат С. С. Татищев.

После захвата власти большевиками Карцов бежал в Германию. Под заглавием «Хроника распада» он написал свои воспоминания о периоде с 1886 по 1917 год. У него были контакты с консервативными эмигрантами, среди них с генералом П. Г. Курловым, бывшим шефом Тайной полиции, который после своего бегства из России жил в стеснённых условиях в Берлине. В конце двадцатых годов Юрий Карцов переселился в Ниццу. Там и умер 7 августа 1931 года.

После ранней смерти своей матери, летом 1901, Елена Карцова была передана на попечительство своей тёте по материнской линии, Елене Озеровой, и жила у неё в Царском Селе в так называемой «Китайской деревне». Там Елена Карцова встретила архимандрита Феофана (Быстрова), «тайного духовника» Императрицы, с которым она сохраняла связь до самой его смерти. В 1903 году её познакомили с Сергеем Нилусом. После того как Озерова вышла за него замуж в феврале 1906 г. Елена Карцова возвратилась назад к своему отцу. До начала войны она жила в отцовском имении в Сувалковской губернии.

Карцова и в дальнейшем поддерживала контакт с Нилусами. Она навещала их в Оптиной Пустыни и жила у них некоторое время в Валдае. Последние встречи с Нилусами состоялись в 1917 и 1918 годах в Линовице, имении князей Жеваховых на Украине. Там в мае 1917 Елена Карцова познакомилась с монахиней Софией (София Евгеньевна Гринёва; 1873–1941), игуменьей Киевского Покрова-монастыря, историю жизни которой она описала позднее. Замысел Карцовой, пе-

реехать со своей семьёй в Киев и самой вступить в монастырь, не удался. Поздней осенью 1918 года она покинула Россию и через Польшу уехала в Германию.

О пребывании Елены Карцовой в Германии имеются крайне скудные и неточные сведения. Какое-то время она, по-видимому, жила в Бад Судероде в Гарце, где поселились её отец и её тётя Ольга Сергеевна Колодеева. Далее к её семье прибились её младшие брат и сестра, Татьяна и Илья. Татьяна позднее уехала во Францию, где она под именем Таисия поступила в монастырь вблизи Парижа. Илья учился в Германии, в начале тридцатых годов он вступил в брак с православной шведкой.

Вскоре после своего прибытия в Германию Елена Карцова завязала контакты с русскими правыми эмигрантами и их немецкими единомышленниками, которые заботились о распространении «Протоколов сионских мудрецов» и поэтому также заинтересовались Сергеем Нилусом и его судьбой. С их помощью Карцова попыталась вызволить Сергея Нилуса и его жену из Советской России. План конкретизировался, когда родственник жены Нилуса, Отто фон Радовитц (1880–1941), служивший советником в немецком посольстве в Москве, предложил свою помощь. Радовитц был сыном немецкого дипломата, Иозефа Марии фон Радовитц и Надежды Ивановны Озеровой, кузины Елены Александровны Озеровой-Нилус. Посол граф Брокдорф-Рантцау также по-видимому прилагал усилия к освобождению Нилуса и выезду его с супругой. План, одна-

ко, не удался, так как Нилус отказался покинуть Россию и эмигрировать. Елена Александровна тем временем использовала родственные связи для пересылки через курьера немецкого посольства книг и рукописей своего мужа в Берлин, где они и попадали к Елене Карцовой.

Возможно, таким же образом пересылались и письма. В двадцатых-тридцатых годах Елена Карцова находилась в постоянной переписке с Нилусом и его женой. Помимо этого у неё были контакты с некоторыми живущими в эмиграции родственниками и знакомыми Нилусов, с которыми она обменивалась информацией.

В начале тридцатых годов Елена Карцова продала оставшееся семейное имущество в Польше и последовала за своим отцом и сестрой Татьяной во Францию. Она жила преимущественно в Париже, временами также у своих родственников в Ницце. В июне 1935-го она вступила в брак с религиозным писателем и богословом Иваном Михайловичем Концевичем (1893–1965). Обоих связывало личное знакомство с монастырём Оптина Пустынь и почитание его монахов и старцев. Иван Концевич был «духовным сыном» иеромонаха Нектария, одного из последних старцев Оптиной.

Во время Бернского процесса Елена Карцова-Концевич поддерживала контакты с антисемитской «Вельтдинст», в распоряжение которой она предоставила свои материалы. В декабре 1936-го она сама поехала в Эрфурт и дала сотруднику «Вельтдинста», Николаю Маркову, сведения о Сергее Нилусе.

В 1952 году Елена Карцова-Концевич с мужем покинули Францию и переехали в США. Сначала они жили вблизи Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле в штате Нью-Йорк, там Иван Концевич читал лекции по патрологии. В 1954 году Концевичи перебрались в Сан-Франциско, где жили сестра Ивана Михайловича Вера и брат Олег, впоследствии епископ Нектарий Сиэтлский. В 1961 поселились в Беркли.

Там они познакомились с Глебом Дмитриевичем Подмошенским, впоследствии игуменом Германом (род. 1934) и Юджином Д. Роузом (Eugene D. Rose), впоследствии иеромонахом Серафимом (1934–1982), которые в середине 60-х годов основали на севере Калифорнии православное «Братство преп. Германа Аляскинского». В 1969 году по материалам неопубликованных рукописей Нилуса Елена Карцова-Концевич издала совместно с Подмошенским книгу под названием «На берегу Божьей реки»: содержит, в частности, «Великую Дивеевскую Тайну».

Елена Карцова-Концевич умерла 19 марта 1989 года. Её архив с материалами из литературного наследия Сергея Нилуса, а также переписка с ним, его женой, его родственниками и друзьями находится во владении «Братства преп. Германа Аляскинского».

Перевела с немецкого Лариса Шумейко

К БИОГРАФИИ С. А. НИЛУСА

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В связи с подготовкой энциклопедической справки о жизни и творчестве С. А. Нилуса для публикации в литературном справочнике «Русские писатели: 1800–1917» редакция этого издания обратилась в главные архивохранилища страны с просьбой поискать неопубликованные сведения о самом писателе и его предках. Ниже дана подборка полученных редакцией архивных данных.

С. А. НИЛУС

В РГИА материалов о С. А. Нилусе не обнаружено.

Просмотрено:

Ф. 1405, оп. 183–192, 340–351, 511–513, 530, 532, 537, 539, 545.

Ф. 796, оп. 183–191, 193, 195, 204, 163–170, 171–176, 209–212.

Ф. 797, оп. 73–86.

Картотеки: именная и «Писатели и литература».

В делах о *Елене Сергеевне Озеровой*:

Ф. 468, оп. 14, д. 486. — о разрешении на выдачу фрейлине Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны, Озеровой, содержания вперед за четыре месяца. 03–05.05.1911.

Ф. 468, оп. 14, д. 1369. — О разрешении на выдачу фрейлине Е. С. Озеровой содержания вперед за 3 месяца. 31.03–10.07.1904.

Сведений о С. А. Нилусе не обнаружено.

Подпись нрзб.

25.07.95 г.

НИЛУС СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(дополнение)

Российский государственный исторический архив (РГИА)

I. ИЗ ДЕЛА «О ДВОРЯНСТВЕ НИЛУС МОСК. ОРЛОВСКОЙ ГУБ.» Ф. 1343, ОП. 26, Д. 2133, 1859 Г., 66 Л.

В деле след. док-ты:

1. Свидетельство о дворянстве *Петра Богдановича Нилус 1-го с* сыном Василием. В нем излагается послужной список П. Б. Нилуса. Лифляндской нации, артиллерии ген.-лейтенант, деревень *не имеет*. Состоит в вечном России подданстве каптенармусом с 8 янв. 1778 г., на своем коште.

20 янв. 1783 г. принят в действ. службу сержантом в 1-й канонерский полк.

12 мая 1786 г. переведен во 2-й фузелерный полк штык-юнкером.

13 марта 1789 г. — подпоручик.

27 июля 1794 г. — адъютант чина «квартермистра с заслугой за поручичий чин одного года».

7 апреля 1795 г. — генеральский адъютант чина артиллерии капитана.

6 июня 1796 г. — в штате генерал-фельдцехмейстера князя Зубова.

5 декабря 1796 г. — капитан бомбардирского полка.

11 января 1797 г. — майор.

23 января 1797 г. — переведен в 7-й артиллерийский батальон.

25 сентября 1798 г. — подполковник.

12 ноября 1799 г. — полковник.

23 июня 1803 г. — артиллерийский полк.

13 января 1805 г. — уволен со службы по прошению генерал-майором с мундиром.

26 марта 1807 г. — командовал двумя стрелковыми батальонами.

30 августа 1807 г. — по Высочайшему приказу велено состоять при армии шефом.

12 марта 1812 г. — бригадный командир 35-го егерского полка.

29 июля 1817 г. — над полками Углицким пехотным и 35 егерским.

12 февраля 1818 г. — отставлен по Высочайшему приказу.

Был в походах и за 25 лет безпорочной жизни в офицерском чине награжден орденом Георгия IV кл.

Сыну Василию 12 лет и 5 месяцев.

Свидетельство выдано 6 июля 1823 г. Москов. Губ. Предводителем дворянства.

2. То же, с сыном Александром, от роду 7 лет и 2 месяца (1816 г. р.). Оба свидетельства были представлены в Московский (Смоленский) кадетский корпус для подтверждения дворянства Василия и Александра.

3. Формулярный список Петра Богдановича Нилус на 1 января 1818 г.: женат на вдове майора Гурковского Марье Павловне, имеет детей: Анну — 14 лет, Петра — 13 лет, Василия — 9 и Александра — 1,5 года.

4. Копия аттестата Александра Петровича Нилуса на 18 марта 1845 г.

36 лет, воспитывался в Московском кадетском корпусе, по слабому здоровью выпущен с чином 14 кл. в 1830 г. 21 апреля.

6 мая 1830 г. — принят в канцелярию Главного директора Межевого корпуса.

24 марта 1833 г. — перемещен в Московский опекунский совет.

24 декабря 1833 г. — уволен по прошению.

21 марта 1835 г. — определен в Воронежскую комиссариатскую комиссию по прошению.

21 августа 1836 г. — произведен в губернские секретари со старшинством с 31.12.1832 г.

30 октября 1836 г. — принят по прошению в канцелярию Калужского гражд. губ.

18 марта 1845 г. определен на должность смотрителя Калужских богоугодных заведений.

7 февраля 1847 г. — коллежский секретарь.

2 июля 1849 г. — старший чиновник особых поручений Калужского гражданского губернатора без жалованья.

10 июня 1850 г. — уволен в отставку.

Был представлен в чин титулярного советника, но не утвержден за непоказание, когда прибыл в 1848 г. из отпуска после просрочки.

16 июня 1851 г. произведен в титулярные советники с 24 марта 1850 г.

Аттестат выдан 23 августа 1852 г.

Аттестат представлен по его прошению Императору ноября 1856 г., в котором он сообщает, что в 1849 г. ему досталось от умершего брата, поручика Василия Петровича Нилуса, имение в селе Золоторёво Орловской губ. Мценского уезда с 202 душами крестьян, и просит о вписании в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии.

17 июня 1857 г. титулярный советник Александр Петрович Нилус был внесен во 2-ю часть род. дворянской книги на основе свидетельств, полученных Василием и Александром Нилусом 19 сентября 1823 г. «по заслугам отца их».

5. Свидетельство о браке А. П. Нилуса, 38 лет, с Натальей Дмитриевной, дочерью умершего надворного советника Дмитрия Ивановича Карпова, 26 лет. Оба первым браком. Венчались в с. Вязовое Болховского у. Орловской губ.

6. Документы о внесении сына Дмитрия, родившегося 23 апреля 1854 г. в Москве в дворянскую родословную книгу в 1859 г.

II. ИЗ ДЕЛА «О ВЫКУПЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ НАДЕЛОВ КРЕСТЬЯНАМИ СЕЛА ЗОЛОТОРЁВО МЦЕНСКОГО У. ОРЛОВСКОЙ ГУБ. У ТИТУЛЯРНОГО СОВЕТНИКА НИЛУСА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА», 6 МАЯ — 1 ДЕКАБРЯ 1864 Г. 43 Л. Ф. 577, ОП. 26, Д. 2246.

187 душ крестьян получили в надел 561 десятину, было еще 22 дворовых. Имение унаследовал от брата, отставного поручика Василия Петровича Нилуса (утв. Мнение Госсовета 1852 г.). У брата еще были имения в Рязанской губ., Егорьевском у., деревнях Ивановской и Арташевской, Московской губ. и у. в селе Никольском

и 5 домов в Москве. Остальное перешло сестре супруги генерал-майора, М. П. Митриной.

Имением А. П. Нилуса управлял отст. подпоручик Оттон Юстинович Пожарский.

На имение Золоторёво налагались запрещения в 1841, 1847, 1849, 1850, 1852, 1855, 1856, 1857, 1858 и 1860 гг. по нескольким статьям за каждый год. На момент оформления выкупной сделки были «формально разрешены», кроме запрещений за 1850, 1852 и 1855 гг. Так о взыскании 5 000 руб. в пользу пор. Телешова было вынесено постановление Сената.

III. ИЗ ДЕЛА «О ВЫКУПЕ... СЕЛЬЦА МЕДВЕЖЬЕГО, ЛИВЕНСКОГО У. ОРЛОВСКОЙ ГУБ. ЖЕНЫ НАДВ. СОВ. НАТАЛЬИ ДМИТРИЕВНЫ НИЛУС», 702 –13.07.1868 Г., 56 Л.

128 крестьян приобрели в надел 384 десятины, было 10 дворовых. Имение перешло по наследству от отца, коллежского советника Дмитрия Ивановича Карпова. По духовному завещанию, зарегистрированному Московской палатой гражданского суда в 1839 г. детям: Николаю, чиновник 12 кл. (на 1861 г.), Аркадию — поручику, Сергею — капитану Лейб-гвардейского стрелкового батальона, Елизавете, по мужу Шеншиной и Наталье — он оставил имения в Орловской губ., Болховском у., в сельце Вязовом, деревне Дичьковой, селах Богородицком и Стобчее, сельце Каменке и Ливенского у. в сельце Медвежьем. До 1861 г. дети владели ими совместно. По раздельному акту 1861 г. Н. Д. Нилус унаследовала Медвежье. Имение, заложенное отцом в 1824 г. в Московской сохранной казне, Н. Д. выкупила из залога. Потом оно было перезаложено д. ст. сов. И. И. Баркову. Однако на момент оформления

выкупной сделки запрещения на имение не было. А. П. Нилус был поверенным Н. Д. Тот передоверил управление имением своей жены мещанину Федору Цветкову.

IV. «О ДОЗВОЛЕНИИ ТИТУЛЯРНОМУ СОВЕТНИКУ НИЛУСУ ОТКРЫТЬ В МОСКВЕ КОНТОРУ КОМИССИОНЕРСТВА И АГЕНТСТВА» 11–13.3.1863 Г., 4 Л.

В деле прошение А. П. Нилуса о разрешении открыть в Москве контору для оказания всяческих посреднических услуг, в т. ч. для подыскания работы крестьянам, которые, по его мнению, должны будут искать работу после освобождения. Дает свой адрес: Патриаршие пруды, в доме Алексеевой.

V. ИЗ ДЕЛА «О КНИГАХ И РУКОПИСЯХ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ К ПЕЧАТИ» Ф. 776, ОП. 21, Ч. 1, Д. 478, ЛЛ. 130, 141–148, 151, 163.

1. Отпуск отношения нач. Гл. упр. по делам печати председательствующему Моск. ценз. комитетом В. В. Назаревскому от 12.09.1905 г. с препровождением для цензуры приготовленных к новому изданию сочинений Сергея Нилуса *«Великое в малом»* со значительными дополнениями и *«Дух Божий явно почивший на отце Серафиме Саровском»*, предполагаемых к напечатанию в пользу одного из благотворительных обществ. Просит рассмотреть и возвратить для передачи фрейлине Их Величеств Государынь Императриц, Елене Александровне Озеровой.

2. Отношение председателя Московского цензурного комитета в Главное управление от

30.09.1905 с препровождением рукописей с надписями о разрешении печатать за исключением «Протоколов», которые рекомендовано печатать с указанными ограничениями без цензуры и вместе с другими статьями Нилуса.

3. Выписка из журнала заседания Московского цензурного комитета от 28.09.1905.

4. Отпуск письма начальника Главного управления Е. А. Озеровой от 10.10.1905 о препровождении ей сочинений Нилуса, кроме «Протоколов», с надписями о разрешении к печати. Адрес Озеровой не указан.

5. То же от 19.10.1905 с «Протоколами» и надписью о разрешении к печати.

VI. О СОЧИНЕНИИ *«ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ», Ч. II* В ДЕЛЕ «РАЗНАЯ ПЕРЕПИСКА». Ф. 776, ОП. 16–1911 Г., Д. 7, ЛЛ. 119–121А.

1. Письмо А. К. Выговской министру внутренних дел Н. Маклакову от 25.02.1913 г. В нем она выражает свое отрицательное отношение к готовящейся Государственной Думой амнистии. Предлагает, чтобы всех революционеров — «левых» возвратить «на правую стезю: следует предложить каждому из них прочесть книгу «Великое в малом» Сергея Нилуса... с протоколами масонских лож, которая говорит более всяких жидообличительных доводов, и брошюру «Истина сильнее всего».

Подпись: «Ревнительница православия Александра Кирилловна Выговская. Киев. Лавра. Гостинный двор, 2 корпус».

2. Конверт — заказная бандероль.

3. Брошюра на 220 страницах (обложка имеет № 121 а), заголовок:

«Великое в малом».

Ч. II.

Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле. Записки православного. Сергей Нилус. Сергиев Посад. Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры.

1912 г.»

На 1-й странице изображение масонских символов: звезды пяти- и шестиконечные и т. п.

стр. 3–58 — «Близ грядущий антихрист...»; стр. 59–135 — «Протоколы собраний сионских мудрецов» с № 1 по № 24; стр. 135–152 — «необходимые разъяснения».

«Подписано сионскими представителями 33 степени. Эти протоколы тайно извлечены (или похищены) из целой книги Протоколов. Все это добыто моим корреспондентом из тайных хранилищ Сионской главной канцелярии, находящейся ныне на французской территории».

Стр. 153–220. — «II часть. Тайна беззакония. Печать антихриста. Звериное число 666».

Эту часть начинает: «Прошло уже 5 с лишним лет со дня опубликования мною в книге моей «Великое в малом» тайны всемiрного еврейско-масонского заговора».

В конце дата: «21 января 1911 г. День пр. Максима исповедника». Затем следует: «Каталог издания Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. От редакции «Троицких Листков».

Это — 3-е исправленное и дополненное издание книги в двух частях «Великое в малом».

часть I — «Записки православного».

часть II — «Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле». Далее в дело подшита брошюра на 18 стр. под названием «Истина сильнее всего — Доклад о жидообличительном образовании», без указания автора. В конце: «Дозволено цензурой. Иеромонах Евсевий. Типография Почаевско-Успенской Лавры».

Л. М. СЕСЕЛКИНА.
18.01.1996.

НИЛУС СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(дополнение)

ИЗ ДЕЛА «ПО ПРОШЕНИЮ ВДОВЫ ТИТУЛЯРНОГО СОВЕТНИКА НАТАЛИИ НИЛУС ОБ УСЫНОВЛЕНИИ ВОСПИТАННИКА». 1886–1898 ГГ.
РГИА, Ф. 1412, ON. 13, Д. 376, 67 Л.

1. В деле формулярный список, составленный 13.01.1889 г.[1], Нилуса С. А., помощника мирового судьи Сурмалинского отдела, губ. секретаря, 26 лет, вероисповедания православного, знаков отличия не имеет, жалованье 1000 руб., столовых 500 р., разъездных 200. Из потомственных дворян Орловской губернии. У него родовых и приобретенных имений нет. За матерью его родовое имение в Ливенском уезде, Орловской губернии, при селе Медвежьем 475 дес. И приобретенное в Мценском уезде в приселке Золоторёво 654 дес. Холост.

5.10.1886 по окончании Московского университета и получении 30.5.1886 г. диплома юридического факультета определен кандидатом на

[1] В деле два формулярных списка и аттестат.

судебные должности Симбирского окружного суда.

5.12.1886 командирован для защиты по уголовным делам в г. Карсун на сессию Симбирского окружного суда.

22.12.1886 назначен исправляющим должность секретаря при прокуроре. Утвержден в чине губернского секретаря со дня вступления в должность с 5.10.1886.

30.06.1887 уволен по прошению.

25.09.1887 переведен кандидатом на судебные должности при прокуроре Эриванского окружного суда.

14.10.1887 командирован для самостоятельного производства следствия по 145 делам в 1-м участке Шарухо-Даралачезского уездного округа Эриванского окружного суда.

15.06.1888 отозван по случаю увольнения в отпуск.

20.07.1888 назначен помощником мирового судьи Сурмалинского отдела Эриванского окружного суда.

(Лл. 18–22).

Продолжение из аттестата *(лл. 45–46).*

11.05.1889 по прошению причислен к Министерству с увольнением с должности.

10.07.1889 уволен со службы вообще по прошению.

2. Дело начинается прошением матери С. А. Нилуса, Натальи Дмитриевны Нилус, в канцелярию по принятию прошений на Высочайшее имя от 8.11.1886 г., проживающей в Москве в Сытинском пер., в доме Мильдзиневича, об узако-

нении ее воспитанника Сергея 3-х лет, который родился 20 октября 1883 г. в доме акушерки Елизаветы Вас. Титовой от матери, не назвавшей своего имени и умершей после рождения ребенка, но поручившей ей своего сына.

Прошение оставлено без последствий, так как не было случаев усыновления особами женского рода.

3. В деле несколько *прошений* Нилуса на Высочайшее имя и в канцелярию самого в. к. Сергея Александровича. В первом, датированном 4.11.1886 г., пишет: «Находясь в летах, когда люди увлекаются несмотря на последствия, которые их ожидают в будущем, я, подобно многим другим, увлекся и вступил в связь, благодаря которой было рождение сына Сергея в городе Диеппе во Франции». Просит разрешения на присвоение своего имени и прав ребенку, хотя бы без права наследования состоянием. Прошение написано не им, но подпись — автограф: «кандидат в судебные должности при прокуроре Симбирского окружного суда, потомственный дворянин Сергей Александрович Нилус». Оставлено без последствий.

По второму его прошению от 18.01.1888 г. канцелярия потребовала объяснений по поводу разночтений в дате и месте рождения ребенка в его и матери его прошениях. В *объяснении* от 24.01.1899 г. пишет: «Сын мой родился 13 сентября (н. ст.) 1883 г. во Франции в г. Диеппе, факт рождения зафиксирован в Диеппской мерии...» Из-за быстрого отъезда из Франции, ребенок был крещен в Москве в доме акушерки Титовой, зна-

комой матери, Н. Д. Нилус, которая во избежание недоразумений с приходским священником удостоверила, что ребенок родился у нее в доме.

(Лл. 13 с об., автограф).

То же самое пишет во 2-м объяснении от 23.04.1889 г., присланном из с. Золоторёво Мценского уезда Орловской губернии.

(Автограф, лл. 25–26).

3-е прошение от 1.02.1895 г. извещает, что по решению Орловского окружного суда от 12.01.1893 г. усыновил незаконнорожденного сына. Просит присвоить сыну права дворянства и наследования имущества. Сообщает, что принадлежит к потомственному дворянству Орловской губернии, владеет доставшейся по наследству от матери земельной собственностью в Мценском уезде и занимается там постоянно сельским хозяйством. Живет: г. Орел, Георгиевская ул., дом Котельниковой.

(Лл. 30–31, автограф).

4-е прошение от 10.12.1896 г. «Вся моя молодость с 21-го года, вся моя жизнь посвящена воспитанию этого ребенка...», в роде остался один со старшим братом, товарищем Председателя Московского окружного суда, оба холосты. К прошению приложены: а) копия с решения Орловского окружного суда об усыновлении, б) расписка брата о согласии на передачу племяннику права наследования и в) удостоверение Орловского нотариального архива о том, что за С. А. Нилусом числится 553 десятины в Мценском уезде Орловской губернии, доставшиеся по духовному завещанию матери, утвержденному 23.09.1892 г., и

г) свидетельство Орловского депутатского дворянского губернского собрания в том, что С. А. Нилус 23.12.1892 г. был причислен к роду отца, титулярного советника Александра Петровича Нилус, который указом Сената от 24.01.1858 г. был утвержден во дворянстве со внесением во вторую часть дворянской родословной книги.

5-е прошение от 14.01.1897 г. в канцелярию, к нему приложено письмо Орловского губернского предводителя дворянства о 13-летнем воспитаннике С. А. Нилуса и о том, что он готов продать родовое имение и подарить его потом своему воспитаннику как благоприобретенное.

6-е — от 7.06.1897 г., где он сообщает, что мать Сергея — замужняя женщина, до сих пор состоит в браке, муж ее болеет, и что он намерен жениться на ней, когда умрет ее муж. К нему приложена справка Министерства внутренних дел от 19.05.1898 г.: Сергей Александрович Нилус владеет имением Золоторёво и молочной лавкой в Орле, образ жизни его скромный в нравственном и политическом отношении.

Наконец, после копии Всеподданнейшего доклада последовало решение от 4.07.1898 г.: «несовершеннолетнему Сергею, усыновленному Нилусу... принять фамилию его Нилуса, отчества и пользоваться правами личного дворянства».

По ходатайству о праве наследования решения так и не последовало.

Адрес С. А. Нилуса в Петербурге: Екатерининский канал. Д. 67.

Л. М. СЕСЕЛКИНА.
6.12.1996.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ МОСКВЫ

В фонде Московского университета в личном деле студента Сергея Нилуса *(ф. 418, оп. 296, д. 410)* имеется копия метрического свидетельства *(л. 5)*, в котором указано, что он родился 25 августа 1862 года, крещен в Ермолаевской на Козьем болоте церкви в г. Москве. Отец — «не служащий из потомственных дворян титулярный советник Александр Петрович Нилус», мать Наталья Дмитриевна. В копии протокола Московского дворянского депутатского собрания *(л. 6)* указано, что Сергей Нилус был внесен во 2-ю часть дворянской родословной книги Московской губернии, так же как и его отец в 1851 году (Сергей Нилус — в 1873 году). В аттестате зрелости Сергея Александровича Нилуса значится: обучался в Московской 1-й прогимназии, а с августа 1877 года в Московской 3-й гимназии, закончил 8-й класс в 1882 году, особенную любознательность проявил по русской словесности *(л. 3)*. В 1882 году был принят на юридический факультет Московского университета. В мае 1883 года получил по его просьбе свидетельство для получения заграничного паспорта, отпуск продолжался до 15 августа 1883 года. В свидетельстве явки к исполнению воинской повинности С. А. Нилус значится дворянином Орловской губернии Ливенского уезда *(л. 20)*. В 1886 году получил аттестат об окончании курса наук по юридическому факультету и утвержден в звании действительного студента *(л. 24)*. В отношении прокурора Симбирского окружного суда от 5 июня 1886 года указано, что С. А. Нилус обратился к нему с ходатай-

ством об определении его в число кандидатов на судебные должности при прокуроре Симбирского окружного суда. Прокурор просил препроводить «ко мне аттестат об окончании Нилусом курса юридических наук в Московском университете» *(л. 33–33об.)*. 18 сентября 1886 года прокурор Симбирского окружного суда известил инспектора студентов Московского университета, что документы Нилуса он получил *(л. 34)*.

В фонде канцелярии Московского дворянского депутатского собрания в деле «Доказательства о дворянстве г. Нилус» (1821 год) *(ф. 4, оп. 8, л. 1002)* имеется формулярный список командира 1-й бригады 23 пехотной дивизии генерал-майора Петра Богдановича Нилуса 1-го от 1 января 1818 года, в котором в графе о происхождении записано: «Лифляндской нации артиллерии генерал-лейтенанта сын..., состоит в вечном России подданстве» *(л. 3об.)*. В копии свидетельства о рождении Александра Петровича Нилуса *(л. 18)* дата его рождения 26 мая 1816 года. В его прошении о внесении его в 3-ю часть дворянской родословной Московской губернии указано, что в 1853 году он сочетался браком с Натальей Дмитриевной, дочерью коллежского советника Карпова, в селе Луневе Болховского уезда Орловской губернии *(л. 30)*. Его копия аттестата о службе — *л. 31*. 17 октября 1873 года подал прошение о внесении Сергея Нилуса в дворянскую родословную Московской губернии *(л. 92)*.

В фонде Московского цензурного комитета в протоколе заседания от 11 июня 1903 года записано о рассмотрении прошения типографии Императорского Московского университета о выда-

чи позволительного билета на набор «Великое в малом» *(ф. 31, оп. 3, д. 2194, л. 208об.)*.

В протоколе от 28 сентября 1905 года: «Слушали приложенный к настоящему протоколу доклад цензора С. И. Соколова о сочинениях Сергея Нилуса, одно из которых под заглавием: «Торжество Израиля или грядущий в мiр антихрист, как близкая политическая возможность (Протоколы заседаний сионских мудрецов 1902–1904 гг.»), по мнению докладчика, не может быть дозволено к печати на основании ст. 96 Уст. о ценз. и печ.

Обсудив этот доклад МЦК, не нашел возможным применять к рассмотренной рукописи ст. 96 Ценз. уст. и постановил дозволить ее к печати, руководствуясь тем соображением, что она заключает в себе разоблачения крайних и безумных учений не целой еврейской нации, а одной только сионистской секты, мечтающей о всемирном господстве во главе с царем из рода Давидова. Разрешая это сочинение к печати, Комитет высказался против того, чтобы изданию был придан характер народного.

В прениях, предшествовавших вышеизложенному постановлению, гг. членами Комитета было выражено сомнение о подлинности протоколов сионистских мудрецов и высказано мнение о необходимости исключить из рукописи встречающиеся в ней указания на отдельные лица» *(лл. 282об.–283)*.

Ведущий методист В. В. АЛЕКСАНДРОВА.
4.9.1996 г.

Князь Н. Д. Жевахов

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИЛУС

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книжка является лишь первой частью задуманного мною обширного труда, имеющего характер хрестоматии по еврейскому вопросу. Содержанием последующих частей является:

Часть II. «Сионские протоколы» и их значение

Глава 1. Иудейская нация и ее идеалы

Глава 2. Краткий очерк масонства и его деятельности

а) Масонство в Англии. Островная и континентальная система масонских лож. Связь масонства с короной

б) Масонство в Германии. Мартин Лютер и Фридрих Великий. Президент Вильсон и еврей Мендель Хауз. Война 1914 г. и Версальский мир

Б. Статья графа Ревентлова «Сионские протоколы»

Глава 3. Попытки организованной борьбы с еврейством

а) Статья Г. Форда: «Существует ли еврейская мировая программа?»

б) Письмо Теодора Фрича к Генри Форду

Часть IV. Бернский процесс

Заключение

Удастся ли мне издать намеченные части, я не знаю. Средств на издание нет, и неоткуда их достать.

Приступая к изданию означенной первой части, я желал собрать по возможности исчерпывающий материал по затронутым вопросам, в пределах, доступных оглашению в настоящее время, но эта задача мне не удалась в полной мере. Имеются и письма С. А. Нилуса, и даже его позднейшие неопубликованные рукописи, имеются и фотографии, но отсутствие идейных устремлений, невежество и «страх иудейский» заставляют держателей этих ценностей не выпускать их из своих рук и даже не отвечать на обращаемые к ним запросы. Плохую услугу памяти С. А. Нилуса оказывают эти люди, неспособные подниматься выше уровня своих личных интересов. Исчерпав все способы заручиться дополнительным материалом, включительно до личного свидания с его обладателями, и не достигнув цели, я был вынужден ограничиться имеющимися у меня данными и выпустить книжку в том виде, в каком она предстает теперь пред читателем.

Должен признаться, что, приступая к своему обширному труду, я имел в виду не столько русского читателя, сколько иностранца, и в частности итальянцев, среди которых я жил последние 15 лет, и сербов, с которыми русские связаны единством своей веры и братскими узами. Как Англия, так и Франция прекрасно знали содержание «Сионских протоколов» и пользовались их программами, осуществляемыми их правительствами и парламентами, где «гонимое племя» играло далеко не последнюю роль. Для них «Сионские протоколы» составляли не угрозу, а лишь приятный сюрприз, способный вдохновить их в дальнейшей борьбе с их врагами.

Иную позицию занимали Италия и Югославия.

Первый перевод «Протоколов» на итальянский язык появился в Риме в 1921 году в издании И. Прециози. Книжка быстро разошлась, и потребовалось несколько последующих изданий, увеличивших ее тираж до 25 тысяч экземпляров. Однако часто беседуя с И. Прециози, я убедился, что он не связывал с изданной им книгою «Протоколов» политического значения и не видел в ней ни угрозы христианству, попираемому еврейством, ни угрозы государственному строю Италии.

«У нас не существует еврейского вопроса, — говорили мне в Италии, — наши евреи такие же патриоты, как и прочие итальянцы. Между ними много выдающихся государственных деятелей на самых разнообразных поприщах, и ничто не давало повода подозревать их в измене нашим национальным интересам...»

Я не оспаривал этих положений, но я был убежден, что евреи-иностранцы, проникнутые горячим патриотизмом, вдохновляются в своей деятельности только уверенностью, что рано или поздно государство, их приютившее, сделается их добычей и потому нет смысла вредить ему, а нужно извлекать из него все то, что оно может дать ему, еврею, — деньги, почет и славу. На такую позицию поставил евреев закон об их равноправии, и близорукие люди видят в этом законе благодетельнейшее средство для превращения еврея из врага государства в его друга. Нисколько! Этот закон лишь приближает момент овладения евреями тем государством, которое дало им свободу, наделило одинаковыми правами с туземцами и предоставило им право эксплуатировать последних.

Это прекрасно поняла Германия, изгнавшая из своей страны даже знаменитейших из таких «патриотов».

Россия поняла это еще раньше Германии и евреям равноправия не давала вовсе, но только этим и ограничивалась, — с евреями, легко обходившими закон, не боролась и потому безславно погибла...

Сейчас, когда евреи овладели Россией, они, прежние враги ее и революционеры, превратились в таких ярых националистов, какими никогда не были даже природные русские. И это понятно почему. Потому что Россия перестала уже быть «русскою», а сделалась «еврейскою»... Отражение именно **такого** патриотизма евреев мы видим и в Западной Европе. Еврей англичанин также мечтает о «еврейской» Англии, как

французский еврей о «еврейской» Франции или итальянский еврей о «еврейской» Италии. Но все вместе они мечтают о «еврейском господстве» над всем міром. Смешно думать, что еврей может искренно проникаться национальными интересами приютившей его страны, даже и в том случае, если родился в ней и почитает ее своею родиною. Еврей всегда и при всяких условиях остается евреем, то есть врагом не-евреев, с которыми органически не сливается и не желает сливаться. Он не довольствуется, подобно другим народам, определенною территориею на земле, а стремится овладеть всем міром и видит в лице других народов только людей, которые ему мешают в достижении захватных целей, навязанных ему его богом Яхве и библейскими пророками. И, марширую в этом направлении, еврей осуществляет не только свою политическую программу и удовлетворяет свои зверские инстинкты, но и выполняет требования своей религии.

Часто беседовал я и с сербами на эту тему, и меня поражало то упорство, с которым они отстаивали свои положения, казавшиеся мне весьма незрелыми.

«Мы социалисты, — говорили они, — мы переросли идею автократизма и помазанничества на царство. Государство должно управляться волею народа чрез парламент, где должны быть представлены все партии, имеющие право требовать удовлетворения своих нужд...»

Ни указания мои на то, что воли народа ***не существует***, а есть только воля его вождей, что эти вожди выплывают наверх обманом и подкупом со стороны евреев и эксплуатируют толпу,

ни ссылки на то, что, если парламент выполняет требование главы государства, тогда он не нужен, а если не выполняет, тогда вдвойне не нужен, что парламенты созданы по еврейской мысли не для созидания, а для разрушения государства, свидетельством чего является немедленное же упразднение евреями, захватившими Россию, всех представительных учреждений, начиная от Государственной думы и кончая земствами, — не производили на моих собеседников ни малейшего впечатления. Они жили в убеждении, что монархия стоит на низкой ступени культуры, а республика — на высокой, и не хотели верить тому, что республика нужна евреям не только как способ подчинения государства своему влиянию, но и как переходная ступень к монархии, чтобы объединить затем все эти созданные евреями республики в единую всемирную монархию под скипетром иудейского царя вселенной[1]. Таковы не только мечты мирового еврейства, но и его задачи. И наиболее ярким свидетельством справедливости этого положения является пример России. Там, под флагом республики царит такая деспотия, какой еще никогда не было в истории, русский народ превращен в рабов, и, разумеется, ни о какой «воле народной» не может быть и речи... И, слушая наивных сербов, я видел, что они сами рубили тот сук, на котором сидели. То же делали и «передовые» русские люди, пока не погубили Россию, отдав ее на поругание и растерзание жидам.

---

[1] Эту цель, как известно, скрывал и проект Бриана о «Соединенных штатах Европы» под главенством руководимой евреями Лиги наций.

И живя среди людей, не только не постигавших ужаса большевизма и его истинной природы, но и не веривших моим рассказам и моему опыту, я с сожалением замечал на протяжении истекших пятнадцати лет все бо́льшие завоевания еврейства в міре и видел, что сами христиане радостно и уверенно идут им навстречу, навстречу своей собственной гибели.

Если моей книге суждено будет хотя в малой доле сосредоточить внимание читателя на еврейской проблеме и увидеть в ней корень мирового зла, который мало заметить, но с которым нужно бороться, то я буду считать не напрасными те жертвы, какие связывались в условиях нашего беженского горемыканья, созданных жидами, с ее изданием.

Н. Ж.
Бари
27 октября/9 ноября 1935 г.

1

ЗНАКОМСТВО С С. А. НИЛУСОМ. ЕГО ДУХОВНЫЙ ОБЛИК И ХАРАКТЕР СОЧИНЕНИЙ

Нет уголка на земном шаре, где бы не слыхали о «Сионских протоколах», нет ни одного образованного человека, который бы их не читал, а между тем и до сих пор мало кто знает имя автора этой ужасной книги и продолжают строиться легенды об ее издателе С. А. Нилусе.

Обыкновенно каждая книга связывается с именем ее автора или издателя. «Сионские про-

токолы» составляют исключение. Переведенные чуть ли не на все существующие европейские и азиатские языки и распространившиеся по всему свету, «Сионские протоколы» умышленно скрыли имя своего автора, еврея Ульшера Гинзберга, и дали всемирную известность С. А. Нилусу, который не был ни автором, ни даже первым издателем этой необычайной книги, а получил ее рукопись уже из третьих рук. Почему так случилось, усматривается из самого содержания «Протоколов». Эту книжку мало назвать гениальным произведением человеческого ума. Это в буквальном смысле слова произведение сатанинское, созданное евреем, проникнутым необычайной злобою к христианскому міру, писавшим под диктовку диавола, раскрывавшего пред ним способы разрушения христианской государственности и тайну овладения всем міром. Разумеется, такое произведение составляло еврейскую тайну, не подлежало оглашению, и Ульшер Гинзберг должен был скрывать свое имя. Однако тайна была раскрыта, рукопись была обнаружена и, переходя из рук в руки, попала к С. А. Нилусу, который первый указал на нее как на ***мировую опасность, грозившую всему христианскому міру со стороны международного еврейства***, первый забил в набат. В этом и заключалась заслуга С. А. Нилуса, давшая ему мировую известность и славу. Правда, его набат мало кто услышал, изданная им в 1905 году рукопись «Сионских протоколов» не имела успеха, и ни правительство, ни общество и печать не обратили на нее должного внимания. Но это понят-

но, и иначе и не могло быть. Истина никогда не завоевывает сразу своих позиций, и для утверждения ее в умах и сердцах людей требуется много времени... Но теперь, когда с момента появления «Сионских протоколов» прошло уже тридцать лет и они нашли верную оценку, книга приобрела чрезвычайное значение, а имя С. А. Нилуса заслуженную славу.

Не помню, где, когда и при каких условиях я впервые встретился и познакомился с Сергеем Александровичем, но хорошо помню, что мое свидание с ним в С.-Петербурге осенью 1905 года, о котором у меня сохранились вполне отчетливые воспоминания, не было первым, ибо мы беседовали друг с другом уже как старые знакомые, связанные общими духовными интересами. Значит, мы встретились и познакомились раньше 1905 года, и не в Петербурге, куда я переехал на жительство лишь летом 1905 года, а где-либо в другом месте, скорее всего в г. Киеве, где я часто бывал. Мы часто запоминаем подробности знакомства с людьми, с которыми случайно встретились в жизни и не продолжали общения, и забываем об обстоятельствах встречи с теми, с которыми постоянно жили и которые становились как бы членами нашей семьи. Я убежден, что познакомился с С. А. Нилусом не позже 1900 года, но отчетливые воспоминания о нем начинаются у меня только с конца 1905 года.

Как ни часто я встречался с С. А. Нилусом, но никогда не расспрашивал его о прошлом, о котором поэтому и имею лишь неполные и отрывочные сведения.

Родители С. А. Нилуса были состоятельными помещиками Орловской губернии. Состав их семьи мне неизвестен. Знаю лишь, что председатель Московского окружного суда, Димитрий Александрович Нилус, был братом Сергея Александровича. Оба брата учились в гимназии и университете в Москве. С. А. был, по-видимому, более склонен к деревенской жизни, ибо после смерти отца, унаследовав его имение, поселился в Орловской губернии. Женился С. А. поздно на фрейлине Государынь Императриц Елене Александровне Озеровой, дочери посланника в Афинах, а затем в Берне обер-гофмейстера Александра Петровича Озерова. Она имела двух сестер — Марию Александровну Гончарову и княгиню Ольгу Александровну Шаховскую, впоследствии игумению Софию, управлявшую Вировским монастырем и Зарайскою общиною и известную своею высокою подвижническою жизнью, и четырех братьев, из которых один, Давид Александрович, был управляющим Императорским Аничковым дворцом, другой — Борис Александрович — Келецким губернатором, третий, преображенец, был убит в Турецкую войну, а о четвертом у меня не имеется сведений. С. А. Нилус не был ни ученым, ни профессором, ни писателем, как его обычно называют. Он был довольно богатым помещиком Орловской губернии, с увлечением занимавшимся сельским хозяйством, каковое вел самыми новыми усовершенствованными способами.

Но миссия помещика не была его призванием. Хозяйство свое он вел неумело и в результате разорился, был вынужден продать свое имение и искать другого поприща деятельности. Имея

юридическое образование, С. А. Нилус поступил куда-то на службу (не помню куда) чиновником, но и государственная служба его не удовлетворяла, и он вскоре ее оставил. Не знаю точно, раньше ли поступления на государственную службу или после оставления ее С. А. принял должность воспитателя в семье губернатора одной из восточных губерний и в течение всей последующей своей жизни не прерывал общения с этой семьею.

В религиозном отношении С. А. также был неустойчив и к религии равнодушен, хотя сведения, приводимые Гр. Бостуничем в его брошюре «Правда о Сионских протоколах» на с. 11 (Ср. Митровица, 1921) о том, что С. А. Нилус был в молодости соблазнен Теодором Герцлем и посвящен в масонство, а затем возвращен в лоно Православия протоиереем Иоанном Кронштадтским, нужно отнести к досужим вымыслам, не имевшим под собою ни малейшей почвы. Такого факта в жизни С. А. Нилуса никогда не было. Будучи в молодости равнодушным к религии, он в то же время, несомненно, принадлежал к числу тех «богоискателей», которые страдали и томились своим безверием и добросовестно искали выходов из положения. В этих случаях Сам Господь, не желая смерти грешника, идет к нему навстречу и подает Свою благодатную помощь. Так случилось и с С. А. Нилусом. Об этом моменте своего обращения к Богу или, точнее, своего духовного возрождения С. А. Нилус рассказывает в своей книге «Великое в малом»[1] следующее: «Тому на-

[1] В изд. Ф. В. Винберга «Луч Света», вып. 3-й. С. 205–209.

зад двадцать девять лет[1], стало быть, в 1882 году, спустя год после безумно-кровавого злодеяния, жертвою которого пал человеколюбивейший Государь Александр-Освободитель, и за год до Священного коронования Александра-Миротворца, я был в Киеве. Стояли чудные сентябрьские дни, на которые так щедра бывает иногда южнорусская осень. Уличная киевская жизнь кипела и била ключом: весь Киев от мала и до велика жил на улице; особенно Крещатик бурлил и шумел веселой, оживленной и впечатлительной толпой, той южной толпой, какой не встретишь обычно на городских улицах нашего севера. Под жарким солнцем юга родятся, растут и созревают характеры совсем иного типа, чем те, которыми дарит нас наше тусклое, туманное, холодное небо.

В те дни я был православным только по имени: довольно сказать, что, прожив в Киеве, этой колыбели родного Православия, два с половиною месяца, я за все время своего пребывания в такой близости от благоухания лаврской святыни ни разу не был не только в Лавре, но даже и в церкви. И тем не менее я именно в Киеве и в те самые дни получил впечатление от одного события, какое мне особенно врезалось в памяти и которому впоследствии суждено было стать предметом моего христианского размышления.

Событие это было — комета; блестящая, яркая, огромная комета, появившаяся внезапно на юго-западном, помнится мне, горизонте киевского неба... Величественное и жуткое было это зрелище!..

[1] 2-е издание книги «Великое в малом», 1911 год.

Двадцать девять лет прошло уже с тех дней, а грозное небесное явление еще и теперь перед моими глазами, что-то стихийное и страшное знаменуя, что-то великое и, как смерть, неотразимое предвозвещая.

И тогда, в те памятные киевские дни, комета эта не казалась мне чем-то случайным, как простое астрономическое явление, без влияния на жизнь не только планеты нашей, но и духа человечества, ее населяющего: история моей родины, как и мировая история, напоминала мне, что человеческое сердце не без основания привыкло с незапамятных времен соединять с появлением на небе хвостатого знамения тяжкие предчувствия каких-то неведомых, но неизбежных угроз, сокрытых в таинственном грядущем. Конечно, человеку такого настроения, какого я был тогда, и в голову не могло прийти при наблюдении над дивным небесным знамением, что оно может иметь то или другое прикровенное значение для грядущих судеб Христовой Церкви на земле; но тем не менее сердце мое, помню, было смущено ожиданием чего-то, что грозящим призраком скорбей и бед неясно для меня восставало в туманной дали будущего родины.

Тринадцатилетнее царствование великого Государя Императора Александра III, в начале которого мною наблюдалась в Киеве комета, не оправдало моих предчувствий: Россия достигла в его дни такого величия, такой славы, перед которой померкла вся слава міра; слово Державного властителя православных миллионов, заставляло подчиняться себе все, что могло быть втай-

не враждебно России; а явно враждовавшего против России не было — оно исчезло, скрылось в подполье сатанинских замыслов и на свет Божий показаться не дерзало...

Люди, имеющие много досуга, могут сколько угодно спорить и препираться между собою о значении для России этого великого царствования; для нас, православных подданных нашего Царя, плоды этого царствования были налицо: Россия и ее Царь-Миротворец были для всего міра частью того целого, что святым апостолом Павлом именовано словом «**держай**» — тем державным началом, которое в своей железной деснице содержало в повиновении и страхе все политические стихии міра, со времен французской революции обнаружившие явную склонность к анархии, то есть к безначалию...

Таково мировое значение царствования Александра III.

Не то ли предвозвещала киевская комета?

Блестящее светило южной ночи не знаменовало ли тринадцатилетнего могучего блеска России?! Допросите сердце России! Что оно ответит вам?

А вот что оно вам ответит, и ответ этот запечатлен, как свидетель неложный и неподкупный, в стенах Петропавловского собора: из серебра всенародной слезы слилось все то великое множество венков, которыми народная скорбь об утрате Великодержавного оковала не только гробницу его, но и всю усыпальницу наших государей в твердыне крепости святых Первоверховных Апостолов. Не было в России ни одного

сколько-нибудь значительного местечка, ни одного содружества, которые бы не прислали на гроб великому Государю знака своей неутешной скорби об утрате того, в ком все, что было истинным сердцем России, привыкло видеть незаменимого хозяина, воплотившего в одном своем лице всю богатырскую историю Отечества, весь смысл и значение Русского народа. Скорбь об усопшем Царе была истинно скорбью всенародною. Россия дрогнула и застонала, точно в предчувствии чего-то неотвратимо-грозного, что могла бы остановить только та державная рука, которой не стало.

В те скорбные дни я все еще был питомцем либеральных веяний шестидесятых годов и все еще продолжал жить в отчуждении от великих и святых идеалов моего народа; но и меня сразила весть о кончине Царя-Богатыря, и мое сердце вострепетало. И то же чувство скорби испытывалось вокруг меня решительно всеми — людьми всех званий, всех состояний, всех партий, хотя того, что теперь именуют партиями, в то время, слава Богу, еще не существовало.

И тут я впервые в своей жизни почувствовал и уразумел сердцем, что в великие исторические моменты народной жизни глас народа бывает, действительно, гласом Божиим.

И сердце России скорбью об утрате великого своего Богатыря ответило и моему сердцу: предчувствие мое стало предчувствием всенародным. **Блуждающее светило ночи не предвещало доброго...**

Кончина великого Царя была зарею и моего духовного возрождения. Держась принципов,

враждебных всему духу царствования Александра III, отчего я не порадовался, а наоборот, отчего дал я безотчетной, но жгучей скорби водвориться в сердце, казалось, неприязненном всему тому, чем так велико было окончившееся царствование?

Непонятное стало ясным, когда в исканиях истины я обратился к матери Церкви: от нее, от духа ее я получил свое возрождение в жизнь новую, от нее приобрел разумение земного и горняго в тех пределах, которые доступны ограниченному уму человеческому, и моему в частности. Тайна за тайной стали открываться моей человеческой немощи, в которой совершалась великая сила Божия, и только в этой силе великой я и познал, что мір и вся яже в міре, — былое, настоящее и будущее, — могут быть уяснены и постигнуты во всей сущности только при свете Божественного Откровения и тех, кто жизнь свою посвятил ему на служение в духе и истине, в преподобии и правде.

И вот, из этого чистейшего источника я узнал впервые, что на земле нет и не может быть абсолютной правды, что была такая правда на земле, но Тот, Кто был сама Истина, распят на кресте; что мір во зле лежит, что он и все его дела осуждены огню; что будет некогда новое небо и новая земля, где будет обитать правда, но что перед водворением этого Царства правды под новым небом и на новой земле должен явиться антихрист, который будет принят евреями как мессия, а міром — как царь и владыка вселенной. А затем перед моими духовными очами, просветленными учением Церкви и ее святых, стали

открываться картины прошедшего, настоящего и даже будущего в такой яркости, в такой силе освещения внутреннего смысла и значения мировых событий, что перед яркостью их потускнела и померкла вся мудрость века сего, ясно открывшаяся мне, как борьба против Бога, как апокалиптическая брань на Него и на святых Его...»

Так образно и красочно описывает С. А. Нилус историю своего духовного возрождения.

С этого момента жизнь С. А. Нилуса получает иное содержание и направление. Кончилось мучительное томление духа, заспокоилась исстрадавшаяся и тоскующая душа, Нилус нашел свое призвание и занялся литературою. Таково уж свойство русского духа, натуры русского человека, способного умирать в одиночку, но неспособного в одиночку спасаться! Воскреснув духовно, Нилус ринулся спасать косневших во мраке духовного невежества своих ближних, делиться с ними своими духовными приобретениями, пробуждать их заснувшую веру и совесть, вследствие чего все сочинения Нилуса, проникнутые глубокою верою, высоким религиозным настроением и чувством, приобретали неизъяснимую прелесть и заняли совершенно особое место в русской литературе.

Не блещущие никакими особыми литературными достоинствами, они выделялись на книжном рынке именно тем, что были вполне самобытны и оригинальны, а главное, тем, что являлись чрезвычайно своевременными и нужными. Они не принадлежали к общему типу литературных произведений, их нельзя было отнести ни к повестям, ни к рассказам, ни к разряду статей

исторического или публицистического содержания, ни смешать с произведениями религиозной литературы.

С. А. Нилус ничего не выдумал и не «сочинял». Предпочитая жить вблизи прославленных русских монастырей и пользоваться монастырскими книгохранилищами, С. А. Нилус извлекал из богатых монастырских архивов драгоценный материал и перерабатывал его.

Чтобы понять и оценить значение этой работы С. А. Нилуса, нужно знать, во-первых, уклад жизни русских монастырей в эпоху их расцвета и, во-вторых, содержание монастырских архивов. Внешняя жизнь монастыря не только не отражала подлинной, настоящей жизни обители, а нередко скрывала ее, подобно тому как подвижник скрывал пред лицом міра свои сокровенные подвиги, стараясь казаться самым заурядным человеком. Великие старцы обители, достигшие нравственного совершенства, стяжавшие недоступную міру премудрость, сиявшие потусторонним знанием, живя в монастыре среди прочей братии, часто не знали друг друга и рассматривались как заурядные монахи, ничем не отличавшиеся от прочих. Уставы монастырей не позволяли выносить наружу духовные приобретения и оберегали духовный рост подвижников от соблазнов; убегали от славы мирской и сами подвижники, смирение которых заставляло их скрывать свои духовные преимущества пред прочими; но то, что тщательно пряталось и скрывалось от людского взора, то на досуге, часто ночью, заносилось трепетной старческой рукою в тетрадки, какие изо

дня в день отмечали многотрудную жизнь подвижника с ее легендарными подвигами и трудами, с ее никому не видимой духовной бранью, с ее борьбою со страстями и с ее страданиями при отречении от мирских привязанностей, очищавшими душу подвижника и возносившими дух его на небо. Это не были дневники в обычном значении этого слова, излагавшие содержание того или иного прожитого дня, это были величайшие откровения духа, отмечавшие каждый шаг по пути к нравственному очищению, каждую мелкую извилину и тропинку по пути к Богу, каждую свою победу над страстями и каждый свой грех и падение, все то, что укрепляло дух, и то, что его ослабляло и угнетало, всякое малейшее изменение в настроении или в отношении к ближнему и его причины, — словом, все то, что в итоге давало драгоценнейший материал для учебников святой жизни, каким официальные учители жизни, духовные вожди русского народа, пастыри и архипастыри, пренебрегали и о котором, возможно, даже не знали.

И вот, эти тетрадки после смерти их авторов и попали в монастырские архивы, откуда и поступали в распоряжение С. А. Нилуса, составив содержание его книг «Великое в малом», «Святыня под спудом», «На берегу Божьей реки» и других, заглавия которых уже исчезли из моей памяти. Помнится, что последующие издания Нилуса знакомили читателя с чрезвычайно ценными рукописями Валдайского монастыря и воспроизводили подлинный дневник одного великого подвижника схимника-затворника, изо дня в

день на протяжении десятков лет отмечавшего этапы своего восхождения к Богу, а также все то, что открывалось его духовному взору в области внешних повседневных фактов жизни.

Это была удивительная книга... Ведь одни и те же факты, имеющие одинаковую внешность, воспринимаются разными людьми различно. Одни видят в них заурядное явление текущей жизни, то, что лежит на ее поверхности; другие, обладающие духовным зрением, улавливают в них связь с предыдущими событиями и рассматривают их, как результат предшествующих причин; третьи, с более обостренным духовным зрением, видят еще больше и, сопоставляя факты настоящего и прошедшего, предусматривают будущую концепцию фактов, характер и направление будущих событий. По-видимому, автор этой замечательной книги принадлежал к категории этих последних духовидцев, ибо останавливался на событиях нашего времени, наступивших лишь 80 лет спустя после его [схимника] смерти. В этом отношении откровения автора имели много сходства с откровениями знаменитого старца Илиодора из Глинской Пустыни, которому незадолго до официальной смерти Императора Александра I[1] была открыта во мгновении времени картина царствования последующих русских императоров, начиная с Императора

[1] Император Александр I, как известно, ушел из міра и под видом странника Феодора Кузьмича жил в Сибири, где скончался в глубокой старости в 1864 году, имея от роду свыше 80 лет. Народная молва давно уже причислила его к лику святых Православной Церкви.

Николая I и кончая Императором Николаем II, и который в течение всей последующей своей жизни предварял верующих о близкой гибели России... Увы, ему никто не верил... И пастыри и пасомые оставались одинаково глухими к предостережениям старца Илиодора, раздававшимся за 100 лет до катастрофы 1917 года.

Не ограничиваясь изъяснением событий переживаемого времени и предуказанием будущих мировых событий на земле, анонимный автор «дневника» раскрывал пред читателем картины будущего загробного міра с таким реализмом, который свидетельствовал не только о его интуиции, но и об особых, получаемых им от Бога откровениях. Так, мне помнится его рассказ об одном отроке, проклятом своей матерью, который был восхищен неведомою силою от земли в безвоздушное пространство и прожил 40 дней жизнью духов, вращаясь среди них и подчиняясь царившим там законам... В этом рассказе было столько необычайного, что совершенно исключало возможность вымысла и фантазии и свидетельствовало о действительном существовании загробного міра и жизни духов. Я смутно припоминаю подробности этого рассказа, ибо имел возможность лишь бегло просмотреть его, но и то, что я помню, никогда не исчезнет из моей памяти...

Словом, этот «дневник» был книгою необычайной ценности, живым наглядным руководством к святой жизни.

Таким образом, книги С. А. Нилуса являлись не только сборниками интересного и назидательного чтения, но и в некотором роде пособиями для

духовно-нравственной жизни, рождавшими религиозное настроение и укреплявшими его, но именно по этой причине вызывали они к себе неблаговолительное внимание со стороны тех иерархов, которые скептически и с предубеждением относились к духовной литературе светских писателей. Тем не менее имя С. А. Нилуса было весьма известно в среде верующей интеллигенции, его книгами зачитывались так же, как и сочинениями Е. Поселянина, и отчасти по этой причине «Сионские протоколы» по своем обнаружении были переданы ему. В тот момент «Протоколы» рассматривались с мистической точки зрения и мало кто связывал с ними политическое значение.

2

ОБНАРУЖЕНИЕ РУКОПИСИ «СИОНСКИХ ПРОТОКОЛОВ»

Вопрос о том, как была обнаружена рукопись «Сионских протоколов», кому первому она попалась в руки, когда и от кого была получена, нужно признать и до сих пор невыясненным.

Существуют несколько вариантов, освещающих вопрос.

В 10-й главе своей книги «Великое в малом», перепечатанной Ф. В. Винбергом в 3-й книжке «Луча Света» (с. 212), С. А. Нилус пишет: «В 1901 году мне удалось получить в свое распоряжение от одного близкого мне человека, ныне уже скончавшегося[1], рукопись, в которой с необыкновен-

[1] Помяни, боголюбивый читатель, о упокоении болярина Алексея.

ной отчетливостью и ясностью изображены ход и развитие всемирной роковой тайны еврейско-масонского заговора, имеющего привести отступнический мір к неизбежному для него концу. Лицо, передавшее мне эту рукопись, удостоверило, что она представляет собою точную копию-перевод с подлинных документов, выкраденных женщиною у одного из влиятельнейших и наиболее посвященных руководителей франмасонства, после одного из тайных заседаний «посвященных», где-то во Франции, этом оживленном гнезде франмасонского заговора. Эту-то рукопись под общим заглавием «Протоколы собраний Сионских мудрецов» я и предлагаю желающим видеть, слышать и разуметь».

Речь идет о предводителе дворянства Чернского уезда Тульской губернии Алексее Николаевиче Сухотине, передавшем рукопись «Протоколов» С. А. Нилусу, своему соседу по имению и другу. Однако вопрос о том, от кого А. Н. Сухотин получил рукопись, остается невыясненным.

Те же обстоятельства несколько иначе рассказывает б. прокурор Московской синодальной конторы, камергер Ф. П. Степанов, в своем письме, напечатанном в книге г-жи L. Fry «Waters Flowing Eastward» (Editions R. I. S. S., 8 av. Portalis, Paris, 1931).

«В 1895 году,— пишет Ф. П. Степанов, — мой сосед по имению Тульской губернии, отставной майор Алексей Николаевич Сухотин, передал мне рукописный экземпляр «Протоколов Сионских мудрецов». Он мне сказал, что одна его знакомая дама (не называя мне ее), проживавшая в

Париже, нашла их у своего приятеля (кажется, из евреев) и, перед тем как покинуть Париж, тайно от него перевела их, привезла этот перевод в одном экземпляре в Россию и передала этот экземпляр ему, Сухотину. Я сначала отпечатал его в ста экземплярах на гектографе, но это издание оказалось трудно чтимым, и я решил напечатать его в какой-нибудь типографии, без указания времени, города и типографии; сделать это мне помог Аркадий Ипполитович Келеповский, состоявший тогда чиновником особых поручений при В. К. Сергии Александровиче; он дал их напечатать Губернской типографии. Это было в 1897 году. С. А. Нилус перепечатал эти «Протоколы» полностью в своем сочинении со своими комментариями.

Филипп Петрович Степанов, бывший прокурор Московской синодальной конторы, камергер, действительный статский советник, а во время этого издания — начальник участка службы пути (в г. Орле) Московско-Курской жел. дор.».

Подпись Ф. П. Степанова засвидетельствована старшиною русской колонии того города, в котором он проживал в 1927 году, и не вызывает никаких сомнений.

Недавно запрошенная мною дочь Ф. П. Степанова, княгиня В. Ф. Голицына, вспоминая слышанное ею от отца, утверждает, что рукопись «Сионских протоколов», полученная ее отцом от Ал. Н. Сухотина, была на русском языке; что первое издание, на правах рукописи, без указания типографии, где оно печаталось, было тоже на русском языке; что, вероятно, рукопись, получен-

ная ее отцом, и была тою подлинною рукописью, которую Ал. Н. Сухотин получил от анонимной дамы, причем неизвестно, была ли она предварительно переведена на русский язык с другого языка; что С. А. Нилус получил от ее отца ту же самую русскую рукопись, которую раньше ее отец получил от Ал. Н. Сухотина.

Третий вариант принадлежит Ф. В. Винбергу, который пишет: «Русское правительство уже много веков знало кровавые пути, по которым шло еврейство. Оно знало, кто побуждал к убийству его царей и сановников, знало также, что евреи и масоны последовательно осуществляют план низвержения всех престолов и алтарей, приведенный частично в исполнение еще в XVIII веке. Поэтому, когда стало известным, что сионисты осенью 1897 года решили созвать съезд в Базеле, русское правительство, как нам сообщило лицо, много лет занимавшее видное место в одном из министерств в С.-Петербурге, послало туда тайного агента. Последний подкупил еврея, пользовавшегося доверием высшего управления масонов и в конце съезда получившего поручение доставить отчеты тайных заседаний во Франкфурт-на-Майне, откуда основанная 16 августа 1807 года еврейская ложа со знаменательным названием «К Занимающейся Заре» в течение столетия поддерживала связь с «Великим Востоком» Франции. Эта поездка представляла великолепный случай для осуществления задуманного предприятия. Гонец по дороге переночевал в маленьком городе, где русский агент ожидал его с группою переписчиков, которые за ночь сняли

с документов копии» ... (Луч Света, № 3. С. 102). «Спешность такой ночной работы могла естественно отразиться на некоторой неполноте списанных отчетов, которые были составлены на французском языке. Весьма вероятно тоже, что лицо, продавшее тайну своих единоплеменников, по системе всех «азефов» всегда играть на два фронта могло при этом утаить важную часть работы съезда; в тексте «Протоколов» мы не видим никаких прямых резолютивных постановлений о ближайших, практически намеченных действиях; но тем не менее, в своей совокупности, снятые копии давали весьма полную программу революционных целей и революционной тактики, окрашенную чисто талмудической ненавистью к христианскому вероучению, к христианскому міру»... (Всемирный тайный заговор. Берлин, 1922. С. 10).

Наконец, в самое последнее время в связи с Бернским процессом, вызванным стремлением евреев доказать подложность «Протоколов», стал циркулировать еще один вариант, в силу которого «Протоколы» были списаны не заграницею, в одном из городов, лежащих по пути из Базеля во Франкфурт-на-Майне, как предполагалось раньше, а в Вержболове, при переезде Наумом Соколовым российской границы. В этом варианте переписчицей является также таинственная дама, но все-таки ей помогали агенты Департамента полиции, которые выполнили технические задания по своей специальности, то есть устроили так, что Наум Соколов вынужден был на сутки задержаться в Вержболове, усыпили его

и передали даме экземпляр «Протоколов» на столько времени, чтобы она успела снять копию с них, если и не целиком, то в наиболее существенных местах.

Оба последних варианта казались мне неправдоподобными, ибо я не допускал, чтобы Департамент полиции, получив в свое распоряжение столь важный документ, так легкомысленно отнесся к нему, чтобы не оценил его значения и не предпринял нужных мер к ограждению государства от грозившей ему еврейской опасности. Но вот что пишет мне по этому поводу один из моих друзей: «...По моему убеждению, вынесенному из изучения обстоятельств постигшей русское государство катастрофы, **Департамент полиции был вообще легкомыслен** и не стоял на высоте поставленных ему заданий. Недавно сотрудник «Возрождения» Тимашев, излагая биографию преступного грузина Иосифа Джугашвили, ставшего под именем Сталина диктатором России, высказался совершенно согласно с моим мнением: «Джугашвили (в 1903 году) приговаривается к ссылке на три года в Иркутскую губернию. Ему, однако, удается бежать чуть ли не через месяц после водворения на место. Так начинается длинная серия побегов, **свидетельствующих о легкомыслии, скажу, преступном, царской полиции в отношении людей, из разрушения общественного строя сделавших себе ремесло**».

Нет ничего удивительного и в том, что Департамент полиции, запасшись на всякий случай копией «Протоколов», не сделал из них никаких

выводов и потом совершенно о них забыл. Полное неустройство полиции, несогласованность деятельности отдельных ее органов, скудость отпускаемых казною на содержание полиции средств, плохой подбор личного состава — всё это, вместе взятое, являлось чуть ли не второю по важности причиною падения великой Российской Империи. Первою, как Вы знаете, я считаю обособление крестьянства и сохранение опеки над ним на основании так называемых «крестьянских законов».

Относительно полиции достаточно Вам напомнить, что, например, уездная полиция существовала у нас на основании Временных правил 1862 года. Не учреждением Государственной думы нужно было тушить разгоравшийся революционный пожар, а снятием опеки с крестьянства и радикальным преобразованием полиции. В Петербурге не нашлось способных понимать это голов. Хорошая полиция легко могла бы отбить революционный штурм. Отчасти это удалось П. Н. Дурново даже с плохим орудием борьбы в виде старомодной полиции. Но нельзя было медлить с переустройством крестьянства и нельзя было спешить с учреждением Государственной думы.

Добила Империю запутавшаяся в масонских интригах дипломатия, поставившая всю русскую политику в зависимость от французского правительства. Вы только вдумайтесь в то, что Извольский и Сазонов, заключая военную конвенцию с Францией, согласились на то, чтобы после объявления войны **Россия не имела права идти ни на**

какой сепаратный мир[1]. Ведь это ужас! В начале 1915 года можно было заключить с Германией выгодный для России мир, но постеснялись нарушить конвенцию... и пошли на гибель, чтобы жидовские планы не остались невыполненными. Но я отвлекаюсь в сторону. Я хотел только Вам сказать, что и по последнему варианту Департамент полиции не мог смотреть на «Протоколы», как на памфлет, сочиненный частными лицами и не стоящий внимания, ибо он знал, что документ был на время похищен у возвращавшегося с Базельского Конгресса Наума Соколова. Опять-таки все сводится к легкомыслию Департамента.

Правильнее всего считать, что путь, каким «Протоколы» дошли до Ф. П. Степанова, **пока не выяснен с полною достоверностью**».

К этому я могу добавить, что этот путь и не может быть сейчас выяснен, ибо еще живы люди, могущие восполнить недостающие сведения, но ни имена их, ни сущность их показаний не могут быть оглашены.

Да нет и надобности собирать эти догадки и останавливаться на вопросах, имеющих второстепенное значение. Важно не то, каким образом «Протоколы» были обнаружены и сделались достоянием всего міра, а важно, как говорит цитированный мною мой друг, то, что «**"Протоколы" верно отражают мечтания иудеев, начиная**

[1] Эти два бездарных министра иностранных дел, оба масоны, были или сознательными врагами России, или же наивными простаками, не знавшими того, что, заключая военную конвенцию с Францией, в действительности заключали ее с французскими жидами в интересах мирового еврейства.

с Второисаии, и что их планы и указания точно осуществились в ходе истории белого человечества за истекшие до сих пор годы XX столетия».

Достоверно установленным является пока лишь факт отпечатания «Протоколов» впервые в Московской губернской типографии в 1897 году в количестве 100 экземпляров и появления комментариев на них знаменитого публициста М. О. Меньшикова в его «Письмах к ближним», печатавшихся в газете «Новое Время» в 1901–1902 гг.

В 1905 году «Протоколы» были изданы С. А. Нилусом в составе второй части его книги «Великое в малом» под заглавием «Антихрист как политическая возможность». Хотя сам Нилус и понимал политическое значение изданного им документа, но заглавие, ему данное, отшатнуло от него широкие круги, увидевшие там мистику и фантазию, а не реальную опасность, с которой бы надлежало бороться. Между тем это заглавие совершенно точно передает конечный результат осуществления намеченных «Протоколами» программ.

3

«СИОНСКИЕ ПРОТОКОЛЫ» В ПЕРВОМ ИЗДАНИИ С. А. НИЛУСА 1905 ГОДА

Получив экземпляр «Протоколов», Нилус совершенно правильно оценил документ не только с эсхатологической, но и с политической точки зрения и справедливо усмотрел в нем предостерегающий глас Божий, обращенный к без-

печному, утопающему в довольстве русскому народу.

Материальное положение Нилуса было весьма тяжким. Не могло быть и речи об издании рукописи на личные средства, их нужно было изыскивать. Не менее тяжким было и его душевное состояние... Он часто переезжал с места на место, ибо проживал или в самой ограде монастыря, или же вблизи последнего, а уставы монастырские не позволяли мирянам пользоваться гостеприимством монастырей долее положенного времени.

Вот как описывает С. А. Нилус историю первого издания «Протоколов»: «Впервые “Сионские протоколы” увидели свет только в конце 1905 года, в 2-м издании[1] книги моей “Великое в малом и антихрист как близкая политическая возможность”. Тогда был самый разгар всероссийского пожара, так называемого “освободительного движения”, **с исключительной ясностью и силою оправдавшего нашу уверенность в подлинности “Протоколов”**. Один Господь знает, сколько мною было потрачено от 1901-го по 1905 год тщетных усилий дать им движение **с целью предварения власть имущих о причинах грозы, уже давно собиравшейся над беспечной, а теперь, увы, и обезумевшей Россией**. И только в 1905 году совершилось печатание зловещей рукописи в предостережение всем тем, кто еще имеет уши, чтобы слышать, и очи, чтобы видеть».

---

[1] В подстрочном примечании к с. 330 цитированной нами книги “Великое в малом” в издании Ф. В. Винберга С. А. Нилус называет издание 1905 года означенной книги — **третьим по счету**.

«Протоколы собраний Сионских мудрецов» при беглом первоначальном их обзоре легко могут представиться тем, что мы привыкли называть общими местами, но эти общие места выражены с резкостью и ненавистью такими, какие для так называемых общих мест не совсем обычны. **Гордая, закоренелая, непримиримая, древняя и притом долго скрытая, племенная и, что всего страшнее, религиозная злоба так и кипит между строками, клокоча и прорываясь из переполненного сосуда ярости и мести, уже предощущающих близость свою к конечному торжеству.**

Нельзя попутно не заметить, что название рукописи не вполне соответствует ее содержанию: это не протоколы собраний, а чей-то, власть имеющего, доклад, разделенный на части не всегда даже между собою логически связанные; впечатление остается такое, что это как будто отрывок чего-то гораздо более значительного, начало и многие подробности которого или утрачены, или не были отысканы[1]. Указанное мною выше происхождение рукописи дает тому удовлетворительное объяснение. Антихристово дело, по Преданию святых Отцов, должно быть во всем пародиею дела Христова, — оно и не обошлось без своего Иуды. Но, конечно, с земной, человеческой точки зрения Иуда антихриста, выдавший тайны

[1] Издавая «Протоколы», Нилус тогда еще не знал имени их составителя Ульшера Гинзберга. Это имя стало известным значительно позднее, если не ошибаюсь, в 1920 году, будучи разоблачено графом Ревентловым. Заглавие рукописи «Протоколы Сионских мудрецов» совершенно точно, ибо она излагает мысли, частью принадлежащие Гинзбергу, частью заимствованные из сочинений тех именно евреев, которые живут в памяти еврейства как сионские мудрецы.

своего учителя, не достигнет цели своего предательства, и хотя кратковременное, но полное торжество всемирного владыки может считать себя обеспеченным.

Меня могут, пожалуй, упрекнуть — и справедливо — в апокрифичности представляемого документа. **Но если бы возможно было доказать его подлинность юридически, обнаружить лиц, стоящих во главе всемирного заговора и держащих его кровавые нити в своих руках, то была бы нарушена и сама "тайна беззакония", а она должна остаться нерушимой до воплощения ее в "сыне погибели".** Для вдумчивого христианского наблюдателя не достаточно ли доказательств подлинности "Сионских протоколов" **в окружающей его среде и в тех отечественных и мировых событиях, смена которых в вихре всякого беззакония совершается на его глазах беспрерывной молнии подобно?**

Для "имеющего уши слышати" довольно уже и того, что дается как очевидность в настоящем труде с целью возбуждения внимательных блюсти себя и быть настороже. Для моего христианского чувства и долга довольно будет и того, если я, по милости Божией, достиг **важнейшей для меня цели — предупреждения братий моих христиан о близ грядущей смертельной опасности и не возбудил в чьем-либо сердце вражды к ослепленному до времени[1] еврейскому народу, в своей пламенно, хотя и ложно, верующей массе неповинному в сатанинском грехе своих руко-**

[1] См. Рим. 11, 25.

водителей — книжников и фарисеев, уже раз погубивших Израиля...

Гнев Божий — над головами нашими; но как бы ни был близок он, от нашего покаяния и обращения на путь истинный зависит преклонить к себе чашу милосердия на весах правосудия Божия и отвратить гнев Господень, праведно на ны движимый.

Но возможно ли искреннее покаяние пред Богом современного нам отступнического міра?

Невозможное для человека возможно для Бога; невозможное для міра возможно еще для верующей России, доныне еще наполняющей храмы Божии в праздники Господни, Богородичные и великих святых Православной Христовой Церкви.

Не то на Западе, в Европе и в ее мировых колониях: там современное политическое положение государств и нравственное состояние их граждан в массе уже достигло меры возраста, предуказанной Первоверховным апостолом языков. В стремлениях усовершенствовать свою временную жизнь и в поисках за лучшим осуществлением идеи государственной власти, могущей обеспечить каждому его материальные блага, а обществу — царство всеобщей сытости, обезверенное человечество, признав с чужого голоса своих патентованных учителей христианство будто бы дискредитированным и не оправдавшим возложенных на него надежд, обратилось к новым путям исканий. Повергая старые кумиры, изобретая новые, воздвигая на пьедесталы новых богов и создавая им храмы один другого роскошнее и грандиознее, вновь их повергая и раз-

рушая недосозданные храмы, человечество на Западе вытравило уже из своего сердца образ Царя Истинного и с ним идею Богодарованной власти Царя-Помазанника, обратившись в состояние, близкое к анархии. Еще немного, и держатель конституционно-представительных и республиканских весов перетрется — весы опрокинутся и увлекут в своем падении все мировые государства на дно бездны мировых войн и самой разнузданной анархии. **Из бездны этой анархии и должно, по Преданию святых Отцов, явиться антихристу.**

Последний оплот міру, последнее на земле убежище от надвигающегося бешеного урагана — некогда Святая Русь, дом Пресвятыя Богородицы: еще в сердцах многих сынов и дочерей нашей матери-Родины жива и горит ярким пламенем их святая, непорочная Православная вера, и стоит на страже своего царства неподкупный и верный его хранитель и оберегатель, Божий Помазанник, Самодержавный Царь Православный.

Все усилия тайных и явных, сознательных и бессознательных слуг и работников антихриста, близ грядущего в міръ, устремлены теперь на Россию. Причины понятны, цели известны; они должны быть известны и всей верующей и верной России.

Чем грознее надвигающийся исторический момент, чем страшнее скрытые в сгущающемся мраке громы грядущих событий, тем решительнее и смелее должны биться безтрепетные благородные сердца, тем дружнее и безстрашнее должны они сплотиться вокруг священной своей хоругви — Божьей Церкви и Престола Цар-

ского. Пока жива душа, пока бьется в груди пламенное сердце, нет места мертвенно бледному призраку отчаяния.

Ниневия падет. Ниневия идет к своему разрушению, но от нас, от нашей веры, любви и верности зависит преклонить к нам Божие милосердие и отсрочить час Страшного Суда на неопределенные сроки, которые положит во власти Своей Божественная Премудрость, безконечная любовь и безпредельная сила Честнаго и Животворящего Креста Господня.

За веру, за Царя, Православные, за дом Пресвятой Богородицы, — за родную мать, святую Землю Русскую!»

Так пламенно и красноречиво взывал С. А. Нилус к русскому народу, выпуская в 1905 году свое первое издание «Протоколов».

Теперь его слова кажутся пророческими, но тогда никто не обращал на них внимания.

Гробовое молчание было ответом на его пламенные призывы.

Молчала Церковь, молчало государство, умышленно замалчивала книгу еврейская печать, а... чрез 12 лет Россия погибла.

Последующие издания также воспроизводили «Протоколы» в составе 2-й части книги «Великое в малом», и только последнее издание, выпущенное в свет в январе 1917 года, за месяц до революции, и конфискованное и уничтоженное по приказу скомороха Керенского, значительно дополненное и тщательно пересмотренное С. А. Нилусом, составило самостоятельную объемистую книгу, под новым заглавием: «Близ

есть, при дверех», с подзаголовком, указывающим на «протоколы». Во всю величину заглавного листа, равно как и на обложке книги, отпечатан был четырехконечный крест.

Материальное положение Нилуса, как я уже указывал, было весьма тяжелым, но еще тяжелее для него было то, что он не имел определенного местожительства и, вынужденный переезжать с места на место, не мог сосредоточиваться на своих литературных занятиях. Как-то однажды я посетил его в Валдайском монастыре, где он тогда жил со своею женою. Нилус, обрадованный встречей, с горечью стал жаловаться на необходимость вновь искать себе пристанища, и точно ожидал от меня помощи и совета. «У вас столько друзей, что, наверное, они не откажутся приютить вас», — ответил я, указав на имение на юге России, где бы он мог поселиться. Нилус радостно ухватился за эту мысль и, списавшись с владельцем имения и получив его приглашение, немедленно туда отправился. В усадьбе имелось несколько флигелей, в одном из которых находилась домовая церковь во имя преподобного Серафима Саровского, особенно почитаемого Нилусом. Там он и поселился со своею женою.

Я часто приезжал в это имение и вел продолжительные беседы с Нилусом, обмениваясь с ним по жгучим, злободневным вопросам и удивляясь слепоте людей, не замечавших, какие зловещие тучи надвигались на бедную Россию и какой невиданной силы ураган грозил ей гибелью.

Последнее издание «Протоколов», выпущенное отдельною книгою под заглавием «Близ есть,

при дверех», с подзаголовком, указывавшим на Сионские протоколы, Нилус и готовил в имении своих друзей и часто беседовал со мною по поводу этой книги и связанных с нею грядущих событий.

«Это — творение не человеческого, а диавольского ума, — говорил С. А., — “Протоколы” сосредоточивают в себе всю силу еврейской злобы против христиан и являются гениальною программою разрушения всего христианского міра; пред их натиском не устоит никакая твердыня. “Протоколы” идут на верный успех, и с их помощью мировое еврейство разрушит весь мір и овладеет им. Это только вопрос времени. Только Господь может преградить это победоносное шествие евреев, овладевающих не только сокровищами и богатствами разоряемых ими христиан, но и их душами...

Разве при этих условиях можно считать “случайностью” получение мною этих “Протоколов”, раскрывающих интриги мирового еврейства и разоблачающих его вековую преступную работу?!

Разве не обязаны были бы все христиане, весь христианский мір видеть в самом факте вручения мне “Протоколов” предостережение Божие о надвигающейся катастрофе, орудие для борьбы с нею и сплотиться между собой для защиты христианской цивилизации и культуры, для спасения достояния Христова, оставленного в наследие людям и так небрежно ими хранимого?!

А между тем прошло уже около 8 лет[1] с момента их появления в печати, а я не могу добить-

[1] Разговор шел в 1918 году.

ся того, чтобы к “Протоколам” отнеслись серьезно, с тем вниманием, какого они заслуживают. Их читают, их критикуют, часто высмеивают, но весьма мало тех, кто придает им значение и принимает их, как реальную угрозу христианству, как программу разрушения христианской государственности и овладения всем міром евреями. Этому никто не верит, считая подобные цели утопическими, а “Протоколы” несерьезной книгою», — закончил С. А. Нилус.

Обращаю особое внимание на эту беседу, так очевидно опровергающую клевету со стороны тех, кто утверждает, будто бы С. А. Нилус не был убежден в подлинности «Протоколов» или предполагал возможность их составления русскими жандармами. Наоборот, подлинность «Протоколов» являлась для С. А. Нилуса настолько несомненною, что получение их он объяснял даже чудом милости Божией к русским людям, не замечавшим нависшей над ними опасности со стороны еврейства, и в этом он не ошибался. Господь, действительно, явил это чудо, но русские люди его не поняли и не оценили.

4

ОТНОШЕНИЕ К «СИОНСКИМ ПРОТОКОЛАМ» СО СТОРОНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ОБЩЕСТВА

Политика русского правительства за последние 20 лет до революции уподоблялась маятнику, качавшемуся то вправо, то влево, и отличалась чрезвычайною неустойчивостью и неопределенностью.

Террор всё более разрастался, левая общественность, руководимая еврейством, предъявляла всё более наглые требования, бравируя своей безнаказанностью, а правительство, вместо того чтобы пресекать революционные выступления суровыми и беспощадными мерами, точно заигрывало с революционерами, ослабляя себя разного рода уступками и усиливая позицию своих противников, из опасения навлечь на себя осуждение в недостатке гуманности и тем повредить себе во мнении международного еврейства. С изданием же рокового манифеста 17 октября 1905 года и с учреждением печальной памяти так называемой «Государственной думы» не правительство руководило действиями этой преступной организации, а Дума руководила действиями правительства, которое казалось запуганным и связанным директивами левой общественности и не решалось вступать в открытую борьбу с жидами, чтобы не «раздражать» их.

Какой иронией посему звучала клевета заграничной еврейской прессы о русском «деспотизме» и «самодержавии», угнетавших свободу и державших народ в рабстве. Наоборот, все беды и несчастия, свалившиеся на Россию в результате еврейской победы над нею, свидетельствуют о том, что скована была не свобода народа, а сковано было самодержавие, не имевшее возможности проявлять себя без того, чтобы не вызывать брожений и протестов со стороны одураченного общества и левой печати. При этих условиях «Протоколы», если бы даже и произвели должное впечатление на правительственные

сферы, всё же были бы неспособны привести к практическим действиям.

Такое явление понятно. Там, где нет поддержки извне, где общество политически необразованно, а церковь молчит, не желая «вмешиваться в политику», там приходится лавировать и из двух зол выбирать меньшее, там нужны или соглашательства, или же безпощадные репрессии. Русское правительство, какого бы направления ни держалось, безотносительно к своему политическому курсу, было **всегда одиноко**, встречая непонимание со стороны широкой публики, глухую оппозицию со стороны церковных кругов и определенную травлю со стороны левой общественности, руководившей Государственною думою и печатью. При этих условиях самые лучшие намерения не достигали цели, и требовалось уже насильственное проведение их в жизнь, от чего правительство, опасаясь худшего и не желая раздражать крайних элементов, сознательно воздерживалось.

Насколько русское либеральное общество было отравлено еврейским ядом и не понимало происходящего, не замечая еврейской руки, создававшей события и руководившей ими, свидетельствует тот факт, что уже после гибели России, когда принялись ее спасать с помощью Белых армий, спасителями России были выбраны те самые люди, которые прямо или косвенно ее погубили. Колчак, Деникин, Врангель не только сами принадлежали к левому лагерю, но и окружали себя людьми, раньше работавшими на раз-

рушение России и пользовавшимися доверием и расположением еврейства, как той международной силы, от которой они или зависели, или которой желали нравиться. Совершенно понятно, что ближайшее окружение таких «спасителей» России, в лице Милюкова, Струве или Кривошеина[1], относилось не только отрицательно к «Сионским протоколам», но и запрещало их распространение в Армии, вместо того чтобы поступать наоборот и именно из любви к России стараться раскрывать русским людям истинные причины ее гибели и тем воодушевлять их на подвиг спасения России.

Об этом постыдном факте свидетельствует служивший в армиях Деникина и Врангеля полковник А. Доронин, поместивший в № 3443 газеты «Возрождение» от 6 ноября 1934 года статью, где, между прочим, пишет: «В 1920 году я был начальником Симферопольского отделения политической части штаба главнокомандующего. В одно из воскресений, летом (месяца и числа я не помню) этого года, генерал Врангель, проезжая через Симферополь, вызвал меня экстренно на вокзал — в свой поезд.

[1] О П. Милюкове или П. Струве, бывшем издателе революционного журнала "Освобождение", не стоит и говорить, ибо их роль общеизвестна. Но Кривошеина, который пользовался популярностью, по недоразумению даже в правых кругах, и слыл за способного государственного деятеля, можно было бы отрекомендовать его собственной речью, какую он произнес летом 1913 года на сельскохозяйственной выставке в Киеве, на тему "Мы и они", разумея правительство и общественность и подчеркивая, что он находится в рядах последней. (Двуглавый Орел. 15/28 января 1922 г., вып. 24. С. 22).

Я явился и был введен адъютантом главнокомандующего в его салон-вагон. Врангель предложил мне сесть и сказал:

— Разрешите мне, полковник, в вашем присутствии побриться, а то у меня не будет другой остановки на пути, а бриться мне нужно. Пока же я буду бриться, мы с вами поговорим.

Я сел на предложенный мне стул, а главнокомандующий, готовя принадлежности для бритья, спросил:

— Вам знакома эта брошюра, полковник?

При этом он рукою указал на маленький круглый столик, стоявший в углу салона, на котором лежала какая-то непереплетенная книжка. Я посмотрел по направлению руки и сразу же узнал по обложке «Протоколы», которые я видел накануне в руках продавца газет, предлагавшего их публике, выходившей после лекции из гостиницы «Метрополь».

На вопрос генерала П. Н. Врангеля я ответил утвердительно.

— А кто же их распространяет в городе? — спросил главнокомандующий.

— Кто их распространяет в городе, я не знаю, — ответил я, — но вчера после лекции в «Метрополе» я видел, как их продавал газетчик, фамилии которого я не знаю, но в лицо его знаю и фамилию узнать могу.

— А что же делает губернатор? — продолжал генерал Врангель.

— Губернатор бездействует, а вице-губернатор поощряет продажу, чему я был вчера свидетелем.

— Вы сообщили об этом в штаб?

— Так точно: сегодня я послал срочно об этом доклад.

Дальше генерал перешел на другие темы, а минут через пять я покинул вагон главнокомандующего.

Вернувшись в свое управление, я буквально не успел сесть за рабочий стол, как зазвонил телефон. Звонил вице-губернатор.

— Правда ли, полковник, что главнокомандующий расспрашивал вас о «Протоколах»? — спросил он меня.

Я подтвердил, что это действительно так, и в ответ на подтверждение я услыхал в телефон какой-то удивленно-недоуменный вопрос вице-губернатора:

— А почему бы их и не продавать? — и телефон дал отбой.

Скоро я узнал, что вице-губернатор уволен, а «Протоколов» в открытой продаже в городе больше не видел»[1].

Разумеется, при таком состоянии умов, когда оппозиция к Царю и правительству почита-

---

[1] Эта статья не только опровергает клевету на русское правительство, якобы сфабриковавшее «Протоколы» для погромных целей, но и доказывает невежество русских горе-генералов, бравшихся спасать Россию от гибели и не знавших, чем она была вызвана. **Самая гибель России доказывает, что «Протоколов» никто не читал, а если читал, то не понимал их значения.** Допустить, что «Протоколы» сфабрикованы русским правительством, значит — признать, что не только советская Россия, но и весь мір, за исключением Германии, управляется по директивам русского Департамента полиции, ибо кто следит за политической жизнью Америки и Европы, тот знает, что их правительства, в своем большинстве зависимые от евреев, неуклонно выполняют программу «Протоколов».

лась признаком хорошего тона, а верность присяге и понимание своего долга к Родине осуждались, как низкопоклонство и реакция, когда не только общество, но и духовенство в лице своих виднейших иерархов плелось за либеральной толпой в погоне за ее рукоплесканиями, колебля трон и расшатывая устои государства, правительство поневоле вынуждалось к политике лавирования, будучи озабочено только сохранением равновесия своего политического курса.

Такая политика, конечно, была в корне ошибочной и была возможна только потому, что само правительство не имело у себя точно выработанных государственных программ, не ставило себе никаких определенных государственных задач, а управляло Россиею изо дня в день, не выходя за пределы повседневных заурядных государственных интересов, сводившихся к удовлетворению текущих потребностей страны.

Правительство, не умевшее дать политического образования народу, развить в нем чувство национализма, любви к Родине и долга к государству, правительство, не умевшее обуздать врагов государства, а вынужденное вступать в компромиссы с ними, не сумевшее сковать железною дисциплиною подчиненные ему органы управления, объединив их на почве общего служения интересам государства, — такое правительство можно было бы назвать безыдейным и относиться к нему отрицательно. Однако же революционный натиск на Россию не имел ничего общего с указанными выше причинами, а коренился в совершенно иных основаниях, бравших свое нача-

ло в идее «избранничества» еврейского народа, тормозившей и даже не допускавшей борьбы с еврейством в широком масштабе. Правительство, в лице, по крайней мере, некоторых его представителей, сознававшее, что еврейский вопрос, черпая свои корни в глубоких недрах Библии, является в большей своей части вопросом религиозным, а не политическим, что конфликт с еврейством вызовет не только восстание со стороны крепко сплоченного мирового еврейства, но и борьбу с Церковью, встретило появление «Протоколов» на книжном рынке молчанием. Здесь сказалась лишь тактика политического благоразумия со стороны правительства, не чувствовавшего за собою силы, а в некотором отношении даже сознательно не желавшего «раздражать» евреев, сказалось и непростительное незнакомство с психологиею масс, **которые боятся только тех, кто их не боится**, и которые увеличивают свои требования по мере уступок и наоборот.

Не получила книга литературного успеха и среди читающей публики. Слишком беспечна и политически не воспитана была широкая масса русского народа, слишком широки и глубоки были ее благоденствие и довольство, слишком велика и, казалось, неисчерпаема была мощь русского государства для того, чтобы «Протоколы», опубликованные Нилусом, могли бы расцениваться как угроза самому бытию России и вызвать серьезное к себе отношение.

Их рассматривали, в лучшем случае, как фантазию, не имевшую под собою реальной почвы, а в худшем, как памфлет, сфабрикованный

Департаментом полиции с целью нанести лишний удар гонимому племени... Последние голоса неслись из еврейских кругов и им верили только те, кому было выгодно верить, но большинство не обращало на них внимания так же, как и на самые «Протоколы».

Если даже теперь, спустя 17 лет после гибели России, когда простое сопоставление «Протоколов» с декретами большевиков обнаруживает их полное тождество, находятся русские люди, упорно отрицающие связь «Протоколов» с русской революцией, якобы вызванной несовершенством правительственного аппарата и устаревшими формами правления, если даже теперь редактор газеты «Возрождение» г. Семенов говорит, что «писания г. Нилуса бездарны и бесцветны» (Возрождение. 3 июля 1934 г., № 3317. С. 2), а г. Бостунич в своем предисловии к написанной им книге «Масонство в своей сущности и проявлениях» (Белград, 1928) идет еще дальше, называя их «кликушеством», то удивительно ли, что за 20 лет до революции мало кто видел в книге Нилуса предостерегающий глас пророка, прозревавшего грядущую катастрофу, надвигавшуюся на Россию?!

Появление «Протоколов» на русском книжном рынке явилось событием чрезвычайным, однако ни правительство, ни широкая публика не сумели оценить его.

Книга успеха не имела и той цели, какую преследовал благородный С. А. Нилус, желая **«предупредить правительство о надвигавшейся опасности и открыть глаза широкой публике на**

истинные причины нараставшего в России революционного движения», не достигла, встретив пренебрежение, равнодушие и непонимание не только со стороны невежественной толпы, но и со стороны правительства и в кругах общественных, и даже церковных. Строго говоря, отрицательное отношение к книге церковных кругов предопределило отношение к ней и со стороны всех прочих. И только еврейская печать или, точнее, вся русская печать, руководимая евреями, хорошо поняла значение книги и старательно замалчивала ее из опасения, что она обратит на себя внимание и раскроет карты евреев. Обращаю на этот факт особое внимание для того, чтобы вновь опровергнуть клевету евреев, утверждающих, будто «Протоколы» были изданы русским правительством с целью устройства и оправдания погромов. Если бы это было так, то, наверное, правительство сумело бы и распространить «Протоколы» среди населения в количестве, достаточном для ознакомления русского человека с задачами еврейства, его планами и программами... Но тогда бы ни одного еврея не осталось в России, ибо «Протоколы» в состоянии были бы оправдать какой угодно погром.

Однако действительность свидетельствовала об обратном. Русские люди отнеслись к «Протоколам» с полным безучастием и даже не поняли их. Книга вызывала недоумение и недоверие и отталкивала избытком откровений, казавшихся фантастическими. И нигде вековая работа евреев по засорению христианских мозгов не сказалась так ярко, как именно на отношении к «Си-

онским протоколам», о которых стали говорить лишь после гибели России, после победы евреев, когда русский человек на собственном примере убедился в их достоверности.

Первое издание «Сионских протоколов» было целиком скуплено евреями и уничтожено. Вероятно, та же участь постигла и последующие издания, ибо в одном 1905 году книга была издана два раза. Книга моментально исчезла на книжном рынке, но широкая публика даже не знала о выходе ее в свет, а те, кому она попадалась в руки, не обнаруживали интереса к ней.

Чем же объяснялось такое, казалось бы, непонятное отношение к книге, которая добросовестно предупреждала русских людей о надвигавшейся гибели России, гениально разоблачала интриги мирового еврейства и указывала на глубоко скрытые в недрах русской жизни причины всё более нараставшего революционного настроения русских людей?

Тем же, чем объясняется подобное же отношение к «Протоколам» и со стороны народов Европы. Систематическое засорение евреями христианских мозгов ложными понятиями и представлениями, незнакомство с ветхозаветной Библией, каковую не только не изучали в школах, но даже не читали, смешение возвышенных принципов христианской морали с модными «демократическими» началами, с непротивлением злу, влияние еврейской прессы — всё это создавало такое своеобразное отношение к евреям, полное внимания и предупредительности, какое сделалось своего рода мерилом «культурности» человека. Еврейского

вопроса в России не существовало и роли еврейства не знали ни русское правительство, ни общество, ни тем более народ в массе. Были одиночные преследования евреев, преимущественно на уголовной или политической почве, где обычно сосредоточивался преступный еврейский элемент, но расового преследования евреев не было. Такое отношение русские, не желавшие отставать от Запада, признали бы нелиберальным и некультурным. Неудивительно, что «Сионские протоколы» не сосредоточили на себе того внимания, какого заслуживали.

Такое отношение к книге широких кругов населения объяснялось, кроме того, столько же непривычкою русской читающей публики к вдумчивому и сосредоточенному политическому мышлению, сколько и еврейскою пропагандою. Те же евреи, которые устами левой печати высмеивали «Протоколы», на самом деле чрезвычайно боялись и продолжают бояться разоблачений, содержащихся в этой страшной для них книге. «В Совдепии есть даже тайный приказ для "Чека" и "Вохры": если при обыске найден будет хотя бы один экземпляр С. Нилуса (или Шмакова «Великая книга Тота»), — расстрел на месте, даже без отвода в застенок. Таков страх евреев и шабес-гоев перед безумной до ужаса правдой о них...» (Гр. Бостунич. Правда о Сионских протоколах. С. 18–19). И то же «Возрождение», называющее писания Нилуса «бездарными и безцветными», сообщает всего три дня спустя, 6 июля, в № 3320 (с. 5), что большевики включили «Протоколы» в тайный индекс ГПУ и ссылают в Сибирь... переплетчи-

ков только за попытку переплесть эту страшную для них книгу. Владельцев же этой книги, как мы знаем, расстреливали на месте...

Почему же эта книга столь страшна евреям, и не следовало ли бы русским людям подумать об этом, прежде чем называть писания С. А. Нилуса «кликушеством» или находить их безцветными и бездарными?!

Независимо от указанных причин, имели значение и те условия, какие по чисто политическим соображениям мешали распространению книги Нилуса и проникновению ее в широкие круги населения. Эти условия сводились к тенденции тогдашней печати всячески замалчивать еврейский вопрос и препятствовать разоблачению еврейства, тенденции старой, присущей и современной печати, бережно охраняющей еврейство.

Вредило книге и то несколько своеобразное освещение, какое ей придал С. А. Нилус и о котором А. П. Рогович в предисловии к книге «Всемирный Тайный заговор» (с. 6–7), нами уже цитированной, говорит: «Являясь человеком глубокой религиозной настроенности и углубившись в изучение вопроса о кончине міра (в эсхатологические изыскания), Нилус из сопоставления содержания “Протоколов” с указаниями Священного Писания и святоотеческих предвидений последнего времени приходил к заключению о неизбежном в ближайшем будущем появлении антихриста и о близкой кончине міра, имеющей наступить после кратковременного царства антихриста. Этого одного было достаточно для того,

чтобы наложить на эту книгу печать пренебрежения, как содержащую якобы праздные и фантастические вымыслы. Такой же участи незадолго перед тем не избег и знаменитый философ В. С. Соловьев, когда он в своих “Трех разговорах” коснулся тех же вопросов.

По несколько иным причинам книга Нилуса не удостоилась внимания и в тех сферах, со стороны которых она, казалось бы, должна была прежде всего встретить нечто иное, чем пренебрежительное молчание, а именно со стороны представителей нашей отечественной богословской мысли.

Остановившись на чисто буквальном понимании слов апостола Павла о *великом преимуществе*, данном евреям в том, что *им вверено слово Божие* (Рим. 3, 2), и совершенно не углубляясь в то, где кончается Слово Божие и где начинается Талмуд, уже, конечно, ничего общего со Словом Божиим не имеющий, наша высшая богословская школа до последнего времени оставалась удивительно равнодушной и неосведомленной по вопросам еврейско-масонского движения. А между тем именно эти вопросы, имеющие столько же церковное, сколько политическое значение, требовали, казалось бы, внимательного изучения со стороны богословской науки. А вдруг тут какой-то “мирянин”, не имеющий богословской ученой степени, берется толковать о пророчествах Даниила и об Откровении Иоанна Богослова, касаясь при этом неприкосновенной области вероучений “избранного народа”. Не считая возможным, — заканчивает А. П. Рогович, — вдаваться

здесь в ближайшее исследование этого вопроса, требующего, конечно, большой осторожности в виду важности затрагиваемой им темы о соотношении Ветхого и Нового Заветов, я хотел только **вскользь подчеркнуть одно из обстоятельств**, препятствовавших в свое время широкому признанию книги Нилуса, какого она несомненно заслуживала (там же, с. 6–8)».

Однако как раз в этом «вскользь» подчеркнутом обстоятельстве и заключается главнейшая причина не только пренебрежения и невнимания к книге Нилуса, но и более этого — причина мирового господства евреев над христианами и, в частности, причина гибели России. Ближайшее рассмотрение и оценка этого «обстоятельства» и составит содержание последующего изложения.

5

ОТНОШЕНИЕ К «СИОНСКИМ ПРОТОКОЛАМ» ЦЕРКОВНЫХ КРУГОВ

Русский народ, а в особенности образованный класс населения, воспитанный на уважении к религии, привык с чрезвычайным почтением относиться к своим архипастырям, и не умел делать различия между ними. Однако же такое различие было и общий состав иерархов являл собою чрезвычайное разнообразие типов. Между ними были люди высокой религиозной настроенности, признанные святые, как митрополит Московский Макарий, были люди удивительной чистоты душевной и смирения, как митрополит Киевский Флавиан, этот подлинный, тонко вос-

питанный барин в самом высоком значении этого слова, были архипастыри, поражавшие своей любвеобильностью и кротостью, как митрополит С.-Петербургский и Ладожский Питирим, были крупные государственные деятели широких размахов, прямодушные, не знавшие компромиссов с совестью, как убитый митрополит Варшавский Георгий, были истинные врачи душ и подлинные учители жизни, общение с которыми растворяло душу умилением и возносило к Богу, делало ее чище и лучше... О каждом из этих иерархов можно было бы написать толстые книги, отмечая особенности их духовного склада и указывая путь, которым они шли, приближаясь к Богу или рассказывая о том деле, какое они делали во славу Божию, чуждые честолюбивых стремлений, далекие от славы мирской.

Но, увы, все они и им подобные составляли, к сожалению, лишь исключение на общем фоне тех иерархов, господствующим типом которых являлись честолюбцы, стремившиеся к земным почестям и людской славе. Между ними тоже встречались добрые люди, но их доброта никого не согревала; были люди умные, но от их ума никому не было пользы; были и любвеобильные, но их любовь отталкивала, ибо искала ответной любви и пускалась в оборот ради собственной славы. Иерархи этого типа предпочитали внешние дела духовному созиданию, занимались политикою, в лучшем случае благотворительностью, рекламируя себя и воздвигая себе посмертные памятники, но душам своих пасомых ничего не давали, ибо сами ничего не имели. Мало этого, они нередко

даже похищали духовные приобретения своих пасомых, понижая их религиозную настроенность, и с каким-то непонятным недоброжелательством относились к религиозно-просветительной деятельности светских лиц, считая таковую монополией духовенства.

Вот почему, когда на книжном рынке появились издания С. А. Нилуса, большинство иерархов отнеслось к ним отрицательно, а архиепископ Арсений Новгородский в ответ на мою просьбу поддержать книги и помочь их распространению в епархии, в пределах которой тогда проживал С. А. Нилус, не только отказался исполнить мою просьбу, но и объяснил почему, сказав, что «Нилус вмешивается не в свое дело».

«Противоположные по духу и настроению, оба типа иерархов объединялись, однако, на почве общего отношения к церковной догме, каковую считали столько же священною, сколько и нерушимою. По их понятиям, библейская наука устами святых Отцов и учителей Церкви сказала уже свое последнее слово, остановившееся на пороге VIII века, и потому всякое новшество в сфере богословской мысли являлось ересью. Ни новейшие данные филологии, ни в наше время сделанные археологические открытия при раскопках в Месопотамии, в Палестине и в Египте, ни очевидные доказательства ошибок, опровергнутых позднейшими выводами науки, ни безбожная литература, отождествляющая христианство с иудаизмом и тем разрушающая дело Христово, не могли заставить наших иерархов сойти с

той позиции, какую они занимали, какая вызывала соблазн, толкая слабоверующих в безбожие, и облегчала еврейству его победы над христианским міром.

Бесцельны обычные ссылки на различие областей веры и знания. Знание, конечно, никогда не догонит веры, область которой значительно шире и выходит за пределы человеческого ведения. Однако неразумно принуждать человека верить абсурду. Легко и возможно верить тому, что еще не вошло в орбиту человеческого знания и остается неизвестным, **но невозможно верить тому, что стало уже известным науке и опровергнуто ею.** Этого не допускает прежде всего уважение и к вере, и к науке. Между тем именно такую позицию занимают христианские церкви в отношении к еврейскому вопросу.

Казалось бы, что нет задачи более важной и даже срочной, чем идейное разоблачение еврейства, которое сняло бы с него ореол «избранничества» и уничтожило бы искусственно созданную апостолом Павлом зависимость Нового Завета от Ветхого, позволяющую евреям утверждать, что им *вверено слово Божие* (Рим. 3, 2). Между тем христианские церкви даже не думают приступить к этой задаче, тогда как несомненно, что отношение евреев к христианам покоится на тех именно требованиях Ветхого Завета, какие нашли в «Протоколах» лишь одно из своих выражений.

Вот эта косность христиан в связи с опасением, что очищенное от талмудических наслоений учение Спасителя куда-то улетучится и испарится, что Божественной Истине, якобы ут-

верждавшейся на Ветхом Завете, не на чем будет держаться и что рухнет всё здание христианской веры, вот эта закоренелая привычка верить 2000-летнему еврейскому подлогу, будто бы учение Спасителя в своей основе вытекает из ветхозаветных понятий и является их развитием, вот эта косность, опасение и привычка, повторяю, и обезоруживали христиан и в то же время обеспечивали мировому еврейству его победы.

Еще в 1844 году, в Лондоне, английский премьер лорд Биконсфильдт (еврей д'Израэли) выступал в обширной речи на защиту католицизма как «единственной доныне существующей еврейско-христианской церкви», а в наше время еврей Соломон Ханан (если не ошибаюсь, раввин) в своей речи в Ричмонде в 1903 году сделал еще более откровенные признания, сказав буквально следующее: «Ныне христианство всецело в наших руках. Христианские дети, ранее изучения азбуки, уже проникаются благоговением к божественности призвания Израиля. История Назорея и родной страны изучается позднее, а потому и не столь ярко запечатлевается в юных мозгах... Если некоторые христиане осмеливаются доказывать нееврейское происхождение своей религии, то все их доводы в этом отношении, сколь бы они ни были подкреплены ссылками на неоспоримость научных данных и археологических изысканий, не имеют никакого практического жизненного значения. Не только католические ксендзы и здешние англиканские священники-масоны, но и лютеранские пасторы никогда не допустят свои паствы признать подобные

суждения, в корне их самих лишающие иерархических преимуществ установленных по образцу нашему. Точно также мы можем быть спокойны и в отношении незыблемости исповедания христианскими массами священной для них аксиомы, что евреи дали им Бога. Эту аксиому непрестанно внушают и будут внушать своей пастве служители алтаря Назорея, предавая проклятию каждого сомневающегося. Христианское священство — самые верные и усердные слуги евреев, восхваляющие и воспевающие величие Бога Израилева, почитающие за святых Авраама, Исаака, Иакова и других героев наших древних легенд и молящиеся на святых героинь иудейского счастья: Руфь, Есфирь и Иудифь...»

Казалось бы, одной этой речи достаточно для того, чтобы сосредоточить на ней самое серьезное внимание христианских церквей, между тем мы слышим всё тот же старый вопрос: «Что же останется от Нового Завета, очищенного от примесей Ветхого?»

Останется **Новый Завет**, данный взамен Ветхого, останется **новое** учение Господа нашего Иисуса Христа, не имеющее ничего общего с иудаизмом, определенно разрушающее ветхозаветные понятия и представления, останется очищенная от талмудических примесей Божественная Истина, низведенная с неба воплощенным Сыном Божиим и содержащаяся в учении Спасителя: 1) о сыновстве всех людей Богу, как любящему их Отцу, 2) о воплощении безсмертных духов в человеческих телах и 3) о загробной жизни и способах спасения души.

Эти Истины, составляющие основу Божественного Откровения, **не были известны Ветхому Завету**.

Если христианские Церкви проходят мимо речей, подобных нами приведенной, значит, они не понимают своей задачи.

Современная нам действительность свидетельствует о все более возрастающем противоречии между верою и знанием, между жизнью и моралью, между законами божескими и человеческими, но христианские Церкви точно не замечают этих явлений и даже не догадываются, из какого источника они вытекают.

Борьба между знанием и верою продолжается.

Знание пытается не только разорвать покровы лжи, заслонившие христианскую веру, очистить ее от талмудической пыли, но и обновить ее основы, утвердив их на Божественном Откровении Господа нашего Иисуса Христа. Однако на пути к своим благородным целям встречает всё то же противодействие со стороны христианских церквей, видящих в Ветхом Завете откровение, **освящающее** еврейскую ложь, а не **разоблачающее** ее.

Ветхий Завет дал материал не только для «Сионских протоколов», но и гораздо более обширный материал, предостерегающий христиан от еврейской опасности и способный вооружить их всеми нужными средствами для борьбы с исконными врагами Христа.

И невольно напрашивается вопрос: почему же христиане не пользовались этим материалом и как могло случиться, что Ветхий Завет Библии,

сотканный из иллюстраций, рисовавших всю неприглядность, низость и преступность «жестоковыйного народа», обнажавший как раз те методы ветхозаветного большевизма, какими евреи пользовались, стремясь к мировому господству, и какие практикуются ими даже до настоящего времени, не только не был использован для борьбы с еврейством, а, наоборот, превратился в **священную** для христиан книгу, защищающую еврейство и его прерогативы «избранного» народа Божия?!

Вот почему, нисколько не опасаясь впасть в преувеличение, можно сказать, что и за печальный факт завоевания евреями России наибольшая ответственность падает на русскую официальную Церковь.

Изучая историю России, добросовестный историк найдет объяснение многим историческим явлениям и событиям в жизни русского народа, но одного он не найдет — это ответа на вопрос: чем занималась русская официальная Церковь, что она делала в области просвещения русского народа, чему она его учила и куда вела?

Я далек от мысли отрицать значение русской Церкви, и особенно русских монастырей, в деле насаждения грамотности в русском народе, но грамотность — не цель просвещения, а только лишь средство, только лишь путь к просвещению. Не могу я отрицать и величайшего значения русских монастырей в области «науки из наук», в области иноческого делания, где наши обители в лице своих выдающихся старцев достигали предельного совершенства на земле. Но,

во-первых, иноческая область была самодовлеющею, отрезанною от міра областью и ее призванием не была борьба со злом міра, а были — молитвенный подвиг и нравственное самоусовершенствование, и, во-вторых, влияние монастырей на мирскую жизнь могло быть только косвенным.

Но мір, как таковой, оставался безпомощным и безоружным, а народные массы, изнемогая под бременем всяческих испытаний, горя и страданий, даже не знали их происхождения, даже не догадывались, из какого источника они выливались, и продолжали коснеть в своем невежестве вне какой-либо связи с религией.

Огромные запасы духовной мощи русского народа, накоплявшиеся веками в монастырских архивах и составляющие подлинные сокровища духа, лежали под спудом и оставались неиспользованными.

Интересно привести несколько выдержек из писем одного моего ученого друга по этому поводу.

«Мне представляется, — пишет он, — что русский народ в духовном отношении был необыкновенно слабым и дряблым. Духовно сильный народ не сдался бы так легко на произвол шайки разноплеменных бандитов, посуливших ему свободу грабежа, как это случилось с русским народом в октябре 1917 года. Кто вылез наверх и овладел властью в момент катастрофы? Калмык (по крови) Ульянов-Ленин, грузин Джугашвили-Сталин, иудеи Бронштейн-Троцкий, Апфельбаум-Зиновьев, Розенфельд-Каменев, Урицкий, Володарский, Собельзон-Радек, Вал-

лах-Литвинов и еще длинная иудейская свора, латыши Петерс и Лацис — одним словом, «смесь племен». Русские же остались на положении рабов и продолжают ими быть до сих пор. Где же тут «духовная мощь»?!

С расовой точки зрения известный германский национал-социалист Альфред Розенберг объясняет создавшееся в 1917 году положение тем, что подлинно русские по крови, отравленные учением Толстого о непротивлении злу, опустили руки и не боролись, а всякие инородцы бодро пошли на приступ власти и одолели. Конечно, учение Толстого было очень на руку революционерам и большевики и теперь портреты Толстого вешают рядом с портретами Ульянова-Ленина, но самое увлечение таким бессодержательным учением указывает на отсутствие «духовной мощи».

Религиозное состояние русского народа в массе тоже было самое жалкое. Учение Толстого заражало верхушки общества, но до народных низов не доходило. Низы пребывали просто в религиозном безразличии.

Незадолго до войны вышла книга Нестора Зосимовского: **«Есть ли у русских религия?»**. Автор ее — инженер, по своей профессии близко стоявший к міру рабочих в разных местах России. Желая к концу жизни быть ближе к Богу, он удалился на Валаам или в Соловки (в точности не помню) и там из своего жизненного опыта собрал обширный и интересный материал, чтобы ответить на поставленный вопрос. Безпристрастно разбирая факты, Зосимовский приходит к

заключению, что русское простонародье никакой религии как руководящего начала в житейском обиходе не имеет... Религиозные типы встречались в России и на верхах и в низах в виде редких одиночных исключений и являлись едва приметными белыми крапинками на общем черном фоне. Мои личные наблюдения как в простонародной, так и в интеллигентной среде ничем не разнятся от наблюдений Зосимовского. Духовным или, точнее, религиозным безразличием только и можно объяснить успехи большевиков на «безбожном фронте». В «Возрождении» от 28 апреля 1934 г. (№ 3251) помещена беседа недавно выбравшейся из Большевии Т. В. Чернавиной в Галлиполийском собрании. Вот что она сказала: «Огромное большинство молодежи не имеет религии. Да родители просто не хотят подводить детей. Дети не знают, кто такой Христос. **Наступит время, когда придется в Россию посылать проповедников, как к неграм, к диким племенам**». До этого бы не дошло, если бы раньше религия существовала как руководящее начало и пронизывала собою весь быт. При таком условии большевики не могли бы найти рабочих рук для разборки церквей, которых скоро и не останется в России, — так их усердно сносят. Например, в недавнем номере газеты «Возрождение» (№ 3253) вычитал я, что «знаменитый иркутский собор — **красивейшее здание**, взорвано советскими вандалами. Лучшее украшение города, громадный храм редкостной красоты больше не существует» (Письмо от 13 мая 1934 г.).

Хорошо зная быт русских монастырей, я пробовал заступаться за русского мужика, стараясь видеть отражение его веры не только в паломничествах по святым местам, но и в жизни наших обителей, состоявших почти сплошь из крестьян, но мой почтенный друг, будучи сам глубоко верующим человеком, с великой горечью разубеждал меня. В одном из последующих писем (от 16/29 мая 1934 г.) он пишет мне: «Ваши ссылки на русские пустыни, обители и лавры с их огромными книгохранилищами нисколько не убедили меня в духовной мощи русского народа. Это те белые крапинки на черном фоне, о каких я писал в прошлый раз. Міp иночества знаком был лишь немногим советским людям и лишь немногих интересовал. Деятели практической жизни были с ним совершенно разобщены, ни в самомалейшем соприкосновении не находились. А вот пахари-мужики и фабрично-заводские рабочие, то есть та толща народная, среди которой приходилось жить и действовать практику, — обладали душами духовно дряблыми, слабыми, никчемными. Духовное состояние русского черного народа, задолго до революции, было ужасным, и только традиционный страх перед властью сдерживал злые инстинкты толпы. Вы это сами наблюдали в бытность в течение трех лет земским начальником. Все знали такое положение, но продолжали преклоняться пред зверем, принимая его за «богоносца», по моде, введенной народническою литературой. Один И. А. Родионов в своей повести «Наше преступление» решился высказать всю правду, но мало кем был услышан. Правитель-

ственная власть вместо того, чтобы со всем пылом ринуться на борьбу со злом и принять всяческие меры для перевоспитания мужицкой и фабрично-заводской черни, держалась толстовской тактики непротивления и этим играла на руку революционерам, подбиравшимся главным образом из иудеев. От христианства в простонародье оставались лишь внешние жесты и привычные слова, в глубине души оно отсутствовало. Это выразил еще Достоевский в «Идиоте», когда рассказывал, как человек шепчет молитву пред убийством, умышленным, чтобы добыть себе серебряные часы... Новейший поэт Ал. Блок хорошо выразил несуразность религиозного чувства у людей из черни в кощунственных стихах:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!
...Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

Сколь это ни печально, но нужно признать, что жестокость, жадность, завистливость, лживость, безсовестность, вороватость, непоследовательность и легкомыслие — вот, скорее, свойства простонародья во всех русских племенах, чем

духовная мощь со всеми ее атрибутами... Оттого и Россия столь безславно погибла.

Вот Вы вспомнили при перечислении духовных центров о Сарове. А заметили ли Вы, что там теперь происходит? («Возрождение» от 14 мая 1934 г. № 3267.)

Один финн, соблазненный рекламами, отправился искать рая в СССР. С места его арестовали, смешав с кем-то другим, подвергли пыткам, наконец, сослали в концентрационный лагерь. «Меня сослали в лагерь Сарово. Это бывший большой монастырь, превращенный в тюрьму. Там были представлены народности всего міра — до негров включительно. Заключенными, которых было свыше 8 000 человек, были заполнены до отказа все помещения. Мужчины и женщины помещались вместе, жизнь вели совершенно первобытную. Царила ужасающая безнравственность, все надобности отправлялись на глазах других. Казалось, что находишься не в обществе людей, а среди диких животных».

Такая судьба постигла тот монастырь, где подвизался преподобный Серафим! Неужели духовно мощный народ мог бы допустить подобное глумление над одной из его святынь?

Наконец, в письме от 1/14 июня 1934 г. мой ученый друг пишет: «...Существование огромного духовного богатства в России я признаю, но вся беда в том, что оно лежало втуне и никем не проводилось в толщу народную. В правовом отношении преобладающее по своей численности сословие мужиков-пахарей было загнано в тупик “крестьянским” законодательством, а просвещение

этого сословия предоставлено было так называемым «народным» учителям и учительницам, в огромном большинстве своем зараженным марксизмом через проникавших в их среду иудеев и через доступные по цене книжки "Знания", издававшиеся иудеем Битнером. Духовенство, по крайней мере, в пределах моих наблюдений, весьма мало интересовалось школьным делом, небрежно отбывало уроки и нравственного влияния на подрастающие поколения не оказывало. Мужики постепенно теряли те традиционные нравственные навыки, какие переходили в семьях от родителей к детям, а новых не приобретали. Так и наступило то одичание черни, какое изобразил И. А. Родионов в книге "Наше преступление" и какое особенно дало себя знать во время революции»...

При таком низком уровне умственного и религиозного развития русского народа было понятно, что он становился жертвою эксплуатации со стороны евреев. Ни пастыри Церкви, ни вожди в лице его многочисленных опекунов не открывали народу глаз на работу еврейства, на его задачи и цели... И это можно сказать не только в отношении простонародья, но и в отношении интеллигентного класса. Не только по выходе с аттестатом зрелости из гимназии, но и по выходе из университета наша образованная молодежь не имела ни малейшего представления о еврейском вопросе и его значении.

Огромный материал, ярко рисующий облик еврея, характер его законодательства и сущность его религии, содержащийся в Ветхом Завете Библии, оставался совершенно не использо-

ванным. Школьные программы по Закону Божию составлялись умышленно таким образом, чтобы не компрометировать ветхозаветных книг, якобы написанных, по выражению митрополита Антония, «Духом Божиим чрез освященных от Бога людей» (Опыт катехизиса. С. 7), и потому не только скрывали подлинный лик еврея и ту роль, какую он играл среди других народов, но и внедряли в сознание христиан ложные представления, отвлекавшие их внимание от истинных задач еврейства и его мировых планов, вполне ясно и определенно вытекавших из требований его закона и религии, остававшихся для большинства христиан неизвестными.

«Протоколы», в сущности говоря, не прибавили ничего нового к тому, что известно было людям, знающим Ветхий Завет. Они изложили лишь современным нам языком методы и способы осуществления еврейских идеалов, к которым евреи стремятся с библейских времен. Эти методы постепенно, с течением веков, все более изощрялись и совершенствовались, а в «Протоколах» нашли свое наиболее соответствующее для нашего времени выражение.

Чтобы не быть голословным, приведу еще несколько выдержек из писем моего ученого друга, с которым я часто переписывался по этому поводу.

Составитель «Протоколов» Ульшер Гинзберг был насквозь проникнут древнейшими мечтами иудеев о порабощении народов, выраженными в библейских книгах. Как особенно яркий пример такой мечты можно привести стихотворение Вто-

роисаии (546–538 до Р. Х.), которое немецкий теолог Макс Халлер предложил озаглавить "**К услугам Сиона**". Вот оно.

"Так говорит Яхве, господин: вот, я подниму руку мою к народам и выставлю знамя мое пред племенами, чтобы они принесли сыновей твоих в пазухах и доставили дочерей твоих на плечах; **цари их будут тебя нянчить, а их супруги, царицы, будут твоими кормилицами; лицом до земли будут они кланяться тебе и лизать прах ног твоих**; тогда ты узнаешь, что я — Яхве, у которого не бывают обмануты уповающие на него.

Может ли быть отнята добыча у витязя? Может ли быть вырван у сильного улов его? Напротив того, — так говорит Яхве, — если бы кто отнимал улов от витязя, если бы кто вырывал добычу у сильного, то ведь я буду вести за тебя состязание, я буду помогать твоим сынам; **твои притеснители в междоусобии отдадут на съедение свое собственное тело, так что они будут опьянены своей кровью**, как молодым вином[1]. И всякая плоть будет знать, что я — Яхве, твой спаси-

[1] В русском переводе жгучий пафос стихотворения Второисаии значительно ослаблен под влиянием греческого перевода 70 толковников. В наше время иудеи считали нас, русских, своими **притеснителями**. И посмотрите: когда с 1917 до 1920 гг. главным образом по подстрекательству иудеев русские красные и русские белые взаимно истребляли друг друга и пьянели от пролитой крови, **буквально исполнялась древняя мысль Второисаии**. Совершенно естественно, что Ульшер Гинзберг, горячий иудейский националист и вместе с тем первоклассный знаток ветхозаветных и талмудических книг, вдохновленный мечтами древних поэтов своего народа о мировом его господстве, составил такую политическую программу для иудейских деятелей, которая могла бы привести к осуществлению древнего идеала в условиях нашего времени.

тель и твой избавитель, бык Иакова" (Ис. 49, 22–26). Вот какое порабощение народов и их царей обещает Вороисаия иудеям от имени Яхве!

Здесь нужно пояснить смысл обращения Яхве на «ты» к Сиону. **Сион** — собственно, священная гора в Иерусалиме, на которой расположены были храм и царские палаты до разрушения города вавилонянами, — то, что по-русски называется **кремлем**. В стихотворении Второисаии Сион представляется живым лицом, олицетворяет собою весь иудейский народ, к которому Яхве и обращается со своими словами. Так как в еврейском языке название Сион — **женского рода**, то и образ у Второисаии женский. Это — мать, олицетворяющая всю свою семью, то есть весь свой народ, всего «Израиля». К «Израилю» и обращены мечты Второисаии, пребывавшего в Вавилонии перед завоеванием ее Киром Персидским в 538 году до Р. Х. Подобные мечтания разбросаны по всем книгам Ветхого Завета и составляют неотъемлемую принадлежность еврейского мышления. В основе их лежат до сумасбродства доведенное национальное самомнение и непреодолимая ненависть ко всем иноплеменникам...

...Такие же обещания от имени Яхве находим и у Третьеисаии (475–450 до Р. Х.): «**Чужестранцы будут пасти ваш скот, иноплеменники будут у вас земледельцами и виноградарями, а вы будете называться священниками Яхве, служителями бога нашего будут именовать вас; вы будете поедать достояние языческих народов, украшаться их драгоценностями...**» (Ис. 61, 5–6.)

Ничего нет ни неестественного, ни удивительного в том, что насыщенный подобными мыслями Ульшер Гинзберг, начетчик в Ветхом Завете и Талмуде, изыскивал современные пути и способы к осуществлению древних пророческих обетований. На Базельском конгрессе программа Ульшера Гинзберга, по моему мнению, вовсе не докладывалась, так как вожаки конгресса Теодор Герцль и Макс Нордау ей не сочувствовали: они слишком объевропеились и отошли от исконных иудейских идеалов. Свидетель Эренпрейс на Бернском судоразбирательстве сделал любопытные сообщения: «Ульшер Гинзберг был противником Герцля. Он не хотел даже явиться на конгресс. Он прибыл туда как гость и сидел вверху на галерее, слушая прения, как наблюдатель. Он считал, что возрождение Израиля будет **делом пророков, а не дипломатов**. С конгрессом у Гинзберга не было ничего общего» (С. 34 суд. прот.)

Так оно и было на самом деле.

Гинзберг стоял на точке зрения Второисаии и Третьеисаии и не разделял мнений вылощенных европейцев Теодора Герцля и Макса Нордау. «Ментальность», как теперь говорят, Ахад-хаама была вполне ветхозаветная, и только он и мог составить такой документ, как «Протоколы»...

Я умышленно остановился несколько подробнее на приведенных выписках для того, чтобы подчеркнуть, что поняли и оценили «Сионские протоколы», эту диавольскую работу Ульшера Гинзберга, лишь те немногие люди, которые шли в уровень с современным знанием, следили за

движением, направлением и развитием библейской науки и учитывали значение еврейского вопроса в его мировом масштабе. Таких людей было мало.

Понятно, что при таких условиях всякого рода попытки обратить внимание представителей христианских церквей на необходимость идейного разоблачения еврейства не только не достигали цели, но и вызывали со стороны косных иерархов ярость и чуть ли не открытое обвинение в ереси.

Могла ли посему иметь успех книга Нилуса, которая не только предупреждала Россию о приближавшейся победе еврейства, не только объясняла причины нараставшего революционного движения, но самым фактом своего появления изобличала косность духовных вождей, не умевших распознавать знамений времени и влекших Россию к гибели?!

Вот на эту косность и жаловался мне Нилус, когда при встрече со мною в Петербурге, летом 1905 года, сказал мне: «Теперь осталась надежда только на Государя Императора, но, если и Царь не обратит внимания на мою книгу, тогда Россия погибла»...

Перед этим, в начале года, в январе, С. А. был в Москве, желая заручиться помощью и содействием Московского генерал-губернатора, Великого князя Сергия Александровича, и передал свою книгу Его Высочеству. Великий князь был одним из немногих членов Императорского Дома, знавших еврейский вопрос. Изучив историю еврейского народа, его идеалы, цели и задачи, вни-

мательно присмотревшись к способам их осуществления на протяжении веков, учитывая тот факт, что христианство без боя сдавало свои позиции еврейству и даже не собиралось начинать борьбу с ним, Великий князь считал победу еврейства неотвратимой и настолько близкой, что в ответ на полученные от Нилуса «Протоколы» передал ему только одно слово: **«Поздно»**.

И, действительно, месяц спустя, 4 февраля 1905 года, Великий князь был убит бомбою, брошенной преступником Каляевым, сыном полицейского чиновника, служившего в Варшаве.

Этому убийству еврейская печать поспешила придать совершенно ложный характер, стараясь доказать, что оно было вызвано требованиями общих революционных программ и не имело никакого отношения к еврейству. На самом же деле здесь сказалась самая яркая еврейская месть, приведенная в исполнение глупым русским полуинтеллигентом. Незадолго до убийства Великий князь выселил десятки тысяч евреев из Москвы и закрыл там еврейскую синагогу. По поводу этого убийства еврейский историк Дубнов пишет: «Бросая разрывную бомбу в одного из подлейших членов дома Романовых, благородный русский юноша Каляев **едва ли подозревал, что он является орудием исторической Немезиды, покаравшей московского Гамана за поругание еврейства**» (Герман Фест. Большевизм и еврейство. С. 19. Изд. К. Е. Krastina gramatu apgadnieciba. Riga).

Не знаю, удалось ли Нилусу добиться Высочайшей аудиенции или иным путем довести до

сведения Государя о «Протоколах Сионских мудрецов», но, насколько мне помнится, он, кажется, и здесь потерпел неудачу, продолжая оставаться «гласом, вопиющим в пустыне»...

Между тем события стремительно мчались вперед.

Еврейство завоевывало все новые и новые позиции, а в конце февраля 1917 года разразилась революция со всеми своими атрибутами: обысками, выемками, узаконенным грабежом, насилиями и казнями.

Как раз к этому времени в Петербург прибыло из Москвы два вагона последнего издания «Протоколов», выпущенного С. А. Нилусом в январе 1917 года. Книги были немедленно конфискованы и уничтожены, и при последующих обысках революционная власть, представляемая еврейчиками и ротою солдат с телячьими выражениями лиц, искала не столько оружия, якобы скрытого, и следов контрреволюционной деятельности, сколько этой страшной евреям книги С. А. Нилуса, разоблачавшей и обличавшей их тайны. Интерес к книге сразу возрос, а отношение к ней со стороны новой власти раскрыло наконец, хотя и поздно, русскому обывателю глаза на значение «Протоколов». Их стали не только читать, но и изучать, всматриваясь и вдумываясь в каждое слово. Уцелевшие экземпляры нового издания, частью спасенные от аутодафе в С.-Петербурге, частью привозимые из Москвы, из типографии Троице-Сергиевой Лавры, где книга печаталась, стали переходить из рук в руки, и цена на книгу, возросшая уже до 600 рублей,

стала подниматься всё выше и выше, пока осенью, при большевиках, когда держатели книги уже расстреливались на месте, не поднялась до 20 000 рублей.

Но большевики опоздали. Им не удалось скрыть ни своей работы, ни корней ее, ни своих задач и целей. Массовый террор и неслыханное в истории избиение христиан, погибавших миллионами от голода, болезней и казней, вызвало паническое бегство несчастных русских людей за границу. Вместе с беженцами попал в Германию, а оттуда распространился по всему свету и экземпляр книги Нилуса «Сионские протоколы», привезенной в Берлин двумя юношами-офицерами столь ненавистной евреям «Белой армии». Поистине, этот экземпляр, подобно евангельскому семени в притче Христовой, пал на добрую почву и принес много плода (Мф. 13, 8).

6

ОТНОШЕНИЕ К «СИОНСКИМ ПРОТОКОЛАМ» ЗА ГРАНИЦЕЙ. РОЛЬ ГЕРМАНИИ. МАКС ФОН ШЕЙБНЕР-РИХТЕР И ФЕЛЬДМАРШАЛ ЛЮДЕНДОРФ

Германия в этот момент жестоко страдала под игом поработившей ее еврейской власти и вела борьбу на два фронта, казавшуюся столько же безцельной, сколько и безнадежной. С одной стороны, пред нею стояли неимоверно тяжкие обязательства по отношению к своему собственному народу, обездоленному и изнуренному войной, с другой стороны — еще более тяжкие и аб-

солютно невыполнимые обязательства пред победителями, наложенные на нее Версальским договором. Прибыв в Берлин 8/21 января 1921 года, где я был в последний раз в 1913 году, то есть за восемь лет перед тем, я не узнал города: до того изменилась и внешность и внутренний облик столицы. Улицы были запущены и грязны, чуть ли не на каждом перекрестке сидели безногие и безрукие инвалиды, жертвы ужасной войны, просившие милостыни. Особенно много было слепых; на груди у них висели надписи на дощечках с обозначением их подвигов и с просьбою помочь несчастным. Такого рода картины в Берлине, где до войны не существовало вовсе нищих, где чистота улиц была доведена до комизма, где немцы, повторяя слова императора Вильгельма, называли Берлин самым красивым городом в мiре, — чрезвычайно угнетали немцев, безуспешно боровшихся с роковыми последствиями войны и падавших от изнеможения и усталости, однако же крепко спаянных внутренней дисциплиной и не терявших веры в лучшее будущее.

Кто бы мог подумать, что эти печальные картины отражали собою лишь естественный процесс гниения, за которым последовал процесс возрождения духа нации на новых началах, отвечавших здоровым требованиями немецкой натуры?! Еще труднее было бы предположить, что толчком к такому возрождению явилась та самая Россия, с которою Германия воевала с таким азартом, безсознательно выполняя директивы своего злейшего врага — мирового еврейства.

С внешней стороны положение Германии, раздавленной Версальским договором, связавшим ее абсолютно невыполнимыми обязательствами, казалось совершенно безнадежным, исключавшим даже возможность возрождения в будущем. Этот договор вовсе не был обычным политическим договором, где те или иные обязательства связывались с фактической возможностью их выполнения. Версальский договор просто сковал Германию по рукам и ногам и временно выводил ее из строя на заранее намеченный еврейством срок с тем, чтобы, вновь усилив ее, использовать затем для новых международных комбинаций, о которых будет сказано ниже. В этом отношении участь Германии отличалась от участи России. Последняя осуждена была на умирание и должна была превратиться в пустыню, тогда как Германия обрекалась лишь на временное прозябание, хотя и чрезвычайно болезненное.

Условия, созданные этим договором, превратили каждого немца в вынужденного каторжника, обязанного работать до изнеможения, до потери сознания, и притом работать не для себя и своей семьи или родины, а для своих врагов, с которыми он еще так недавно дрался на поле брани. Широкие массы населения ведь не отдают себе отчета в том, что за спиною врагов на поле брани всегда стоит еврей, который вызывает войну, но сам никогда не воюет, и что каждая война нужна не воюющим сторонам, а еврею, заинтересованному столько же в коммерческих выгодах от войны, сколько и в истреблении ненавистных ему христиан. И немец также ненавидел

француза, как француз итальянца, и итальянец серба. Однако же немец не падал духом. Хотя и со скрежетом зубовным, но он продолжал работать в невыразимо тяжких условиях Версальского договора не покладая рук во славу будущей Германии, с верой и надеждою на ее конечную победу над врагами...

Трудно сказать, как бы развернулись дальнейшие события в Германии, если бы в конце 1918 года в Берлин не попал один экземпляр книги Нилуса «Сионские протоколы», которому суждено было изменить характер и направление этих событий. Уже к началу 1919 года «Сионские протоколы» были переведены на немецкий язык, а к моменту моего приезда в Берлин, в январе 1921 года, успели уже выдержать, если не ошибаюсь, шесть изданий, разойдясь в количестве 25 тысяч экземпляров и проникая за границу.

Германия всегда была не только страною глубокой мысли, но и страною дела. В то время когда другие народы на разные лады обсуждали вопрос о подлинности или подложности «Протоколов», сообразуясь с голосом еврейской печати или с суждениями левой русской эмиграции и не считаясь с утверждениями правой, Германия добросовестно изучала «Протоколы» параллельно с содержанием декретов советской власти и, **установив их тождество**, отнеслась к книге С. А. Нилуса с тем уважением, какого эта последняя заслуживала. Не будет преувеличением сказать, что именно «Протоколы» создали то новое, здоровое движение мысли, какое, опираясь на предшествовавшие гениальные или глубокомыслен-

ные и тщательные труды германских теологов Юлиуса Вельгаузена, Карла Будде, Иоганна Мейнгольда, Германа Гункеля, Гуго Грезмана, Ганса Шмидта, Макса Халлера, Пауля Фольца, Буля, Дума и многих других, спасло Германию от еврейского засилья и оздоровило нравственную атмосферу зараженной еврейским ядом великой страны.

Русские, таким образом, оказали, несомненно, крупную услугу немцам в деле пробуждения их национального правосознания, и неудивительно, что на этой почве между ними возникли тесное единение и дружная совместная работа. Заслуга же немцев заключалась в том, что они отнеслись к русским не как к «беженцам», требовавшим материальной помощи, а как к подлинным культуртрегерам и воспринимали их рассказы о зверствах большевизма и завоеваниях еврейства в России, как угрозу их собственному бытию, как великую мировую опасность, грозившую всему христианству, цивилизации и культуре.

Немцы поняли, что у них нет выбора, что нужно или погибать под тяжестью Версальского договора, или со смелостью отчаяния вступить в единоборство с виновником их страданий, международным еврейством, что никакие компромиссы невозможны и что такую борьбу нужно начать немедленно.

И на трагическом фоне всеобщей придавленности и нищеты, сквозь толщу неописуемых страданий и подневольного труда, не знавшего отдыха, стали мало-помалу вырисовываться признаки грядущего возрождения, обновляющего

самый дух великой нации, как в фокусе сосредоточенные в маленьком, незаметном книжном магазине на Mauerstrasse, 15. Этот скромный магазинчик, вначале известный только немногим, затерявшийся в одном из многочисленных переулков Берлина, являлся, однако же, штаб-квартирой того грандиозного народного движения, какое 10 лет спустя вынесло на поверхность жизни Адольфа Хитлера, смело еврейскую власть в Германии и создало новую эру не только в ее государственной жизни, но и в национальном сознании немецкого народа.

Насколько широко распространялись повсеместно в Германии «Сионские протоколы», видно из того, что чуть ли не каждый месяц требовалось новое издание их, и в течение дня книга раскупалась нарасхват. Бывали дни, говорил мне заведывающий магазином, что новое издание, привезенное в количестве нескольких тысяч экземпляров, раскупалось в тот же день, и магазин вынуждался делать типографии новые заказы. Книги серьезного научного содержания, разоблачавшие еврейство, его историю и идеалы, популярные народные издания, показывающие рядом наглядных цифр роль еврейства в жизни христианских народов и, в частности, раскрывающие истинную природу «большевизма», брошюры для даровой раздачи, альбомы с иллюстрациями большевицких зверств и портретами вождей большевизма, сплошь состоящих из евреев — словом, всё, что требовалось для самой полной и обстоятельной информации по еврейскому вопросу, было сосредоточено с боль-

шим знанием и умением в этом замечательном магазине. Деятельность этого магазина отнюдь не была конспиративной. Наоборот, не только члены антисемитской организации, но и каждый сочувствующий ее работе открыто носили знак свастики, в форме ли жетона или нашивки на рукаве. Этими же знаками были испещрены и стены домов и оград, телеграфные и фонарные столбы, что бросалось в глаза как явление, свидетельствовавшее о том, что созданная еврейством и еще неокрепшая Германская республика, руководимая трусливыми евреями, не решалась вступать в открытую борьбу со своими врагами.

Я не знал, чему удивляться, — гению ли создателей этого центра объединения антисемитов или тому отклику, какой нашла идея борьбы с еврейством в самой толще германского народа.

Какими жалкими и ничтожными казались мне из этого центра на Mauerstrasse люди Европы, проклинавшие тот хаос, в котором они очутились, и благословлявшие евреев, которые его создали!

Магазин был переполнен с утра до вечера и являл собою подобие клуба, с тем различием, что сюда сходились не для игры в карты или шахматы, не для болтовни и праздного времяпрепровождения, а для великого дела огромного мирового значения — дела идейного разоблачения еврейства и его преступных задач, угрожавших самому бытию христианства.

Мой приезд в Берлин в этот момент не мог пройти незамеченным для немцев, и я, как лично

знавший Нилуса и ведший с ним переписку, неожиданно очутился в самом центре этого бурного, здорового национального движения, смягчившего у меня горечь сознания той печальной роли, какую сыграла Германия в отношении России в роковую для обеих стран войну. Общение же с выдающимися представителями этого движения: графом Эрнестом Ревентловым, Людвигом Мюллер фон Гаузеном, Макс фон Шейбнер-Рихтером, А. Шикеданцом[1] и многими другими, видевшими в деле идейного разоблачения еврейства не только немецкое национальное дело, а святое дело защиты христианства от угрожающей ему опасности, еще более расположило меня к этому движению, заставило меня с чувством глубочайшего уважения преклониться пред этими самоотверженными идейными работниками, смело и безбоязненно выступавшими в защиту попираемого иудеями достояния Христова, и притом в один из самых тяжких моментов жизни их родины.

Выдающееся место в деле сближения немцев с русскими и в совместной борьбе с общим врагом занимал М. Шейбнер-Рихтер, основавший в Мюнхене даже специальный журнал «Aufbau», знакомивший немцев с подлинной Россией и разоблачавший еврейство. М. Шейбнер-Рихтер долго жил в России, в совершенстве изучил ее, прекрасно владел русским языком и являлся одним из ближайших и наиболее энергичных помощников Адольфа Хитлера, начинавшего при-

---

[1] Автор нашумевшей книги «Sozialparasitismus in Volkerleben». Verlag von Theodor Weicher. Leipzig, 1934.

обретать всё большее значение и обращавшего на себя всеобщее внимание пламенною борьбою с еврейством. Работая совместно с русскими монархическими кругами, М. Шейбнер-Рихтер много содействовал созыву первого монархического съезда в Рейхенгалле и являлся в самом буквальном смысле основоположником того идейного движения, какое вынесло на поверхность жизни германского народа Хитлера и должно было в своем дальнейшем развитии связать Россию и Германию узами неразрывной и вечной дружбы, воскресив заветы тройственного Священного Союза[1].

Само собою разумеется, что III Интернационал совершенно не выносил своего крупного врага и... 9 ноября 1923 года этот замечательный человек был убит шальной пулею в Мюнхене, при обстоятельствах оставшихся невыясненными[1].

---

[1] В акте «Священного Союза» (14.09.1815) монархи весь порядок взаимных отношений своих подчиняют «высоким истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя», и обязуются в политических отношениях «руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями сей святой веры, заповедями любви, правды и мира».

[2] Макс Эрвин фон Шейбнер-Рихтер погиб 9 ноября 1923 года на Одиенплац в центре Мюнхена в уличной схватке немецких националистов с полицией прожидовленной Веймарской республики. В колонне патриотов он шел рядом с Адольфом Хитлером, а в момент пальбы полицейского кордона и вовсе рука об руку с ним. Тогда пало 16 героев. В 1935 году их тела поместили в саркофаги в Фельдхернхалле. На открытии мемориала фюрер сказал: «Отныне они обрели безсмертие... Они олицетворяют Германию и стоят на страже нашего народа. Они покоятся здесь как истинные рыцари нашего движения». — *Прим. публикатора.*

В номере «Aufbau», вышедшем в день смерти М. Шейбнер-Рихтера, 9 ноября, помещена прекрасная его статья, которая рисует нам его дивный облик, его государственное понимание, проникавшее всё глубже в толщу того народного *(völkische)* течения, каковое увенчалось блестящим успехом и очистило Германию от еврейского засилья.

«Когда я три года тому назад решил издавать “Aufbau”, — говорит М. Шейбнер-Рихтер, — то я это сделал, исходя из убеждения в необходимости разъяснения всего того, что происходит в великом соседнем государстве, России, с тех пор как III Интернационал и его еврейские доверители имеют власть в руках и из них составляется русское советское правительство. Как и тогда, я и до сих пор убежден, что вина за все то несчастье, которое постигло Германию и всю Европу, посредственно и непосредственно лежит как на “золотом”, так и на марксистском интернационале и что германская революция 9 ноября была подготовлена этими двумя интернационалами и в конце концов инсценирована уполномоченными советского правительства, Иоффе и Собельзоном-Радеком, с помощью их еврейских товарищей в Германии...

“Aufbau” и далее должно объяснять своим читателям и друзьям, что безумие, с одной стороны, верить в национальное выздоровление Германии, а, с другой стороны, состоять в сношениях с центром Всемирного интернационала и давать агентам последнего гостеприимство и возможность деятельности на немецкой территории...

У "Aufbau" есть и другая цель: доказать необходимость очищения путей для сознания того, что в будущем национальная Германия и национальная Россия должны идти по одному пути и поэтому необходимо, чтобы национальные круги обеих этих стран и теперь уже сближались. Но и этого мало! Не только национальные круги этих обеих стран должны совместно работать против общей опасности, но и такие же круги в других странах обязаны убедиться, что не националист одной страны является врагом националиста в другой стране, но что у них есть один общий враг и это — Интернационал! Сознание это, увы! придет не так скоро. Слишком уже, стараниями ловкой иудейской пропаганды, стравлены народы друг против друга, слишком сильно вбито в сознание враждебное противопоставление национальных принципов в разных государствах. Интернационал поработал в этом направлении по испытанному рецепту. Происходит так, словно два соседа спорят из-за узкой полосы земли, а третий хозяйничает в их домах и пользуется собственностью обоих. Достигает он этого тем, что постоянно поддерживает и разжигает уверенность обоих спорящих в том, что сосед является его смертельным врагом, что все старания должны быть направлены на уничтожение этого соседа, а не на то, чтобы изгнать настоящего врага, давно уже сидящего в их домах. Безумцы уничтожают друг друга, а смеющийся захватчик потирает руки. Именно то же происходит с национальными идеями и интернациона-

лизмом». (Еженедельник Высшего монархического совета. 12/25 ноября 1923 г. № 109. С. 8.)

Мои берлинские друзья считали необходимым мое знакомство с М. Шейбнер-Рихтером и его сподвижниками, и когда 3/16 января 1922 года я прибыл в Мюнхен, то М. Шейбнер-Рихтер первый встретил меня и ввел в курс своей гигантской работы, поразив меня своими достижениями. До победы над еврейством тогда было еще далеко, но в том, что она будет одержана, — не было ни малейших сомнений. Об этом свидетельствовали не только реальные достижения, какие выражались **в отсутствии разногласия во взглядах на еврейский вопрос**, но и то яркое и отчетливое сознание христианской **правды**, какое связывало всех работников в страстном и единодушном стремлении защищать ее от еврейской лжи.

Кажется, фельдмаршал Людендорф занимал тогда, хотя и негласно, чуть ли не центральное место в этой борьбе с еврейством и тайно руководил ею, ибо был вынужден даже вести конспиративный образ жизни и скрываться от следивших за каждым его шагом еврейских агентов. Он жил тогда в окрестностях Мюнхена, и М. Ф. Шейбнер-Рихтер настаивал на моем знакомстве с ним. На другой день вечером мы отправились к фельдмаршалу.

Не скажу, чтобы я предвкушал радость свидания с человеком, сыгравшим такую роковую роль в минувшую войну, пославшим в Россию запломбированный вагон с большевиками и давшим им огромные суммы денег на устройство

революции, с человеком, который, сам того не сознавая, являлся слепым орудием международного еврейства, выполнявшим директивы последнего. И много горьких истин высказал я Людендорфу, указав в заключение на пословицу «Кто роет другому яму, тот сам упадет в нее»...

«Увы, это так, — ответил Людендофр, — но лучше прозреть поздно, чем никогда... Неужели вы думаете, — обратился он ко мне оживленно, — что Германия, пропуская чрез свою территорию запломбированный вагон с большевиками, искренно желала гибели России или захвата Украины?! Она желала только **мира**, того мира, какого Россия не хотела давать, считая себя связанной обязательствами с союзниками... А этот мир был нужен нам до зарезу... Германия была истощена и не могла продолжать войны. Мы три раза обращались к вам с мирными предложениями, мы соглашались на самые тяжкие условия, ибо сознавали, что вопрос шел уже не о выгодах или потерях, а о жизни или смерти германской нации, но ваш Царь и слышать не хотел о мире... Тогда мы очутились в положении, когда уже нельзя было ни рассуждать, ни разбираться в средствах самозащиты... Я нисколько не скрываю, что, устраивая у вас революцию, мы действовали сознательно и сочувствовали ей, но я повторяю, что революция была нам нужна только на срок 2–3 недель, в течение которого мы получили бы возможность заключить мир и прекратить войну. А добившись мира, мы имели в виду немедленно

же ликвидировать революцию, выгнать большевиков и навести порядок. Мы и приступили к этой задаче, и вы, верно, помните, в каком паническом страхе пускались большевики в бегство, встречаясь с нашими карательными отрядами на Украине... Не наша вина, что задача не удалась. В этом повинны Франция и Англия, выгнавшие наши войска из пределов России и оставившие вашу родину на растерзание большевикам... В тот момент мы еще не знали, что Франция и Англия преследовали обратные цели и были заинтересованы не только в поддержании большевизма в России, но и в насаждении его в Германии. И в том, что мы этого не знали, и заключалась наша величайшая ошибка. Но теперь мы прозрели и знаем, кто прячется за большевизмом и скрывается в недрах всякого рода революций...

А если не знали этого раньше, то виноваты в этом отчасти вы, русские, державшие свыше 10 лет в своих руках "Сионские протоколы" и ничего не сделавшие для того, чтобы распространить их по всему свету. Скажу вам даже более, что **если бы Германия была раньше знакома с "Сионскими протоколами", то никакая война с Россией была бы невозможна**... Было бы слишком безсмысленно содействовать такою войною осуществлению еврейских программ, и я хочу верить и надеяться, что впредь ни Россия, ни Германия не повторят роковой ошибки. "Сионские протоколы" не только раскрыли нам глаза на преступные замыслы мирового еврейства, но и наметили точно и определенно характер предстоя-

щих нам государственных задач, и мы идем к ним твердо и неуклонно».

Не ручаюсь за буквальную точность передачи беседы, но таков был общий смысл ее.

Те же мысли мы находим и в «Интервью с Людендорфом», напечатанном лет десять тому назад в одной из русских газет, издававшихся в Америке. У меня случайно сохранилась газетная вырезка без означения ее даты и даже названия газеты, заслуживающая быть увековеченной в нашей памяти. Вот эта вырезка.

Интервью с Людендорфом

Наш сотрудник имел беседу с генералом Людендорфом, проживающим близ Мюнхена и сделавшим следующие заявления.

— Вы спрашиваете моего мнения о положении дел в России и о большевиках.

Я не люблю разговаривать с журналистами. Каждое мое слово перевирают и коверкают. Меня ругают все, а если я еще и открыто выступлю за немедленную борьбу против большевиков, то меня совсем съедят.

— Тем не менее позвольте, пожалуйста, — сказал я, — задать вам вопрос: считаете ли вы возможным возстановление общего мира в Европе без разрешения русского вопроса?

— Считаю это совершенно невероятным и невозможным. Я считаю, что ликвидация русского большевизма одна из первых и главных необходимостей. **Я не знаю русского большевизма, а знаю общий большевизм**. Он есть и у нас, и во Франции, и в Англии, — достаточно сказать толь-

ко, что все страны панически боятся «своих» большевиков, а потому не выступают против русских коммунистов. Стремление к III Интернационалу есть во всех странах. Мы видели, что сделал у нас Зиновьев в Галле. Мы видим последние события во Фленсбурге. Посмотрите на деятельность Кашэна во Франции, на конференцию в Туре и т. д. Безусловно, всё это держится Россией, — мы все больны этой болезнью. — Вывод ясен: должна быть борьба с русским большевизмом!

— Как вы представляете себе эту борьбу? конечно, как военное вмешательство? Мыслите ли вы себе его, как международное вмешательство или как вмешательство одной из западноевропейских держав?

— Я считаю, — отвечает Людендорф, — что вмешательство может быть только международным, причем я считаю, что должна быть не только борьба чисто военная, но и должна измениться вся политика западноевропейских государств. При теперешнем положении, однако, когда Франция делает по отношению к нам одну ужаснейшую ошибку за другой, когда Англия ведет себя по отношению к большевикам по меньшей мере двусмысленно, Америка совершенно в стороне, — при таком положении вещей, я хочу сказать, при такой политике, не может быть и речи о разрешении русского вопроса.

— Франция теперь так заботится о платежах Германии. Но что будет в том случае, если Красная армия подойдет к нашей границе (а она подойдет, потому что Польшу она разобьет, — в этом я не сомневаюсь)? Что будет тогда, скажи-

те мне, пожалуйста, если от Германии отберут последние остатки вооружения?

— А будет следующее: французы потеряют всё, что они «всадили» в свою Польшу, и от нас уже, конечно, не получат ни копейки!

— Г. Бурцев ведь, безусловно, большой русский патриот и крупный антибольшевик. Я знаю, что он известен во Франции, — неужели он не может доказать кому нужно, что в случае подобной политики Франции по отношению к нам, к Германии по русскому вопросу, они обрекают сами себя на гибель?

Скажите мне, неужели даже этой простой очевидности не понимают во Франции?

— Скажите, пожалуйста, а Германия была бы в состоянии помочь русским антибольшевикам?

— У нас, немецких патриотов, есть всё, что хотите, по отношению к России. И желание помочь ей, и горячая симпатия, но в состоянии ли помочь Германия России — это вопрос другой.

Опять же мы вернемся к тому, о чем уже говорили. При теперешней политике Франции — конечно, нет! Но при общей борьбе, поставленной в международном масштабе, могли бы; и, конечно, только немецкими солдатами и немецким командованием вы сможете разбить Красную армию. Я глубоко верю в это, так же как и в то, что Красная армия не представляет из себя никакой реальной силы.

— Считаете ли вы возможным, чтобы переворот совершился внутри России сам по себе?

— Я думаю, что подобный переворот невозможен, потому только что **русский народ страш-**

но терпелив, а теперь, кроме того, и голоден, и запуган. Нет, — только, повторяю, общее военное международное вмешательство может избавить Россию от большевизма.

Причем я глубоко убежден, что опасность от большевиков грозит всему міру и что теперь нельзя терять ни одной минуты.

Ъ.

Должен признаться, что моя беседа с Людендорфом окончательно примирила меня с Германией, война с которой всегда казалась мне безсмысленной. Европа, действительно, не знала России, и Люйдендорф был совершенно прав, обвиняя в этом Россию, безпечность которой была столь же велика, сколь велики были и ее территория, и ее богатство. Но, если только одна книга: «Сионские протоколы» могла предотвратить войну с Германией, то сколько чудес могла бы сделать Христианская Церковь, если бы видела свою задачу не только в проповеди христианства, но и в защите его, иначе в борьбе с мировым еврейством?!

По неисповедимым путям Промысла Божия эту борьбу суждено было поднять мирянину Адольфу Хитлеру, и притом в Германии, — стране свободной богословской мысли. Но именно в этом факте и кроется залог успеха, ибо, связанные мертвящим талмудизмом Православная и Римско-католическая Церкви и не решились бы выступить открыто против еврейства, а первая же попытка в этом направлении со стороны их

единичных представителей была бы объявлена еретичеством.

7

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ С. А. НИЛУСА

Чудо Преподобного Серафима Саровского. Смерть С. А. Нилуса

Хранимый Богом, С. А. Нилус и после революции продолжал жить в имении своих друзей, занимая небольшой двухэтажный домик в глубине тенистого парка. В верхнем этаже домика помещалась домовая церковь и покои схиархимандрита N[1], бывшего настоятеля одного из соседних монастырей, разоренных большевиками, в нижнем этаже жил С. А. Нилус с женою. Там же помещалась и сестра владельца усадьбы, вынужденная скитаться по разным местам России, спасаясь от преследований большевиков. О том, как протекала их жизнь, свидетельствуют письма С. А. Нилуса и его жены за это время. Так, 23 сентября (5 октября) 1921 года С. А. писал своей племяннице: «...Что мы пережили за время нашей разлуки, ты легко себе представишь, зная, что мы живем на пути всех катившихся чрез нас волн нашествия иноплеменных и междоусобныя брани. По воле Божией и под покровом Божией Ма-

[1] Схиархимандрит Иоасаф, настоятель Густынского монастыря, исполненный невыразимой небесной кротостью и святостью, прожил с четой Нилусов в Линовице, имении Жеваховых, до самой своей чудной праведной кончины. Скончался 26 мая 1922 года. Перед смертью собирался уехать в Густынь, но до назначенного дня отъезда (28 мая) не дожил. В остаток дней сподобился видения Пресвятой Троицы, а до этого видения и после него он лицезрел двух Ангелов. — *Ред.*

тери мы доныне не только целы, но даже благоденствуем. Ты подумай только: служит (когда может) и живет у нас второй год (в твоей комнате) схиархимандрит N, ему сослужит иеромонах о. С (из той же обители N), очень хороший и усердный священнослужитель, при них келейник Григорий, чудесный малый[1]. В доме у нас масса паломников (иногда заночевывает 30–40 человек), и мы ни разу ни в чем не имели нужды, несмотря на многократные посягательства на наше благополучие со стороны внешних... Но мы все внешние злоключения почитаем за ничто, так явно велика над нами милость Божия, в прах пометающая все козни вражии. Вот тебе вмале и вкратце вся наша жизнь, как явное и дивное свидетельство тому, что Христос вчера, днесь и во веки — Тот же...»

Того же дня его жена, Елена Александровна пишет: «...У нас бывает четыре раза в неделю обедня[2]. Много постоянно причастников, многие соборуются, одним словом, жизнь церковная полна. Это такая отрада. Бывает много священников, например, 19 июля, без всякого приглашения, явилось их четверо, и семь человек певчих, а народу — тьма. Такой себе батюшка Серафим устроил в свой день праздник!»

---

[1] По другим сведениям, при схиархимандрите Иоасафе келейником состоял иеромонах Феофан. — *Ред.*

[2] При почти ежедневных богослужениях, С. А. Нилус по усердию к храму нередко прислуживал священнослужителям во время службы, что и дало повод называть его в домашнем кругу «псаломщиком». Между тем неосведомленные люди распространяли ложные слухи о том, что Нилус занимал должность псаломщика при церкви по назначению епархиальной власти. Это неверно.

Как ярко отразились здесь не только неизреченная милость Божия, но и Божие всемогущество, пред которым ничтожны все сатанинские козни и ухищрения!..

В то время как держатели «Протоколов» расстреливались на месте, а книга, приобретавшая всё большую известность, переводилась на всевозможные европейские и азиатские языки, распространяясь по всему свету и скопляя вокруг себя бешеную ярость и сатанинскую злобу мирового еврейства, С. А. Нилус продолжал жить в усадьбе, захваченной евреями, в одном из ее флигелей, где, вдобавок ко всему, совершалась ежедневная Литургия благостным старцем-архимандритом, нашедшим там приют! Не только усадьба была захвачена евреями, но и все соседние помещичьи усадьбы находились в их руках, а в селе бушевал местный совдеп, состоявший из преступников, возглавляемых евреями, но никто из них не чинил С. А. Нилусу ни малейшего беспокойства, ибо, разумеется, не подозревал в нем издателя «Сионских протоколов», которого одни считали давно умершим, а другие считали даже мифическою личностью.

В том же 1921 году С. А. Нилус писал: «...Сейчас среди “избранного” народа что-то происходит; на весь их народ начиная с восьмилетнего возраста наложен в каждый четверг пост, и “старцам”, 12-ти человекам на чреду, предложено неким великим раввином производить по синагогам и хедерам день и ночь моления о скорейшем явлении Мессии. Или у них “он” уже есть и должен явиться в ближайшем будущем,

или у них что-то не вышло, не выгорело, — одно из двух...»

Я не имею дальнейших подробностей, но их и нельзя было получить, ибо писал С. А. редко, так как вся корреспонденция перлюстрировалась, и требовалась величайшая осторожность при сношениях с людьми, жившими за границею. Подлинным чудом Божиим являлся самый факт пребывания С. А. Нилуса в насиженном месте, и притом в условиях исключительного благополучия.

Чудесно хранимый Богом, С. А. Нилус прожил в усадьбе около 6 лет после революции, предаваясь обычным своим занятиям и даже переписываясь через третьих лиц со своими друзьями за границею. Затерянный в глубине большого тенистого парка усадьбы домик, приютивший в своих стенах С. А. Нилуса, мало кому был даже известен, обитатели его не имели никакой надобности отлучаться из него, ибо всё требуемое для жизни имели при себе, питаясь домашней птицей и огородными продуктами, плодами с деревьев и ягодами и не испытывая недостатка в продовольствии... Но враг не дремал. Тот факт, что в усадьбе оставались «паны», хотя и выселенные из главного дома, но продолжающие жить в одном из флигелей, мутил представителей местного совдепа, и на совещании злодеев было решено убить всех живущих в садовом домике.

Такое решение отнюдь не имело в виду личности С. А. Нилуса, о существовании которого, повторяю, злодеи даже не знали, а было направлено против «господ», как таковых, сделавшихся для крестьян вследствие еврейской пропаганды

до того ненавистными, что одно упоминание о них, хотя бы то были и их бывшие благодетели, уже вызывало бешеную ярость, требовавшую выхода. Возможно, что и помянутое решение было продиктовано пароксизмом такой ярости.

Нужно сказать, что в описываемое время почти каждое село было переполнено беглыми каторжанами и дезертирами с фронта. Красноармейцы являлись хозяевами села, и пред ними трепетали не только запуганные крестьяне, но и те сельские «власти» из юрких еврейчиков и бандитов, которые никому не подчинялись и никого не боялись.

В назначенный час, в темную ноябрьскую ночь 1921 года, банда из восьми красноармейцев под предводительством местного бандита, вооруженная ружьями и ножами, забралась в парк и, крадучись в кустах и озираясь по сторонам, стала медленно приближаться к садовому домику, решив в первую очередь убить престарелого схимника-архимандрита.

Но чем более они приближались к дому, тем явственнее слышали звуки колотушки ночного сторожа, который ходил вокруг дома и усиленно колотил деревянной рукояткой, с привязанным к ней шариком. Злодеи решили выждать, пока сторож уйдет, и были весьма озадачены встретить в лице сторожа охрану, существования которой не предполагали.

Было ветрено и холодно, злодеи прождали свыше часа и, сидя в кустах, окоченели от холода, то и дело согреваясь водкой... Прошел еще час, а старичок сторож всё не уходил, а как бы с

новыми силами, всё усерднее колотил своей колотушкой и ходил вокруг дома. Перепившиеся злодеи окончательно захмелели и проснулись лишь на рассвете, когда приведение в исполнение их преступного замысла казалось уже рискованным. Они решили повторить попытку следующею ночью... Казалось, всё благоприятствовало им. Вместо вчерашнего ветра и мороза стояла чудная погода, было тихо, почти тепло, ярко светила луна, всё вокруг было погружено в глубокий сон, но... ненавистный старик-сторож и на этот раз продолжал безстрашно ходить вокруг дома и усиленно колотил своей колотушкой, точно сзывая на помощь, точно издеваясь над преступниками..

— Чего смотреть, — вдруг скомандовал главный вожак, теряя терпение, — нас десять, а он один, идем!..

И злодеи, с ружьями на плечах, ободренные командою и уверенные в победе, направились к старику, не считая более нужным прятаться от него. Они были уже на расстоянии нескольких шагов от него и могли хорошо рассмотреть его. Это был тщедушный сгорбленный старик с белой бородой, уверенно ходивший вокруг дома и не проявивший ни малейшего смущения и робости при их приближении.

— Хватай его, — скомандовал раздосадованный атаман шайки злодеев и, приблизившись к старцу, со всего размаха ударил его топором по голове...

Удар пришелся по воздуху, старец исчез, а злодей замертво упал на землю, потеряв созна-

ние... Смертельно перепуганные товарищи-злодеи бросились к своему атаману, не подававшему признаков жизни, и унесли его домой.

Прошло несколько дней, но никто из обитателей дома даже не догадывался о своем чудесном спасении от угрожавшей каждому из них смерти. Никто бы, верно, и не узнал о покушении, если бы к схимнику-архимандриту не явилась жена злодея и не рассказала о преступлении. Бросаясь на колени и заливаясь слезами, несчастная женщина взваливала всю вину на черта, попутавшего ее мужа, взывала о помощи лежавшему в параличе мужу и просила вымолить у Бога прощение его страшному греху.

— Если бы не сторож, — говорила она, заливаясь слезами, — то злодеи поубивали бы вас всех; только он, спасибо ему, спас и вас от смерти, и душу злодеев от вечной гибели...

— Какой сторож? — в недоумении спросил архимандрит.

— Да тот, что всю ночь не смыкая глаз ходил вокруг дома и колотил стуколкой...

— Что ты, Господь с тобою, — ответил архимандрит, — какие теперь сторожа и кто их теперь держит?! Мы прячемся от людей, скрываемся от них, боимся, чтобы большевики не добрались до нас, а ты говоришь о стороже, какой всю ночь колотил стуколкой... Никакого сторожа у нас нет и не было...

— А он, когда покаялся, так только и говорит о стороже и сейчас то и дело вспоминает о нем... Да вы, батюшка, сами расспросите его, — просила женщина.

— А как же расспросить, если лежит разбитый? — спросил архимандрит. — Разве говорить может?

— Может, — ответила женщина, — он и видит, и слышит, и языком ворочает, и все понимает, только ни руками, ни ногами двигать не может и лежит как колода, так что и отойти от него невозможно, всех посвязывал и на работу не пускает, — рассказывала сквозь слезы готовая впасть в отчаяние несчастная жена злодея.

— Принесите его сюда, пусть исповедается и причастится, приложится к образу угодника Божия преподобного Серафима, и Господь развяжет его, — сказал архимандрит.

В тот же день разбитый параличом злодей был принесен на носилках в храм и, прежде чем приступить к исповеди, архимандрит подошел к нему с иконою святого Серафима, прося приложиться к ней.

Глаза злодея встретились с глазами благостного старца Божиего угодника Серафима, и... истерический крик огласил маленькую церковь.

— Он, он! — кричал несчастный злодей, узнав в лике преподобного Серафима старичка-сторожа, ходившего с колотушкой вокруг садового домика и охранявшего его. Слезы умиления градом покатились из его глаз, а любовь Божия не только исцелила его мгновенно, но и совершенно его преобразила. После Литургии, удостоившись причастия Святых Таин, он еще долго оставался в храме и подробно рассказал всем присутствовавшим о чуде преподобного Серафима, после чего был совершен благодарственный мо-

лебен Преподобному за чудесное спасение от смерти живущих в доме. С. А. Нилус подробно описал это чудо.

Это потрясающее свидетельство безмерной милости и близости Господней к грешному человеку быстро распространилось по всей округе, передавалось из уст в уста и не только не обострило отношения местного совдепа к С. А. Нилусу и прочим обитателям садового дома, а, наоборот, надолго обуздало зверские инстинкты черни.

В другой раз злодеи подговорили местных крестьян разгромить усадьбу, но также потерпели неудачу. Об этом факте мне сообщила гостившая в то время у Нилусов их племянница, письмом от 21 мая 1922 года, описывая загробное явление своей матери.

«Когда зимою в усадьбу должны были явиться крестьяне громить нас, о чем нас известили, она накануне этого извещения предупредила свою кузину (Е. А. Нилус) и сказала, чтобы мы не безпокоились. Мы тогда все причастились и оделись потеплее в ожидании, что нас всех выгонят и убьют. Но в последнюю минуту погром был отменен...»

К этому времени относится и письмо С. А. Нилуса к своей племяннице от 16/29 июля 1922 года.

«... Писал ли я тебе про массовое обновление старых икон, чему мы были сами многократно изумленными свидетелями?! Весь прошлый год прошел у нас в Малороссии в этом сплошном чуде. Обновлялись целые церкви, кресты и купола позолоченные на храмах и колокольнях... В

Ростове-на-Дону обновился собор и много церквей. У нас по деревням и хуторам не было почти дома, где бы не совершилось подобное чудо, где бы по крайней мере о нем не говорили; становились в тупик пред ним даже самые ярые гонители Христовой Церкви, даже жиды предпочитали умолкнуть...»

Невероятно, чтобы такого рода письма доходили в целости за границу, но, поистине, всё возможно Богу, и из России, несмотря на чрезвычайную бдительность и перлюстрацию, получались письма еще более откровенного содержания, но... Европа им не верила, — до того невероятными они казались.

Прошло еще два года после описанного чудесного спасения С. А. Нилуса. Завоевания революции всё более углублялись. Дорезывались последние остатки интеллигенции. Обитатели садового домика, будучи принудительно выселены, разбрелись в разные стороны. Старичок схиархимандрит вернулся простым послушником в свой бывший монастырь, разграбленный и опустошенный, и вскоре Господь призвал его к Себе. С. А. Нилус очутился в соседней губернии, где продолжал жить никому не известным бездомным старцем, терпевшим нужду и лишения, в то время как «Протоколы», переведенные к тому времени на все существующие языки и расходившиеся в миллионах экземпляров по всему свету, обогащали издателей, наживавших на них огромные деньги.

Осенью 1924 года С. А. Нилус был арестован и заключен в тюрьму. Подробностей этого ареста

нет, но из кратких частных писем можно было заключить, что большевики или не установили прикосновенности С. А. Нилуса к «Протоколам», или не решилась предъявить к нему обвинения в их издании, дабы не рекламировать книги, какую они тогда особенно упорно замалчивали. Из письма Е. А. Нилус видно, что большевики не нашли у С. А. ни контрреволюционных преступлений, ни вмешательства в политику и что прокурор дал благоприятное заключение по делу. И, действительно, чудо совершилось, С. А. Нилус был выпущен из тюрьмы и вскоре выехал в другой город.

В 1927 году, в первый день Святой Пасхи, С. А. Нилус был вновь арестован. На этот раз, казалось, не было надежды на спасение, однако Господь снова помиловал Своего верного раба и по освобождении от ареста С. А. Нилус вынужден был вновь переменить свое местожительство, уехав в одну из северных губерний. Это было в 1928 году.

Как сложилась его жизнь в этот период времени, неизвестно, но в конце 1928 года С. А. Нилус опять был на новом месте, вблизи Москвы[1]. К этому моменту его здоровье было уже окончательно разрушено. Периодические аресты, коим предшествовали всякого рода обыски и выемки, вечный страх не столько за себя, сколько за близких, физические лишения и гнетущая борьба за существование — всё это настолько надломило здоровье С. А. Нилуса, что обмороки

[1] Село Крутец, в четырех верстах от Александровой слободы (Владимирская губ.). — *Ред.*

и сердечные припадки стали чуть ли не ежедневным явлением.

1 января 1929 года С. А. Нилус, перемогая себя, с великим трудом, отправился в церковь, где удостоился причастия Святых Таин. По возвращении домой его постиг обморок, после которого он с трудом пришел в себя. В пять часов пополудни, в тот самый момент, когда начали звонить ко всенощной по случаю памяти преподобного Серафима Саровского, обморок повторился, и С. А. Нилус скончался.

Господу Богу было угодно призвать к Себе Своего смиренного раба как раз накануне дня преподобного Серафима Саровского, которого так горячо любил и благоговейно почитал почивший.

Скончался С. А. Нилус вблизи Москвы, не подозревая о том, что изданные им «Сионские протоколы» уже распространились по всему свету и дали ему мировую известность и славу.

Мир праху твоему, честный и смелый защитник гонимой Правды, и да будет вечная память о тебе источником вдохновения в борьбе с мировым злом международного еврейства!

В заключение настоящей главы приведем воспоминание о супругах Нилусах одной близко стоявшей к ним женщины.

«Великий молитвенник Земли Русской, отец Иоанн Кронштадтский лично знал и любил супругу С. А. Нилуса. Когда он их встретил на Волге после их свадьбы, он поклонился ей и сказал: «Благодарю тебя, что ты за него вышла замуж». Это был, кажется, единственный человек, который ее поблагодарил. Остальные так злобно от-

носились, так глумились над ними и их браком, что им нельзя было оставаться в Петербурге[1]. Про него говорили, что он безнравственный проходимец, который на ней женился, чтобы пробраться во дворец, а про нее, — что она на старости с ума сошла. Оба были жертвами страшных и злобных клевет. Даже родственники не бывали у них в доме. Одна я постоянно у них гостила и спорила со всеми остальными, стараясь их защитить. Сколько я огорчалась и скорбела, когда их при мне поносили. Ведь я знала, что они не только просто хорошие, но праведные люди.

В доме у них царила прямо благодать Божия; это чувствовалось при входе в дом. Всегда царствовала радость, никто не ссорился. У С. А. Нилуса был пламенный дар любви ко всем и каждому. При мне был случай, когда явился какой-то большевицкий комиссар, с нахальным видом осматривал дом. Конечно, шапки не снял и имел вид очень грубый. С. А. повел его по всему дому и завел в церковь, которая помещалась наверху. Долго

---

[1] Брак между Сергеем Александровичем Нилусом и Еленой Александровной Озеровой был заключен в старости обоих, когда каждому из них было лет по 60 или около того. Он не имел под собою никакой плотской основы, а явился закреплением их долголетней дружбы, установившейся на почве общей им глубокой религиозности. Отец Иоанн Кронштадтский приветствовал при встрече не обычный брачный союз, а теснейшее соединение двух душ, близких его душе по своей религиозной настроенности. Светские родственники и знакомые Нилусов, далекие от религии и не разбиравшиеся в душевных переживаниях двух старых друзей, видели в женитьбе Сергея Александровича карьерные цели, которых на самом деле и в помине не было, и позволяли себе злословить, не имея для этого ни малейшего основания.

они оттуда не выходили. Супруга С. А. решила заглянуть туда и увидала большевика, который плачет в объятиях С. А. И у самого С. А. слезы текут... Видно, он сумел сказать большевику несколько таких слов, от которых сердце растопилось...

С. А. мне читал то, что он писал. Мы всегда были с ним единомысленны. Если я не могла чего понять умом, то чувствовала сердцем так же, как он. Мы с ним до конца переписывались, и некоторые письма его сохранились у меня. мне все хочется начать записывать свои воспоминания о нем...

Он был такой яркий человек по пламенности своей души! Он все время горел любовью к Богу, к святым и к людям. К нему приходили иногда издалека разные люди. Иногда приплетется какая-нибудь старушонка, безобразная на вид, от нее запах неприятный. А С. А. находит для нее самые нежные слова... И это без усилия над собой, а потому, что он полон любви ко всем.

Случалось, что он раздевался и в окно подавал свою одежду нищему...

С. А. с супругой при большевиках никогда не голодали. Но были бедны. После революции жили прямо чудом Божиим. И чудо это был неизменное. При мне было, что раз нечего было есть. И вдруг приходит неизвестная женщина и приносит огромную миску вареников и сметаны. Оказывается, что ей кто-то приснился и строго приказал сделать вареники и их нам принести... В этот день буквально нечего было есть.

Чудо повторялось в разных видах **тысячекратно** по вере моих стариков.

А вера у них была твердая...»

Я заканчивал уже свои воспоминания о С. А. Нилусе, как получил от одного любимого мною иерарха, ныне уже почившего, письмо с кроткими увещаниями не осуждать своих ближних, не делать между ними различия и предоставить суд Господу Богу. Глубоко ценя высокие побуждения доброго иерарха, я в то же время недоумевал, какими способами возможно и позволительно бороться со злом, если запрещается даже только осуждать его?! Не потому ли мировое зло и свило себе такие прочные гнезда в каждой щели человеческой жизни, что не только не встречало ни с чьей стороны ни малейшего противодействия, распространяясь и вширь и вглубь, но и культивировалось как теми, кто ему служил, так и теми, кто с ним не боролся? Ведь должна же быть разница между неосуждением и непротивлением злу, и эту грань необходимо сделать ясной и отчетливой; иначе неосуждение сведется к попустительству злу, которое, быть может, именно по этой причине и господствует в міре, — к квиетизму, который противоречит не только духу христианства, но и осужден его наилучшими представителями.

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15, 13).

Ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей... (1 Пет. 2, 15).

Если делаешь зло, бойся, ибо он <начальник> *не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое* (Рим. 13, 4).

Кто защитит обиженного, тот пособником себе обретет Бога (Исаак Сириянин).

«Ты не усердствовал в дерзости виновных. Хвалю это и одобряю, но ты не воспрепятствовал тому, что случилось, а это достойно осуждения. Такие же слова мы услышим и от Бога, если будем молчать в то время, когда против Него раздаются хулы и поношения» (Св. Иоанн Златоуст).

«Живите мирно не только с друзьями, но и с врагами, однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими» (Св. Феодосий Печерский).

«Кто не наказывает зла, тот приказывает, чтобы оно совершалось» (Леонардо да Винчи).

«Потворствовать греху есть то же преступленье,

Карая одного, спасаю многих я» (Пушкин).

«Когда милосердие не действует, то строгость тоже есть милосердие» (Лесков).

«Насилие над людьми, вынужденная борьба даже с преступником есть грех и выражение нашей слабости; но истинно свободен от этого греха не тот, кто равнодушно смотрит на преступление, а лишь тот, кто в состоянии силою Божьего Света просветить злую волю и остановить преступника; всякий иной меньше грешит, применяя насилие к преступнику, чем равнодушно умывая руки пред лицом преступления» (Франк. Смысл жизни).

Мне думается, что эти глубокие мысли подчеркивают только одно основное положение: «Христианство есть борьба и в области внутренней и в области внешней». Как нравственное совершенствование немыслимо без невидимой брани со страстями и греховными помыслами, так немыслимы ни мир, ни благоденствие на земле без борьбы с государственным и общественным злом. Эта же последняя борьба неминуемо выдвинет пред нами еврейскую проблему и поставит нас пред лицом международного еврейства как источника мирового зла.

1935 год
Нови-Сад, Сербия

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ДАВИДОВИЧ ЖЕВАХОВ

Видный церковный деятель Николай Давидович Жевахов (1872–1947) по отцовской линии происходил из грузинского княжеского рода, мать была из знатной черниговской фамилии Горленко, славной святителем Иоасафом, чудотворцем Белгородским. Юрист по образованию, Николай Давидович долгие годы служил чиновником в Государственной канцелярии, одновременно глубоко интересуясь православной жизнью России. В августе 1916 года князь Жевахов был назначен товарищем обер-прокурора Святейшего Синода — оставался на этом ответственном посту вплоть до начала Февральской

революции. После ареста и допросов над ним нависла угроза тюремного заточения. Лишь по милости Божией Николай Давидович избежал узилища. Начались горестные скитания по стране. Одно время князь нашел себе приют на Монастырщине, под Киевом. Но и сюда докатился погром.

В середине января 1920 г. Николай Давидович вместе с беженцами отплыл на пароходе «Иртыш» в Константинополь. Но жить возле Святой Софии пришлось недолго, в феврале 1921 года он переехал в Сербию, где и обосновался. Сербский период жизни Николая Давидовича отмечен значительным творческим взлетом — здесь он написал три тома своих воспоминаний. К сожалению, напечатаны из них только два («Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода». Т. I. Мюнхен, 1923; Т. II. Новый Сад, 1928). В его книгах с убедительной прямотой отображена церковно-общественная жизнь России перед началом Первой мировой войны, во время той войны, а также в пору революционного лихолетья, когда страна подверглась жертвенному уничтожению. Перед читателем предстал не просто свидетель трагических событий, а ревностный защитник веры православной, инициативный государственник и безстрашный разоблачитель врагов Отчизны. «Воспоминания» князя Жевахова — один из самых ярких документов эпохи. Вместе с тем его книги — подлинная сокровищница образов, включая Государя, Государыни, церковных деятелей и духоносцев. Несколько незабываемых страниц автор посвятил Оптиной Пустыни, ее

подвижникам, сострадавшим народному горю и молитвенно звавших Россию встать на пусть спасения.

В начале 1930-х годов князь Н. Д. Жевахов переехал на жительство в Италию. Обосновался на Никольском подворье в Барграде (Бари), выстроенном тщанием Императорского Палестинского общества в первые годы XX века. В строительстве Подворья в свое время непосредственно участвовал и сам Николай Давидович. Но теперь у Подворья уже не было никаких средств. Перед эмиграцией возникла труднейшая задача сохранить в неприкосновенности святыню, не допустить ее передачи в собственность безбожникам, изыскать необходимые средства к существованию православной общины. Князь Н. Д. Жевахов, как глава Никольского подворья, обращается за помощью к известной благотворительнице русского зарубежья княгине Марии Павловне Демидовой (ск. 1954), неустанно помогает многим изгнанникам из России. И на этот раз княгиня на просьбу русского прихода откликнулась пожертвованием. Жизнь Подворья продолжалась.

В Италии князь Жевахов пишет обширный очерк «Сергей Александрович Нилус» — издан отдельной книжкой в сербском городе Новый Сад в 1936 году и вскоре переведен автором на итальянский язык (Рим, 1939). Тогда же князь Жевахов перевел на итальянский язык «Беседу преп. Серафима Саровского с Николаем Мотовиловым о цели христианской жизни», открыв для итальянцев драгоценную жемчужину старческого духовного опыта. Благодаря усилиям Жевахова

Никольское подворье в Бари оставалось неприкосновенной святыней вплоть до окончания Второй мировой войны. Умер Николай Давидович в 1949 году, похоронен в Барграде.

А. Н. Стрижев

Александр Стрижев

ПО СЛЕДАМ СЕРГЕЯ НИЛУСА

Двадцать лет тому назад, в самом начале 80-х годов XX века, имя Сергея Александровича Нилуса не произносилось на родине — так прочно изгладилось из памяти лихим временем. И когда начинались мои разыскания, то первое, что надо было отыскать, так это его книги. Доставались они с неимоверным трудом. Потом их тайно копировали и читали в узком кругу приятелей. Занимаясь еще и биографией писателя, мне посчастливилось тогда же посетить места, связанные с жизнью и творениями Сергея Александровича. Радуясь каждой такой встрече, я тут же припоминал и некоторые подробности его занятий в тех или иных местах, и соответствующие отметинки в творческой биографии. Освоение материала велось как через прочтение текстов, так и через зрительные образы. Публикуемые ниже очерки писались мною тогда совсем не для печати (о ней и не помышлялось), а лишь бы с ними ознакомить моих друзей. Оттого-то и форма изложения выбрана произвольная — позволяла забытые, совершенно новые для той поры, сведения вживлять в ткань изложения, причем вживлять возможно естественнее.

Впоследствии путевые очерки в нетронутом виде, как сложились когда-то, публиковались в альманахе «К свету!» (№ 3, 1993), а также были изданы и отдельной книжкой, в 1999 году. Не подгоняя написанное к нынешнему, возросшему уровню нилусоведения, я оставил очерки ровно такими, какими когда-то давал их на прочтение своим приятелям. Ведь всё запечатленное тут — тоже отметинки, только принадлежат они другому времени. Но и оно подвигало людей дорожить учительной и духовной литературой, вечно живым Православием.

ПРЕДИСЛОВИЕ 1993 ГОДА

Готового жизнеописания Сергея Нилуса покуда нет. Но оно возможно: свежа память о внешнем бытии этого человека, пробужден живейший интерес к его внутреннему деланию и, наконец, сам он оставил о себе многочисленные подробности. Стоило бы сесть и осмыслить год за годом многотрудную жизнь и достопамятные постижения духовного писателя. И будет так, несомненно.

А вот пока — на подступах к теме. Ниже представлены дневниковые записи, веденные мною при посещении мест, связанных с Нилусом, некоторые рассуждения о Саровских находках Сергея Александровича (очерк написан первым, в августе 1985 года, когда мне мало что было известно из биографии столь близкого по настроению человека). Теперь материал скопился и поступления будут ещё. Не дожидаясь более благоприятной поры и не рассчитывая на скорое создание всеобъемлющего жизнеописания Сергея

Нилуса, предложу вниманию благочестивого читателя пока что эти фрагменты.

Помози, Господи, начать!

Дивен Бог во святых Его! По молитвенному предстательству перед Господом Преподобного Серафима Саровского с сонмом других угодников ныне на Руси происходит пробуждение нашего долготерпеливого народа, всё более осознающего промыслительный путь своей истории, страдальческий и горький. Как признак осознания своего исторического пути, следует рассмотреть заглавное явление последнего времени — возрастающую тягу к духовным сокровищам Отечества. Совершенно отчетливо определилась и линия на возвращение отнятых у народа имен. Среди них в первом ряду имя Сергея Александровича Нилуса (1862–1929).

Это был выдающийся духовный писатель, оставивший в назидание потомству шесть томов своих произведений. Скоротав молодые годы по стихиям міра, он уже в зрелом возрасте припал к живительным источникам Православия, принял обращение в стенах величайших русских святынь — сперва у раки Преподобного Сергия в Троице-Сергиевой Лавре, затем в Саровской обители, излучавшей святость во все пределы земные. Огромное влияние оказал на него Кронштадтский пастырь Иоанн Сергиев, Всероссийский молитвенник и Чудотворец. Всё это проникновенно описано самим Нилусом в книге «Великое в малом», выдержавшей при жизни автора четыре издания; первое было в 1903 году.

А затем — Оптина, «Калужский Саров». Здесь Сергей Нилус, как рыбарь, сидящий на берегу Божьей реки и улавливающий в свои сети дары благодати Духа Святаго. Два тома сочинений так и называются — «На берегу Божьей реки». Разбирая богатейший Оптинский архив, писатель бережно извлекает из него свидетельства прозорливцев, богомысленных странников и учительных старцев. Эти материалы составили ещё две книги — «Сила Божия и немощь человеческая» и «Святыня под спудом».

После отъезда из Оптиной в мае 1912 года — Валдай, с его Иверским монастырем, воздвигнутым стараниями Патриарха Никона. Обитель славилась подвижниками и тайнозрителями. Здесь Нилус продолжил разрабатывать основную тему своего творчества — апокалипсические события грядущего времени. «Сынами погибели» назовет он людей, идущих путем гордыни и идолослужения. Чтобы спастись, надо вернуться от нечестия к чистоте, воскресить в себе величие Богосыновства. Всё это, и надвигающаяся кара искупления описаны в «Близ есть, при дверех» — самой провидческой книге писателя, вышедшей в свет в январе 1917 года.

Революция застала Нилуса на Украине, подвергнув его жесточайшим испытаниям. Гонения, преследования, обыски — всё было, и что ни год, то строже. Но не пресеклись писания, не впал в уныние одухотворенный человек. За чтение и хранение его книг расстреливали, а он, создатель их, укрепляясь молитвою, продолжал писать о чудотворениях, как проявлении Воли Божией;

о спасительной силе покаяния при тяжких несвободах, в каких оказался народ; о Церкви — водительнице совести. Эти писания впоследствии составят вторую часть книги «На берегу Божьей реки».

Кончина Сергея Александровича Нилуса последовала 14 января 1929 года, в канун дня блаженной памяти Преподобного Серафима Саровского, к всенародному почитанию которого он так много сделал. Останки писателя почивают в селе Крутец, в четырех верстах от Александровской слободы — вотчины Грозного.

Казалось бы, какие ещё новые страницы Сергея Нилуса можно отыскать, если и все старые его, известные, тщательно уничтожались? Прополка библиотек чаще всего как раз и велась на уничтожение такого рода изданий. Пропалывали и архивные фонды. И всё же уцелели пророческие письмена Нилуса, не исчезла и живая память о нем. По следам Сергея Нилуса привелось мне пройти в самую раннюю пору поисков сведений об этом замечательном человеке. В путевых записках как раз и запечатлены вдохновения, радости и горести, испытанные мною тогда на просторах России. Самой большой удачей надо считать отыскание могилки Сергея Нилуса. Как это было — читатель узнает из очерка «Могилка найдена!».

ПРИСТАНЬ ДУХА СВЯТАГО

Сергей Нилус в Оптиной Пустыни

Троице-Сергиева Лавра, Саров, Оптина — три величайших русских духовных центра, из-

лучающих благодать и поднесь; три пристани Духа Святаго, оживляющего всё сущее в дольнем міре: оплоты победоносной веры Христовой. А ведь было в России ещё 1250 монастырей! Здесь также люди научались радостно-трепетному хождению пред Лицом Божиим — усваивали суть христианской жизни. И по всему светлорусскому простору — храмы, корабли спасения, доставляющие людям покой и радование о Господе. Их было 55 тысяч православных храмов, и прибавьте к тому ещё 25 тысяч часовен! Велика была Россия молящаяся, и дом сей не оставался пуст...

Не внешним, а внутренним оком видит духовный писатель всё то, что происходит в жизни. И обо всём, что происходит, судит не по стихиям міра, а по Божьему соизволению, во всём усматривает проявление Его воли. Духовным писателем мог быть и церковный человек, и светский; родовитый и почти простолюдин. Отец Иоанн Восторгов, епископ Серафим (Чичагов), и вместе с тем міряне — Евгений Поселянин и Леонид Денисов тому живые примеры. Но не о них ныне речь, хотя и время о каждом говорить достойно.

Из шести томов творческого наследия Нилуса четыре посвящены Оптиной, «Калужскому Сарову» — так назвал достохвальную обитель сам писатель. Перед тем, как прочно поселиться возле старцев, Нилус четыре раза посещал Оптину. Первый раз накоротке проездом из своего орловского имения Золоторёво по пути в Троицкую Лавру. Совершалось такое паломничество с 18-летним сыном летом 1901 года. В тот приезд

Сергей Александрович познакомился с известным постриженником Оптиной о. Даниилом (Болотовым), глубоким мистиком и первоклассным церковным живописцем. В их беседе затрагивался главный вопрос действительности — противоречие науки и христианства, пути преодоления губительного противостояния.

Осенью того же года Нилус снова в Оптиной. Он приехал туда, чтобы собрать материалы для жизнеописания старца Амвросия. Приблизительно тогда же подобные материалы разыскивал другой духовный писатель, уже упомянутый Евгений Николаевич Поселянин (настоящая фамилия Погожев, родился 21 апреля 1870 года, расстрелян 13 февраля 1931 года). Его книга «Праведник нашего времени Оптинский старец Амвросий», вышла в свет в Санкт-Петербурге в 1907 году[1]. Благоговейное отношение к великому оптинскому водителю совести, духоносцу Амвросию, Нилус сохранил до конца своих дней, хотя жизнеописания старца и не оставил.

Третья поездка Сергея Александровича в Оптину состоялась в октябре 1904 года, и прожил он здесь две недели. Из мятущейся личности устоялся и возрос взыскатель Града Небесного, победивший в себе самом ветхого человека, избывший теплохладное состояние биологизма. Новый человек, исповедник Христовой истины, находит жизненную основу в Евангелии — в Промысли-

[1] Ещё один бытописатель Оптиной, прот. Сергий Четвериков, также оставил о преподобном Амвросии книгу. Его труд «Описание жизни Оптинского старца Амвросия» переиздан Братством преп. Германа Аляскинского в 1980 г. Репринт — «Паломник», 1998 г.

тельном благовестии о нашем спасении. Обо всём этом и об одной из тайн Божиего домостроительства — обновлении міра и его будущей вечности, говорилось при новой встрече писателя с о. Даниилом.

Миновал ещё год, и глубокой осенью 1905 г., в шаткое, мятежное время, Сергей Нилус снова в Оптиной. На этот раз он поглощён переделкой книги «Великое в малом», которая и вышла в декабре вторым тиснением. Место издания — Царское Село. Выходу его книги, по-видимому, содействовала любимая фрейлина Императрицы Елена Александровна Озерова (1855–1938), вскоре ставшая женой писателя. В тревогах и заботах проходили тогдашние дни. В пору, когда враг окрадывает Отчину нашу, долг духовного писателя — служить народному делу; только так он уподобится светильнику, горящему на свещнице, а не втуне. По-своему сознавал это Сергей Александрович, по-своему и поступал. Бог ему судья.

16 января 1906 года Нилус выехал из Оптиной в Петербург, где 3 февраля и состоялось его венчание с Озеровой. Вспышка гнева в печати, вызванная появлением дерзновенной книги, обернулась бурей поношений, разнузданной травлей, смакованием эпизодов из частной жизни писателя, что в конечном счете вынудило Нилуса не только отказаться от мысли принять священство, которого он так желал, но и навсегда покинуть дворцовый Петербург. Уже немолодая чета предпочла всему иному странничество: пути неразлучной пары неизменно вели к Русским святыням.

Так в апреле 1906 года Нилусы оказались в Николо-Бабаевском монастыре, невдалеке от Костромы. Здесь нашёл вечное упокоение святитель Игнатий Брянчанинов, крупнейший церковный писатель, славно потрудившийся на духовную потребу ближним. Затем — Валдай с его Иверским монастырем, построенным тщанием Патриарха Никона. Остров, где высится белокаменный монастырь, отделён от города Святым озером. Но что эти три версты, коль вся переправа на лодке проходит под звон благовеста! Пасхальный восторг объемлет душу без остатка.

Успенским постом 1907 года Нилус по настоянию жены пишет письмо в Оптину с просьбой разрешить погостить в обители. Вскоре получил ответы, — один был от старца Варсонофия, — с приглашением прибыть «под покров Оптинской благодати на богомолье и на отдых душевный, сколько полюбится и сколько поживётся». Августовской порой богомольцы собрались и поехали.

Впоследствии Нилус вспоминал: «На жену Оптина произвела огромное впечатление. — Про меня и говорить нечего: я не мог вдосталь надышаться её воздухом, благоуханием её святыни, налюбоваться на красоту её соснового бора, наслушаться ласкающего шёпота тихоструйных, омутистых вод застенчивой красавицы Жиздры, отражающих своей глубиной бездонную глубину Оптинского неба... О, красота моя Оптинская! о мир, о, тишина, о, безмятежие твоего монашеского духа, установленного и утвержденного молитвенными воздыханиями твоих великих основателей!..

О, благословенная моя Оптина!»[1]

Старцы предложили писателю заняться изданием Оптинских листков, вроде Троицких, выпускаемых Троицкой Лаврой. Эти листки были любимым чтением паломников. Душеспасительные беседы печатались также в Александро-Невской и Почаевской Лаврах. Монастырская периодика разносилась народом по всей благочестивой России. Нилус обрадовался предложению старцев. В тех же воспоминаниях он изложил им свой ответ следующим образом:

«Зачем же, — говорю, — дело стало? Мы, слава Богу, люди свободные, никакими мирскими обязанностями не связанные: найдётся для нас в Оптиной помещение — вот мы и ваши»[2].

С октября 1907 г. Нилусы оседают в обители, занимая Консульскую усадьбу, где когда-то жил Константин Леонтьев, бывший в своё время консулом, а, приняв тайный постриг, стал верным сподвижником старца Амвросия.

Евгений Поселянин в статье «К. Н. Леонтьев в Оптиной пустыни» об этом доме писал так: «Смотря парадной стороной своей на ограду, боковыми стенами своими дом выходил на реку Жиздру, протекавшую от него саженях в пятидесяти, а другой — на старый тенистый сад, заросший преимущественно, кажется, кленами.

Дом был весёлый, покрытый белой штукатуркой, стоял высоко на фундаменте, и был увенчан наверху мезонинчиком.

---

[1] *Сергей Нилус*. На берегу Божьей реки. Записки православного. Сергиев Посад. 1916. С. 178–179.

[2] Там же. С. 179.

Сразу из прихожей вы попадаете в длинную большую комнату, шедшую в ширину всего дома. Большое итальянское окно выходило к Жиздре, а напротив балконная дверь вела в садик...

Из окон открывался чисто русский пейзаж, который ничего не скажет, может быть, иностранцу, но хватает за сердце русского человека. Огород, спускающийся к Жиздре, забор, проезжая дорога, уютная в берегах своих светлоструйная река, луговой простор, за ним деревня Стенино»[1].

Нам неизвестна причина, по которой Оптинские листки не вышли. Возможно, не благословил настоятель архимандрит Ксенофонт, или возобладало смиренномудрие самих старцев, не пожелавших печатно раскрывать свои заветные взгляды на мір и міропорядок. Послушание Нилуса определили по-другому: изучать Оптинский архив. Представлял собою архив богатейшее собрание сокровенных записок живших в обители священноиноков, известных церковных деятелей, разного рода прозорливцев, а также благочестивых богомольцев, писем, в том числе литераторов-классиков. А сколько безценных рукописных патериков, повествующих о духовных подвигах христолюбцев, сберегалось в древлехранилище! И, само собою, Оптинское собрание книг было замечательным: 30 тысяч томов, преимущественно богословских и богослужебных. Все книги и архив помещались в одной из угловых башен монастыря.

---

[1] Сборник «Памяти Константина Николаевича Леонтьева». СПб. 1911. С. 387–388.

В молитвах и трудах пребывали все насельники обители, от архипастыря до иноков. А иноков тут насчитывалось до четырехсот душ. Таким же внутренним деланием занят был и Сергей Нилус. Его духовником и руководителем со дня поселения стал великий старец о. Варсонофий. Постоянное общение с ним подвигало писателя совершенствоваться в Богопознании, создавать творения немеркнущие.

На материалах архива Нилус весьма быстро пишет свою первую оптинскую книгу. Её название «Сила Божия и немощь человеческая». В заглавие вынесены слова из апостольского послания: «Сила Божия в немощи совершается». Чему же посвящена эта книга? Вниманию благочестивого читателя Сергей Александрович представил жизнеописание игумена Феодосия (Попова), скончавшегося под сенью Оптинского Скита в 1903 году. Ознакомившись по благословению старца Иосифа с записками этого игумена, Нилус живо заинтересовался его воспоминаниями. «Богу угодно было раскрыть мне душу этого молитвенника и дать мне в руки такое сокровище, которому равного я ещё не встречал в грешном своём общении со святыми подвижниками, работающими Господу в тиши современных нам монастырей» — признание самого писателя[1].

С неприкрытым восторгом и умилением поведал игумен Феодосий о своём паломничестве к чудотворным святыням русским, исходив Отечество вдоль и поперёк, насыщаясь Хлебом Не-

[1] *Сергей Нилус*. Сила Божия и немощь человеческая. В двух частях. Сергиев Посад. 1908. С. 6.

бесным — благодатью. И вот этот молитвенник в Оптиной. Был 1845 год, во всей силе мудрый старец Макарий. В записках Феодосия представлены драгоценные поучения прославленного духоносца, описаны чудеса, им совершённые. Светлой радостью напоены страницы книги, описывающие внутренний строй монастырской жизни Оптиной времён первых старцев.

Возникает вопрос: как далеко простиралось литературное вмешательство Сергея Нилуса в дневниковые записи игумена Феодосия? Из сопоставления текстов оригинальных, «нилусовских» с обработанными им, совершенно очевидно, что и самый ход изложения, и акцентировка, и литературный блеск — всё это несомненные заслуги писателя. Мемуарист в данном случае оставил лишь рыхлые дневниковые записи, возможно, местами и не без живинки в речениях и характеристиках.

Вторая часть книги также построена, в основном, на материалах Оптинского архива и рассказах самовидцев. Здесь есть интересные воспоминания духовных детей старца Льва, чья аскетическая одарённость снискала к нему благорасположение всей братии. Далее значительное место отведено свидетельствам чудотворений святителя Митрофания Воронежского. Источником повествования послужили бумаги, полученные Нилусом в Сарове, где он собирал документы о житии преподобного Серафима. Есть в этой части книги и личные воспоминания Сергея Александровича. «Сила Божия и немощь человеческая» — труд, свершённый в назидание читателей.

Иным характером наделена следующая Оптинская книга Нилуса — «Святыня под спудом». Поначалу она печаталась в журнале «Троицкое Слово», основанном епископом Никоном Вологодским, а затем с журнального набора оттиснута в виде отдельного издания[1]. Глубоким сакральным смыслом, пророческим тайновидением, знамениями отмечен этот труд писателя, целиком выстроенный в линиях Оптинского благочестия.

В основу книги положены записки о. Евфимия (Трунова), замечательного подвижника Оптинского, ученика старца Льва. События разворачиваются в середине прошлого столетия. «Дневник отца иеромонаха Евфимия, — пишет в открытие книги С. Нилус, — послужил мне канвою, с намеченным его рукою узором, но самый узор, как и драгоценный жемчуг дивного шитья, составлен и собран из многоцветных раковин, извлеченных из сокровенных глубин безбрежного и бездонного моря великого Оптинского духа, питавшего православную русскую мысль в таких её представителях, как братья Киреевские, Гоголь, Достоевский и те “молодшие” богатыри, имена которых, как звезды на тверди православного русского неба». Никакого вымысла в книге нет, всё почерпнуто из Оптинской действительности. Изложение дневниковое, подвижное, как само время.

С января 1909 г. Нилус берется за регулярные дневниковые записи. В свои тетради он за-

---

[1] *Сергей Нилус*. Святыня под спудом. Тайны Православного монашеского духа. Сергиев Посад, 1911.

носит вроде бы самые обыкновенные монастырские впечатления: беседы со старцами, прежде всего со своим духовником о. Варсонофием, а также с о. Анатолием-младшим, о. Иосифом и с будущим великим старцем о. Нектарием. Вместе с тем писатель откликается и на свежие события в духовном міре. Так, смерть о. Иоанна Кронштадтского представляется ему «знамением сокровенного и грозного значения: от земли живых отъят Всероссийский молитвенник и утéшитель, мало того, — чудотворец, да ещё в такое время, когда на горизонте русской жизни всё темнее и гуще собираются тучи»[1].

Отец Иоанн Кронштадтский... У ног этого пастыря произошло окончательное обращение писателя, прошедшего мучительный путь от неверия до тёплого молитвенного устроения. Кронштадтский пастырь благословил писания Сергея Александровича: именно ему, Всероссийскому молитвеннику, посвящена первая стержневая книга Нилуса «Великое в малом». Эти писания о. Иоанн назвал «чистым алмазом». И в пору отторжения от общества только Иоанн Кронштадтский сердечно поддержал чету Нилусов. Его проповеди — нескудеющая духовная сокровищница русского народа. Кто слышал их — не забудет. И возглашались они среди народа; вся подвижническая деятельность его во имя людей, во имя спасения человека.

Возможно, не раз вспоминались Нилусу слова отца Иоанна о Боге — Промыслителе міра. Кронштадтский пастырь говорил, что пока душа не рассталась с телом, человек имеет образ. Но вот

[1] *Сергей Нилус*. На берегу Божьей реки. Кн. I. С. 8.

душа отлетела, и образ человека потерян. Так и земля: пока овевается Духом Божиим, она в образе, живёт благоволением Господним, а как Святой Дух перестанет оживотворять землю — она утратит свой образ, превратится в косное тело... Увидит ли Сергей Александрович цветочки ландыша, и снова припомнятся умозаключения Иоанновы: цветы — остатки рая на земле. Да и что говорить, жил его проповедями писатель, умилялся ясновзорым наставником. Скитоначальник о. Варсонофий также не переставал благодарить Бога, что Он сподобил его, в ту пору преуспевающего полковника, встрече с о. Иоанном. Эта встреча и поворотила на нужный путь о. Варсонофия (в міру Павла Ивановича Плиханкова) на тот путь, что он прошёл: от послушника и новоначального инока — до благодатного старца.

Почти пять лет, пока Нилус жил в Оптиной, он неотступно регистрировал все события, совершавшиеся в обители. Вот 18 марта 1909 года отошёл в селения праведных один из столпов Оптинского духа, игумен Марк, и списатель (так себя называл Сергей Александрович) создает подробное жизнеописание пустынника, этого «гранитного человека». Он пишет: «...я полюбил крепость его, силу его несокрушимого духа; самого его полюбил я, чтил и робел перед ним, как робкий школьник перед строгим, но уважаемым наставником, и, если не обмануло моё сердце, и сам дождался от него взаимности... Книги мои он прочёл, одобрил и сказал, что давал их читать, “кому нужно”»[1].

[1] *Сергей Нилус*. На берегу Божьей реки. Кн. I. С. 91–92.

На страницах дневниковых записей Нилуса рассыпаны изумительные по краткости, но полные проникновенного смысла суждения о. Нектария. Каких бы тем ни касалась беседа, будь то знамения, предвещающие «развязку міра», или предвидения и пророчества на ближайшие события, — этот полузатворник, склонный к блаженному юродству, давал ответы исчерпывающие.

Так в общении с духоносцами Оптинскими и протекали дни, годы Нилуса. Он при старце Варсонофии играл такую же роль, какая была у Ивана Киреевского при о. Макарии и у Константина Леонтьева — при о. Амвросии. Нилус представлял себя здесь рыбарём, забрасывающим мрежи в благодатные струи Божьей реки, изливающей Оптинский дух. Его улов — спасительное Богопознание, преображённое существование.

А он и вправду преобразился неузнаваемо. На всем облике писателя напечатлелось достоинство несуетное, благообразие и молитвенная доброта. Вот каким увидел Сергея Нилуса иезуит Александр дю Шайла, перешедший на какое-то время в Православие и живший в Оптиной целых девять месяцев в 1909 г.: «После обеда, в покоях настоятеля, я познакомился с С. А. Нилусом. То был человек 45 лет, типичный русич, высокий, коренастый, с седою бородою и голубыми глазами, слегка прикрытыми паволокой; он был в сапогах и на нём была русская косоворотка, подпоясанная тесёмкою с вышитою молитвою»[1].

[1] «Последние Новости». Париж. 1921, № 327 (13 мая).

О чём же беседовали эти несхожие люди? Чаще всего в беседах затрагивались вопросы состояния современного общества, отступившего от веры. Дю Шайла в ту пору не только не перечил, но, случалось, и поддакивал, стараясь даже развивать брошенную мысль далее. «У нас, во Франции, — говорил дю Шайла, — и вообще заграницей дело кончено: там труп. Но у вас в России, разве то? Я сам видел храмы в столицах — они переполнены молящимися; я видел на улицах людей, не стыдящихся публично налагать на себя крестное знамение, открыто исповедовать веру свою. Это так отрадно и успокоительно»[1]. Не то он наговорил после, по заказу «Еврейской Трибуны».

А гроза всё собиралась. Предчувствие её давно ощущалось в воздухе. Речь идёт о кознях, которые затевались против Нилуса как внутри обители, так и за её оградой. Старцы, в частности о. Варсонофий, нет-нет да и передадут об этом писателю. Предстоял отъезд. На него обрекали в петербургском салоне графини Игнатьевой, куда хаживали столичные архиереи и даже члены Святейшего Синода, там затевалась беспримерная расправа. Было потребовано от о. Варсонофия публично осудить своего духовного сына, Сергея Нилуса. Нашлись и среди братии несколько монахов-бунтовщиков, затеявших интриги против скитоначальника, особенно когда в горестях слег архимандрит Ксенофонт. Старец Варсонофий мужественно отверг все предъявленные наветы, но церковное начальство

[1] *Сергей Нилус*. На берегу Божьей реки. Кн. I. С. 281.

распорядилось удалить его из Оптиной в Старо-Голутвин монастырь, где он вскоре (1 апреля 1913 г.) и умер. Так закончилась земная жизнь этого великого подвижника.

О своём расставании с Оптиной, а произошло оно 14 мая 1912 года, Нилус поведал трогательными словами: «Кто не видел Оптиной в весеннем уборе окружающих её безмолвие фруктовых садов, могучего её леса, вековых её сосен, обрамленных веселой, молодой зеленью клёна, осины, липы, рябины, орешника и молодого дубняка — всей роскоши зелёного шума и звона торжественно-радостного шествия ликующей теплом и светом весны, тому не понять великой скорби нашего сердца, обливавшей слезами заветные могилки великих Оптинских старцев при прощании с ними, со всей духовной красотой Оптинских преданий и с красотой окружающей их природы. Тако изволися Богу. Слава Богу за всё.

И думалось мне тогда, следя задумчиво-печальным взором за убегающей из-под колес нашего экипажа святой землёй оптинской, что прощаюсь я и с тою бездонною глубиною хрустально-чистых вод её и моей Божьей реки, из чьей серебристо-струйной лазури так часто невод мой извлекал сокровенные в ней сокровища духа, что уж не петь Богу моему хвалы, дондеже есьм, что уже не бряцать перстам моим более на десятиструнной моей псалтыри, ибо с последним прощальным поклоном Оптиной иссякнет для меня чистейший источник вдохно-

вений, и захлестнёт ладью мою и меня зловещая волна житейской мути»[1].

Август 1985

СЕРГЕЙ НИЛУС И ГОСУДАРЬ:

Сорадование в Духе

Прежде чем стать взыскателем Града Небесного, Сергей Александрович Нилус прошёл мучительный путь от унизительного пленения властью греха и суеты, через теплохладность — эту вязкую неопределённость и нерешительность воли — к внутреннему устроению и благоутишию, постепенно восходя к праведности. На момент первой встречи с Государем Нилус — всё ещё мценский помещик, но он уже научился почерпать силы в молитве, рассматривая её как умное низведение неба в душу, а в Божественном устроении міра прозревать приснотекущий неизреченный Первоисточник. В разумном бытии уже была посрамлена держава вражия.

Эта первая встреча с Государем Николаем Александровичем произошла 5 мая 1904 года на перроне Мценского вокзала, где собралась депутация местного дворянства, чтобы приветствовать Боговенчанного Помазанника Божия, следовавшего проездом через Мценск в сторону Орла, Курска, далее к другим городам в сторону Юга России для преподания монаршего благословения войскам, отправлявшимся на войну против Японии. На перроне Нилус стоял рядом с участником

[1] *Сергей Нилус*. На берегу Божьей реки. Записки православного. Кн. 2. Сан-Франциско. 1969. С. 44.

Севастопольской обороны, Владимиром Васильевичем Хитрово. Ветеран был в парадной военной форме и при орденах. Государь заметил доблестного защитника Отечества, подошёл к нему и стал ласково расспрашивать Хитрово о его прежней службе.

Спустя два десятилетия Сергей Нилус вспоминал о том дне так: «Тут я и имел радость, более того, восторг видеть глаза и взгляд Государя. Передать выражения ни словами, ни кистью невозможно. Это был взгляд Ангела-небожителя, а не смертного человека. И радостно, до слёзного умиления радостно, было смотреть на него и любоваться им и... страшно, страшно от сознания своей греховности в близком соприкосновении с небесной чистотой»[1]. Заметим, что запись эта сделана Нилусом на зачумлённой советским безумием Украине, после перенесенных жесточайших гонений, допросов, тюрем и пересылок.

Сожжена домашняя катакомбная церковь, устроенная Сергеем Александровичем в Линовице, невдалеке от Прилук Черниговской губернии. Но Господа не отнять! Нилус неустанно молится об избавлении России — Великой, Малой и Белой, и иных её земель от владычества агентов антихриста, о примирении разъярённых российских людей с Богом. Ближайший друг писателя князь Владимир Давидович Жевахов (1874–1938), владелец Линовицы, как раз в эту пору примет монашеский постриг, умножив терпящее жесточайшую брань воинство Христово. В монашестве

[1] *Нилус С. А.* «На берегу Божьей реки». Записки православного. Т. 2. С. 185.

его нарекут Иоасафом, в память светоча Православной Веры святителя Иоасафа Белгородского и Обоянского (Горленко, 1705–1754), отдалённым потомком которого он был (да и родом из тех же черниговских Прилук).

Святитель Иоасаф Белгородский, проповедовавший словом и делом истинную верность Царскому скипетру, вчинен в лик святых 4 декабря 1911 года. На всеподданнейшем докладе и акте освидетельствования мощей Святителя Государь в 10-й день декабря 1910 года благоизволил собственноручно начертать: «Благодатным предстательством Святителя Иоасафа да укрепляется в Державе Российской преданность праотеческому Православию, ко благу всего народа Русского. Приёмлю предложение Св. Синода (о канонизации — *А. С.*) с искренним умилением и полным сочувствием».

Материалы для прославления подготовил князь Николай Давидович Жевахов[1] (1874–1947), блестящий церковный публицист, биограф Нилуса и автор безценных «Воспоминаний», полных любви к Церкви, Государю и Православному Отечеству. Его родной брат, Владимир Давидович Жевахов, о котором уже шла речь, будучи хиротонисан во епископа Могилёвского, подвергся аресту и ссылке в Соловецкий концлагерь, где погиб как новый мученик Христов. От епископа Иоасафа (Горленко) к епископу Иоасафу (Жевахову) простирается хождение пред очами Божиими всего лишь одной семейной ветви ис-

[1] См. его книгу: «Сергей Александрович Нилус». Новый Сад. Сербия. 1936.

тинных малороссийских патриотов. Это земное служение и есть сорадование с Государем в надежде. Справедлив афоризм: «У всякого народа есть родина, но только у нас — Россия».

Из молитвы в день прославления Святителя Христова Иоасафа Белгородского:

«О великий угодниче Христов, святителю отче наш Иоасафе, скорый помощниче и дивный чудотворче!.. Благослови убо и помилуй, архиерею Истинного Бога, благочестивейшего Государя нашего Императора Николая Александровича; супругу Его, благочестивейшую Государыню Императрицу Александру Феодоровну; матерь Его, благочестивейшую Государыню Императрицу Марию Феодоровну; наследника Его, благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Алексия Николаевича, и весь Царствующий Дом. Даруй им утешение сердца, отраду и мир и радость присную о Господе. Во дни жития их сохрани в мире Державу Российскую, слуги Царевы во истине утверди, воинам мужество непоколебимое даруй, и вся люди безпечально сохрани. Изжени всякую крамолу, и крамольных человек лукавая разруши советования, паче же тех самых в покаяние приведи. Величаем тя, святителю отче Иоасафе, и чтим святую память твою, ты бо молиши за нас Христа Бога нашего».

«Изжени всякую крамолу...» — глаголят иереи и диаконы. Да как изженить врага и супостата? Крепко втолкованы чужеродами либерально-масонские лозунги, интеллигенция бьётся в узах нечестия, разлагающие силы полнеют. Поруга-

ние святынь, поношение России началось внутри страны давно и к развалу готовились загодя. Хартия антихриста — «Сионские протоколы» попали в руки Сергея Нилуса ещё в 1900 году, в самую ту пору, когда он только что обратился в Святоотеческому преданию, стал жить во Христе, а с Верой одновременно усваивал и верность Государю, цвёл добродетелью и надеждою. Неразрывны — Вера, Царь и Отечество! И он сделался глашатаем Российского патриотизма, христианской праведности.

«Господь знает, сколько мною было потрачено тщетных усилий дать им (Протоколам — *А. С.*) увидеть свет, или хотя бы предварить ими власть имущих о причинах грозы, уже давно собиравшейся над безпечной, а теперь — увы — и обезумевшей Россией. И только теперь, когда уже, кажется, поздно, совершилось печатание моей рукописи в предостережение всем тем, кто ещё имеет уши слышать и очи, чтобы видеть: да обратятся они к Богу Истинному и посланному Им Господу Иисусу Христу с покаянием в Святом Духе, и да будут «чресла их препоясаны и светильники горящи» для сретения «Жениха, грядущего в полунощи». (Запись С. Нилуса от 24 октября 1905 года. Дни Казанской и Скорбящей Божией Матери)[1].

Истребители тишины и свободы России лишь на время поджали хвосты. И все-таки было, увы, уже поздно. Россия иллюминирована пожарами. Самодержавная власть ограничена октябрист-

---

[1] *Нилус С. А.* Великое в малом, или антихрист, как близкая политическая возможность. Царское Село. 1905. С. 405.

ским манифестом, вырванным из Царских рук в том самом Пятом году заговорщиками, все большие обороты набирала панельная демократия. События дирижировались извне и изнутри прозелитами сына погибели.

В неизданном письме монахине Шамординской обители Юлии, относящемуся к апрелю 1905 года, Сергей Нилус говорил: «... Думы одна другой тяжелее о Родине, о Царе, о народе, о той разверзшейся под их ногами бездне, в которую неудержимо катится наше горемычное Отечество, от которого за наши грехи и беззакония въяве отступает благодать Божия. И ведь вот ещё горе: я не только предугадываю погибель, но я её знаю, откуда она идёт, от кого происходит, что в близком будущем ждёт всех нас, если только не преклонится к нам милость Господня, и... помочь ничем не могу: голосу правды никто не внемлет. И оком видят, и слухом слышат — и не разумеют. Сердце моё скорбит и чует грозу неминучую. Вам, моим радостям монастырским, готовятся венцы великие от отступнического міра, который точит на вас ножи булатные, разжигает костры кипучие. Пока творится всё это под маской благочестия, но недалёко уже то время, когда восстанет на вас открытое гонение». (Оптинский архив. Рукописный отдел Румянцевской библиотеки).

Но отпор тёмным силам все-таки возникает, и возникает он в лице всесословной противосмутной организации — Союза Русского Народа. Его члены обязываются не примыкать к бойкотам, забастовкам, не заниматься противогосу-

дарственной деятельностью. Из Устава этого монархического движения (утвержден 7 апреля 1906 года в Санкт-Петербурге): «Союз Русского Народа постановляет себе неуклонною целью развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний для общей работы на пользу дорогого нашего Отечества — России, единой и неделимой... Благо Родины в незыблемом сохранении Православия, русского неограниченного Самодержавия и народности».

Союзники исходили из принципа: Царю — полнота власти, народу — полнота мнений. Идея союзников — сплотить Русских на началах укрепления монархии и подъёма народного благосостояния. При въезде Государя в Москву союзники становились в живую цепочку вдоль улиц, охраняя жизнь Боговенчанного Самодержца. Один из правых публицистов (Сергей Кельцев) писал: «Толчком от сердца подается кровь всему организму, и что осуществимо в Москве, сердцу коренной Руси, то возможно, как родное русское, и для всей Империи». Вот оно — сорадование Народа и Государя в вере и любви, необоримая преграда для осуществления злодейских замыслов!

На приёме в Царском Селе депутации Союза Русского Народа 23 декабря 1905 г. Государь сказал: «Объединяйтесь, Русские люди. Я рассчитываю на вас». Затем приёмы ещё были 16 февраля 1906 г. и 3 июня 1907 г. Сергей Нилус тщательно следил за монархической печатью, выписывая газеты — «Земщину», «Русское Зна-

мя», «Колокол», подкрепляя свои силы народным воодушевлением, хотя в ряды союзников формально никогда не входил. Радовали его Государевы слова, сказанные патриотам: «Я верю, что с вашей помощью Мне и Русскому народу удастся победить врагов России... Уверен, что теперь все истинно-верные Русские, беззаветно любящие своё Отечество сыны сплотятся ещё теснее и, постоянно умножая свои ряды, помогут Мне достигнуть мирного обновления нашей Святой и Великой России и усовершенствования быта великого её народа... Да будет Мне Союз Русского Народа надёжной опорой, служа для всех и во всём примером законности и порядка». Вот так: *примером законности и порядка!* Несмотря на всевозможные злобствования левой прессы, истина такова: монархисты никогда не опускались до беззакония и насилия.

А враги действовали, смутьяны не дремали. Приближение Нилуса ко Двору расценивалось социалистами-сатанистами как значительное подкрепление «реакционным» силам. Дело в том, что после выпуска в свет второго издания книги «Великое в малом», напечатанной в типографии Царскосельского Комитета Красного Креста, типографии, по-существу, придворной, происходит заметное сближение Сергея Александровича Нилуса с фрейлиной Еленой Александровной Озеровой (1855–1938). Двадцать пять лет безпорочной службы при Дворе обезпечили любимой фрейлине вдовствующей Государыни Императрицы почёт и уважение. Елена Александровна все силы отдаёт благотворительности. Она ста-

новится одной из деятельных попечительниц Патриотических школ для обучения наукам и ремёслам сирот воинов — такие школы основала Императрица Елизавета Алексеевна после войны с Наполеоном. Озерова была также попечительницей фельдшерских Рождественских курсов, к начальнице которых, Олимпиаде Феодоровне Рагозиной, захаживал Нилус для духовного общения. Здесь-то и произошло знакомство Нилуса с Озеровой. Во время Японской войны Елена Александровна работала под руководством Императрицы Александры Феодоровны в складе Её имени, склад размещался в Зимнем дворце. Тогда-то Императрица и предложила Озеровой возглавить Красный Крест в Царском Селе. Так что второе издание книги «Великое в малом», где впервые обнародованы «Сионские протоколы», произошло при прямой поддержке Озеровой.

Сам Бог послал Нилусу эту замечательную женщину. О том, что это произойдет, ему заранее предсказывала великая Дивеевская блаженная Паша Саровская (1795–1915). Подобралась Богоданная семейная пара.

Венчание состоялось в Петербурге 3 февраля 1906 года. По воле Императрицы Александры Феодоровны за Еленой Александровной сохранялась значительная отцовская пенсия, на которую жили её племянницы и слуги отца, Александра Петровича Озерова (1817–1900) — крупного Царского сановника (Российский посланник в Афинах). Новобрачные мечтали уехать на Волынь, в село, где бы Сергей Александрович стал приходским священником.

Рукополагать его согласился сам архиепископ Антоний (Храповицкий), хиротония должна была состояться в Казанском соборе в Петербурге. Были пошиты облачения, куплено всё необходимое для сельского батюшки. Сама Императрица Александра Феодоровна на благословение вступающему в священное служение изволила прислать Царские дары — икону и самовар в форме жёлудя, на самоваре были выгравированы инициалы Дарительницы. Императрица желала подарить серебряный самовар, но Елена Александровна возразила: сельскому батюшке подойдёт попроще. Вот и прислали медный, но весьма изящной работы.

Ненавистники и кромешники крысами метнулись по петербургским углам, собирая домыслы и подложные сведения о восхождении нового «светского старца» при Дворе. Больно уж напретила им книга «Великое в малом», та что с Протоколами. Хоть черноротые и скупили тираж на корню, и уничтожили, но факта не скрыть... Стало быть, надо шельмовать само имя публикатора, посягнуть на его личность. Приёмы отработаны, действуют и будут действовать на страницах кошерной печати. Была вывернута наизнанку личная жизнь Нилуса, когда он существовал по стихиям міра. Рептильная газета «Новое Время» поместила отвратительную статью о молодых годах Сергея Александровича, густо нашпиговав её небывальщиной. Публичная травля церковного писателя многими воспринималась как норма: к тому времени уже привыкли к нападкам на патриотов, на всех, кои

не в русле расшатывания устоев Империи. К сожалению, вражеская пропаганда влияла не только на светскую толпу, но и на людей просвещённых. Даже такой духовный светильник, как архиепископ Антоний (Храповицкий) поддался внушениям той очернительской печати. В результате разгневался настолько, что о рукоположении Нилуса и речь отпала. Немолодой чете оставалось уехать из Петербурга, уехать куда глаза глядят. Начался страннический период, его оборвёт лишь смерть.

Спрашивается, а возможно ли было Сергею Нилусу стать «светским старцем» при Дворе? Если взять в расчёт складывающиеся обстоятельства, то такое состояться могло. Вот что по этому поводу пишет Александр дю Шайла, лично знавший Нилуса и его жену: «Великая Княгиня Елисавета Феодоровна всегда боролась против мистиков-проходимцев, окружавших Николая Второго. Боролась она, между прочим, с влиянием лионского магнетизёра Филиппа и сильно недолюбливала Царского духовника, престарелого отца Янышева, за неумение оградить Царя от нездоровых мистических влияний. Великая Княгиня считала тогда, что С. А. Нилус, как русский человек и православный мистик, сможет благотворно повлиять на Царя»[1].

В отношении категорических характеристик, даваемых дю Шайла, доверия нет: эти записки он составил на потребу газеты «Еврейская Трибуна», в которой они опубликованы, и откуда попа-

[1] *Граф А. М. дю Шайла.* С. А. Нилус и Сионские протоколы // «Последние Новости». 1921, № 327.

ли в «Последние Новости». К тому времени дю Шайла целиком ещё не освободился от страха за свои деяния по распропагандированию казаков в Крыму. Он метался, как зверь прыскучий, и добежал до Парижа. За что попал под суд, поясняет выписка из приказа генерала Врангеля от 19 апреля 1920 года: «Бьёт двенадцатый час нашего бытия. Мы в осажденной крепости — в Крыму. Успех обороны крепости требует полного единства её защитников. Вместо этого находятся даже старшие начальники, которые политиканствуют и сеют рознь между частями. Пример этому — Штаб Донского Корпуса. Передо мною издание Штаба — «Донской Вестник». Газета восстанавливает казаков против прочих неказачьих частей Юга России, разжигает классовую рознь в населении и призывает казаков к измене России. По соглашению с Донским атаманом... начальника политического отдела и редактора газеты сотника графа дю Шайла предаю военно-полевому суду при коменданте главной квартиры... Газету закрыть». Провокатор дю Шайла тогда струсил не на шутку. И спустя год он усердно отрабатывал хлеб заказчика. Так что его характеристикам не поверим, но самого факта ему не выдумать. Обо всём этом он мог слышать от самой Елены Озеровой, которая знала, какое сильное впечатление произвела книга Нилуса при Дворе, в частности, и то, что о ней восторженно отзывалась и Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. Часть материалов, к примеру, те же Протоколы, она читала в рукописи, поскольку Нилус задолго до напечатания давал их читать

её мужу, Великому Князю Сергею Александровичу. Именно он, помнится, и произнёс роковое: «Уже поздно!» Бесы раскачали лодку, бесы пролезли во все дыры, бесы возмутили народную толщу.

Так кто же такой месье Филипп? Полное его имя Филипп-Ницциер-Ансельм Вашоль (1850–1905), родился в Савойе, выходец из крестьян. С детства увлекался народной медициной, за исцеления принялся в 30 лет. И хотя ему запрещено было заниматься врачебной практикой в Лионе, где он впоследствии обосновался, к нему валом валили пациенты. Возможно, Филипп обладал даром внушения. В 1901 году Францию посетила Императорская Чета, тогда-то им и был представлен месье Филипп, как целитель и чудодей, в некотором роде живой оберег. Представляли врачевателя Черногорские принцессы — Милица и Анастасия. Можно предположить, что Венценосная пара питала надежду воспользоваться рецептами народной медицины для поправления здоровья. Официальные лекари уверяли: Престолу так долго не дарован Наследник неспроста, требуется лечение. Припомним: Наследник был потом дарован и дарован чудесным образом — по молитвенному предстательству Преподобного Серафима Саровского пред Престолом Божиим. Об этом Император и Императрица были извещены великой блаженной Пашей Саровской во время Серафимовских торжеств в июле 1903 года. Одним словом, на врачебное искусство Филиппа уповать было напрасно. Говорят, что этот месье был в Царском Селе обласкан

милостями, да вот помешали его продвижению Императрица-мать, Мария Феодоровна, и все та же Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. Чтобы поточнее узнать о личности месье Филиппа, в Париж был сделан запрос через Петра Ивановича Рачковского (1853–1911), главу тайной русской полиции во Франции. Рачковский прислал вдовствующей Императрице письмо, изобличающее Филиппа как пособника масонов. Падение Филиппа было предрешено, но и П. И. Рачковскому пришлось расстаться с резидентурой во Франции, которой он так талантливо ведал с 1885 года.

Любители подлогов и передёргиваний (например, Норман Кон в своей книжонке «Оправдание геноцида») ввязывают имя Нилуса в операцию по низвержению Филиппа, происшедшему в 1902 году. Такого рода «исследователи» относят знакомство Нилуса с Озеровой к 1901 году, чего никогда не было; они познакомились летом 1905 года. Да и на место протоиерея Иоанна Янышева (1826–1910), духовника Императора и Елены Озеровой, Нилус претендовать не мог. Он мог быть Другом Самодержца, на это в Августейшей Семье некоторые надеялись. Но... не получилось — помешали злоумышленники. Другом стал Григорий Распутин, облитый теми же злоумышленниками с ног до головы грязью. А Нилус сорадуется с Государем в Духе Святом, чему и посвятит всю оставшуюся жизнь.

Грядущие времена Нилус рассматривал как последние: апокалиптический зверь рвётся править державой смерти. Служители преиспод-

ней — сатанисты, этот недуг вселенной, опрокидывают алтари и троны, воспламеняют живое тело наций гангреной атеизма, возгнетают дух нового язычества. Что же остается делать?

В декабре 1908 года, уже будучи в Оптиной Пустыни, Сергей Нилус пишет: «Если дух антихриста, которого теперь ожидает безсознательно и в редких случаях сознательно почти всё верующее человечество, выступает против нас крепко сплочённой и единодушной армией своих представителей, то и вера Христова должна на борьбу с ним выставить такую твердыню, которая могла бы противостоять всей совокупности адских сил, восставших вкупе на Господа и на Христа Его: она должна действовать тем же испытанным орудием, которым она действовала в жестокие и страшные дни языческого и еврейского гонения на Церковь Христову на утренней заре христианства.

Оружие это — нравственное превосходство святости и смиренной любви исповедников Христа перед современными нам служителями диавола и антихриста. Это оружие в чистых руках, как и самое Имя Христово, как Крест Христов, одно может одолеть всю несметную рать сил адовых, ополчившихся на нашу Родину, тысячелетнюю носительницу духа истинной Христовой, апостольской веры. Без этого оружия нет средств борьбы, без него поле битвы роковым образом останется за врагами»[1].

[1] *Нилус С. А.* Для чего и кому нужны Православные монастыри // «Троицкий Цветок». 1909. № 57.

Интересно, что до того, как прочно осесть в Оптиной, Нилус несколько раз посещал эту Пустынь, набираясь Оптинского Духа. Первые поездки относятся к лету и осени 1901, а затем к декабрю 1904 года, перед продажей имения и переселением в Петербург. Год спустя он снова здесь. В эти наезды Сергей Александрович особенно близко сошелся с о. Даниилом Болотовым, замечательным религиозным живописцем. Отец Даниил был первым из всей Оптинской братии читателем и хранителем Протоколов. В Оптиной Нилус знакомится с местным юродивым Митей Козельским, по прозвищу Коляба. Этот юродивый, глухонемой и почти слепой, с двумя культяпками вместо рук, но при том одарённый от Бога, не раз исцелял бесноватых, обладал непостижимой прозорливостью и пророческим ясновидением.

Незадолго до кончины, последовавшей в 1907 году, отец Даниил Болотов пишет знаменитую картину: на огромном холсте изображены Император, Императрица и Наследник, восхищенные на небеса. Сквозь облака, по которым Они ступают, мчатся рои бесов, яростно устремляясь к Цесаревичу. Но сатанинский порыв сдерживает Митя Козельский, отстраняющий от Наследника вражеские полчища. Картину послали Царю, при Дворе на неё взирали с изумлением[1]. Вскоре в

[1] Со слов бывшего полицейского исправника г. Козельска, митрополит Антоний (Храповицкий), Киевский и Галицкий даёт иную версию: «В Оптиной Пустыни среди послушников был некий художник Виноградов, которому пришла мысль написать картину, фантастический сюжет которой он будто бы видел во сне. Картина изображала Государя Императора Николая Алек-

Петербург затребовали блаженного Митю Козельского, и он удостоился приёма Самим Императором[1]. Чета Нилусов во всём этом деле принимала живейшее участие.

В 1910-е годы Сергей Нилус усиленно работает над самой своей сокровенной книгой «Близ есть, при дверех». Она представляла собой переработанное и значительно дополненное позднейшими исследованиями, по счету 4-е, издание книги «Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле». В открытие книги Нилусом положено рассуждение о недавнем величайшем духовном событии, о Серафимовых днях, «когда казалось, что само небо спустилось на землю, и лики Ангельские с ликами певцов земли среди лета пели Пасху, воспевая хвалу Богу, дивному во святых Своих: в те дни для верного и чуткого сердца православного русского человека благоволил Господь воочию явить тайну величия и мощи России, заключенную в единении Божиего Помазанника — Царя с Его народом, в общении веры, любви и молитвы к Богу и новоявленному Преподобному, великому ходатаю пред Богом за православную землю Русскую.

Бог говорил в Сарове с народом Своим, с новозаветным Своим Израилем, с Россией, послед-

---

сандровича в царском одеянии, окруженного Ангелами, и в то же время нечистые силы тащили его в ад. Это было незадолго до первой революции. <...> Государь <...> очень был удивлен поднесённой картиной Виноградова...» (*Архиеп. Никон (Рклицкий).* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. III. Нью-Йорк. 1957. С. 11). — *Ред.*

[1] Государь даровал ему фамилию Ознобышин. Митя Козельский дожил до революции, арестован большевиками, сослан на Соловки, где и скончался. — *Ред.*

ней на земле хранительницей православной Христовой веры и Самодержавия, как земного отображения Вседержительства во вселенной Самого Триѵпостасного Бога».

Известно, любовь к Царю Преподобный Серафим (1754–1833) рассматривал как основание истинного христианского благочестия, и после любви к Православной вере — первым нашим русским долгом. Сорадуются православный народ и Царь в любви — Россия будет как утёс крепка, перед любым напором устоит. Не будет такого народа и такой любви — дом сей, по глаголу Божиему, останется пуст.

Святой Серафим говорил и о том, что реки крови христианской прольются, ежели зломыслие возобладает. Но прошло восемь десятилетий после кончины великого Старца и что же в России изменилось? Нилус вопрошает: «Сохранили ли мы Православие? Бережём ли Богом дарованное Самодержавие? Охраняем ли мы всею силою любви своей Боговенчанного?» — Нет.

Что же ждёт Россию за измену вере и верности отцов своих? Что ждёт весь мір с падением Православия и Самодержавия?

— С гибелью России приход антихриста неотвратим, — к такому эсхатологическому выводу приходит Нилус.

Заключает Сергей Александрович свою книгу предречениями Преподобного Серафима, доверенные им Николаю Мотовилову (1808–1879), своему боголюбивому собеседнику. Речь идёт о духовном состоянии последних христиан, оставшихся верными Богу пред концом міра. Записки

Мотовилова были открыты Нилусом и частично им же опубликованы. О конце міра Преподобный изрёк так:

«Во дни той великой скорби, о коей сказано, что не спаслась никакая плоть, если бы, избранных ради, не сократились оные дни, в те дни остатку верных предстоит испытать на себе нечто подобное тому, что было испытано некогда Самим Господом, когда Он на кресте вися, будучи совершенным Богом и совершенным Человеком, почувствовал Себя Своим Божеством настолько оставленным, что возопил к Нему: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? — Подобное же оставление человечества благодатию Божиею должны испытать на себе и последние христиане, но только лишь на самое короткое время, по миновании коего не умедлит вслед явиться Господь во всей славе Своей и вси Святии Ангели с Ним. И тогда совершится во всей полноте всё от века предопределённое в Предвечном Совете»[1].

Книга Нилуса вышла в свет в январе 1917 года, в то время, когда сатана как раз встал при дверях. В феврале, ещё не отдышавшись от пьянящего переворота, масон Керенский (Кирбис) спустил распоряжение об уничтожении всего оставшегося тиража этой книги. Его агенты обыскали главный склад при типографии Сергиевой Лавры, а также частные склады, и все найденное уничтожили. Уцелевших экземпляров оказалось весьма немного, и продавались они тайно по

---

[1] *Нилус С. А.* «Близ есть, при дверех». Сергиев Посад. 1917. С. 284.

чрезвычайно высокой цене, до 600 рублей[1]. Ныне, по воле Божией, именно эта книга Нилуса более чем другие его произведения распространена среди православных. Как ни обветшали от греха, а подлинное русское слово привлекает живое читательское внимание! Поистине дело духовного писателя — «просвещать сидящих в сени смертной»...

Февральский шквал застал Нилусов в городе Валдае, вблизи Иверского монастыря. Пять лет здесь жили в тишине и покое, и вот опрокинут Царский трон. К счастью, тогда же их посетил в Валдае князь Владимир Давидович Жевахов, который уговорил Нилусов переехать на Украину в его имение Линовица. Сергей Александрович вместе с «подружием» своим, с женой, отправился в Линовицу. С этого момента они живут по чужим углам... подпольно, и церковь, в которой они молятся, — катакомбная. Если бы вовремя не уехали из Валдая, навряд, ли уцелели: все знакомые были расстреляны в первый же большевицкий налёт.

Тридцать раз Линовица переходила из рук в руки: Махно, Петлюра, краснюки, и все одним мѵром мазаны — кровью. Нилуса обыскивали, сажали в тюрьму, подсылали к нему расстрельщиков, возили в Москву на Лубянку, а Господь, по заступничеству Преподобного Серафима Саровского, не попустил погибнуть от врагов. Все эти годы Сергей Александрович собирал материалы о проявлении святости на Руси, о Госуда-

[1] Всемирный тайный заговор. Берлин. 1922. С. 8 и далее.

ре-Мученике, который сподобился Своей Голгофы ради очищения Своего народа, дабы отвести его от нечестия и привести в разум Боголюбца.

Искал Сергей Нилус неумолкаемые, полнозначные слова и наставления — и находил. Он разыскивает, где только можно, чудесные пророческие предречения о судьбе Государя, когда Он ещё был Удерживающим. Оказалось, что многие люди удостаивались Божественных видений, в которых Государь представал как Святой Венценосец.

Вот видение 14-летней послушницы Ржищева монастыря под Киевом, записанное с её слов игуменией. Видение длилось 40 дней, началось 21 февраля 1917 года. Получив свежую запись, С. Нилус сразу же поехал в монастырь, чтобы самому побеседовать с послушницей. Всё сошлось, как было записано. Государь в Божественном видении Ольги представлен так:

«Мы с Ангелом стали подниматься вверх и подошли к большому, блестящему, белому дому. Когда мы вошли в этот дом, я увидела в нем необыкновенный свет. В свете этом стоял большой хрустальный стол, а на нём поставлены были какие-то невиданные райские плоды. За столом сидели святые пророки, мученики и другие святые. Все они были в разноцветных одеяниях, блистающих чудным светом. Над всем этим сонмом святых Божиих Угодников, в свете неизобразимом, сидел на престоле дивной красоты Спаситель, а по правую руку Его сидел наш Государь Николай Александрович, окружённый Ангелами. Государь был в полном царском оде-

янии, в блестящей белой порфире и короне и держал в правой руке скипетр. Он был окружён Ангелами, а Спаситель — высшими Небесными Силами. Из-за яркого света я на Спасителя смотреть могла с трудом, а на земного Царя смотрела свободно.

Святые мученики вели между собою беседу и радовались, что наступило последнее время, и что их число умножится, так как христиан вскоре будут мучить за Христа и за неприятие печати. Я слышала, как мученики говорили, что церкви и монастыри будут уничтожены, а перед тем из монастырей будут изгонять живущих в них. Мучить же и притеснять будут не только монахов и духовенство, но и всех православных христиан, которые не примут печати и будут стоять за Имя Христово, за веру и за Церковь.

Ещё я слышала, как они говорили, что нашего Государя уже не будет, и что время всего земного приближается к концу. Там же я слышала, что при антихристе Св. Лавра поднимется на небо, и все живущие на земле, избранные Божии, будут тоже восхищены на небо».

Сие видение так взволновало Сергея Александровича, что он тогда же подробно всё это описал о. Кириллу (Зленко), бывшему письмоводителем старца Варсонофия Оптинского. Всё это происходило задолго до мученической кончины Государя.

Были прозорливцы и среди духовных лиц. Одно из них — митрополит Московский Макарий, у которого при Керенском насильственно отняли кафедру. И вот митрополит Макарий видит сон:

«Вижу я поле. По тропинке идёт Спаситель. Я за Ним и всё твержу:

— Господи, иду за Тобой!

А Он, оборачиваясь ко мне, всё отвечает:

— Иди за Мной!

Наконец подошли мы к громадной арке, разукрашенной цветами. На пороге арки Спаситель обернулся ко мне и вновь сказал:

— Иди за Мной!

И вошёл в чудный сад, а я остался на пороге и проснулся.

Заснувши вскоре, я вижу себя стоящим в той же арке, а за нею со Спасителем стоит Государь Николай Александрович. Спаситель говорит Государю:

— Видишь в Моих руках две чаши: вот эта горькая для твоего народа, а другая, сладкая, для тебя.

Государь падает на колени и долго молит Господа дать ему выпить горькую чашу вместо его народа. Господь долго не соглашался, а Государь всё неотступно молил. Тогда Спаситель вынул из горькой чаши большой раскалённый уголь и положил его Государю на ладонь. Государь начал перекладывать уголь с ладони на ладонь и в то же время телом стал просветляться, пока не стал весь пресветлый, как светлый дух.

На этом я опять проснулся.

Заснув вторично, я вижу громадное поле, покрытое цветами. Стоит среди поля Государь, окружённый множеством народа, и Своими руками раздаёт ему манну. Незримый голос в это время говорит:

— Государь взял вину русского народа на Себя, и русский народ прощён».

Копию записи этого чудесного сна Нилус передал священнику Павлу Флоренскому (1882–1937), с которым дружил накоротке. В архиве отца Павла запись сохранилась, имеется она и в бумагах Сергея Александровича, отосланных им в 1923 году в Германию.

И уж совсем уникальна запись видения схиархимандрита Илиодора, старца Глинской Пустыни — великой хранительницы православного духа. Видение относится к 1879 году! Выпишем только ту часть видения, которая касается царствования Николая Александровича.

«И возвещено мне было внутренним голосом, что дни и этого Государя (Александра III — *А. С.*) сокращены будут, и непродолжительно будет его царствование над русским народом.

После этого на востоке, бледно и туманно начертанное, явилось имя НИКОЛАЙ. Звёздного овала вокруг не было; подвигалось оно по небу, как бы скачками и затем вошло в тёмную тучу, из которой мелькали в безпорядке отдельные буквы. После того наступила непроглядная тьма и мне представилось, что всё рушилось подобно карточным домам в момент кончины міра. Ужас объял меня, стоявшего в то время на возвышении, не связанным с разрушающимся міром».

Эту часть видения старца Илиодора монахи Глинской Пустыни (Курская епархия) хранили втайне. Впервые они доверили её князю В. Д. Жевахову, посетившему обитель накануне переворота. Так ценнейшее свидетельство попало к Нилусу.

Несколько трогательных страниц Сергей Александрович посвятил и такому малоизвестному факту из жизни Государя, как выдвижение Им Себя в 1904 году кандидатом на Патриарший престол. Тогда, к сожалению, великий момент иерархами не был понят. Впоследствии Владыки каялись: «Нам нужно было бы Ему в ноги поклониться, преклоняясь перед величием принимаемого Им для спасения России подвига, а мы промолчали!»

...Богозрительные очи Государя омываются слезами крестного страдания. Но Бог терпел — и нам велел! В минуты некоторого успокоения Августейшая Семья в который раз перечитывала книгу Сергея Нилуса «Великое в малом». Священное Писание да вот эта книга — всё что с ними осталось для утешения. 27 марта 1918 года в Екатеринбургском узилище Государь записывает в Дневнике: «Вчера начал читать вслух книгу Нилуса об антихристе, куда прибавлены “протоколы” евреев и масонов — весьма современное чтение».

И писатель до последнего такта сердца сорадовался в духе с Государем. Вот свидетельство дочери священника, в доме которого скончался Нилус: «Перед кончиной он позвал нас: “Батюшка, Манечка, зайдите”.

Мы с отцом вошли в комнату и присели на сундук, который там стоял. Сергей Александрович сидел в кресле около письменного стола, повернувшись лицом к двери и к нам. Елена Александровна стояла позади него и держала на его голове мокрое полотенце. Сергей Александрович

начал говорить о том, что приближаются тяжелые времена для Церкви, что “Удерживающий от среды отъят есть”, то есть некому удерживать людей в их устремлении к всё большему злу. Он так всегда говорил и повторил теперь».

Сорадование в Духе доступно лишь вдохновенным Боголюбцам с душою, облагоуханной Духом Святым.

Август 1988 г.

МИ́ЛОВКА

Достохвальная Золоторёвка. Еле одолел ненавистную дорогу, добро б в колымаге, — на канительном сборном поезде. Даже и не ехал он, а полз с передышками. Голой ездой в два с половиной часа пересилил 25 верст. Езживал ли так Сергей Александрович на паровичке? Колея не менялась.

И слава Богу, что добрался. Передо мной — Золоторёвка! Узнаю, да и побывал тут не раз, читая «Жатву жизни». Взгорок, чернозёмная взъерошенная дорога, внизу Оптушка, речка в оправе кустов. Из-под крутого берега выклинивается живительный источник.

А теперь взбежать на бугор — и вот она, Нилусовка, как обмолвилась одна тутошная бабка — Ми́ловка: «Милусы жили на этой стороне, оттого и Ми́ловка». Правлюсь улицей, виды беднейшие. Всё больше ютятся в мазанках, клетушках, избёнках подслеповатых. Старые лачуги, может быть, и не лучше были, да их в войну свои ж расколошматили. Будто бы, вытуривали немцев, а били по своим, били из «катюш». Немец-то

хитёр, сел на машины — и утёк. А свои по своим всё шарахали. И уцелело от большого села три двора. Все другие понатыканы потом натощак да кое-как, ставились невольниками трудодней, замордованным народишком.

И без поводыря нахожу барское место. Кружок усадьбы рощицей обведен, повит цветущим кустарником и остатками древес. Но где же дом в два света, тот самый, что гляделся окнами на разбег полей, с выдвинутым балконом к благоуханным черемушникам? С вопросом обращаюсь к мордатой тётке.

— Там теперя ветлечебница. А дом сгорел, кажись, в 25-м году. Завистники сожгли, из соседней деревни. Лихостились, что Золоторёвка волостью будет, а им утереться дадут. Додумались сжечь, и сожгли. На углях-то и стоит мазанка-ветлечебница. Поначалу в той мазанке правление гоношилось.

Пошёл искать мазанку. Стоит, но ни углей, ни камушка. Воздух, и тот поколеблен: невдалеке барахлит тракторишка, надсадно позвякивает стёртыми мослаками. Брошу его и эту поврежденную жизнь, припомню, что тут было и что оставалось.

Дом ставлен спиной к Балке. Глубокая зелёная складка и доныне сохранилась живописным акцентом местности. Впереди простиралась благоуханная обитель из древес и кустарников. А по левую руку зеленела увитая листвием барская беседка среди газона. Впереди — храм. Возле храма два раза в году ярманка гудела. Было это на Михайлов день, в предзимье, да на Балы-

кинскую Божию Матерь, летом. Чтили тут эту Икону Чудотворную. Она смилостивилась к золоторёвцам — уняла пожары, здесь полыхавшие. Не занималось больше пожаров, как поставили в храм Икону Пречистой. Гомонила, гудела ярманка, лакомилась пряниками да конфектами, на каруселях визжала.

Сергей Александрович продал имение г. Галицкому. А тот править умел. Достал американский локомобиль обмолачивать хлеба, поставил на хуторе Тюхарь в пяти верстах от села. Разжигали и топили махину соломой. В людской подолгу заживались наёмные деловцы — полешки, они-то и трудились на полях. Конными косарками валили хлеб, а вязать да стаскивать снопы в копны барин брал баб. Сам расплачивался, чтоб знали хозяйскую руку. Как и при Нилусе в экономии сеяли рожь, гречу, пшеницу и кряжистый клевер. Изобильно стекалось зерно в хлебный амбар России — в Орёл. Оттуда по Оке барками и белянами доставляли хлебушек в столицы. Подкармливались от благочестивых рук и обыватели инославных государств. И свои золоторёвские мельницы — их было три до чугунного моста — немолчно жевали новину-сыромолот и дозаренное, а потом досушенное в овинах зерно, и то, что переходило с прошлых лет. Ведь одоньи-то, бывало, и по году, и по два стояли немолоченными. Враз не поспеешь, да и цену выждать надо. Локомобиль подбодрял людей. Галицкий не чужой: «У нашего барина вон что есть, у других нет».

Полешки — ух и смышлённый народец! В полях клетки нарежут, и на каждую положат

назьму колышку. Так делянку за делянкой, десятину за десятиной и гонят. Поля утучняли знатно, оттого-то и через рожь не продерёшься, и клевера кряжистые не разодрать. Пышнело всё, что ни посеешь; пёрло, что ни посадишь. Жизнь наладилась, стали забывать раздоры, оторвяжничество Пятого прожидовленного года, перед которым и продал Сергей Александрович имение. За соломенными плетеными дворами, в мазанках и хатах поселился достаток.

Но где видано, чтоб русская жизнь устоялась надолго?! Неймётся бесам и полубесам. Семнадцатый настал. И нашло, и наехало. Провонявшие тюремным духом уголовники и босяки учинили Большой русский погром. Откуда ни возьмись латыши навалились коршунячьей стаей, с семьями вкупе, пустились на грабёж и кровавое дело. Сметалось всё, ввергая в отчаянное разорение весь уклад российской действительности. От усадеб повеяло трупным смрадом.

Немного погодя прихлынуло Белое Движение. Прорезалась надежда и вера выстоять. В Золоторёве возле парома, где была когда-то «винополь» — четвертушки из окошка подавали — вздёрнули предателя из царских генералов, позорника рода, Антона Станкевича. Вздёрнули и в овраг оттащили. Заодно и латышам всыпали, по коршунячьим потрохам.

Но Господь испытанием проверяет нашу веру. Пришлось отходить, надолго отходить в будущее. Поехал с бойцами и золоторёвский батюшка. Не так как ездил раньше в жару, с сеткой на конях, а в тарантасе наспех, на лошадке некипучей, уса-

див рядышком попадью и поповну. Но не сдобровало сердешным, батюшку краснюки убили вдогонку. Осиротел храм, пожары больше не унимались, заплакала Пречистая глазами Своих сирот. И поднесь вскипают слёзы православных...

Стою на бугре, лицом к Балке. Ми́ловка, узнаю ль тебя? Как бы ни надломлено сердце, а толчок радости — узнаю! Вот он, Сергиев простор. Там подать рукой — поля по небесный окоём. В них на перекресточках ставил Нилус часовенки. Благодатью веет с полей.

Цветочки прозрели: ветреницы, пригожие баранчики. Поди, любил их добрый барин? Роща огласилась щёлканьем соловья.

Да, не помнят Нилуса нонешние бабки. Годы выели былое, и поколения не те. Только осталась в душе — Ми́ловка, Милусу дарованная.

Помолимся Господу, помянув смиренное имя Сергия. Да будет...

12 мая 1986 г. Золоторёво

КРИНЫ БЛАГОУХАННЫЕ

Побыть в Оптиной — всё равно, что после чужбины попасть на Родину. Она и есть Духовная Родина всех нас, русских людей. И тянутся сюда ду́ши вкусить благодати, очиститься от коросты постылого повседневья. Оптина влечёт намоленностью Духоносных Старцев, неизбывной красотой благословенного міра и целебного спокойствия.

За поворотом дороги, за шатрами тёмных елей, сразу вырастают башенки монастырской стены. Струится стена по холму и распадкам, облекая

пространство необоримой защитой. Остановка каменной струи — башня с Ангелом, трубящим в трубу спасения. Обеденное пространство украшено храмами, переходящими один в другой. Пустынь названа Введенской — от века говорили: Введенская Оптина Пустынь — оттого и серединный, первенствующий, собор — Введенский, в память Введения во храм Пресвятыя Богородицы (созижден в 1750 году). Именно собор подъемлет выше других возглашенное Слово. Изображенный образ Слова живёт в застывшем камне. Так и видится в уголку собора, справа, седеющая фигура Нилуса: семь лет не пропускал Литургии. И приобщался Христовых Тайн здесь. Заглянул через раззоренное окошечко внутрь — опустошено и захламлено вражьей рукой, туга и горе гнездятся. Собор — сердце креста, по четырем концам света — церкви: вселенная молится, славит Имя Господне. Север почтён храмом Марии Египетской, сохранился в переделке 1858 г., но сильно обезображен беснующейся чернью, купол сорван. На храме табличка «улица Льва Толстого»: ересиарх с чернью вровень. Полуденная сторона освящена в монастыре Казанским храмом (окончен строительством в 1811 г.). И юг оставлен без куполов, изгажен как и север. Восток осиротел вовсе: Владимирская церковь снесена до тла. От запада остался всего нижний ярус колокольни, а тридцатисаженный шпиль повержен в войну своими. Бывало, глянут люди с Козельска на Пустынь — так и замрёт сердце от радости, до чего ж велика матушка! И как доминанта держала весь архитектурный аккорд.

Ныне скорбные руины являют отголоски величия, даже суемудры уверяют: «Без колокольни постройки плавают». Примечательны и своеобычны на калужской земле высоченные шпили колоколен. И по сёлам были такие, и в самом губернском граде. Устремлённость к Богу мгновенная.

Подле собора могилка святого старца Амвросия. Зе́мной поклон тебе и молитва. Славный наш батюшка с причетником служит литию, мы — в благоговейном воспоминании. Ничего, что дождь всё резче забирает, и уж холодные капли растекаются по лицу, служба захватывает сокровенным общением с Духоносцем, не хочется уходить отсюда. Могилка была срыта давно, когда зачумлённая тварь по указке властей грабила Россию, и осенявшую место упокоения палатку растащили. Но цветет народная память, цела могилка! Обставили православные лоно кирпичиками, крест выложили на земле. А теперь свечи возжигают, молитвы тут творят, как у живого, наставлений у Старца просят. И помогает.

С другими великими старцами тоже сохранилось тёплое общение, но только мысленное. Их захоронения частью под спудом в закрытых храмах, куда доступа нет, либо сравнены с землёй и прикрыты чужими плитами, к примеру, братьев Киреевских. Эти благочестивые братья вовсе не там покоятся, где туристские плиты положены, а поодаль: здесь святость почиет. Крушили и ломали шестьдесят лет, что устоит под напором взбешённого железа? Уже после войны в монастыре разобрали и растащили до двад-

цати сооружений и кирпич увезли в Козельск. У кого не отсохли руки, отсохнут от таких проделок.

А сердце веселится познанием Отечества. В Скит идём, в обитель Богоносцев Оптинских. Мерно роняют вековечные сосны отмершие ветки, а сами застыли в неподвластном карауле. И-и высоченные же, вскинешь взгляд — шапка с головы свалится. Помечают присутствие тех, кто берёг природу, как благостыню, дарованную Господом. Вот и входная башня: отверзи нам, Богородице, двери в этот покой. Перекрестились, и уже чугунные и каменные плиты позади, впереди свет и радость истины. Мы в Скиту, где благоухали крины молитвенные, старцы Богоугодные.

Словно весточка благословенная, нас встречает церковь Иоанна Предтечи. Срублена из местного леску, слажена скромно, но душевно, она живо напомнила чистую Русскую жизнь, центром которой был Дом молитвы, попирающий гордыню. В этом уединении сразу же острее чувствуешь наше теперешнее окаянство. Разросшаяся по пояс травища скрыла всякие следы обработок. А ведь как была ухожена земля скитянами! Каждая пядь заливалась духовитыми цветами, источала ароматы. Не замер только источник Амвросия, по-прежнему бьёт из недр. Удоволился влагой, попил вволю.

Солнце омывает келлии, покои скитоначальника, стену леса за пределами обители. Праведные Старцы тут ставили обед духовный для всей мыслящей и труждающейся России. Приснопа-

мятные отцы, Лев, Макарий, Анатолий, Амвросий, Варсонофий, Нектарий и иже с вами, помолитесь перед Престолом Божиим о нас грешных. Сподобьте наше недостоинство вразумления и просветления, призрите наше сиротство, утешьте сокрушённые скорбью сердца! Припадаем к вам, благоухающие духовные лилии, дабы вдохнуть благодати спасения. Рыдает истерзанный на ветру безверия человек, отрите наши слёзы, прилейте сил держаться достойной жизни, дарованной Господом!

На душе полегчало, как пообщались с благодетельными Старцами. Теперь на поиски консульского дома, где обитал консул-беллетрист Константин Леонтьев. Именно этот дом затем занимала чета Нилусов, набираясь духовного здравия на Берегу Божьей Реки. Здесь Сергей Александрович воздвиг основные свои труды во славу Оптиной. Не обойтись без книг Нилуса, ежели к Оптиной подвигся. Ему и почёт в потомстве.

Ищем консульский дом. Была фотография, да оставили в Москве. Припоминаем детали. Вроде бы вот, чуть отступя от гостиницы. Впрочем, тут три дома называли гостинными, включая леонтьевский. Похож и не похож. Подвернулся старичок-любознай, муравейный трудолюбец. Рассказывает охотно, о чём ни спроси, но с дозой домысла, зачастую весьма существенной.

— Консульский? Как же, как же, стоял в Скиту. Возражаем, в Скиту не жили мiрские.

— Да, да, едак, не жили. А он и был отъединен стеной. Теперь сломали и дом, и стену.

Настаиваем на своём. Любознай соглашается. И вострый же этот муравейный хлопотун! До того, как переселился в лесок, напротив Скита, подумать только, жил в хибарке преподобного Амвросия! Вот она, обитель великости духовной: по правую руку от врат, назираемых Самой Пречистой, и прилепилась хибарка. Оконницы напоены тихим светом, умиротворенностью, перед ними синелька, зелень, незабудки.

Ещё здесь ночует наш провожатый, а как утро, бежит в лесок напротив, к своим курам. Заглянули и мы туда, пробрались мимо бедового пса на гремучем рыскале. Абрамов — так зовут хозяина — прихворнул, оттого и не дюже муравеен. Но вот как ожил, встрепенулся весь, услыхав наше слово «Нилус». Читал Сергея Александровича, но не семь книг, а всего одну. Зато какую! Её и мы не видали: шамординское издание Сионских протоколов (назвал 11-й год). В Шамординском монастыре типография была, а вот издание такое, да ещё с картинами — образина Герцля к примеру — и толщина книги, судя по рассказу, солидная. Всё это интересно и важно. Говорит: москвич прислал, а для переписки дал адрес чужой, побоялся свой давать. За книгой приехал сам на другое лето. Что за издание? Найти бы.

Пока слушали Абрамова, его баба ужа в картошной борозде обызрела. Да как защемила граблями, истошно заорала, вилы требует. Пробуем отговорить бабу не губить добрую змею. Какое там, и слушать не хочет. «Он корову доит. Вилы, вилы, Руслан, дай!» Внучок в сарае замеш-

кался, вил всё не отыскивал, потом принёс. Подцепила поперёк, поволокла. Ужиха длиннейшая, толстая. Говорю, что ужак спас других животных. Ежели б не заткнул он течь в ковчеге Ноя, потонули б непременно. Ужей беречь надо. Взбешённая баба и слушать не хочет, поволокла на вилах убивать. А вернулась, опять про корову: высасывает вымя и шабаш. Напраслину на ужей несла самую вздорную. Извела своей злобой. Хозяин её снова обрынул, хворым сделался. Пожелали расслабленному здоровья и ушли. По дороге в канаве поднял изумительный изразец, может быть, из святой обители. Ангобом — цветными глинами выложен приятный рисунок: травка с крупными плодами, по краям лазоревое поле и звёзды небесные. Были и вапами расписаны, а этот ангобом.

От Берега Божьей Реки — к берегу Жиздры. За остатками монастырского фруктового сада кругом открылись чисто русские виды. Спокойные купы вётел и рассыпанные кучками ракитники перемежались мелкоосочником, зарослями на редкость лопушистой мать-и-мачехи. Жиздра привольна и светлоока, радует открытостью водной глади. Над головой раздаётся ручьистая песнь жаворонка, а внизу немолчно повизгивают береговушки. Крутой левый берег рябит от их нор, тут-то и носятся стаи ласточек-землекопов. Правый берег плёсистый, песками светел. То и дело в воде бултыхается рыбина — играет под вечер. Невдалеке коршун столбы ставит — покружится и плавно снижается.

Сон на Жиздре здоров и сладок. Продолжительные жары не позволили расплодиться комарам, так что и не досаждали почти. Зато на другой день натерпелись страху в сильнейшую грозу. Ветвистые молнии вырывались из тёмных провалистых туч, огненными бичами перечёркивали наволочь, пускали сотрясающие громы. Просыпался крупный град. Вороха небесных пилюль росли и росли. Затем хлынул ливень, вода визжала, проедая рукава в песчаной косе. Когда ливень прекратился, возле нашей стоянки виднелась новая отмель. Река вздулась, поседела от клочков пены.

И опять в блеске солнце! Опять послышался жаворонок. Свалила гроза и слава Богу, а то трясочкой тряслась душа. В Оптину спешим, туда, к очагу родному. Не доходя белых стен, возле заросшего пруда припадаем к источнику. Ничего что рядом враги расположили свинарник и отстойник нечистот, вода святая изливается чистейшей, с своеобразным рудным ароматом. И прохладительна, прохлаждает родниковой прохладой. Потом дальше зелёным берегом Жиздры, мимо толстенных деревьев. Поворот налево, чу — другой целительный источник — Пафнутия Боровского. Здесь некогда стояла часовня, теперь только в глубь уходящий сруб. В этом источнике купаются во здравие. Пробуем достать дна, глубина велия.

Сподобились благодати омовения; легко и бодро сделалось каждому. Ещё незабудки и горечавки встречались цветущими одновременно: так бывает лишь в завязь лета. А уж из бора вот-

вот потянет спелой земляникой, грибками. То и другое на подходе. Природа Оптиной — живейшая сокровищница Божиих даров.

Прощаемся с обителью, кланяемся сему месту святу.

8–11 июня 1986 г. Оптина Пустынь

МОГИЛКА НАЙДЕНА!

Тихой, ясной погодой отмечены ныне Кузьминки, день ледовых кузнецов — Кузьмы и Демьяна. То было накануне поездки. А заутро, как и вчера, всё то же благоутишие. Открытое, лучистое небо, благорастворенный, чуточку с прохладцей воздух, жолклые до последнего листа деревья — ну и осень! Видать, ненароком насылается теплынь, она — покой и радование ко здравию сущего. И за что нам такие щедроты? Люди разжигают сердца гневом и гордением, попаляются завистью, в грехе умерщвляются, а им даруются неоскудные Божии благодати: возрастайте! Взамен — измена святому делу, подложная жизнь.

Поглядите, сердце бледнеет, как поравняешься с обобранным и обезглавленным Параклитом. Колокольня скита, его храм, келлии — всё исказила, повергла в запустение чёрствая рука невера. Святыня почила, и, может быть, жива лишь для тех, кои помнят её сами или по рассказам о ней сведали. А далее — Зосимова пустынь. Там монахи-трудники тёплую молитву творили во славу Бога, исцеляли поврежденные души, расслабленным надежду на выздоровление пода-

вали. Там закалённый молитвою старец о. Алексий (Феодор Алексеевич Соловьев, 1846–1928), горячая православная душа, пас словесное стадо. Сюда наезжало интеллигенции со всей судьбоносной Москвы опоры искать в себе, утверждать самовоззрение. И в крутые времена Пустынь попервости оживлялась духом Господним, свободою. «Остёр топор, да и сук зубаст» — поговаривала вокруг простая чадь, міряне. Здесь многажды молился благовестник и златословный учитель — о. Павел Флоренский. В голодные годы в окрестном лесу приходилось ему собирать и грибки для семьи. Истинствовал в любви к живому благоуханию бытия до последнего вздоха. Мимо Параклита и Зосимовой пустыни, уже закрытых и пустеющих, с воцарением восьмилегионного беса, когда людей, как волков, обкладывали красными флагами, не раз проезжал гонимый Сергей Нилус. Он проезжал в лесную сторону, в деревню Гагино, где некоторое время скрывался в семье местного священника; тот-то впоследствии, в 1928 году, и отказал ему в таком прибежище. Кого не трясёт боязнь?

В Крутец едем этой стороной, но в Гагино крюк не даём, расстояние порядочное, а день короток. Отлогости, распадки, подъёмы на местности — поднесь как было, одни поля невозделанные тошнят нынешней тошнотой. Наконец Александров, река Серая, где Грозный утопил очередную жену, с каретой и кучером на облучке, светлейшие стены духовной лечебницы — монастыря. Почти безошибочно берём направление к Крутцу, но всё же спросили долговязого

парня, и тот показал: правильно, версты четыре отсель. Крутец и вправду на взвозе, на горушке. Вот изреженный елушник расступился, обнажив крутой подъём просёлка, и выглянула ровная, как стол, улица — теперешнее село.

Первое, что бросилось в глаза — старинный бревенчатый дом с «галдареями» по бокам, по-теперешнему с верандами, с непременным мезонином. Оказывается, это охотничий особняк купца Зубова Павла Васильевича, александровского богача и землевладельца. Вон внизу зубовские заливные луга с нанятыми покосчиками. Кому-нибудь и сейчас слышатся хруст срезаемых трав, задиристый говорок и смех средь благовонной поляны. А где же в селе храм ненаглядный, где он? Ровная, пустая улица, грязная дорога накатывается на нас, и более ничего. Иду спрашивать старушку Овчинникову, Марьей Яковлевной кличут. Вот она с весёлым взглядом и резвая на ногу, а ведь на девятом десятке. Запричитала, де был бы Николай Петрович, муж её, он бы всё показал, Нилуса хорошо помнил, а то помер как шесть недель, и осталась она, горькая вдовица, без опоры и рассказчика, с внучками о чём потолкуешь. С печки высунулись хорошенькие головки юниц, греются с холода, велят дверь поплотнее прикрывать.

Овчинникова бадик в руки, с ним способнее идти старому человеку, и тыча этой палкой в землю, повела к краю села.

— Вот тут стоял наш храм Успенский. Вот остатки каменных привратных столбов, повыше земля — тут была колокольня, уронили в 46-м

году, и кирпич растащили, а это место, к нам поближе, под храмом было. Церковь закрыли перед войной, в 36-м, тогда же и разобрали.

А была она вся деревянной, кроме колокольни, но на высоком каменном основании (от него теперь и следов нет). Сынове Российские, что вы творили! Впрочем, помрачение нравов держалось всеобщее, сюда ль ему не докатиться?

Опять сказывает Марья Яковлевна:

— Могилка Нилуса, вот она, с правой стороны алтаря, напротив окна, где Никольский придел отгорожен. Как не упомнить, ведь пела я на клиросе, ни одной службы не пропускала, отца Василия чла за доброту и ровный голос. Могилку Нилуса и муж потом не раз показывал, любил о нём говорить.

Священник Василий Арсеньевич Смирнов, приютивший в мае 28-го года благочестивого писателя (в его доме Сергей Нилус и умер), жил большой семьёй. У него было пятеро детей: Юлия, Александра, Сергей, Маруся (оставила воспоминания) и Валентина. Матушку звали Юлией Алексеевной, на ту пору ещё был жив её отец, диакон Алексей Михайлович.

Обширный дом Смирновых располагался у дороги, на улицу выходили четыре окна, по бокам тоже имелись окна. За домом сад и терновник, перед крыльцом чайные кусты — жасмин. Дом раскатали по бревнышку и свезли в соседнюю деревню Сорокино, пошёл под школу. А отец Василий после гонения за неподчинение обновленцам, после отсидки, поставил себе совсем небольшой домик на другом месте, двора

через три, вон там. И его сейчас нет. Был домик при двух итальянских окошках внизу, с крошечным верхом на маленькую светелку, со скворешенку. Это строилось уже после смерти Сергея Александровича. В этом домике потом ряд лет жила Елена Александровна Нилус, воспитывая четверых Марусиных детей. Когда клыкастый стиль жизни безпощадно утвердился и терпение истощилось, все Смирновы рассеялись кто где, то в Крутце доживала одна матушка. А как её не стало, хороминку оттяпал сельсовет. Под сельсоветом-то она и сгорела перед войной.

Стою посредине улицы и размышляю. Вот то село, куда майским ветреным днем 28-го года приехал в тонком, изношенном пальто Сергей Александрович. Присел на крылечке рядом с подругой жизни, со своей Еленой Александровной, дожидаясь хозяев. Пригласил его, с согласия отца Василия, Лёвушка, муж Маруси. И вот хозяева пришли, гости встречены, усажены в покойной комнате. Потекла беседа, благостная, прикровенная. Измученный угрозами и допросами в узилищах, чуждый массовому человеку и опаляемый ненавистью кровожадных властей, духовный писатель, некогда с светлым и весёлым взором, выглядел совершенно дряхлым и больным. Внешне он напоминал своего небесного наставника, преподобного Серафима Саровского. Только фигурой крупней, но также согбен и сед, и ликом похож; в руках палочка. Журнальная работа оставлена давно, потенциал надежды исчерпан, но собранности духа не утратил, и даже возросла укорененность в Право-

славии. Всё тот же темпераментный стиль письма — вёл дневниковые записи и кое-что из них читал потом за столом новым друзьям — благовествовал, как живу быти нам. Тлело тело, но здравствовали духовные дарования его, покоряла умственная зоркость. Церковь подаст благодатные средства спасения, ведь, по слову Игнатия Богоносца, Господь облагоухал Церковь нетлением. Всё также «мы сильны есмы в делах и словесах». И чувствовалась большая сосредоточенность в себе, проявлялось неуклонное духовное восхождение.

Как ни велика повсюду утвердилась пропасть, а всё же и в селе кое-что было не за скобками жизни. Колокола звонили, служба в храме правилась истово, значительная часть крестьян не растеряла живого опыта Богопознания и не поддалась нажиму неверов. Не о них ли сказано архимандритом Феодором Бухаревым: «Можно и землю пахать и дрова рубить, приобретая себе за этим делом Христа Господа»... Но гонимый Нилус ни с кем не входил в общение, всякое его слово могло разозлить надсмотрщиков из центра и повредить давшим приют. Сиял красотою христианства и молчал. А рядом слышалась многошумящая речь селян, порою вырывался огнь общественных страстей, комсомольцы затаили звериную злобу. Но дух есть свобода и творчество, Нилус оставался свободен в себе.

Не дремали и бесы. Обыски, посулы убийц расправиться, доносительство — весь бесовский букет налицо. Нет черты, за которую не переступят. Книжной силы боятся, но и её переси-

лят злодейством. Сохраняла помощь свыше, помогало заступничество угодников Божиих. Были воители, были и защитники. Вменилось праведнику слово Господне во спасение. В воспоминаниях Маруси Смирновой всё это хорошо описано.

Почил Сергей Александрович 14 января 1929 года, накануне памятного дня преп. Серафима, Саровского чудотворца. Мёрзлую землю рыли с трудом большим, отогревать нельзя — деревянный храм впритык. Хоронили всем селом 17-го, пришли даже зачумлённые комсомольцы. Крест поставлен был высокий, на нём надпись словес вечных. Вот теперь могилка эта и отыскана, благо дорога обочь прошла. Её проводили прямо по кладбищу, и всё размешано колесами. Думается, спас остов звонницы, он не попустил супостатам разъезжать где встрапится. И вот уцелела святая земелька храмовая, а подле — заветная могилка.

Марья Яковлевна повела поговорить со старушкой Катей, ей 90 лет. Катерина Ивановна Рыбакова предстала совсем блаженненькой, улыбка не сходит с лица, а рассказ один и тот же:

— Отца Василия летошний год видала. Едет на лошади, на станке сидит (так тут называют телегу), весёлый такой. Я ему «батюшка Василий, батюшка Василий», а он повернулся, не узнал что ль меня, и дальше поехал вон с той горки.

Старушке Кате объясняют: отец Василий давно умер, нету его. А она всё своё: встретила батюшку. И счастливо улыбается. Не стали мешать её счастию.

Неугомонная Марья Яковлевна остановила с ведрами какую-то бабу помоложе себя. Та поглядела недобро, показала две вставных челюсти:

— Не американцы ли послали вас, русских, учить молиться?

Пуговка носа ввалилась, одни челюсти металлические. Пятилеточная старуха — из особого людского материала. Чтобы загладить нанесённую обиду, пошла уговаривать: да я так, да я пошутила. — Отвяжись, отстань.

Пойду-ка лучше к любимой могилке, поклонюсь ещё раз. «Дым есть житие сие, пар, персть и пепел», — припомнился Нил Сорский, светильник Святой Руси. Могилка сия свята, духовный писатель зарыт в ней.

А мы «кую похвалу приобрящем?» Эк как быстро опустошили полную чашу природных богатств. Земля стонет под напором массового человека. И уже отравлена химией, избита неразумными переделками. Вся Божия тварь на краю гибели, а в нашем случае и домашний скот страждет от измывательств и невозможного содержания. «Вся тварь, — по словам Апостола, — совоздыхает человеку» (Рим. 8, 22). Не о теперешнем ли времени написано отечестволюбцем, святителем Тихоном Задонским: «Человек грешит, а прочая тварь страждет: земля не даёт плода, воздух и вода растлеваются». Впрочем, духовные подвижники всегда современны. Их мистические озарения оплотневают в нашей сущности. Воздадим им почитание.

Напоследок поглядел с Крутца на окрестности. В дюжине шагов от дома, где жил Нилус, от-

крывается вид на речную долину и помещичий луг, откуда крестьяне в Петров день приносили душистые ягодки Зубову, а он их оделял деньгами и гостинцами. Вот и Зубовские кирпичные конюшни, в которых нынче мается несчастный скот. Заметим, что в других деревнях он мается ещё больше, ибо там дворы куда хуже старинных.

Теперь в путь. Мои сопутешественники — отец Диакон, Духовный композитор и Вольный философ — люди вдумчивые и чистые сердцем. Спасибо им за приверженность к своей Отчизне, к Истине. Настоящий Владычный полк, а Владыка у нас один — Христос.

15 ноября 1986 г., село Крутец

ПОБЕЖДАЕТСЯ ЕСТЕСТВА ЧИН

Владычная земля, владычная высота храмов, русская жажда сокровищ некрадомых — благочестия. Так проступает Новгород сквозь чадливый туман теперешней жизни, безблагодатной по своей сути. А жизнь былая невообразимо хороша здесь, опочив в камне соборов, коих, благодаря Господу, осталось всё ещё много; в святых обителях покоя и молитвы; в животворных иконах, изливающих целебное веселие Духа Свята.

В храме святителя Филиппа на молебне святителю Николаю так умильно выводили акафист простецкие голоса, что возликовала и моя иссохшая душа, прильпе к Богу Живому. Мощный голос диакона вострубит и прервется, а певчие сквозисто протянут плетение звуков, дуновени-

ем унесутся. Посадские девушки поют, и распелись ладно так, пускай и по-свойски. Поющая церковная плоть — всегда украшение жизни. Вот и они, посадские девушки, за псалмами да за акафистом — как же пригожи. А так бы потерялись, заглохли. В храме возделывается человек, и прочь от него весь сор и всякое сорное былие!

Батюшка проповедует достойно, во всём благообразии. Изредка он опирается на оплотненные духовные формулы. Вчера, поучая прихожан примерами из жития преподобной Пелагии, сказал: «Кровь — слёзы души». Ныне ещё одарил каждого жемчужиной: «Чудо — это гармония между человеком и Богом».

Мне показалось, что батюшка заметил моё присутствие в храме. Молился я среди десятка старушек, соблюдая чин благочестивого прихожанина. Благословляя в завершение службы, он пожал мне руку. Нынче народу верующего собралось много, было всё так же славно. А диакон и вправду дороден: крупняк, хоть с виду и простец, бас роскошный.

Явленные и храмовые новгородские иконы снесены в заповедник. До искомого музейного зала доберёшься не враз. Продирался туда сквозь анфиладу пустующих камер. Местная древность из раскопок интересна, но её надобно изучать, за недосугом многое пропускаю мимо. Период «новейший», с его тракторами, застиранными гимнастёрками и пропагандистской бижутерией, — на дух не выношу. Бегом отсюда, наверх скорее!

Там, что ни шаг — встреча с чудом. Иконы одна другой благостнее. Не вдохновение водило кистью, изографа наставляла евангельская любовь. Вот Спас Нерукотворный Симона Ушакова — невозможно глаз отвести. Исполнен со священным трепетом, и этот трепет объемлет предстоящего зрителя. Заступница в Новгородских концах земли скорбная, Истинно Понимающая, Всепетая Мати. Роднее образа не бывает. Угодник Никола и поныне всякому бедствующему кладет спасительный узелок вспоможения.

Моленный ряд икон почитаем особо, выдержан в крепком колорите смирения: блаженные позы одухотворены хвалой Господу. Пробовали новгородцы включить в деисус земную красу: святого осыпа́ли пухлыми розанами, да и лик ставили открыто. Было это, правда, по деревням и в екатерининское время, но попытка соединить домашнюю церковь с домом молитвы, избу — с храмом, хоть и трогательна, а канонически вряд ли верна.

Видел и прикровенную новгородскую Софию — Премудрость Божию. Икона великая, таинственная. О её прикровенном смысле расширительно толковал в «Столпе» о. Павел Флоренский. Софийский собор лепоты непревзойдённой — дожить бы до службы здесь. Общерусская святыня.

Спрашиваю бабушку — музейную служку:

— А где почиют мощи святителя Никиты?

— Увезли, родненький, в Филипповской церкви лежат. — И шепотком: — Мощи других Божьих угодников заколочены в ящиках, поставле-

ны вон там. — Показывает на хоры, под самые закомары. В соборе праведников покоилось числом до пятидесяти...

Пойду в гостиные покои, вернусь к Нилусу. С собою взял вторую часть «На берегу Божьей реки», о валдайских годах Сергея Александровича. Скоро и Валдай с его Иверским монастырем увижу. Больно уж охота и дом найти, всё-таки в нем шесть лет провёл он с подружием. Валдай дважды раскрывал гостеприимство пред Нилусами.

Первый раз «благословенный уголок» приютил гонимую молвой чету в сентябре 1906 года. Сразу после освящения брака Нилусы бросили разъяренный Петербург и пустились наугад по России, куда судьба приведёт. Прилепились душой сперва к Николо-Бабаевскому монастырю на Волге, где и пожили в молитвенном покое с полгода. А за «Бабайками» — сюда, к Иверской Богородичной святыне, что высится со времён Никона на острове, огороженном от людского скопления водой. Правда, людских скоплений тогда в посадах ещё не было, но Иверская обитель устроялась на века, и с самого начала укромно, под защитой Святого озера. Жили по Четь-Минеям святителя Макария, что ни день прочитывали житие просиявшего в христианских подвигах угодника. Нилус на опыте собственной жизни пришёл к мысли, что «земная жизнь всякого человека, ищущего спасения в вечной жизни, ныне, как и встарь, управляется Всеблагим промыслом Божиим, или непосредственно, или же через небесных пестунов — угодников Божиих... Молились усердно, говели, умилялись проповедям со-

борного протоиерея. Так и прошёл год, пока не встали под живительную сень Оптиной, среди Старцев.

Пройдёт несколько счастливых лет, и наши богомольцы под ударом обстоятельств, снова окажутся в «богобоязненном Валдае». Тогда уже на численнике утвердится 1912 год.

...Сперва собираюсь побыть в Старой Руссе. И дела подталкивают туда съездить, и душа зовёт заглянуть в уголок Достоевского. Перед отъездом зашёл в буфетную. Бедность, но во всём щепетильная честность. Вдобавок кухарка здесь... говорящая глухонемая. Считывает твою речь по губам, а сама громовым басом бух-бух. Вот так глухонемая!

На Евлампиев день покатил в Старую Руссу. С утра туман плотнейший, облака осели на земь, да так и лежат. Едем с зажженными фарами. Дорога тут редкостной ровности: на сорок вёрст ни одного бугорка, ни одной извилины — прямая как стрела. Въехали пополудни. Показалось, что Старая Русса овевается теперешним неуютством. Так оно и есть. Ведь город колошматили и до войны, и в войну. Храмов осталось меньше, чем пальцев на одной руке. А было... Много было.

В гостинице «Полисть» старичьё из вояк гужуется. Тут бились с немцами напрямки, без разбору город утюжили. Нынче ввалились с жёнами — спесью заряжёнными, и генерал с ними. Устроили разгул, кричали песни, младшие чины вихлялись и паясничали перед начальством, выхвалялись и поношались кто чём мог. Орали до-

поздна. Наутро понурые ходили, перепой давил. Даже засовестились. В буфете полковник (в форме только он да генерал; остальные — орда) вежливо разъяснял военную ситуацию. Мужество было проявлено с двух сторон, но русские немцу подсыпали шороху. Город не уцелел (Новгород без боя сдали, ему и ордена нет), а со звонниц засаду выбивали пушками, прицельно. Били и когда засада покидала укрытие. «Церквей в этих местах ставили много, даже в глушинке были не дальше, чем в восьми верстах одна от другой — соседствовали в пределах видимости», — поясняет полкан (прозвище полковников, впрочем, боевых бы так не называть). О власовцах сказал без раздражения, а судомойка заметила, что не при немцах наголодались, а в 47-м.

Ушёл разыскивать дом Достоевского. И нашёл на берегу речки Перерытицы. Нескладный немного, зато собственность Фёдора Михайловича. Водили меня по залам одного — посетителей поздней осенью не бывает. Портрет местного иерея на стене, любил со священнослужителями водить знакомство благочестивый литератор. «Братья Карамазовы» создавались здесь, и Скотопригоньевск — Старая Русса. Чудом уцелел «дом Грушеньки». Война не испепелила и усадьбу Достоевского, но обобранной она оставалась с переворота. В 1928 году её и вовсе упразднили, а имущество великого истолкователя русской души оприходовали казённые организации. Прозорливец Достоевский мешал кромешникам.

Пешком шёл верст пять. Проголодался, а на магазин так и не набрёл. Согревался разного рода

литературными подробностями. Припомнился и тютчевский эпизод.

В погоне за темпераментной вдовой, Еленой Карловной Богдановой, в Старой Руссе побывал загадочный сумасброд, престарелый женолюб Фёдор Тютчев, живший, как выразилась его старшая дочь Анна, — «вне всяких законов и правил». Было это в 1868 году во все двадцатые числа июня. В письме к сыну своей возлюбленной Тютчев пишет: «Путешествие по дороге сюда поистине одно из самых приятных. Плавание по Волхову, в особенности в это время года, как до, так и после Новгорода, не оставляет желать ничего лучшего... Я мог убедиться собственными глазами с парохода, как велико количество уток и диких гусей, изобилующих в этих краях. Я видел тучи их, улетающих или падающих, в очень небольшом расстоянии от парохода». Теперь ни одной утки не обнаружилось нигде, а ведь должны же быть зимующие. Их даже в Замосковье пропасть.

...Поздним часом 24-го октября подъезжал я к Валдаю. Фары выхватывали из темноты какие-то странные названия деревень, среди них — Ижицы и Длинные Бороды. Наконец — Валдай. Разыскал гостиницу, поселился. В ней обнаружилось всё хуже, чем в Старой Руссе. Темноватый номер обвеян скукой, подушка набита разве что не глиной — комья по кулаку выпинают, а уж, нащупав неприкаянную головушку, и поспать хоть чуть не дадут.

Встал в семь. Пошёл к ранней Литургии. Открытый храм один на весь Валдай, да и тот

кладбищенский. Звоны, как повсюду в Новгородской земле, под запретом, колокола перелиты в товары для утиля. А при кладбищенском храме к тому же и звонницы нет. Снаружи он выглядит гражданским зданием, но внутри благолепен! Два списка с иконы Иверской Богоматери, один в богатой серебряной ризе, возможно, принесен из монастыря. С подлинной, Никоновской, обретенной с Афонской горы, этот, сравнительно новый список, наверное, достаточно близок, ибо и эта Иверская икона пленяет радостью от вкушения Божественной жизни, в коей побеждается естества чин. Иверская святыня в смуту, в Русский погром, исчезла. Но исчезла не сразу.

В 1918-м году продотрядники грабили монастырь. Сначала настоятель Иосиф не давал вывозить хлебные припасы, но красные обозники силой заставили его открыть житницы. Стали грузить хлеб в лодки и водою переправлять в город. В одной из лодок продотрядники держали перепуганного, недавно побитого каменьями на крестном ходе настоятеля. Ко всему вражье отродье измыслило лютое злодеяние. Когда подплывали к Валдаю, с берега раздались выстрелы по настоятелю. Раненный, обливаясь кровью — плакала душа — на него да на верующих и перевалили свой грех кромешники. Дескать, стреляли в духовное лицо, чтобы поднять верующих против власти. И пошло по одинаковой для всех мест схеме.

Объявляется красный террор. Расстреливают купцов и других состоятельных людей, в мо-

настыре подбивают трудников к бунту, после чего сколачивают коммуну. Просуществовала она до 1927 года. Десять лет за монастырской стеной бок о бок утесняли духовных коммунарщики. Служба в Успенском соборе правилась. Одновременно в безбожном музее паясничали крикуны. Вооруженные бесы разбойничали, как хотели. В 27-м монастырь заглушили и запечатали. С той поры икона Иверской Богоматери на руках богомольцев. Святыня перешла в Церковь катакомбную. Вначале ей служили молебны по домам в самом Валдае, а с ужесточением богоборчества она исчезла вместе с ризой и окладом. Возможно, что православные души берегут святыню, и появится она, когда подойдет тому час.

Ещё раз выразим надежду и наше упование: святыня явится, как только враг будет связан Крестом. А пока Россия сорвана с живых корней и враг безчестит её, где святыня — никто не знает. Может быть, затаилась, как затаились, до времени исчезнув, чудотворные мощи батюшки Серафима Саровского[1]. И тоже откроются в утешение русским сердцам — стоит сатану связать Крестом...

Засмотрелся в кладбищенском храме на икону Спасителя: у Его подножия рассыпаны беленькие цветочки. Земной красой наделяют, вопреки канону. Да ведь люди любят своего Спасителя! По-деревенски трещат дрова в трёх печах, дверцы отворены так, что жар виден. Воздух заметно согрет.

---

[1] Писано было ещё до открытия мощей Преподобного.

Второй раз пришёл позже, к 10-ти, к началу обедни. Народу притекло изрядно, все люди с выразительными лицами. Ежели уж бабушки, то с добрыми, но проницательными глазами. Дамы покорствуют и напускную важность оставляют за порогом. Во всех храмах одинаково спасительно.

А всё же где Нилусы жили, где дом тот соловьёвский? Кого ни спрошу про Всеволода Сергеевича Соловьева, никто ничего о нём не знает. Да сын историка, говорю, да брат философа, говорю. Никто ни о ком не слыхивал. Побрёл к краеведам.

Разместился музей в круглой Екатерининской церковке (архитектор Львов). Стоит этакая базилика с колоннами, наверху купол. И умели же в век просветительский, в закат восемнадцатого, растворять утвердившиеся русские формы зодчества, прикрывая всё западной картинкой. Теперь в Екатерининской звенят валдайские колокольцы и колокола, кому ни лень — трогай и тряси. Заведует всем этим голосистым хозяйством Надежда Петровна Яковлева, весьма симпатичная и знающая особа. В ней есть что-то очень русское, незаёмное. Объяснила, как отыска́ть соловьевскую усадьбу. Знает, что за писатель Всеволод Соловьёв, где он жил, как выглядели его хоромы.

— Когда спуститесь с Екатерининской горки, идите улицей направо, там отыщите рощу, а в ней школу-интернат. Рядом со школой стоит деревянный двухэтажный дом. По бокам дома стояли два каменных флигеля. Один из них разоб-

ран в 50-м году, а другой в 52-м. Надо было строить школу, а флигеля мешали.

Мешали... Кругом столько ветхих построек, и стоят. Город ведь запущен донельзя (немцы его не брали). Стены кирпичных домов расселись, кладка осыпается и рассыпается, а люди всё живут. Те же соловьёвские флигеля, как уверяет Надежда Петровна, выглядели добротными.

Иду тем порядком, которым много ходил Сергей Александрович. Названий у теперешних улиц нет, их препоясали позорными кличками уголовников. Зато соловьёвский дом помечен попристойнее: Кузнечная площадь, 3: вдоль рощи стояли кузницы. Не здесь ли Пелагея Ивановна Усачёва держала свой колокольный завод? На всю Россию славились церковные колокола Усачёвых. Их и в Болгарию брали за лучшие. В революцию крепко прижали последних Усачёвых, а те даже хотели задобрить дракона, обязываясь работать на него. Обобрал дракон одёжку на человеке, пустил голым, разорена и развеяна семья.

Злополучная школа-интернат, омертвляющая детям мозги. А вот и сами дети: орут и сквернословят. Но, дорогой, драгоценный дом, дай-ка на тебя взгляну попристальнее!

Обошёл кругом. Вроде бы ничем не примечателен: бревенчатый, обшит досками, покрашен порыжелой охрой. Узор из пояска выпиловок дан намеком. Но окна светлые, господские. А если в этом доме и жил Нилус? Соберусь с мыслями, да припомню как было.

В воспоминаниях людей, гостивших у Нилусов в Валдае, дом как таковой не обрисован, описана усадьба. Но вот сцена грозы на Петра и Павла в 1916 году, когда всего один раз ударил гром, и этот удар расщепил грабили, прислонённые к растворённому окну, возле которого Сергей Александрович за столом вёл дневник. Посетитель, студент, удивлялся случаю, как это Нилус при таком близком ударе грозы остался цел. Скорее всего, в деревянном доме жила семья политэконома Георгиевского, коему после Соловьёвых принадлежала усадьба, и их постоялец с женой, а прислуга располагалась в каменных флигелях. Кто теперь скажет точнее? Обычно в деревянном доме господам жилось лучше, чем в каменном. И в нашем случае было, похоже, так же. Среди старинных фотографий, изображающих Валдай, соловьёвской усадьбы не отыскалось, хотя отсняты многие посадские дома.

В годы, когда здесь жил Нилус, через трехверстный пролив, отделяющий Иверский монастырь от Валдая, перевозили лодочницы; за соловьёвским поместьем и стояли (там и сейчас причал). Ровно к девяти утра поспевали к острову, под медный гул благовеста. Но мне к Иверскому придётся пробиваться окольным путем. И пойду пешком, потому что катер уже на приколе — зима на носу, никакие казённые автосредства туда странника не доставят. У валдайцев своих машин нет — живут на зарплату, и шоссе пустует. Да и воскресенье к тому же, люди попрятались в комнатах.

Всего от соловьёвской усадьбы до монастыря, ежели кружным путем пуститься, наберется 12 вёрст. Туда и обратно надо сходить засветло, а уж половина дня, считай, пропала. За пределы Валдая подкинул автобус, а там Бог даст и сам дойду.

Ходко иду, налегке. День-то какой благословенный: солнечный, тихий. По понтонному мосту преодолел самую узкую часть залива: Святой остров улегся клином, узкая его часть здесь. Чем глубже вхожу в лес, тем диковиннее обступают деревья. Иду краснолесьем — никогда не блекнущим ельником, с прямыми, стройными стволами и высоченной макушкой. Попадаются вековые, а то и двухвековые исполины. Следы недавнего ветровала там и сям. Огромные выворотни, в которых цепкие корни удерживают землю и навесу, глухо лежат разбитые дерева. Лесное крупнотравье — кипрей и папоротник попалены ночным морозом. Много камней, иные размеров внушительных.

Иду островом долго, всё-таки четыре версты. Но вот в хвойнике показался просвет. И чудо, право, какое чудо! Главы церквей, стены, собор; ещё прибавил шагу — весь монастырь предо мною. Чувствую, как внутренний восторг всего объял и, само собою, быстрее потянулся к Святым воротам... Достиг. Но заколочены они, и полинялая казённая надпись не пускает. Перекрестился, приподнял щеколду и по-свойски через калитку прошёл за ограду. Иверское детище преподобного Никона и издалека-то изумляет, а вблизи и вовсе монастырь неописуемо

величествен. Прямо перед лицом — огромный Успенский собор, справа наместничьи покои, слева трапезная, а за спиной — братские келлии. Колокольня хоть и разобрана вполовину — без верхних ярусов, но и такой впечатляет; крепостные башни — их десять — прочно связали каменный кушак стен. Здесь творили молитву люди, здесь возрастали душой. А теперь запустение и воет ветер. Помолился под синим небом, сомкнутым с синей водой, и Нилуса помянул.

Официально тут база отдыха «Дар Валдая». Почтовый ящик владеет, может быть, тот самый военный завод, который отравил Святое озеро. Ни одного рыболова на воде нет. В городе рассказывали: озеро так замордовали, что рыба ловится без плавников. Отравители и развлекаются, загаживая твердыню духа.

Формально вроде бы монастырские строения «поставлены на консервацию». Но она длится четверть века, и зданиям выстоять не способствует. Нужна служба Богу живая, тогда бы и жизнь заиграла в полноте. Монастырь возделать можно, невозвратных утрат в строениях нет. Взять, допустим, братский корпус. Да, сейчас он разорён, и реставраторы могут погубить окончательно, ежели на десятилетие растянут восстановление. А был бы снят запрет с монастыря, отдали бы его в руки верующих[1], и этот корпус и все, все хоромы, и собор, и даже колокольня сразу бы возродились! Никон строил

[1] К настоящему времени монастырь уже передан Церкви.

монастырь три года, и мы б его тоже за три года вывели из запустения. Чтоб возносилась тут молитва Богу.

В самом широком месте остров всё же менее версты. Это как раз там, где Иверские стены. Вышел к озеру за монастырь: ходуном ходят лютые волны, сурово дует ветер, но красота благословенная, кажется, только тут и возможна. Чувствую, и уже ясно слышу, как возносится в голубое поднебесье Аллилуйя. Почто нас оставил, Боже!

Чтоб потруднее был путь, взял с собою старый, никоновский, кирпич: раскиданы у братского корпуса в отвалах да и везде по монастырю и даже на лесной дороге. Потяжелее лучше, чем пустому. Перекрестился — и в путь. Холодный ветер подгоняет. Но в ельнике потеплело. Пугала меня в гостинице дежурная: на острове вепри бродят, а то и «сам» догонит, мишатка. И баба изобразила вставшего на дыбки мишатку. Ей это легко было сделать, ведь сама-то вылитая медведица. Иду, припоминаю разговор тот. Улыбнулся, больно уж чудно баба медведицу представляла. Шёл до гостиницы около трех часов, ухрястался хорошенько; кирпич не сайка, пятнадцатифунтовый. Зато на душе тепло и чисто. В постижении святыни побеждается естества чин, укрепляется потребность в духовном делании. Помоги, Господи!

г. Валдай, 25 октября 1987 г.
В день мучеников Прова и Андроника

ВЕЛИЧАЙШИЙ АКТ ВЕРЫ

Симбирский помещик, совестный судья Николай Александрович Мотовилов называл себя «служкой Серафимовым», учеником и последователем всея России чудотворца, преподобного Серафима Саровского. Благочестивый, Боголюбивый, живший по правилам крепкой истины, Мотовилов являл собою, как бы в чистом виде, тот тип русского человека, нацело определявшего лицо народа — совестливого, богомольного, слитного с коловращеньем земного бытия. Николай Александрович был в высшей степени наделён пониманием Божественного, провиденциального, и не только обладал пониманием, но и постигал духовное делание, неуступчиво берёг от расхищения Святоотеческое достояние Церкви. Не высоковыйный гнев, а смиренномудрие руководило им, получавшим от Божиих щедрот исцеление от скорбей, причём и телесных — долгоденствие и просветлённое жизнечувствие. Жертвуя немалые вклады в Саровскую и Дивеевскую пустыни на возведение и внешнее благоустройство храмов, Мотовилов помыслом и делом подкреплял стремление преобразить светлорусский простор небесными Знаками благодати.

Цвести духом для него равнялось обретению внутреннего лада и покоя. Отрешив хозяйственные хлопоты на попечение Елены Ивановны, жены своей, Николай Александрович ревностно посещает местночтимые обители, влечётся к спасительным беседам с подвижниками благо-

честия. Ему привелось вразумляться от поучений архиепископа Воронежского Антония, иеросхимонаха Парфения Киевского, епископа Игнатия Брянчанинова, епископа Феофана Тамбовского, этих проницательных и одарённых утешителей. И все же Мотовилов, прежде всего, был «служкой Серафимовым», к нему он тянулся всею душою, его почитал за подателя Хлеба жизни. И Преподобный радовался своему служке, поощрял кроткого собеседника подвигаться по пути совершенства. Наконец, именно ему доверил своё самое сокровенное — проповедь о том, как внидти в Царство Духа Святаго, снискать Его благодать. И если бы ни Сергей Нилус мы, возможно, никогда бы не узнали мыслей преподобного Серафима о цели христианской жизни...

Беседа Саровского молитвенника с Мотовиловым на эту стержневую тему произошла в зачин зимы 1831 года, причём велась она не в келлии, а на лесной поляне, в версте от обители Богоносного учителя.

Батюшка Серафим не сразу сподобил Мотовилова слушать великие глаголы, выношенные за годы пустынножительства. Приглашённый в ближайшую лесную часовенку, Николай Александрович полный день прождал у закрытых дверей, но так и не был принят Старцем. Под самый вечер Преподобный отворил дверь, благословил богомольца и сказал: «Не взыщите, ваше Боголюбие, что я долго не отворял дверей; ныне среда и я безмолвствую. Завтра, если угодно, пожалуйте, я целый день готов беседовать с вами, а теперь грядите с миром. Господь и Бо-

жия Матерь да благословят вас, грядите с миром».

И вот занялся следующий ноябрьский день. Зазимье, уже подвыпало снежку, держалась не то, чтобы оттепель, просто морозцы забирали круто и отпрянули. Лес побелел, посуровел. Мотовилов вспоминает так: «Это было в четверток; день был пасмурный, снегу было на четверть на земле и сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка о. Серафим начал беседу со мной, на ближней пажнинке своей, возле той же его ближней пустыньки, противу реки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам её, поместив меня на пне лишь только что срубленного им дерева, а сам стал против меня на корточки...

— Ваше Боголюбие! — сказал мне Великий старец, — в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чём состоит цель жизни нашей христианской и у многих великих особ духовных о том спрашивали неоднократно.

Надобно знать, что с 12-летнего возраста моего, по неведомым судьбам Божиим, я очутился между Архиереев русских.

— Но никто вам не сказал о том справедливо. Ибо пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средствами для достижения её. Истинная цель жизни нашей христианской — есть стяжание Духа Святаго Божия. Пост же, бдение, молитва, милостыня и всякое Христа ради делаемое доброе дело приносит нам плоды Духа Святаго; всё

же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не даёт. Вот почему Господь наш Иисус Христос сказал: “всяк, иже не собирает со Мной, тот расточает” (Мф, 12, 30)... Так-то, ваше Боголюбие, так в стяжании этого-то Духа Божиего и состоит цель нашей жизни христианской, а молитва, милостыня, бдение и пост и другие добродетели — суть только средство к стяжанию Духа Божия.

— Как же стяжание? — спросил я его. — Я что-то этого не понимаю.

— Стяжание всё равно, что приобретение, — отвечал он. — Ведь вы разумеете, что значит стяжание денег; так всё равно и стяжание Духа Божия. Так и Сам Господь землю нашу называет торжищем, а жизнь — куплею, и даёт нам заповедь: “Купуйте, дондеже прииду”. Вот почему в притче о мудрых и нерадивых девах, когда у юродивых не доставало елея, сказано было им: “шедше купите на торжищ”; но как двери уже были затворены, то они и не могли этого сделать. Затворение дверей есть прекращение жизни, смертью делаемое. Вот почему Господь, сострадая к нашему бедствию, то есть невниманию к милосердному Его о нас попечению, велегласно возвещает: “се стою при дверях и толку”, разумея под дверьми течение нашей жизни, ещё не затворенной смертью. Так я желал бы, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием, ибо Господь говорит: “в чём застану, в том и сужу”»...

Благодать Духа Святаго, наставляет преподобный Серафим Мотовилова, а с ним и всех нас, приобретается наиболее доступным средством. «Примерно: даст вам более благодати Божественная молитва и бдение — бдите и молитесь; много даёт Духа Божия пост — поститесь; более даёт милостыня — милостыню творите и таким образом о всякой добродетели Христа ради делаемой рассуждайте», — завет Преподобного. Далее мудрый Старец добавил: «Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из купцов курских; так когда не был я в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша даёт. Так и вы поступайте. И как ведь в торговом деле не в том сила, чтобы только торговать, а в том, чтобы от торга, чем бы то ни было больше барыша получить. Так и в деле жизни христианской — не в том сила, чтобы только молиться или какое-нибудь другое доброе дело делать. Хотя Апостол и говорит: “непрестанно молитесь”, но ведь, как помните, прибавляет: “хощу пять слов рещи умом, нежели тысящи языком” (1 Кор. 14, 19).

Так если рассудить обстоятельно о заповедях Христовых и Апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни лишь средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть в вящем приобретении даров Духа Святаго. Когда же приидет Он и начнёт очищать вас от скверны, то перестаньте молиться, потому что, когда мы зовём гостя дорогого, то зовём его, пока ещё не пришёл он. Ког-

да пришёл, то слушаем его беседу, а если и продолжаем говорить, то лишь тогда, когда нужда потребует получить от него объяснение на его речи, которые нам неудобопонятны или вопрошаем его о том, о чём он ещё говорить не начал с нами. Неблагоразумно уже было бы продолжать звать его, когда уже он пришёл к нам. Вот почему и Господь говорит: "упразднитеся и уразумейте, яко Аз есмь Бог". Под упразднением же разумеет Он не одни дела мирские, но и дела духовные, какова, например, есть молитва. Ибо когда солнце восходит на небо в полноте своего сияния, тогда не только звезд, но и месяца не видно. Так же, когда Дух Божий приходит к нам в силе Своей, тогда молва и молитва уже некстати. Молвою я называю молитвенную беседу человека с Богом...

Мы в настоящее время так удалились от истинно христианской жизни, что даже нам странным кажется Священное Писание, когда говорится: "виде Адам Господа, ходящего в Раю"; и неоднократно в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам. Это всё произошло от того, что мало-помалу удаляясь от простоты христианского ве́дения, мы под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам то кажется неудобопонятным, о чём древние христиане до того ясно разумели, что в самых обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми никому из собеседующих не казалось странным».

Развивая свою мысль о явлении Бога человекам, Саровский пустынножитель подчеркнул:

«Благодать Божия в полноте даров Своих обитала в сердцах человеческих только во время пребывания Адама и Евы в раю». Преисполненные дыханием жизни прародители наши наделены были премудростью распознавать наклонности каждого творения на земле, нарекли им имена. Такой благодатью они преисполнялись, пока вкушали от плода древа жизни. И тут же её лишились, стоило вкусить от плода древа познания добра и зла, что повлекло изгнание из Рая, с причинением смерти душевной и телесной. Зло смертное, взойдя в безсмертную природу человека, не могло пребыть вовеки, оно должно было быть стерто Семенем Жены, и оно стёрло главу змия. И поныне наряду со священнотайным вселением в сердца верующих Духа Святаго мы подвергаемся искушению тьмы греховной, бесовским силам, растляющим священную природу человека. Бесы мятежно мудрствуют, захлестнуты похотью плотскою и гордостью житейскою. Одна надежда, одна спасительная сила — нескудеющая благодать Божия. На Неё и все наше упование. «Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живый и веруяй в Мя не умрет во веки», — говорит Господь Иисус Христос (Ин. 11, 26).

Далее о. Серафим продолжает: «Про стяжание этой-то благодати Духа Святаго я и говорю вашему Боголюбию, что она составляет цель нашей христианской жизни. Её-то преемственно прияли мы от Апостолов, через неё-то получили мы ещё и самую неоценимую благодать отпущати грехи человекам на земле и право передавать её другим возложением рук наших на них. Све-

том она названа от Самого Господа Бога, ибо не только по слову Евангелия просвещает всякого человека, грядущего в мір, то есть при Крещении, будучи даруема человеку, зажигается в сердце его, как светильник, чтобы светить ему во всё время жизни на земле... И если бы со времени Крещения мы не согрешили в течение жизни нашей, вовсе были бы не только праведными, но и совершенно святыми. Но в том-то и дело, что козни врага безчисленны, сила его крепка, немощь же наша велика; ибо сказано, что "и праведник седмижды на день падает", кольми же паче грешники, про которых сказано: "во тьме ходят и нозе поползновенныя на грех имут".

— Вот видите, ваше Боголюбие, повсюду во всех местах Священного Писания благодать Божия называется Светом и это быть иначе не может, потому что не только мы должны безпрекословно верить Священному Писанию, как Слову Божиему непреложному, но и ещё более потому, что и на самом деле Господь неоднократно Светом проявлял для многих действие благодати Духа Святаго, именно на тех людях, которых Он посещал великими наитиями Его.

Так в этой-то благодати Духа Святаго желал бы я, чтобы вы, ваше Боголюбие, пребывали всегда и когда, приобретая её, разнообразными добродетелями Христа ради делаемыми, обрящетесь в ней же в день прихода Его, то есть в час успения вашего, то воистину явитесь непостыженными на вечерю Агнчию в одежде брачной. Так старайтесь же всегда приобретать благодать Духа Святаго и непрестанно пребывать в ней».

Это как бы первая часть Беседы, учительная, для спасения души. Естественно, мы не можем извлечь все места и даже пересказать их, поскольку Преподобный в подкрепление своих мыслей по памяти приводит обширные выдержки из Св. Писания, ссылается на молитвенные подвиги Духовидцев, людей древлего и новозаветного сознания. Мы и так не скупимся на выписки из воспоминаний Мотовилова, памятуя, что теперь они мало доставаемы, ежели не сказать более, почти недоставаемы[1]. Беснующаяся чернь, водимая сатанинскими силами, тщилась всю литературу, близкую народу, извратить, а то и уничтожить. И книги С. А. Нилуса раздражали их сильнее других. Но именно эти книги запрятывались людьми благочестивыми так глубоко, что не докопаться до них было и сатане самому, не только его приспешникам. Велика рать Христова на Руси, её не одолели, а теперь уже и не одолеют никакие враги рода человеческого. Шести- и пятиконечники рвали сосуды, подпитывающие русский мозг, намереваясь превратить его в ком серой грязи, подобный своему, внечеловеческому, а тончайшие сосуды эти были недосягаемы. Они и поныне питают религиозное сознание нашего Боголюбивого народа. И так до пакибытия, до скончания века.

Вторая часть Беседы — сплошное сорадование православных душ. Чтобы стать сопричастниками того момента, прочтем воспоминания дальше.

---

[1] Писалось в августе 1985 года.

— Каким же образом, спросил я батюшку о. Серафима, узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это очень просто, — отвечал он.

— Всё-таки я не понимаю, почему я могу быть твёрдо уверен, что я в Духе Божием и как мне самому в себе распознать Его истинное явление?

Батюшка о. Серафим отвечал:

— Я уже сказал, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно разуметь Его явление в нас. Что же вам ещё нужно?

— Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько.

Тогда он взял меня весьма крепко за плечо и сказал мне: «Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием; что же вы глаза опустили, что же не смотрите на меня?» — Я отвечал: «Не могу смотреть, потому что из глаз Ваших молнии сыпятся. Лицо Ваше светлее солнца сделалось, и у меня глаза ломит от боли». Он отвечал: «Не устрашайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь также светлы стали». И, преклонив ко мне голову свою, тихонько на ухо сказал мне: «Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился, а только в сердце моём мысленно помолился Господу и сказал: “Господи, удостой его телесными глазами видеть сошествие Духа Твоего Святаго, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь явиться им во свете великолепной славы Твоей”. И вот Господь и исполнил мгновенно смиренную

просьбу убогого Серафима. Как же нам не благодарить Его за этот неизреченный дар Его к нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являл Господь милость Свою, а уж эта благодать Божия, как мать чадолюбивая, по предстательству Божией Матери, благоволила утешить милосердием своим сокрушаемое сердце ваше.

— Что же вы не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь: Господь с нами!

И когда я взглянул после этих слов на лице его, то на меня напал ещё больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости полуденных лучей его, лице человека, разговаривающего с вами. Вы, например, видите движение уст и глаз его, изменение в самих очертаниях лица, чувствуете, что вас кто-то держит рукой за плечи, но не видите не только рук его, но и самих себя, ни его самого, а только один ослепительнейший, простирающийся на несколько сажень кругом свет; слышите крупу снеговую, падающую на вас, чувствуете, что её по крайней мере на вершок нападало на вас и... вы можете себе представить то положение, в котором я находился тогда.

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня о. Серафим. Я отвечал: “Необыкновенно хорошо”.

— Да как же хорошо-то? — спросил он. — Что же именно-то?

Я отвечал: “Такую тишину и мир в душе моей, что никаким словом то выразить Вам не могу”.

— Это, ваше Боголюбие, тот мір, — сказал о. Серафим, — про который Господь сказал ученикам: “Мір Мой даю вам, не якоже мір даёт, Аз даю вам. Аще бы от міра были бысте, мір убо своё любил бы, но якоже избрах вы от міра сего, сего ради ненавидит вас мір. Обаче дерзайте, яко Аз победих мір” (Ин. 14, 27; 15, 19; 16, 33). Вот этим-то людям, ненавидимым от міра сего, избранным же от Господа, и даёт Господь тот мір, который в себе теперь вы чувствуете...

— Что же вы ещё чувствуете? — спросил меня батюшка.

Я отвечал: “Необыкновенную сладость”.

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: “От тука дому твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я”. Вот эта-то теперешняя сладость преисполняет сердца наши и разливается неизреченным услаждением по всем членам нашим; от этой сладости как будто тает сердце наше и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может.

— Что же вы ещё чувствуете? — спросил он меня.

Я сказал: “Необыкновенную радость в сердце моём”.

И он продолжал: “Когда Дух Божий приходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человека преисполняется неизреченною радостью; ибо Дух Божий “радостотворит всё”, к чему бы не прикоснулся Он. Это — та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: “Жена, егда раждает, скорбь

имать, яко прииде год ея, егда же родит отроча, ктому же не помнит скорби за радость, яко родися человек в міp. В міре скорбни будете; егда же узрю вы, возрадуется сердце ваше и радости вашей никтоже возьмет от вас” (Ин. 16, 21, 22).

— Что же ещё чувствуете вы, ваше Боголюбие? Я отвечал: “Теплоту необыкновенную”. И он сказал: “Как теплоту? Да ведь мы в лесу сидим; теперь зима на дворе и под нами снег и на нас более вершка снегу и сверху крупа падает. Какая же может быть тут теплота?”

— А такая, — отвечал я, — какая бывает в бане.

— А запах, — спросил он меня, — такой ли, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Я в жизни много танцовал; так когда, бывало, собирался на бал, спрыскивался духами; однако же никакие духи земные не издают такого благоухания.

И батюшка о. Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И я сам знаю это, да нарочно спрашиваю у вас: точно ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше Боголюбие, никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Духа Святаго. Так что же земное может быть подобно ему?

— Заметьте то, ваше Боголюбие, вы сказали мне, что тепло кругом нас, как в бане. А посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает,

стало быть, эта теплота не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть та самая теплота, про которую Дух Святый словами молитвы заставляет нас вопиять ко Господу: “Теплотою Духа Твоего Святаго согрей мя”. Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза, в одежду благодатную, от Духа Святаго истканную, будучи, как в теплые шубы, одеваемы. И так точно и быть должно на самом деле, то есть благодать Божия должна в сердце нашем обитать, ибо Господь сказал: “Царство Божие внутри вас есть”, а под Царствием Божием разумел Он благодать Духа Святаго. Вот оно-то теперь внутри нас и находится, и благодатию Святаго Духа отвне осиявает и согревает нас, благоуханием многоразличным преисполняя воздух вокруг нас находящийся, услаждает чувства наши пренебесным наслаждением, и сердца наши напояет радостью неизглаголанною... Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас убогих преисполнил теперь Господь».

Это чудо, явленное Господом монаху и мирскому человеку, преподобный Серафим велел Мотовилову запомнить и передать потомству. Ведь оно рождено для целого міра, для всех людей во утверждение дел Божиих. Будто предвидя нарекания пустосвятов и маловеров, Угодник заметил: благостыня Духа Святаго изливается на всех, будь то затворник или мирянин, лишь бы сердце преисполнялось сыновней любовью к Богу и добродетелью к людям. Умножайте друзей, взращивающих класы спасения ближних. «Господь равно слушает и монаха и мирянина, про-

стого христианина, лишь бы оба были православны и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя яко зерно горушно. И оба двинут горы, или лучше сказать, един движет тысящи, два же — тмы».

Произошло так, что Мотовилов суть Беседы записал не сразу, а спустя дюжину лет. И воспроизвёл её в двух изводах, сжатом и расширенном. Закончив долгоденствие глубоким старцем, Николай Александрович при жизни не решался печатно рассказать о заветах святого угодника Божия о цели христианской жизни. К тому были веские причины. Одна из них — затянувшееся прославление благодатного величия Чудотворца; Россия ещё не дотянулась до крестных высот, указанных её Ангелом. Духовная мысль живая, теснимая тогда в узилищах канона, подолгу не находила своих провозвестников и предсмертное поучение Преподобного десятилетиями оставалось втуне. Беседа была погребена в бумагах Мотовилова до рубежа XX века, вплоть до обретения мощей Чудотворца, происшедшего в 1903 году 19 июля, когда в Сарове при стечении огромного числа людей, в присутствии Государя, посреди лета запели Пасху, как то предвидел сам святой Серафим.

Нилусу повезло, он ещё застал в живых жену Мотовилова, Елену Ивановну (1823–1910). Подумать только, она дожила до прославления Преподобного и даже перешагнула 1903 год. Какая завидная участь! Сергей Нилус, а только ему Елена Ивановна открыла у себя дома короб с бумагами мужа, выбрал и напечатал сжатый из-

вод беседы. Возможно, ему он показался более совершенным по сравнению с расширенной записью[1]. Первое издание книги «Великое в малом» (Царское Село, 1903) включает как раз этот текст. Выпускал он Беседу и отдельно под названием «Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым». Эту богословскую жемчужину Сергей Нилус характеризует как «сокровище, которое по справедливости может быть названо величайшим актом веры». Своё предисловие, коим снабжена Беседа, С. А. Нилус заканчивает так: «Глубину значения этого акта торжества Православия не моему перу стать выяснять и подчеркивать, да он и не требует свидетельства о себе, ибо сам о себе свидетельствует с такой несокрушимой силой, что его значения не умалить суесловиям міра сего».

Со стороны русской общественности одобрительных отзывов на Беседу ожидать было преждевременно. Напротив, духовные власти разобиделись, что свидетельства сошествия Духа Святаго на «убогого» Серафима получены из-под пера не инока, а мирянина; светские литераторы, размагниченные на позитивизме, и вовсе ухмылялись. Но уже народились, приподняли голову и заговорили люди нового религиозного сознания, они церковную истину рассматривали не как затвердевший в камень канон, а как живую, под-

[1] В приведенном пересказе использованы оба извода Беседы.

вижную мысль, крепнущую от поколения к поколению. Эти-то люди поняли, о чём толковал Великий Серафим. Вот, к примеру, что написал Михаил Новосёлов в своей книжке «Психологическое оправдание христианства». Назвав Беседу «целым событием, огромным по своему религиозному смыслу», Новоселов заключает: «Простота и вместе мудрость слов здесь чередуются с явлениями Духа и Силы». Новейший философ восторженно пересказывает чудную и чудесную картину сошествия Святаго Духа на «убогого» Серафима и треблаженного друга его, представленную среди охладевающей природы, в заснеженном ноябрьском лесу. «Рушится грань не только между мыслимым и являемым, но и между духом и плотию, ибо последняя, озаряемая и проницаемая Духом Божиим, как бы возводится в первоначальную светлость и красоту, в достойное жилище осияваемых благодатию душ», — заканчивает своё рассуждение Новосёлов.

Как то и предсказывал Преподобный, маловеры усомнились в свидетельстве мирского человека. Мистические планы, теософия мучат их головы, и сущности христианской жизни, как жизни духовной, они не понимают. Религиозное смятение той поры застилало правду наносным песком мистицизма. А уже требовалось для жизни неискажённое Апостольское учение, и его в национальных формах передавали заветы преподобного Серафима. Близилась канонизация его, чтобы исцелить язвы взыскующей и страждущей Церкви нашей. Он и сам об этом

сказал Мотовилову: «Господь не иначе воздвигает святых Своих, заставляя Церковь Свою канонизировать их, как только тогда, когда она в членах своих тяжко страждет, каким бы то ни было нечестием».

Нечестие же язвами разъедало тело нации. Верхние, руководящие сословия, отдаляясь от народа целых два столетия, наконец так отдалились и обособились, что потеряли всякую живую связь с нуждами и мировоззрением простых людей, верным устоям предков. Эта кастовая замкнутость, чуждая державному сословию — крестьянству, породила разброд в обществе, превозмочь который не было ни у кого полномочий. Дворянство во многом устыжалось своего крепостнического прошлого и в покаянии роняло инициативу, доверяясь Монарху, или хуже того — партийным дельцам чуждого толка. Поумнее из них желали бы Русской партии, основанной на началах национальных, ратующей за улучшение существующего уклада. А партии возникали всё с завозными идеалами, антинародными в нашей стране. Шатания и разброд затронули церковные устои, в недрах духовенства возникли новомодные течения обновленчества, сближения византийских преданий с цезарепапизмом, причём на почве канонической. В противовес им фундаменалисты страдали от неподвижности и закоснения. На этом фоне разрасталось сектантство, опутывающее черносошенного мужика крепчайшими вервиями. Нерешительность Монарха и непрекращающиеся утеснения Синода подрывали умильную веру

церковных чад. В этих ущербных обстоятельствах сам факт причисления Серафима Саровского, чудотворца и скоропомощника, к лику Святых оказал на русскую жизнь оздоравливающее действие. Открылся новый источник, орошающий Лозу вразумления, напояющий крины непорочной белизны. Из него и ныне мы почерпаем живительную благодать, подкрепляющую наши духовные силы. С той поры в каждом русском доме появился родимый Святоначальник, Заступник и Ободритель.

И как бы там ни было с другими, но цель христианской жизни обозначена, Духоносная мысль осознана. Не по плоти жить велят Святые, а по Духу, чтоб жить духовно. Стяжание Духа, Третьей ипостаси Божией, и есть цель нашей нравственной жизни, цель нашего духовного самоустроения. Сама мысль, обращенная Преподобным, прежде всего, к православным, восходит к апостольскому слову: «Мудрование бо плотское смерть есть, а мудрование духовное, живот и мир; зане мудрование плотское вражда на Бога»... (Рим. 8, 4—9). Она поднимает на новую высоту поучения Апостолов и Добротолюбия. Все эти труды постоянно и внимательнейшим образом изучал Саровский инок. О стяжании Духа Святаго наш великий молитвенник мог прочесть в трудах Григория Паламы. Вот что говорил Палама в споре с варлаамитами о несозданном свете Фаворском: «И не ревнущие стяжать Духа Святаго ещё здесь на земле да не обольщают себя пустыми надеждами получить это там, или как-нибудь сподобиться в то время человеколюбия Божия,

ибо тогда будет время праведного воздаяния, а не милования, время гнева и суда Божия». Мысль очень близкая Саровскому праведнику.

Запали в душу преподобного Серафима и беседы Макария Египетского о духовном совершенстве, которое он рассматривал как соединение с человеком Духа Святаго, спасающего от погибельных страстей. «Да будет предметом искания одно: иметь Господа в уме; работает ли кто, читает, молится ли — да имеет оное непрестающее стяжание Святаго Духа, ибо не дано и невозможно человеку искоренить грех собственною силою; бороться с ним, противиться — в твоих силах, а искоренить может един Господь». Лукавый ветр, самый грех, пребывающий в душе и теле каждого, прекращает только десница Господня. Сами люди не могут разлучить душу с грехом, порок сроднился с человеком и властвует над ним.

Можно было бы выписать и другие выдержки из трудов Макария Великого, отображенные в Беседе Российского чудотворца. Но не в заимствованиях суть. Святоотеческое разъяснение спасительного учения Церкви нам дороже всего. А преизобильно почивший Дух Святый на Преподобном даровал православным чадам бодрость насущную, возвысил и ущедрил духовную нашу жизнь благодатию. Она разгорается из века в век, и ныне под сень заступничества Серафима Саровского встали тысячи. Радует, что молодая Россия прибегает к помощи национального Святого. Множество мятущихся юношей и девушек обратились к вере отцов как раз под водительством Саровского угодника. Юнейшие цветочки сельные,

прозябавшие бездомно на скорбной, невозделанной земле, перенесены в храм Божий, и здесь, напитавшись живительною мудростию, благоухают добрыми делами. Целит, умножает их духовное здравие преподобный Серафим, вкупе с сонмом Святых. К нему прибегнет и вся Россия, ныне изнурённая, обезчещенная на покойницкой земле. У нашей России путь к жизни один, он по-прежнему встаёт к ограде церковной, через ступеньки храма и далее — к Отверстым дверям. Они отверсты для жизни во Христе, для жизни достойной и полной. Шагнём с покойницкой земли, заросшей волчецом и дурным былием, на плодоносные просторы Отечества, внемлющие Господнему глаголу, и станем живы в своей истории, в своей национальной культуре. Зажжённая свечечка пред образом Серафима Саровского спасительна. А ежели она затеплена молодой рукою — спасительна вдвойне. Ибо предстанет молодым молящимся людям ещё много дней радостных, не убавленных верховодами греха, растлителями душ наших, безстыдно уворовавших дни старшего поколения. Упомянем в своих молитвах и Сергия Нилуса, открывателя сокровищ Саровского скоропомощника, большого сына России, уязвленного её язвами.

Август 1985 г.

НЕТ ДОРОГИ УНЫВАТЬ!

Чудо милости Божией — этот солнечный февральский день. В самом Пирятине и вдали от повета — ни снежинки; в левадах по-вешнему

поблёскивает бегкая вода, и того гляди, над зарослью сухощавого явора, над дебелой повислой вербой, убранной в зеленые шнуры веток, взовьётся, взвинчиваясь трелью в лучистую небесную лазурь, хохлатый жаворонок — сусидка. Линовица, я тут, списатель былого твоего, твоих разъярённых годин, только тем и отмоленных к жизни, что вымаливались благочестивым Сергием Нилусом!

«Жеваховщина» — так называют в Линовице усадьбу князя Владимира Давидовича Жевахова. Пологий спуск, плотина, обсаженная вербой, по правую сторону широкий пруд, слева топи с кущами очерета. Вскочи на крутояр — и вот она, усадьба! В глуби парка светлый деревянный дом в два этажа, балконы, балясинки и перильца. Таким дом запечатлён на снимке далекой поры, а теперь дома нет и в помине. Вместо светлого дома поставлена с краю усадьбы понурая, подслеповатая общага, в ней ютится несколько семей. Дом растащили и сожгли ещё в 20-х, позже невдалеке возвели эту кирпичную тяжеловатую коммуналку. Зачах фруктовый сад, заглох парк. О тогдашнем великолепии напомнит разве старая и одинокая пиния, да её одногодки — ясени, липы, дубы, порядком разбитые под ударом годов.

А ежели припомнить, что тут было...

Тридцать раз переходила из рук в руки Линовица. Её брали и махновцы, и петлюровцы, и краснюки, и Деникин. И опять краснюки. Одно оставалось неизменным — в светлом доме в глуби парка как жил Сергей Нилус с «подружием»

своим, женой, так и жил. Приехал весной 17-го с Валдая, где уже ярился бес, а тут-то ещё до времени благодать держалась. Старичков полюбили: кто галушки несёт, кто молочка. В общение с людьми не входили, держались наподдальке. И молились, молились.

Сергей Александрович ввёл в обыкновение записывать чудесные проявления Духа Святаго посреди адской круговерти повседневья, в котором тогда все оказались. Начал записи апрельскими днями в Киеве, где остановился проездом, направляясь в Линовицу, в пределы епархии владыки Феофана Полтавского. Благочестивые киевляне рассказали Нилусу о чуде, происшедшем в Ржищевом монастыре, что вниз по Днепру невдалеке от южной столицы. В этой обители 14-летняя послушница Ольга Бойко впала в летаргический сон. Произошло событие 21 февраля 1917 года, во вторник второй недели Великого Поста. Продолжался сон сорок дней, вплоть до Великой субботы. В течение сего времени послушница сподобилась лицезреть видений прямо-таки прикровенных. Она увидела спасительных Ангелов и одетого в красное антихриста, мучителя христиан за Святую веру; она видела святых мучеников.

В записи чудесного сна, сделанной монахинями Киевского Покровского монастыря, коему Ржищева пустынь подчинялась, Сергей Нилус прочёл о Государе строки совершенно поразительные: «За столом сидели святые пророки, мученики и другие святые. Все они были в разноцветных одеяниях, блистающих чудным светом. Над всем

этим сонмом святых Божиих угодников, в свете неизобразимом, сидел на престоле дивной красоты Спаситель, а по правую руку Его сидел наш Государь Николай Александрович, окружённый Ангелами. Государь был в полном царском одеянии, в блестящей белой порфире и короне и держал в правой руке скипетр. Он был окружён Ангелами, а Спаситель — высшими Небесными Силами». Из-за яркого света, исходящего от Спасителя, отроковица Ольга могла смотреть на Него с трудом, а земного Царя видела свободно.

И далее юная послушница продолжает видение своё:

«Святые мученики вели между собою беседу и радовались, что наступило последнее время, и что их число умножится, так как христиан вскоре будут мучить за Христа и за неприятие печати. Я слышала как мученики говорили, что церкви и монастыри будут уничтожены, а перед тем из монастырей будут изгонять живущих в них. Мучить же и притеснять будут не только монахов и духовенство, но и всех православных христиан, которые не примут печати и будут стоять за Имя Христово, за веру и за Церковь.

Ещё я слышала, как они говорили, что нашего Государя уже не будет, и что время всего земного приближается к концу. Там же я слышала, что при антихристе Святая Лавра поднимется на небо, и все живущие на земле, избранники Божии, будут тоже восхищены на небо».[1]

---

[1] Очерки этой книги распространялись в 1980-х годах через самиздат. Тогда к повтору пророческих явлений в очерках ав-

Сергей Нилус, потрясённый апокалипсическим откровением, явленным неграмотной юной послушнице, решил лично повидаться с Ольгой Бойко. С благословения настоятельницы Киевского Покровского монастыря игумении Софии (Гринёвой) он дословно переписал обширную запись сна, и потом уже в Ржищевой пустыне, сверяя рассказ самой послушницы с тем, что было занесено на бумагу с её уст, убедился — богооткровенный рассказ запечатлён монахинями один к одному. В безпредельном удивлении Нилус пишет письмо Полтавскому владыке Феофану и прилагает к своему письму этот рассказ о чуде, свершившемся в апреле 1917 года.

И всё сбылось! И всё сбудется, что явлено по Воле Божией.

В Линовице четой Нилусов был создан домовый храм с благословения всё того же Феофана Полтавского, тайнозрителя и знатока сатанинских глубин отпавших злодеев. Храм устроили на верхнем этаже дома. Был там алтарь, отделённый от предстоящих перегородкой и завесой темно-синего атласа, благостно смотрелись образа, внимание молящихся приковывал лик Спасителя в терновом венце. Икона родовая, фамильная; ею очень дорожил Нилус, ведь она изливала столько чудес!

...Вспоминаю обо всём этом. Дай-ка пройдусь по Линовице и дальше. Вот ещё припомнилось.

Сергей Александрович почти не общался с местными людьми, разве что поговорит с конт-

---

тор прибегал сознательно. Не сняты повторы и теперь, дабы не искажать подлинного текста.

ролёром соседнего сахарного завода (цел и поныне). Сей раб Божий ходил вместе с маленькой дочкой помолиться к Нилусам. За окном тосковали горлинки, в леваде шумел Удай, река бурливая, как козачье сердце — и — их, и много же удальцов козаковало на квитлой земле при гетманах!.. В трёх верстах от Жеваховщины — имение Де-Бальмена, когда-то по настоянию Бальмена рядом провели железную дорогу. И вот народ впал в состояние черни, и то имение сожгли, каменный храм развалили. Доныне уцелели одни въездные ворота с башней, где принимал гостей хозяин. Да явор молчаливо стоит. Как и тогда тоскуют горлинки. С теперешнего сахарного завода мужик, хмурый и, должно быть, никогда не бывавший в храме, рассказывает предание: будто бы в сельце Березова Рудка году в 23-м голытьба вытащила из склепа серебряный саркофаг графа Закревского, тело вытряхнули, а гроб распилили на куски. Как не поверить, ежели такое творилось чуть не повсеместно! О подобном же слышал и в Замосковье — в селе Станки (там при почтовой гоньбе останавливались менять лошадей), и в Спас-Углу, имении Салтыкова-Щедрина, — его отца также вынули и вытряхнули. Только саркофаг был не серебряный, а свинцовый — на грузила да к рогаткам сгодился...

А краснюки утверждались. И выказывали своё бесово нутро. Нилусов в Линовице притесняли многажды. Но и чудеса, даруемые Господом, неисчетны. Так, местные кромешники задумали погубить схиархимандрита Иоасафа, настоятеля Густынского монастыря, изгнан-

ного из обители бунтарями в рясах, доживавшего дни под покровом Божией Матери в доме Жевахова. Решили злодеи погубить старца темной ночью. И пришли, да услыхали: сторож в колотушку стучит — дом оберегает. Побоялись лезть, хоть всю ночь и простояли на холоде, дожидаясь когда дедок уйдет. А он всё с колотушкой ходил и ходил.

На другую ночь, подвыпив, опять пошли. Заводила ихний прихватил с собою топор: порешил зарубить сторожа. И замахнулся на него, как тот вышел караулить. Да только от взмаха топора старец не упал, а исчез. А заводилу злодеев хватил паралич. Потом его жена умолила схиархимандрита Иосафа поисповедать да причастить обездвиженного большевика-головореза. На носилках принесли несчастного в храм. Отишил; увидев в руках схиархимандрита образ преподобного Серафима Саровского, попросился приложиться. Поднесли икону.

— Он, он, — закричал злодей, — тот самый сторож, он охранял дом!

И заплакал разбойник, и исцелился от недуга, даже преобразился внешне. После Литургии всем рассказывал в храме о чуде преподобного Серафима.

Был и такой чудесный случай. Из Прилук приехал главарь-комиссар, не то дом осматривать, не то арестовывать жильцов. Сергей Александрович повёл главаря этажами и завёл в церковь свою. Долго не выходили оттуда, а когда Елена Александровна заглянула в дверь, увидела картину: большевик плачет в объятиях её

мужа. А у того самого слёзы текут. Вот что значит растопить сердце злодею. И чем? — Истиной!

Но жизнь вокруг становилась всё невыносимей. «Мешок, и при том наглухо завязанный, — вот положение, в котором мы живём», — признается Сергей Александрович в письме, отосланном друзьям за границу 13 августа 1922 года. А им и так всё понятно: надо старичков вызволять. Только воспользоваться приглашением «вряд ли придется, пока стоит наша церковь, к которой Господь и Царица Небесная поставили нас хранителями, блюстителями, чтецами, певцами и пономарями. Изменить нашему назначению никоим образом не можем и должны стоять на Божественной страже до тех пор, пока Сам Господь ясно не укажет, что наша миссия закончена, или по нашей смерти»... Это из ответа Нилуса друзьям.

Миссия духовного делателя и писателя не была закончена, но с Линовицей пришлось проститься — выселили на Фоминой неделе 1923 года с угрозой расправы. Подались за тридцать верст в повет (уездный город) Пирятин. Поселились в предместье Пирятина, за рекой — там тоже Удай, — в Заречье. Приютила добрая чета молодых супругов. Своей церкви не стало, ходят в приходскую, дружат с местным священником и псаломщиком, читают и поют во время службы. Мирная жизнь в Пирятине окончилась в августе 1925 года. С новой силой пошли гонения...

А каков он, Пирятин, ныне?

Иду поветом. Вот почта. Отсюда Елена Александровна послала рукописи своего мужа в Москву — там жил её родственник, советник немецкого посольства. Так они и уцелели, попав в Берлин с дипломатической врлизой. Когда посылала, Сергей Александрович очередной раз сидел в тюрьме. По выходе ещё увидит Киев, Чернигов, Москву...

Перехожу мост через Удай, оглядываю Заречье. Нет ни храма, ни того домика, где квартировали Нилусы. Но окраина всё ещё хранит колорит далёкой поры — улочки не загажены; петухи, гуси, поросята. Как ни трясли в начале 30-х, загоняя в принудиловку, а всё же часть громадян уцелела. А ведь как трясли: хватали зимой, и возле села Марьяновка вместе с детьми ссыпали в овраг.

А церкви порушили в повете почти все, из одиннадцати одна осталась, и ту до сих пор не отдают людям. На базаре тётки продают толстые свечи, скатанные из собственного воска: пахнут мёдом.

И вспомнились мне слова, сказанные батюшкой Серафимом накануне дня кончины: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте; вам венцы готовятся». И вправду, нет дороги унывать!

20 февраля 1989 г.

СКВОЗЬ АРХИВНУЮ ПЫЛЬ

Не скупились орловские дворяне на ведение Родословной книги. Размером огромная, крышки обтянуты кожей терракотового цвета, бумага

тяжёлая, может быть, голландская, или отлитая умельцами под Мценском на рольнях. Когда хрупкая архивная девушка несла этакую махину, чтоб не надорвалась — сорвался со стула, подбежал помогать. А как волновался: найдут, не найдут? Нашли!

Сердце чуть не выскакивает из груди, ужасно волнуюсь. Спешно листаю плотные, тяжёлые страницы, заполненные столбцами записей и рядками цифр. Мелькают фамилии, ищу нужную. Вот и Нилусы! Сподобил же Господь отыскать драгоценную запись за № 362 от 14 генваря 1858 года.

Читаю об отце Сергея Нилуса:

«Нилус Александр Петрович, титулярный советник, сорока одного года, в отставке, жительствует в Мценском уезде. Холост. Недвижимого имения за ним в Мценском уезде крестьян 202 души.

Титулярный советник Александр Петрович Нилус указом Герольдии, последовавшим в Смоленский Кадетский корпус 18 октября 1823 года за № 7257, по заслугам отца его, генерал-майора Петра Богдановича Нилуса, признан в дворянском достоинстве. В Дворянском депутатском собрании определение состоялось 1854 года июня 17 дня.

Титулярный советник Александр Нилус утвержден в дворянстве указом из Герольдии, последовавшим 14 генваря 1858 года за № 362».[1]

[1] Орловский областной архив. Фонд 6. Запись в Дворянской родословной книге. Часть вторая. Продолжение.

Стало быть, отец Сергея Нилуса родился в 1816 году. О деде писателя можно прочесть в реляциях М. И. Кутузова, том четвертый.

Нашлись в архиве и записи о дворянском достоинстве Володимировых, которые верстались в благородное сословие гораздо раньше Нилусов. Об этом можно сведать не во второй, а в первой части Дворянской родословной книги. В делах Орловского архива имеется прошение надворного советника Е. А. Володимирова относительно допроса прапорщицы Н. И. Извековой о занятых у него деньгах. Дата — февраль 1796 года. И тогда долг не всегда был платежом красен. Впрочем, подобные тяжбы вели и другие спорщики — Тютчевы, Апухтины, их дела в архиве (конец XVIII века) так и частят.

О Володимировых упомянул не зря. Их поместье было невдалеке от Золоторёва, имения Нилусов, и, кажется, владельцы в дальнем родстве состояли. Тем паче не странным было знакомство 20-летнего Сергея Александровича с Наталией Афанасьевной Володимировой (1844–1932), волевой и симпатичной барыней, жившей с болящим мужем, и несомненно очарованной им, высоким, сильным студентом Московского университета. Была она, правда, старше его на семнадцать лет, но что за преграда, ежели чувства выше рассудка. Потом поездка за границу, и вот в 1883 году на севере Франции у этой странной пары рождается сын. Назвали Сергеем, по отцу. Сергея Сергеевича Нилус усыновил. Болящий муж Наталии Афанасьевны жил долго, и о разводе речь не шла, потом сам Нилус женился

(февраль 1906 года) на фрейлине Е. А. Озеровой, старше его на семь лет. На какое-то время даже дружеские сношения с Володимировой прекратились, но только на время. Уже в Оптинский период (1907–1912) Наталия Афанасьевна живёт вместе с Нилусами. А как настало шаткое лихолетье и нагрянул великий Русский погром, Володимирову гонят её сродники из дома, и она до скончания дней своих (умерла 17 октября ст. ст. 1932 года в Чернигове) будет на попечении Елены Александровны Нилус, благочестивой и вернейшей супруги писателя. Чиста и жертвенна их взаимность, остальное Бог рассудит...

Тяжело сидеть в архиве. На дворе май, зеленеют деревья, а холод не приведи какой страшный. Здание уже не отапливается. Девочки мои архивные посинели, хоть и не жалуются, но видно как нелегко живётся среди бумаг. Говорят, что в партийном архиве жалованье платят вдвое больше. Видел то серое здание. Кощей там сидит, не пускает туда чужих, свои — одни аппаратчики. А платят там сотрудникам хорошо, и топят. А тут дрожь до костей прошибает. Сбегал за угол в лавку, принёс шоколаду. Беседуем. Полюбопытствовал взглянуть на описи хранящихся дел. Книга толстенная, в графах иногда мелькают чернильные штампы «Погашено». Оказывается, часть дел Кощей в своё царство забрал: нельзя знать о дореволюционных делишках погромщиков-революционеров, а также о евреях, повязанных террором и доносительством в полицию. Кощею виднее, что следует знать русскому человеку.

Донимает холод, сижу, не вставая, который час. Из посетителей один я да господин какой-то. Тоже устал, тянется поговорить. Познакомились. Чем занимается? Да вот церковными процессами 20-х, 30-х годов. Дел таких в архиве была пропасть, а осталось чуть. При Андропове вышел секретный циркуляр — изъять такие дела и уничтожить. Заметали следы. По крохам собирает подробности гонений на православных. Близки мне такие люди. Сам вот занимаюсь архивными раскопками. Когда засел в 85-м за Нилуса, ничего о нём не знал. Поначалу попадались похожие однофамильцы: нашёл воспоминания артиста Императорского Мариинского театра Нилуса (Нильского); труды по баллистике в пяти томах — написал артиллерист с такой же фамилией; потом отыскался манчжурский Нилус, историк КВЖД; и, конечно, художник, друг Бунина, живший с ним в Париже в квартире напротив. Поскольку тот художник тоже Александрович, подумалось, не родственник ли? Поехал в Одессу, где представлены его картины. В апреле 85-го года ходил по Одессе, вдыхая весенние ароматы пробуждённых деревьев. Само собой, потянулся в картинную галерею. Отыскал там одну даму — занимается художником. О моём Нилусе слыхала, но говорить боится. Вышли на сквер, где так хорошо в апреле. Из разговора узнал: Петр Александрович Нилус никакой не родственник Сергею Александровичу, и фамилию он носил не свою, а приёмного отца, местного помещика; сам-то был незаконнорождённым. Расстались с дамой любезно. Потом попадались

упоминания о московских Нилусах, владельцах дома на Мясницкой, устроителях игорного притона. Градоначальник Москвы граф Закревский повелел тех Нилусов выселить из Москвы. Это уже подходит к моему Нилусу, вернее к его отцу и матери. Ведь икону-то семейную на чердак отнесли, жили, как и многие размагниченные интеллигенты, неблагочестиво. И сын поначалу рос-возрастал так же. Тем-то и ценнее для нас его обращение у ног Кронштадтского пастыря. Наше теперешнее окаянство очень похоже на его из первой половины жизни. Зато вторая половина какова! Чистый алмаз писаний, духовное и даже телесное преображение. Господь вразумляет Своих чад, вразумит и нас, грешных. Спаси и сохрани!

11 мая 1986 года, город Орёл

М. В. Смирнова-Орлова

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА И ЕЛЕНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ НИЛУС

14-го января 1929 года в доме моего отца, священника Василия Арсеньевича Смирнова, в селе Крутец, Александровского уезда, Владимирской области, скончался Сергей Александрович Нилус.

Отцу моему выпала честь приютить этого замечательного человека в своем доме вместе с женой его Еленой Александровной, урожденной Озеровой, в последний год его жизни и проводить его в последний путь.

В живых, кроме меня, не осталось больше свидетелей его кончины и последних месяцев и дней его жизни.

Поэтому я считаю долгом написать всё, что я об этом помню.

О Сергее Александровиче мой отец и вся семья наша впервые услышала от моего покойного мужа, Льва Александровича Орлова, который был большим его почитателем. Он привозил нам

книгу Сергея Александровича «Великое в малом» в последнем ее издании, и мы ее с большим интересом и вниманием прочли вслух, читая по очереди по вечерам.

Последнее издание книги «Великое в малом» отличалось от первых изданий тем, что в него были включены «Сионские протоколы». О том, как к нему попали «Сионские протоколы», Сергей Александрович рассказывал так: после того как были изданы первые его книги, к нему пришла одна старушка, бывшая небогатой помещицей где-то в Орловской губернии. Она спросила, не решится ли Сергей Александрович поместить в своей книге и напечатать эти протоколы. Они остались у нее после смерти сына, который в свою очередь получил их от жены своей, еврейки, когда по каким-то обстоятельствам находился в Париже. Там его полюбила девушка-еврейка, принявшая потом христианство и вышедшая за него замуж.

Она взяла их тайком со стола своего отца, который был одним из главных «сионских мудрецов», и отдала своему жениху, сказав, что они могут пригодиться в России.

Она тайно от родителей бежала с ним в Россию, и здесь они оба умерли. Перед смертью сын попросил мать напечатать эти протоколы. Она обращалась с ними в различные издательства и к разным лицам, но везде получала отказ. Тогда обратилась к С. А., и он их напечатал. Имена этих людей нам не говорил, но я помню, под протоколами было написано: «читатель, помяни душу усопшего болярина Алексея!»

На всех нас они произвели большое впечатление, заставили по-иному смотреть на всё происходящее. В то время мы не могли и предположить, что автор этой книги будет у нас жить и нам придется проводить его в последний путь. Но пути Господни неисповедимы, и всё произошло так, как мы не могли и представить.

Способствовал этому целый ряд стечения различных обстоятельств. Вот как всё произошло. В 1926 году, по случаю рождения у меня первой дочери, я жила в Крутце у родителей, так как была неопытной молодой матерью и нуждалась в помощи моей мамы. Это было в январе 1926 года.

Вскоре отцу моему зачем-то понадобилось поехать в Александров. Возвратясь вечером из поездки, он с волнением рассказал, что встретил в Александрове хорошего своего знакомого, священника из села Велехова. Священник этот, звали его о. Михаил, рассказал, что на днях возвращаясь откуда-то домой, он застал около своего дома двух старичков, мужа и жену, которые ждали его возвращения, сидя на ступеньках крыльца.

Старички представились ему, и о. Михаил был поражен, услыхав, что это писатель Нилус с женой. Фамилия была достаточно известной.

Сергей Александрович объяснил о. Михаилу, что он выслан «минус 6» из предыдущего места жительства и ищет себе пристанища. Высланные «минус 6» не имели права жить в шести главных городах Союза.

Какие-то московские знакомые направили их в Велехово, к своим знакомым. Но эти люди побоялись поселить у себя Сергея Александровича и послали его к отцу Михаилу, зная, что он живет один в большом доме, и думая, что он не побоится пустить их жить у себя.

«Но я тоже побоялся», — сказал о. Михаил. На вопрос моего отца, где же сейчас находятся эти бедные старики, о. Михаил ему сказал, что они уехали обратно в Москву.

Трудно себе представить, что испытали С. А. и Е. А., ожидая на морозе о. Михаила, и каково было им потом услышать его отказ! Но они никогда, ни одним словом об этом не упомянули, не промолвили ни слова укоризны, приняв, как всегда, безропотно и это испытание.

Рассказывая нам об этом, отец сказал: «А я бы не побоялся».

Обо всем услышанном я тотчас же написала мужу, правда, иносказательно. Я написала: «Человек, которого ты очень уважаешь и которого ты был бы очень рад увидеть, был в Александрове».

Через два дня муж мой приехал, и как только мы ему всё рассказали, он тотчас же отправился пешком в Велехово — это в 18 верстах от нас, чтобы узнать адрес людей, у которых в Москве останавливались Сергей Александрович и Елена Александровна. Адрес ему дали, и он стремглав бросился в Москву, надеясь застать там Сергея Александровича с женой и привезти к нам. Но оказалось, что он опоздал, и накануне его приезда они уехали в Чернигов, где нашлись

люди, которые рады были принять их у себя. Мой муж сразу же написал в Чернигов о готовности моего отца принять С. А. и Е. А. в своем доме и вскоре получил ответ от Сергея Александровича, в котором тот искренне благодарил за приглашение и обещал воспользоваться им, если будет в этом нужда.

И вот, в 1928 году эта нужда настала. Сергея Александровича выслали и из Чернигова ввиду возросшей его известности и авторитета.

Он написал мужу, спрашивая, не изменились ли обстоятельства и решение моего отца, и, получив от моего мужа подтверждение в неизменности этого решения, в конце апреля 1928 года приехал в Крутец к моему отцу.

Мой муж поехал в Крутец вскоре после приезда их туда, так как очень хотел скорее познакомиться с Сергеем Александровичем.

У меня уже в марте родился второй ребенок, и я поехала туда только в конце мая. В холодный, ветряный майский день приехала я в Александров. На вокзале меня встречал отец на тарантасе, запряженном нашей доброй смирной лошадкой.

Дорога от Александрова занимала около часа, и я замерзла и всё кутала своего сына, боясь, что он простудится. Но подъехав к дому, я с удивлением увидела, что на этом ветру и холоде меня встречает Сергей Александрович и Елена Александровна, сидя на скамейке возле дома.

Сергей Александрович был в черном пальто и черной вязаной шапочке и опирался на толстую палку, стоящую впереди, а у Елены Александ-

ровны вид был совсем замерзший, и лицо ее даже посинело от холода, так как на голове у нее была только маленькая шапочка, надетая по старинной моде совсем поверх головы. Но поза ее была величавой, и голову она держала высоко поднятой. Вероятно, это было следствием ее аристократического воспитания.

Сергей Александрович выглядел совсем библейским патриархом с своим светлым, ясным лицом и большой белой бородой. Глаза его смотрели добро и пытливо, испытующе, словно сразу ему хотелось заглянуть в душу человека и сразу увидеть, что этот человек из себя представляет, чем живет и дышит. Лицо Елены Александровны сначала показалось мне некрасивым, но когда она подошла и заговорила со мной, лицо ее засветилось такой добротой, что и мысль всякая отпала о том, красиво оно или нет, и потом оно всегда казалось прекрасным.

Они оба очень ласково поздоровались со мной и в дальнейшем всегда относились ко мне с неизменной добротой, как, впрочем, и ко всем остальным.

Я прожила у родителей до поздней осени, и лето это в моем воспоминании представляется каким-то сплошным воскресным днем. Так всё освещалось присутствием в нашем доме Сергея Александровича и Елены Александровны.

Как-то лет за пять до личного моего знакомства с Сергеем Александровичем я встретила двух женщин, когда-то близко знавших о. Павла Флоренского. В одном из разговоров кто-то упомянул Нилуса, и они сказали, что о. Павел од-

нажды сказал о нем: «А мне он (Нилус) кажется чересчур «спаси Господи»». Видимо, С. А. представлялся о. Павлу таким «елейным» старичком. Но в этом он ошибался. Ничего «елейного» ни в С. А., ни в Е. А. не было. Сергей Александрович и с виду был богатырем: высокого роста, широкоплечий, с красивым лицом, красивыми карими глазами и ясным, добрым взглядом. Он был очень жизнерадостным человеком, у него был чудесный баритон, а у Елены Александровны была великолепная школа, и вдвоем они иногда устраивали концерты. Пели они и церковные вещи, я помню чудесное «Хвалите имя Господне», «Иже Херувимы», нигде больше мною неслышанный напев.

Иногда он садился за рояль, или импровизировал, или играл этюды и вальсы Шопена. Играл он их на память и играл так, как никто из слышанных мною пианистов. Иногда они вдвоем пели старинные романсы, русские старинные песни, украинские. Пел он, я помню, цыганский романс «Расставаясь, она говорила, ты забудешь меня на чужбине...» Хотелось плакать.

Как-то отец мой пригласил в какой-то праздник одного певчего, который всегда пел в церкви на клиросе. Сидели, пили чай, разговаривали, а потом С. А. и Е. А. решили спеть для гостя. Сели за рояль и под аккомпанемент С. А. спели несколько украинских и русских песен. «Видно, что образованные» — сказал наш гость. После мы все смеялись над этой простодушной похвалой.

И внутренне он был колоссом духа, так твердо стоящим «на камени веры», что ни гонения,

ни лишения, ни злословие не могли поколебать его веру и любовь к Богу. Раз избрав свой путь, он шел по нему, не оглядываясь назад. Такова же была и Елена Александровна. Оба они любили друг друга верно и самоотверженно, всегда были вместе, во всем были единомысленны. Они были аскетами в своем безропотном, даже как бы радостном перенесении всех лишений, гонений и различных житейских зол.

Были они строгими постниками, но и аскетизм, и пост их был, по слову Евангельскому, с «главой, умащенной елеем, и лицом умытым».

Все церковные службы, которые совершались в нашем храме, они посещали неукоснительно. Очень часто исповедовались и причащались. Оба они пели на клиросе. У Е. А. было большое умение петь.

Они были как бы христианами апостольских времен, и всё Евангелие было им так близко, как если бы они жили в те времена и были очевидцами тех событий. И своим любовным отношением к людям они также были близки к первым христианам.

Вся их жизнь была как-бы непрестанным стоянием перед Богом, и каждый свой шаг они представляли на Его суд. Никакие земные расчеты и соображения не принимались ими во внимание, всецело они предали свою жизнь в волю Божию. Поэтому такое большое влияние на окружающих они имели, так могли пробуждать в людях добрые чувства. Я помню, как-то раз в праздник мы всей семьей пили чай на террасе нашего дома.

Перед террасой проходила дорога, на которой показался изрядно подвыпивший мужичок. Посмотрев на наши окна, он начал выкрикивать какие-то ругательства в адрес «попов». В этот день с нами был и мой муж. Он возмутился и хотел выйти и обрушить громы и молнии на дерзкого. Но Сергей Александрович остановил его, сказав: «Подожди, Левушка, я сам с ним поговорю».

Он вышел на крыльцо, подозвал к себе прохожего и что-то стал ему говорить. Мы даже немножко испугались, что С. А услышит какие-нибудь оскорбления. Но, к удивлению нашему, после слов Сергея Александровича мужичок заплакал, начал креститься. Сергей Александрович попросил нас вынести воды, мы вынесли ковш воды, прохожий напился и, крестясь, плача и благодаря за что-то Сергея Александровича, пошел своим путем.

Был еще один случай, изумивший моего мужа. Как-то Сергей Александрович пригласил прогуляться моего мужа после чая. Видно, в этот день он чувствовал себя хорошо.

Они отправились по дороге, рядом с которой был парк бывшего помещичьего владения. Парк этот был огорожен дощатым забором, местами проломанным. По дороге навстречу им показалась телега с двумя седоками. Один был пожилой мужчина, другой — подросток. Мой муж, опасаясь опять услышать какую-либо грубость, предложил Сергею Александровичу пройти в пролом забора и идти по другую его сторону, чтобы избежать столкновений.

«Нехорошо, Левушка, людей бояться, пойдем прямо», — сказал С. А., и они пошли навстречу едущим. И вот, слышат они, что старший говорит младшему: «Смотри, смотри, вон навстречу отец Серафим идет», — и указывает на Сергея Александровича. Это — вместо ожидаемого моим мужем злословия! Они оба вернулись домой со слезами на глазах. Особенно был растроган Сергей Александрович, бывший большим почитателем Преподобного Серафима.

Сергей Александрович и Елена Александровна занимали в нашем доме маленькую комнатку, бывший кабинет моего отца. Каждый день проходил у них по раз установленному порядку. Сергей Александрович вставал очень рано, часа в 4, и исполнял свое особое утреннее правило, затем, часов в семь, вставала Елена Александровна, и они уже вместе читали утренние молитвы. Затем, часов в 8, они шли на прогулку до завтрака.

Сергей Александрович был тяжело больным человеком. Неоднократные аресты, пересылки из одного места в другое привели к тяжелому заболеванию сердца. Я помню, как-то раз он сказал моему дедушке:

«Ах, отец дьякон, я, как червивое яблоко, — снаружи как будто всё хорошо, а внутри никуда не годится».

Действительно, выглядел он богатырем, а сердце было совсем больное.

Прогулка их длилась около часа, и к общему завтраку они возвращались. Возвращались они всегда с букетиком цветов, так как в наших мес-

тах их росло очень много. Елена Александровна во время прогулок собирала то одни, то другие и насчитала 85 видов цветов. Они любили наслаждаться красотой природы.

Помню, как однажды Сергей Александрович позвал моего мужа: «Лёвушка, иди, посмотри, какие облака красивые».

Всё, что готовила мама, им всегда нравилось, и самые простые кушанья они так торжественно вкушали, как будто это был царственный обед.

После завтрака все принимались за свои дела. Старшие во главе с отцом отправлялись что-нибудь делать по хозяйству. Сергей Александрович после завтрака уходил в свою комнатку и работал. Он брал в церковной библиотеке журнал «Церковные Ведомости» и выписывал оттуда в свои тетради всё, что находил знаменательным, продолжая отыскивать «великое в малом».

Елена Александровна находилась по большей части около него, а иногда выходила в общие комнаты и занималась с детьми, на что была большая мастерица. Она или пела им разные милые песенки, или рассказывала сказки, или придумывала занятные игры. При помощи носового платка и пальцев она могла показать целое представление, и дети всегда слушали ее, затаив дыхание.

Для взрослых у Елены Александровны было тоже много различных интересных и полезных рассказов. Они с Сергеем Александровичем несколько лет жили в Оптиной Пустыни, общались с Оптинскими старцами и много о них рассказывали.

Елена Александровна рассказывала нам о старце оптинском Нектарии, что он любил рассказывать маленькие поучительные истории, две из которых я запомнила. Первая из них: один царь должен был выбрать себе советника. Чтобы найти достойного и верного человека, он решил подвергнуть их испытанию и сделал так; аккуратно снял кожу с апельсина, сложил его так, что издали можно было принять его за целый апельсин. Положив сложенную кожицу на стол, он позвал своих приближенных и спросил их: «Что это такое?» Все, кроме одного, поспешили сказать: «апельсин». И только один сначала подошел, взял в руки и сказал: «это кожа от апельсина». Его и взял себе в советники царь.

Вторая история. Так же один царь искал себе советника. Взял своих приближенных в лес и, гуляя по лесу, лег на землю, приложил ухо к земле и, встав, сказал, что он слышал, как растут грибы. Тотчас же все его приближенные сделали то же самое и, встав, сказали, что и они слышали, как растут грибы. Только один сказал, что он ничего не слышал. Его и взял себе царь советником.

А вот подлинная история, относящаяся к о. Нектарию. Однажды приехала в Оптину Пустынь какая-то дама из Петербурга и попросила, чтобы ее принял о. Нектарий, о котором она много слышала. О. Нектарий ее принял, и при этом как раз присутствовал Сергей Александрович с Еленой Александровной. Дама эта начала рассказывать старцу о своей жизни и перечислять невзгоды, какие ей пришлось перенести. Тон ее

рассказов был такой, что эти страдания как бы должны обезпечить вечное спасение.

О. Нектарий выслушал ее молча, потом, помолчав, сказал: «Два разбойника были распяты на кресте вместе со Спасителем, оба страдали одинаково, но Царствия Небесного сподобился только один».

Так вот каждый день мы получали какое-либо назидание в общении с Сергеем Александровичем и Еленой Александровной. По вечерам Сергей Александрович иногда приглашал нас к себе в комнату, что-нибудь читал или рассказывал нам из того, что встретилось ему за день. Иногда читал из Четьи-Минеи житие святого, память которого праздновалась на следующий день. Иногда с нами же читал вечерние молитвы, которые всегда заканчивал молитвой к Божией Матери: «Царице моя Преблагая, Надежде моя, Богородице...»

Все, кто видел Сергея Александровича и Елену Александровну в церкви, сразу начинали относиться к ним с особым уважением. Но ни в какие разговоры Сергей Александрович ни с кем не вступал, вероятно, боясь повредить отцу. Тем не менее, в сентябре, как раз накануне праздника Воздвижения Креста Господня, у нас был сделан тщательнейший обыск.

Чудом мне удалось спасти тетради с записями Сергея Александровича. Опять помогло стечение обстоятельств. Я в этот день решила постирать, и после завтрака, который был приготовлен на террасе, так как день был удивительно теплый, я пошла на кухню, из окна кото-

рой было видно всё, что происходит на террасе. Мама там убирала со стола. Вскоре я увидела, что на террасу вошли люди в военной форме, с ними двое крестьян, живших по соседству — понятые. Я прислушалась и слышу: «А вот ордер на обыск». Вижу испуганное лицо мамы, и тотчас в голове мелькает мысль о тетрадях Сергея Александровича. Иду быстро в комнаты через коридор, дверь из которого на террасу открыта. Быстро захожу в комнату Сергея Александровича и беру у него тетради.

Он тоже уже всё услышал, так как окно из их комнаты тоже выходило около террасы. Както успела быстро пройти в свою комнату, завернула тетради в простыни и пошла обратно в кухню. Выйдя в коридор, слышу слова: «Никому никуда не выходить». Но я продолжаю идти в кухню, и один из военных подходит ко мне, берет рукой за край простыни и спрашивает: «Что вы несете?»

Я довольно резко выдергиваю из его рук простыню и говорю; «Грязное белье, видите, я стираю». Он идет за мной следом, и я у него на глазах бросаю сверток на кучу грязного белья, которое я приготовила к стирке, думая с ужасом, что он сейчас всё развернет.

Но... слава Богу, он этого не сделал, только сказал: «Прекратите стирку». Я пожала плечами и говорю: «Ну, если нельзя, не буду». Он уходит.

Начался тщательный обыск сначала в комнате Сергея Александровича, потом в других комнатах.

У нас в доме было много книг, хранились письма родственников, друзей и даже жениховские письма моего отца. Всё досконально перечитывалось, и это заняло весь день до сумерек. За это время я улучила момент и бросила тетрадку за печку в кухне, между задней ее стеной и стеной кухни. Уже в сумерках, обозленные тем, что понапрасну проделали такую работу, начали обыск в кухне. И хотя в доме ничего противозаконного не было обнаружено, в кухне искали везде, в печке, на печке, даже в печной трубе. Глядя на это, я очень волновалась, что найдут тетради, но, слава Богу, за печкой они искать не стали.

Очень тяжелый день мы пережили, хотя всё кончилось благополучно. Вероятно, и на Сергея Александровича это событие оказало плохое действие, потому что после этого приступы болей в сердце участились.

Он чувствовал себя виноватым перед моим отцом, хотя отец мой старался убедить его, что нисколько, ни в чем его не обвиняет.

Потом он рассказывал, что был арестован в Киеве и долго находился в какой-то очень строгой тюрьме, которая носила название «каменный мешок». Рассказывал, как грозил ему расстрелом киевский прокурор за то, что Сергей Александрович якобы способствовал тому, что его книга «Великое в малом» была переведена на иностранные языки и попала за границу.

Сергей Александрович отвечал ему, что ни в переводе книги на иностранные языки, ни в пересылке ее за границу он не только не участвовал, но и не знал. «Кроме того, — сказал Сер-

гей Александрович прокурору, — если вы меня расстреляете, то этим докажете правильность написанного мною в книге».

«Вот в том-то и дело!» — стукнул по столу кулаком прокурор. Сергей Александрович говорил, что книга его «Великое в малом» с Сионскими протоколами была в Петербурге скуплена в первый же день поступления ее в продажу. Так что даже Сергей Александрович сам не мог приобрести ни одного экземпляра, и у него этого издания книги не было.

В конце концов, Сергея Александровича освободили, признав его «коечным больным» или, может быть, боясь применить к нему суровые меры, так как книга его была известна за границей, и Сергей Александрович говорил, что он даже получил посылку от Форда.

Но этого «коечного больного» потом всё время высылали из одного места в другое, лишив совершенно спокойствия. Вскоре после этого события я уехала с детьми в Москву и к родителям приехала только на Святки.

Елена Александровна часто мне писала и нередко упоминала в своих письмах о том, что Сергей Александрович чувствует себя хуже, что несколько раз были у него тяжелые сердечные приступы с потерей сознания. Когда мы с мужем и детьми приехали к родителям, Сергей Александрович встретил нас словами: «Уже последние звонки мне даны, Лёвушка». Но и сам он, и Елена Александровна были по-прежнему спокойны и светлы духом, а также со всеми ласковы и приветливы.

Пробыв в Крутце несколько дней, мой муж уехал в Москву на работу, я с детьми осталась еще погостить у родителей.

В комнате Сергея Александровича был образ Преподобного Серафима Саровского, где он изображен согбенным с палочкой. Сергей Александрович как-то сказал: «Вот Батюшка идет с палочкой и указывает мне дорогу. Куда он приведет меня, там я и буду».

Слова эти оказались пророческими. Наступило 1 января старого стиля. Новый год церковный. Накануне вечером мы сидели в комнате Сергея Александровича, и он читал нам вслух житие святителя Василия Великого из славянской Четьи-Минеи, хранившейся в нашем доме с давних пор. Я до сих пор помню многое из того, что содержалось в прочитанном житии.

Утром, как обычно, они с Еленой Александровной были у заутрени и литургии и, вернувшись, завтракали со всеми. После завтрака Сергей Александрович отправился к себе и, встретившись в дверях с моим дедушкой, пошутил: «Вот, отец дьякон, хорошо, что вы худенький. Вам в Царство Небесное легко будет войти, а вот я как войду». Дедушка в ответ улыбнулся.

И никто из нас в тот момент не предполагал, что остаются считанные часы, и Сергей Александрович оставит нас навсегда.

В своей комнате Сергей Александрович прилег отдохнуть, а Елена Александровна занялась около него каким-то делом.

Как обычно, в 3 часа дня мы собрались обедать на кухню, где всегда обедали. Папа позвал

через стенку: «Сергей Александрович, Елена Александровна, идемте кушать».

Мы пришли в кухню, уселись за столом, но обедать не начинали, ожидая, когда придут Сергей Александрович и Елена Александровна. Но пришла одна Елена Александровна и сказала, что Сергею Александровичу плохо, и он прийти не может. Сама она набрала в плоскую металлическую фляжку холодной воды, чтобы положить ему на сердце, как они делали всегда.

Все это произошло 50 лет тому назад, медицинских сведений о стенокардии у нас не было тогда, врачебной помощи на селе тоже не было, поэтому и применялись неправильные средства, как холод на область сердца при сердечном спазме.

Но, видимо, ему стало легче, так как, когда мы, пообедав, возвращались в комнаты, он позвал нас: «Батюшка, Манечка, зайдите».

Мы с отцом вошли к ним в комнату и присели на сундук, который там стоял. Сергей Александрович сидел в кресле около письменного стола, повернувшись лицом к двери и к нам. Елена Александровна стояла позади него и держала на его голове мокрое полотенце. Сергей Александрович начал говорить о том, что приближаются тяжелые времена для Церкви, что «держай от среды отъят есть», т. е. некому удерживать людей в их устремлении всё к большему злу. Он так всегда говорил и повторил теперь.

Когда его иногда спрашивали, неужели он считает, что жизнь человеческая не может снова пойти по правильному пути, он отвечал: «Чтобы

зажарить зайца, нужно иметь зайца», то есть чтобы устроить правильную человеческую жизнь, нужны правильно мыслящие люди, а таких, считал он, недостаточно.

Положив руку на колено отца, он сказал: «Ах, батюшка, батюшка, жаль мне вас». Мне тоже положил руку на голову с какими-то словами. Но я вспомнить их не могу, так как они напрочь вытеснялись из головы последующей за тем страшной и горестной минутой.

Елена Александровна пыталась удержать Сергея Александровича от разговоров, повторяя: «Мужочек, не говори, тебе вредно».

И Сергей Александрович, сказав еще несколько слов, внезапно откинулся назад, и что-то в груди его заклокотало и захрипело.

Отец мой взял полотенце с его головы и побежал намочить его водой похолоднее, я же вышла из комнаты, думая, что так будет лучше для больного. На меня нашло какое-то оцепенение, я не знала, что мне делать. Молиться? Но что значат мои молитвы, когда умирает, уходит такой человек, как Сергей Александрович? В мыслях и чувствах было полное смятение. Думала: значит, Господь призывает его, и молитва моя не поможет. Мысли эти, конечно, были совсем неправильны и возникли от большого потрясения.

Вошел отец с мокрым полотенцем, а я всё стояла в таком оцепенении, как вдруг услышала горестный возглас Елены Александровны: «Господи! помоги мне!».

Я скорее вошла в их комнату и увидела, что Сергей Александрович недвижим. Елена Алек-

сандровна сзади поддерживает его голову, а отец мой, обливаясь слезами, читает отходную по требнику.

Так вот и привел Сергея Александровича Преподобный Серафим в жизнь вечную в навечерие своего праздника.

Было около шести часов вечера, канун праздника Преподобного Серафима, чудотворца Саровского, которого всю жизнь почитал Сергей Александрович и которому поручил свою жизнь. Сходили за церковным сторожем, он пришел, помог одеть Сергея Александровича и положить его на кровать, так как другого места в их маленькой комнате не было.

Лицо Сергея Александровича было совершенно спокойно и как-то торжественно. В руки ему Елена Александровна вложила большой деревянный крест, и он и по смерти своей как бы исповедовал свою непоколебимую веру.

Как ни велико было горе Елены Александровны, но еще сильнее была ее вера и преданность Богу, и поэтому она могла превозмочь свою скорбь.

Утром, на следующий день, она позвала меня прочитать с ней вместе службу Преподобному Серафиму. Мне пришлось читать паремии, и вот я прочитала слова: «Скончался вмале, исполнив лета долга, угодна бо бе Господеви душа его. Сего ради потщахся от среды лукавствия. (Поэтому постарался уйти из среды лукавствия). Люди не видеша и не разумеша, яко благодать и милость в преподобных Его и посещение во избранных Его».

Как непосредственно относились эти слова к Сергею Александровичу в данный момент!

Вечером в этот день мой отец поехал в Александров и привез следственного врача, чтобы констатировать смерть и установить ее причину. Приехал молодой врач и, открыв дверь в их комнату и увидев умершего, остановился и сказал: «Какой красавец!» Так он был поражен красивым и спокойным лицом покойного, лежащего с крестом в сложенных на груди руках. Он осмотрел тело и написал заключение: разрыв аорты.

Я отправила телеграмму мужу: «Сергей Александрович скончался». В тот же день вечером мой муж приехал, и 17 января (нов. стиля) 1929 года мы похоронили Сергея Александровича.

Могилу приготовили у южной стены колокольни нашей церкви, против придела во имя святителя Николая, как раз против правого клироса, где была большая икона Преподобного Серафима.

Смерть его вызвала сожаление у всех, кто его знал. В селе нашем жили две женщины — мать с дочерью. Были они из числа озлобленных и «отпетых». Никто их не любил, со всеми они ссорились. Дочь, Катя, была первой комсомолкой в селе.

Когда Сергей Александрович и Елена Александровна совершали свои ежедневные прогулки, им каждый раз приходилось проходить мимо дома этих женщин. Если они видели этих женщин около их дома, они всегда ласково с ними здоровались, а иногда и разговаривали, ничем не выражая никакого пренебрежения.

И вот эта Катя, узнав о смерти Сергея Александровича и о времени погребения, пришла, стояла всё отпевание и даже помогла опустить гроб в могилу.

Так вот умели они пробуждать добрые чувства даже в сердцах ожесточенных.

Елена Александровна пробыла у нас только 9 дней после кончины Сергея Александровича и уехала в Чернигов, где в прежнем месте их обитания оставалась близкая им старушка, больная, и Елена Александровна считала своим долгом быть около нее и ходить за ней. Их обеих не касалось предписание о высылке из Чернигова.

Очень пусто и грустно стало без Сергея Александровича и Елены Александровны в нашем доме. Да вскоре оправдались и слова сожаления, сказанные перед смертью Сергеем Александровичем моему отцу. Меньше чем через полгода отцу моему было предписано освободить дом, в котором он прожил 30 лет и который был построен по его плану, когда он вступил в должность священника. Дом был построен на церковные средства, или, как ему заявили, на средства общества, и поэтому он должен был его покинуть.

Оставили ему сарай, построенный им на свои личные средства, и отец с семьей долгое время ютился в этом сарае, пока с трудом не удалось ему построить другой, маленький дом на другом месте, в саду. А церковный дом был сломан и продан куда-то в другое селение. При этом, конечно, был большой ущерб, но с этим не посчитались.

А еще через год мой отец был арестован, имущество «раскулачено», мама с детьми выселена, вернее, выброшена на улицу, и из жалости ее пустила на квартиру одна женщина из соседней деревни.

На могиле Сергея Александровича мой брат поставил крест, сделанный им самим. На кресте, под именем покойного мы написали: «Честна пред Господем смерть преподобных Его» [Пс. 115, 6], а на обратной стороне: «Тайну цареву добро хранити, дела же Божия проповедати честне» [Тов. 12, 7].

После ареста моего отца церковь наша перешла в руки обновленцев, антонинцев. Служил в ней священник, бывший когда-то в хороших отношениях с моим отцом, но с которым отец мой порвал всякие отношения после того, как тот стал обновленцем.

Затем церковь была закрыта, ее перед[ел]али в клуб, потом в магазин, а когда я была там лет 10 тому назад, от нее оставалась только часть фундамента, по которому, однако, можно было определить место могилы Сергея Александровича.

С Еленой Александровной велась у нас переписка, затем, в 35–38-м годах, после кончины той старушки она жила у нас в селе Городок Калининской области, где работал тогда мой муж. Она помогала мне в уходе за детьми и была незаменимой воспитательницей и забавницей. Она, как всегда, находила возможность оказать кому-нибудь добро.

Недалеко от дома, в котором мы жили, стояла ветхая избушка, в которой жила одинокая

старушка, как ее там звали, бабка Паликашиха. Были ли у нее родные или дети, не знаю. Жила она одна и кормилась тем, что собирала милостыню. И вот, каждый праздник Елена Александровна брала у меня или пирогов, или еще чего-нибудь и шла поздравить «бабушку Поликарповну», как она ее называла, не желая умалять ни по каким причинам ее достоинство, человеческое достоинство создания Божия, искупленного Кровию Спасителя.

В 1938 году работа мужа в Калининской области кончилась, нам было необходимо вернуться в Москву, так как нас всех грозили выписать из квартиры как непроживающих.

Мы переехали в Москву, а Елену Александровну пригласила к себе ее бывшая черниговская хозяйка, которая в то время жила в гор. Кола, Мурманской области.

Там Елена Александровна скончалась. День кончины ее мне неизвестен, так как письма оттуда прекратились.

Елена Александровна Нилус, урожденная Озерова, происходила из аристократической семьи. Отец ее, Александр Петрович Озеров, занимал многие придворные должности. Был он, кажется, посланником в Греции, где и родилась Елена Александровна. Был посланником посольства в Персии, а затем обер-гофмейстером Двора Его Императорского величества, только именно кого — не помню. У него было семь человек детей. Старший сын, Александр, погиб в Болгарии при осаде Шипки. Старшая дочь, Ольга, в замужестве княгиня Шаховская, после смерти мужа

приняла монашество и скончалась в Дмитровском женском монастыре Московской области в сане игумении, приняв в монашестве имя Софии. Один из сыновей, Давид, ведал состоянием Зимнего Дворца. Елена Александровна нам говорила, что однажды, когда под его наблюдением шли какие-то работы в Зимнем Дворце, то в кабинете Александра I, на оборотной стороне его портрета была обнаружена укрепленная фотография старца Феодора Кузьмича.

Сын Борис тоже находился на государственной службе, только я совсем не помню, где именно он служил. Знаю лишь, что его дочь Ольга была замужем за летчиком Андерсом. Елена Александровна пыталась ей писать, но ответа не получила. Дочь Мария была замужем за Гончаровым, имени и отчества которого я не помню. Потом она овдовела и скончалась во Франции, где-то недалеко от Парижа.

Младший сын, Сергей, был военным и погиб в империалистическую войну.

Елена Александровна была фрейлиной при дворе Им[ператрицы] Марии Феодоровны. В котором году она вышла замуж за Сергея Александровича я не помню, знаю только, что это было еще при жизни Иоанна Кронштадтского. Елена Александровна говорила, что родные и окружающие очень не одобряли ее замужества. Родителей уже не было в живых.

И вот однажды, на пароходе, рассказывала Елена Александровна, она оказалась вместе с о. Иоанном Кронштадтским и сказала ему, что она выходит замуж за Нилуса. «Вот молодец, вот

молодец», — говорил о. Иоанн, похлопывая ее по плечу. Елена Александровна говорила, что он столько раз это повторял, как будто в противовес всем неодобрительным словам, которые ей пришлось услышать по поводу своего намерения.

Сергей Александрович говорил, что в мірe произошла переоценка ценностей, т. е. то, что люди привыкли ценить высоко, не оправдало своей оценки и не спасло от катастрофы. По мнению его, с чем полностью была согласна и Елена Александровна, существует только одна абсолютная ценность — Евангельская Истина.

Помяни, Господи, верных рабов Твоих во Царствии Твоем!

Печатается по: «Православный Путь».
Джорданвилль, 1985.

Граф Александр дю Шайла

ВОСПОМИНАНИЯ О С. А. НИЛУСЕ

Введение

В первых числах апреля 1921 года, после эвакуации из Крыма и четырехмесячного пребывания в Константинополе я прибыл в Лион. Каково было мое удивление, когда я увидел среди новинок, выставленных в окнах книжных магазинов на «Place Bellecour», французское издание «Протоколов Сионских мудрецов», то есть ту самую книгу, которая была издана моим знакомым, Сергеем Александровичем Нилусом, в начале 900-х годов.

Обширное предисловие, составленное французским издателем, Mgr Jouin, пытающееся дать критический разбор предыдущих изданий, установить происхождение самого документа и определить личность русского издателя, содержит, впрочем, немало вполне понятных, неточностей.

Далее, при чтении издаваемых в Париже русских газет я убедился, что вокруг «Сионских Протоколов» в различных частях света, да и в среде самой русской печати, завязалась полемика.

Совокупность этих наблюдений побудила меня поделиться воспоминаниями о С. А. Нилусе и его писательской деятельности.

Считаю необходимым оговорить здесь, чтоб к этому больше не возвращаться, что приводимые мною сведения о личности и деятельности Нилуса собраны при длительном непосредственном общении с ним и людьми, хорошо знавшими его, причем все источники сведений вполне беспристрастны и честны.

К Сергею Александровичу Нилусу никаких дурных чувств я не питаю, да и не имею основания питать. Поэтому во многих отношениях считаю себя обязанным коснуться его личной жизни, лишь поскольку она соприкасается с общественной жизнью и поскольку это требуется выявлением правды, памятуя изречение: «Amicus Plato, sed magies amica veritas» [Платон мне друг, но истина дороже. *Аристотель]*.

В Оптиной Пустыни

В конце января 1909 года движимый религиозным искательством, я по совету покойного Петербургского митрополита Антония поселился вблизи Оптиной Пустыни.

Монастырь, находящийся в 6 верстах от города Козельска (Калужской губ.), расположен между опушкой густого соснового леса и левым берегом реки Жиздры. Около монастыря имеет-

ся несколько дач, на которых жили миряне, пожелавшие в той или иной степени приобщиться к монастырской жизни.

В эпоху, к которой относятся мои воспоминания, братия состояла из 400 монахов, занимавшихся земледельческим трудом и созерцательной жизнью под руководством трех старцев — отцов Варсонофия, Иосифа и Анатолия.

В свое время Оптина Пустынь была источником заметного духовного влияния на одно из крупных течений русской мысли. Оптинское старчество в лице отцов Макария и Амвросия возымело учительское значение для ранних славянофилов. На братском кладбище рядом с упомянутыми Старцами покоятся их ученики — оба брата Киреевских; А. С. Хомяков и Аксаков часто бывали в монастыре, а Константин Леонтьев провел в нем почти все последние годы жизни, приняв тайно даже постриг.

В монастырской библиотеке хранилась весьма ценная переписка старцев с этими лицами, а равно с Гоголем и Достоевским. Последний в художественном образе старца Зосимы обезсмертил о. Амвросия и его мистическое учение.

Л. Н. Толстой тоже часто посещал Оптину, и, конечно, всем памятно, что там был предпоследний этап его земного пути.

Нелишне будет подчеркнуть здесь, что Оптинские старцы решительно ничего общего не имели с проходимцами, именовавшимися старцами и окружавшими последнего Царя. Оптинские старцы были люди просвещенные, проникнутые духом любви и терпимости, всегда чувствующие себя свободными по отношению к власть имущим

и внимательные только к человеческому горю; близкие к народу и понимающие его безграничную печаль, они отдавали буквально всё свое время на утешение стекающихся к ним тысячами несчастных и обиженных.

Наличие старчества, а равно сохранившиеся там традиции церковной культуры, привлекали в Оптину Пустынь тех представителей русской интеллигенции, кто увлекался религиозным исканием. На следующий день после моего приезда настоятель монастыря архимандрит Ксенофонт предложил познакомить меня с живущим при монастыре «церковным писателем С. А. Нилусом». О последнем я еще раньше, в Петербурге, слышал от В. А. Тернавцева, чиновника особых поручений при Синодальном обер-прокуроре и члена Религиозно-философского общества, как о человеке безусловно интересном, но с большими странностями.

Мое знакомство с С. А. Нилусом

После обеда в покоях настоятеля я познакомился с С. А. Нилусом. То был человек 45-ти лет, типичный русак, высокий, коренастый, с седой бородой и глубокими голубыми глазами, слегка покрытыми паволокой; он был в сапогах, и на нем была русская косоворотка, подпоясанная тесемкою с вышитой молитвою.

С. А. Нилус прекрасно владел французским языком, что было очень ценно тогда для меня. Оба мы были рады знакомству, и я не преминул воспользоваться его приглашением.

С. А. Нилус жил на одной большой, из 8–10 комнат, даче, где раньше поселялись уволенные на покой архиереи. Вокруг дома был большой фруктовый сад. С. А. занимал сам с семьей из трех лиц только 4 комнаты; в остальных же помещалась содержавшаяся за счет получаемой его женой из придворного ведомства пенсии богадельня для всякого рода калек, юродивых и бесноватых, чающих исцеления; одним словом, та часть дома представляла собой настоящую Cour des miracles [«Двор чудес»].

Квартира Нилуса была убрана в старом помещичьем вкусе со множеством царских и великокняжеских портретов, снабженных автографами и подаренных его жене, несколькими хорошими картинами. Была большая библиотека по многим отраслям знания и особая молельня для домашнего богослужения, которое совершалось по мирскому чину самим С. А. Впоследствии воспоминания об этой обстановке всегда сочетались у меня с образами раскольничьих скитов, описанных Лесковым.

Происхождение Нилуса

Род Нилуса происходил от одного шведа-выходца, переселившегося в Россию при Петре Первом. С. А. уверял, что по женской линии текла в его жилах кровь Малюты Скуратова. Быть может, поэтому, будучи при этом большим почитателем крепостного права и крепкой старины, он любил защищать память Грозного.

Сам С. А. Нилус был разорившийся Орловский помещик, притом, если память мне не изме-

няет, сосед по имению М. А. Стаховича, которого он поминал часто, хотя и не добром за вольнодумство.

Родной брат С. А., Дмитрий Александрович Нилус, был председателем Московского Окружного суда. Братья враждовали между собою; С. А. считал Д. А. атеистом, а тот смотрел на брата, как на сумасшедшего.

Нилус был, несомненно, человек образованный. Весьма успешно окончивший Московский университет по юридическому факультету, он владел в совершенстве французским, английским и немецким языками и знал основательно современную иностранную литературу.

Как я потом узнал, С. А. почти ни с кем не уживался, у него был бурный, крутой и капризный характер, вынудивший его бросить службу по судебному ведомству, в которое он кратковременно определился на должность следователя в Закавказье, на русско-персидской границе. Пытался заняться хозяйством в имении, но для такого рода занятий был тогда человеком со слишком большими умственными запросами. Стал увлекаться ницшеанством, теоретическим анархизмом и коренным отрицанием современной культуры.

При таких настроениях жизнь в России была не по духу С. А. Уехал он за границу с одной дамой, госпожой [Н. А. Володимировой]. Жил подолгу во Франции, главным образом в Биаррице, пока управляющий его орловским имением не сообщил ему, что он вконец разорен.

Тогда, около 1900 года, под влиянием материальных невзгод и тяжких моральных испытаний Нилус пережил сильный духовный перелом, приведший его к мистицизму. О дальнейшем развитии этого религиозного процесса будет речь ниже.

Жена С. А. Нилуса

С. А. представил меня жене, Елене Александровне, урожденной Озеровой, бывшей фрейлине Императрицы Александры Феодоровны; она была дочь гофмейстера Озерова, бывшего российского посланника в Афинах и сестра генерал-майора Давида Александровича Озерова, управлявшего тогда Аничковским дворцом.

Елена Александровна Нилус была женщиной в высшей степени доброй и безответной, совершенно подвластной мужу, до полного отречения от самой себя. Это уже видно из того, что она великолепно относилась к бывшей подруге жизни С. А, которая, также разорившись, нашла приют у них.

Сложившееся, таким образом, знакомство с С. А. Нилусом длилось безпрерывно все девять месяцев моего пребывания при Оптиной Пустыни, то есть с последних чисел января по 10 ноября 1909 года. Впоследствии при посещениях мною обители я также навещал С. А., пока, ввиду полного отсутствия терпимости с его стороны по отношению к инакомыслящим, не пришлось отказаться от личного с ним общения.

Мне известно, что в 1917 и 1918 годах он жил в гостинице при Покровском женском монасты-

ре в гор. Киеве. У меня имеются также данные о том, что зимой 1918–19 годов, после падения гетманства, С. А. Нилус уехал в Германию, где поселился в Берлине. Последние сведения получили частичное подтверждение еще в Крыму со стороны старшей сестры лазарета № 10 Белого Креста, бывшей фрейлины Карцовой, когда я лежал в этом лазарете. [Сведения от отъезде С. А. в Германию — мифические.]

Хартия царства антихриста

С самого начала мое знакомство и общение с С. А. Нилусом ознаменовались безконечными спорами. Ведь встречались в нашем лице самые ярые противники — люди, подходящие к одной и той же идее с различных сторон, рассматривающие ее с противоположных точек зрения и одинаково притязающие на обладание этой идеей и на верность ей.

Из прежнего своего анархического мышления С. А. удержал отрицание современной культуры, перенося это отрицание в область религиозного мышления и отвергая возможность применения научных методов к религиозному познанию. Восставал он против духовных академий, тяготел к «мужицкой вере» и высказывал большие симпатии к старообрядчеству, отождествляя его с верою без примеси науки и культуры. Отвергал он всё это вместе с современной культурой, видя в ее выявлениях «мерзость запустения на месте святом», подготовку к пришествию антихриста, воцарение которо-

го, по его мнению, совпадет с расцветом «псевдохристианской цивилизации».

Напротив того, к кораблю Православия принесли меня те либеральные течения Западного христианства, которые смывают с церквей исторические наслоения искусственного и чуждого Христу происхождения. Модернизм и старокатолическая критика, как независимые методы научно-религиозного познания, восстановили в моем сознании образ истинной христианской церкви, дальнейшее раскрытие которой совершилось под влиянием А. С. Хомякова, В. С. Соловьева и более современных представителей русской религиозной мысли.

Однако, несмотря на ожесточенные споры, С. А. Нилус прощал мне много «заблуждений». Причиной тому было мое пребывание в монастыре и хорошее отношение ко мне со стороны Старцев, а потому он пока что не подвергал меня отлучению, а наоборот, прилагал много усилий к моему «обращению».

«Сионские Протоколы»

На третий или четвертый день нашего знакомства, во время обычного спора о взаимоотношениях между христианством и культурой, С. А. Нилус спросил, известно ли мне об изданных им Протоколах Сионских Мудрецов. Получив отрицательный ответ, С. А. подошел к библиотеке, взял свою книгу и стал переводить мне на французский язык наиболее яркие места из Протоколов и толкования к ним. Следя за вы-

ражением моего лица, он полагал, что я буду ошеломлен откровением, а сам был немало смущен, когда я ему заявил, что тут ничего нового и что, по-видимому, данный документ является родственным памфлетам Эдуарда Дрюмона и обширной мистификации Лео Таксиля, несколько лет тому назад одурачившего весь католический міръ, включая и его главу, Папу Льва XIII.

С. А. заволновался и возразил, что я так сужу, потому что мое знакомство с «Протоколами» носит поверхностный и отрывочный характер; а кроме того, устный перевод понижает впечатление. Необходимо цельное впечатление, а впрочем, для меня легко будет познакомиться с «Протоколами», так как подлинник составлен на французском языке.

С. А. Нилус рукописи «Протоколов» у себя не хранил, боясь возможности похищения со стороны «жидов». Помню, как он меня позабавил и какой переполох был у него, когда еврей-аптекарь, пришедший из Козельска с домочадцами гулять в монастырском лесу, в поисках кратчайшего прохода через монастырь к парому как-то попал в Нилусову усадьбу. Бедный С. А. был долго убежден, что аптекарь пришел на разведку. Я узнал потом, что тетрадь, содержащая «Протоколы», хранилась до января 1909 года у иеромонаха Даниила Болотова (довольно известного в свое время в Петербурге художника-портретиста), а после его кончины — в Оптинском Предтеченском скиту, в полверсте от монастыря у монаха о. Алексия (бывшего инженера).

Срочное дело

Несколько времени спустя после нашего первого разговора о «Сионских Протоколах», часа в четыре пополудни, пришла ко мне одна из калек, содержащихся в богадельне на даче Нилуса, и принесла мне записку: С. А. просил пожаловать по срочному делу.

Я застал Сергея Александровича в своем рабочем кабинете; он был один; жена и госпожа [Н. А. Володимирова] пошли к вечерне. Наступали сумерки, но было еще светло, так как на дворе был снег. Я заметил на письменном столе большой черный конверт, сделанный из материи; на нем был нарисован белый осьмиконечный крест с надписью «Симъ Победиши». Помню, еще была наклеена также бумажная иконочка Архангела Михаила; по-видимому, всё это имело заклинательный характер.

С. А. трижды перекрестился перед большой иконой Смоленской Божией Матери, копией знаменитого образа, перед которым накануне Бородинской битвы молилась Русская Армия; он открыл конверт и вынул прочно переплетенную кожей тетрадь.

Как я узнал потом, конверт и переплет тетради были изготовлены в монастырской переплетной мастерской под непосредственным наблюдением С. А., который сам приносил и уносил тетрадь, боясь ее исчезновения. Крест и надпись на конверте сделаны краской, по указанию С. А., Еленой Александровной.

«Вот она, — сказал С. А. — Хартия царствия антихристова».

Раскрыл он тетрадь.

На первой странице замечалось большое пятно бледно-фиолетовое или голубое. У меня получилось впечатление, что на ней была когда-то опрокинута чернильница, но, тотчас же чернило смыли. Бумага плотная и желтоватой окраски. Текст написан по-французски разными почерками, будто бы даже разными чернилами.

«Вот, — сказал Нилус, — во время заседания этого Кагала секретарствовали, по-видимому, в разное время разные лица, оттого и разные почерки».

По-видимому, С. А. видел в этой особенности доказательство того, что данная рукопись была подлинником. Впрочем, он не имел на этот счет вполне устойчивого взгляда, ибо я в другой раз слышал от него, что рукопись является только копией.

Показав мне рукопись, С. А. положил ее на стол, раскрыл на первой странице и, подвинув мне кресло, сказал: «Ну, теперь читайте».

Рукопись

При чтении рукописи меня поразил ее язык. Были орфографические ошибки, но, мало того, обороты были далеко не чисто французскими. Слишком много времени прошло с тех пор, чтобы я мог сказать, что в ней были «руссицизмы»; одно несомненно — рукопись написана иностранцем. Читал я часа два с половиной. Когда я кончил, С. А. взял тетрадь, водворил ее в конверт и запер в ящик письменного стола.

Пока я читал, Елена Александровна Нилус и госпожа [Володимирова] пришли из церкви, так что к моменту окончания моего чтения чай был подан. Не зная, насколько госпожа была посвящена в тайну рукописи, я молчал. Между тем, Нилусу очень хотелось знать мое мнение и, видя, что я стесняюсь, он правильно разгадал причину моего молчания.

«Ну, — сказал он шутя, — Фома неверующий, уверовали ли вы теперь после того, что трогали, видели и читали эти самые Протоколы? Ну, скажите свое мнение, не бойтесь — здесь ведь нет посторонних: жена всё знает, а что касается госпожи [Володимировой], то ведь благодаря ей раскрылись козни врагов Христовых; да вообще тут нет тайны».

Я поинтересовался, неужели через госпожу [Володимирову] Протоколы дошли до С. А. Нилуса? Мне казалось странным, что эта огромная, еле движущаяся, разбитая испытанными болезнями женщина могла когда-либо проникнуть в «тайны кагала Сионских мудрецов». «Да, — сказал Нилус, — госпожа [Н. А. Володимирова] долго жила за границей, именно во Франции; там, в Париже, получила она от одного русского general'а эту рукопись и передала мне. General'у этому прямо удалось вырвать ее из масонского архива.

Я спросил, является ли тайной фамилия этого генерала. «Нет, — ответил С. А., — C'est le general Ratchkovsky[1]. Хороший, деятельный че-

[1] Это генерал Рачковский (фр.). — *Ред.*

ловек, много сделавший в свое время, чтобы вырвать жало у врагов Христовых».

Женераль Рачковский

Тогда мне вдруг вспомнилось, что, когда еще во Франции я брал уроки русского языка и русской литературы у одного эмигранта, студента-филолога Езопова, последний говорил, что русская политическая полиция не дает покоя русским эмигрантам во Франции и что во главе этой полиции был некий Рачковский.

Я спросил С. А., не являлся ли «женераль Рачковский» начальником русской тайной полиции во Франции.

Сергей Александрович был удивлен и даже как будто бы несколько недоволен заданным мною вопросом; он ответил неопределенно, но сильно подчеркнул, что Рачковский самоотверженно боролся с масонством и дьявольскими сектами. Однако Нилусу захотелось знать, какое впечатление получилось у меня от чтения.

Я открыто сказал ему, что остаюсь при прежнем мнении: ни в каких мудрецов сионских я не верю, и всё это взято из той же фантастической области, что «Satan demasque», «Le Diable au XIX Siecle» и прочая мистификация.

Лицо Нилуса омрачилось.

«Вы находитесь прямо под дьявольским наваждением,— сказал он. — Ведь самая большая хитрость сатаны заключается в том, чтобы заставить людей не только отрицать его влияние на дела міра сего, но и существование его. Что же вы скажете, если покажу вам, как везде появля-

ется таинственный знак грядущего антихриста, как везде ощущается близкое пришествие царствия его».

С. А. встал, и все за ним перешли в кабинет.

«Доказательства»

Нилус взял свою книгу и папку бумаг; притащил он из спальной небольшой сундук, названный потом мною «Музеем антихриста», и стал читать то из своей книги, то из материалов, подготовленных к будущему изданию. Читал он всё, что могло выразить эсхатологическое ожидание современного христианства; тут были и сновидения митрополита Филарета, предсказания Преп. Серафима Саровского и каких-то католических святых, цитаты из энциклики папы Пия X-го, и отрывки из сочинений Ибсена, В. С. Соловьева, Д. С. Мережковского и пр. Читал он очень долго, затем перешел к вещественным доказательствам, открыв сундук. В неописуемом безпорядке перемешались в нем воротнички, галоши, домашняя утварь, значки различных технических школ, даже вензель императрицы Александры Феодоровны и орден Почетного Легиона. На всех этих предметах ему мерещилась «печать антихриста» в виде либо одного треугольника, либо двух скрещенных.

Не говоря уже про галоши фирмы «Треугольник», но соединение стилизованных начальных букв «А» и «Θ», образующих вензель царствовавшей Императрицы, как и пятиконечный крест Почетного Легиона, отражались в его воспаленном воображении как два скрещенных треуголь-

ника, являющихся, по его убеждению, знаком антихриста и печатью Сионских мудрецов. Достаточно было, чтобы какая-нибудь вещь носила фабричное клеймо, вызывающее даже отдаленное представление о треугольнике, чтобы она попала в его «музей»[1].

С возрастающим волнением и безпокойством, под влиянием мистического страха С. А. Нилус объяснил, что знак «грядущего сына беззакония» осквернил всё, сияя в рисунках церковных облачений и даже в орнаментике на Запрестольном образе новой церкви в скиту.

«Мистика»

Мне самому стало жутко. Было около полуночи. Взгляд, голос, сходные с рефлексами движения С. А. — всё это создавало ощущение, что ходим мы на краю какой-то бездны, что еще немного, и разум *его растворится в безумии.*

Произошло чрезвычайно любопытное явление.

Я стал успокаивать Нилуса, доказывать, что ведь в «Протоколах» ничего не сказано о зловещем знаке, а потому нет между ними никакой связи. Убеждал я С. А., что ничего нового он даже не открыл, ибо знак этот отмечен во всех оккультных сочинениях, начиная с Гермеса Трисмегиста и Парацельса, которых во всяком случае нельзя причислить к «Сионским мудрецам», и кончая современниками — Папюсом, Станиславом де-Гюэта и пр., которые евреями не были. Мало того, по-

[1] Почти все эти его наблюдения вошли в издание «Протоколов» 1911 года.

мянутый знак ничего противухристианского не знаменует, выражая мысли о нисхождении божества к человечеству и восхождении человечества к божеству.

С. А. лихорадочно записывал справки, и вскоре я убедился, что попытка образумить его не только не привела к цели, а наоборот, обострила до крайних пределов его болезненные переживания.

Несколько дней спустя С. А. отправил в Московский книжный магазин Готье большой заказ на книги по тайным наукам, а в 1911 году вышло его 3-е издание «Протоколов», обогащенное новыми данными из области оккультизма и картинами, позаимствованными у цитированных мною авторов. На обложке под новым заглавием *«Близъ грядущий антихрист или царство дьявола на земле»* красовалось изображение короля из игры карт «Таро» с надписью: «Вот он — антихрист».

Таким образом и портрет антихриста нашелся. Я заканчиваю эту главу штрихами, довольно четко рисующими физиономию С. А. Нилуса.

«Дело не в Протоколах»

В 1909 году, в бытность мою в Оптиной Пустыни, происходило как раз в Петрограде разбирательство судебного дела о бывшем директоре Департамента полиции действ. ст. сов. Лопухине. Полицейское подполье старого режима поневоле раскрывало свои недра. Я спросил С. А., напоминая ему о Рачковском: «Не думаете ли вы, что

какой-нибудь Азеф надул “женераль Рачковского” и, что, того не зная, вы оперируете подлогом».

«Вам известно, — ответил С. А., — мое излюбленное изречение у Апостола Павла: “Сила Божия в немощи человеческой совершается”. Положим, что “Протоколы” подложны. Не может ли Бог и через них раскрыть готовящееся беззаконие? Ведь пророчествовала же Валаамова ослица. Веры нашей ради Бог может превращать собачьи кости в чудотворные мощи; может Он и лжеца заставить возвещать Правду».

Летом того же года происходила вторая младо-турецкая революция. Салоникская армия Махмуд-Шефхет-паши подходила к Константинополю. Раз прихожу к С. А. и застаю его в большом возбуждении. Перед ним была развернута бывшая в приложении к «Русскому Знамени» карта Европы, о которой идет речь на странице 128 французского издания «Протоколов». На этой карте изображен ползущий змий и обозначен датами его исторический путь через завоеванные им европейские государства, причем Константинополь является последним этапом на его пути к Иерусалиму.

Видя С. А. страшно расстроенным, спрашиваю: «Что случилось?» — «Голова змииная приближается к Царьграду», — ответил он. Потом С. А. пошел служить молебен о даровании победы султану над младо-турками. Чередной иеромонах не счел возможным помянуть Абдул-Гамида. Стоило многих усилий покойному старцу о. Варсонофию, чтобы доказать С. А., что Абдул-Гамид понес заслуженную кару за массовые из-

биения христиан и гонения на наших единоверцев. Впрочем, С. А. не успокоился и вернулся в великом гневе и негодовании на старца.

С. А. Нилус в роли издателя «Протоколов»

Приступая к изложению своих воспоминаний о С. А. Нилусе и «Сионских Протоколах», я сознавал, что имеющиеся в моем распоряжении данные являются только материалами для тех, кто на основании всестороннего его освещения прояснит вопрос о происхождении «протоколов». Поэтому я твердо решил не вступать в полемику ни с французскими издателями, ни с органами печати, трактовавшими данный вопрос.

Считаю все же совершенно необходимым, прежде чем изложить стечение обстоятельств, сделавших С. А. Нилуса владельцем и издателем рукописи, обратить внимание на одну особенность издания 1917 года, отмеченную Mgr Jouin'ом. Я имею в виду заявление С. А. о том, что рукопись передана ему в 1901 году предводителем дворянства Алексеем Николаевичем Сухотиным. Эта версия противоречит сделанному мне С. А. Нилусом сообщению, что рукопись была им получена от Рачковского через госпожу [Н. А. Володимирову].

Мне, знающему подоплеку семейных отношений С. А. Нилуса, совершенно понятно, что он не мог открыть читателям госпожу Наталью Афанасьевну, ту таинственную «даму», про которую говорится во всех изданиях. Я далек от мысли, чтобы считать А. Н. Сухотина мифом, но я уверен, что он был не более как посредни-

ком или курьером, передавшим лично С. А. Нилусу полученную в Париже от госпожи Натальи Афанасьевны драгоценную рукопись. В книге Нилуса, по вышеизложенным соображениям личного характера, Сухотин стал ширмой, скрывающей от читателя самую Наталью Афанасьевну.

Добывание рукописи

Что касается передачи рукописи в распоряжение С. А. Нилуса, то она произошла при следующих обстоятельствах.

В 1900 году разорившийся С. А. Нилус возвратился в Россию и, обратившись к Богу, стал путешествовать, вернее — странствовать по монастырям, питаясь иногда одними просфорами. В это время он писал свои «Записки православного, или Великое в малом», которые при содействии заведовавшего типографией Троице-Сергиевской Лавры архимандрита (впоследствиии архиепископа и члена Государственного Совета) Никона, были напечатаны в «Троицком Листке», выходившем в Сергиевом Посаде. Эти записки тогда же были выпущены отдельными оттисками.

Книжка, описывающая обращение интеллигента-атеиста и процесс его мистического перерождения, приобрела известность благодаря рецензиям Л. А. Тихомирова в «Московских Ведомостях» и архимандрита Никона в «Московских Епархиальных Ведомостях». Дошла она до Вели-

кой княгини Елисаветы Феодоровны, которая заинтересовалась автором ее.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна всегда боролась против мистиков-проходимцев, окружавших Николая Второго. Боролась она, между прочим, с влиянием лионского магнетизера Филиппа и сильно недолюбливала царского духовника, престарелого отца Янишева, за неуменье оградить Царя от нездоровых мистических влияний. Великая княгиня считала тогда, что С. А. Нилус, как русский человек и ортодоксальный мистик, сможет благотворно повлиять на Царя.

При Великой княгине Елисавете Феодоровне состоял ген.-майор Михаил Петрович Степанов, брат прокурора Московской Синодальной Конторы, Филиппа Петровича Степанова, и дальний родственник Озеровых. Он пользовался полным доверием Княгини и продолжал состоять при ней даже тогда, когда она стала настоятельницей Марфо-Мариинской Общины. Через него именно С. А. Нилус и был направлен в Царское Село к фрейлине Елене Александровне Озеровой. То было в 1901 году.

Между тем, уезжая из Франции, С. А. Нилус оставил в Париже весьма близкое ему лицо, а именно Наталию Афанасьевну.

Потерявшая также почти всё состояние, сильно подавленная разлукой, она тоже склонилась к мистицизму и стала интересоваться оккультическими кружками Парижа. При этих условиях она получила от Рачковского, тоже вращавшегося в этих кружках, рукопись «Прото-

колов Сионских Мудрецов», которую и переслала С. А. Нилусу.

Планы Рачковского

Можно полагать, что Рачковский, стремившийся в свое время к уничтожению влияния Филиппа на Царя, узнав о предстоящей роли С. А. Нилуса, пожелал использовать сложившуюся обстановку с целью одновременно вытеснить Филиппа и заручиться расположением нового временщика. Как бы то ни было, когда С. А. Нилус явился в 1901–1902 годах в Царское Село, он уже имел в руках «Протоколы».

С. А. Нилус произвел большое впечатление на фрейлину Озерову и придворный кружок, враждебный Филиппу. При содействии этих лиц он в 1902 году выпустил 1-ое издание «Протоколов» в качестве приложения к переработанному тексту книжки о собственных мистических опытах. Книга вышла под заглавием «Великое в малом и антихрист, как близкая политическая возможность». Книга была представлена Царице и Царю.

Одновременно, в связи с кампанией против Филиппа выдвигалась следующая комбинация: брак С. А. Нилуса с Е. А. Озеровой и, по рукоположении приближение его к Царю, дабы он занял впоследствии место духовника. Дело шло так успешно, что С. А. Нилус уже заказал священническую одежду. Помню, как весной Девятого года вывешивали в саду всякую одежду, среди которой были сшитые еще в 1902 году рясы С. А. Нилуса.

Партии Филиппа, однако, удалось парировать удар, сообщив духовному начальству о наличии известного мне канонического препятствия к принятию духовного сана С. А. Нилусом.

После этого С. А. впал в немилость и должен был покинуть Царское Село. Вновь, на скудные средства, вырученные от сотрудничества в «Троицком Листке», начались для него дни скитанья по монастырям. Женитьба была невозможна, так как у Е. А. Озеровой, кроме пенсии по должности отца, ничего не было, а в случае выхода замуж она могла лишиться и этих средств.

Высочайшее соизволение

В 1905 году не стало больше враждебного Нилусу влияния Филиппа. Придворные друзья Е. А. Озеровой исходатайствовали у Николая Второго Высочайшее соизволение на предоставление права дальнейшего получения пенсии в случае выхода замуж. Тогда же заботами Е. А. Озеровой вышло второе издание «Протоколов» с новыми материалами, касающимися Серафима Саровского. Помнится мне, что это издание носило несколько измененное заглавие; вышло оно в Царском Селе и, мне кажется, как издание местной общины Красного Креста, к которой имела отношение Е. А. Озерова.

Вслед за всем этим С. А. и Е. А. повенчались, но каноническое препятствие не отпало, и нельзя было думать ни о священстве, ни о духовном влиянии на Царя. Впрочем, зная С. А. как человека простого и крутого нрава, я полагаю, что его вли-

яние не оказалось бы продолжительным и что он сам, пожалуй, весьма мало об этом мечтал,

После женитьбы С. А. и Е. А. Нилусы покинули навсегда Царское и Петербург; поселились они сперва при Валдайском монастыре, а потом, в 1907 году, при Оптиной Пустыни, где я и застал их в 1909 году.

Жили они, как я сказал, скромно, и большая часть шеститысячной пенсии Е. А. шла на содержание странников, юродивых и калек, приютившихся у них. В их доме нашла приют и разоренная вконец больная Наталья Афанасьевна, благодаря которой увидели свет и наделали немало шуму и беды «Протоколы Сионских Мудрецов», замечательное изобретение «женераля Рачковского».

Отношение Церкви

Появление двух первых изданий «Протоколов» (1902–1905 гг.) прошло совершенно незаметно. Только, кажется, в 1907 году Лев Тихомиров откликнулся в «Московских Ведомостях» на появление «Протоколов», выпустив эсхатологическую передовицу под заглавием «Ганнибал у ворот». Быть может, поводом к этой статье послужило издание «Протоколов», выпущенное Бутми в 1907 году.

Богословские журналы, издававшиеся при Духовных Академиях, не обмолвились ни словом об этих и последующих изданиях; впрочем, навряд ли первые издания могли доходить до широких кругов, ибо тираж был ограниченный, а продажа ничтожная.

Из всего Епископата только Архиепископ Никон Вологодский, член Государственного Совета, известный своими призывами к гонениям на инословных и иноверцев, придавал значение этой книге и посвятил ей одну заметку в «Троицком Листке».

Высшие представители иерархии относились не только без всякого доверия к изданию Нилуса, но опасались в нем нового вида сектантства, ибо, если пророчествовать о пришествии антихриста, надо возвещать и Второе пришествие Христа.

Довелось мне говорить о Нилусе и его издании с двумя видными русскими иерархами, Митрополитом Антонием и Архиепископом Сергием. Оба иерарха, пострадавшие впоследствиии за честное и открытое выступление против Распутина, были решительными противниками тайных влияний на Царя. Знали они о Нилусе только по его изданиям, а потому относились к нему отрицательно, предполагая, что им преследовалась корыстная цель, с чем, поскольку это касается самого Нилуса, я не соглашался, так как продолжаю считать его убежденным фанатиком.

Изгнание С. Нилуса из Оптиной Пустыни

Что касается Старцев оптинских, то, пока С. А. воздерживался от пропаганды своих идей, они относились к нему с большой снисходительностью и некоторым вниманием. Ведь последнее издание «Протоколов» относилось к 1905 году, а в промежутке с 1905 по 1911 годы С. А., при-

бывший в Оптину Пустынь в 1907 году, кроме благотворительности и строгого соблюдения церковных правил, занимался лишь писанием душеполезных листков и житий святых. Выпустил он в 1907 году небольшой сборник красочных рассказов о смерти праведных. Таким образом, не было повода к выявлению отрицательного отношения к С. А. со стороны Старцев.

Необходимо отметить, что всё же и в эту эпоху нельзя было причислить Оптинских старцев к числу последователей С. А. В частности, о. Варсонофий несколько раз спрашивал меня, не надоедает ли Нилус своими «Протоколами», упрекая его притом в стремлении возводить частное мнение в догмат.

Совершенно иным оказалось их отношение к С. А. после выпуска издания 1911 года, сделанного за счет одного Козельского старообрядческого купца.

К появлению этого издания Нилус приурочил открытие устной проповеди о скором пришествии антихриста. Он обратился к Восточным Патриархам, к Св. Синоду и Папе Римскому с посланием о необходимости созвать VIII-й Вселенский Собор для принятия общих для всего христианского міра согласованных мер против грядущего антихриста. Одновременно проповедуя оптинским монахам, он определил, что в 1920 году явится антихрист. В монастыре началась смута, вследствие которой С. А. попросили оставить монастырь навсегда.

Погромная пропаганда

Первые признаки интереса к «Протоколам» я заметил в бытность мою на Дону еще при атамане Краснове в 1918 году. Издание же 1917 года прошло совершенно незаметным из-за революционных событий. Выпуском нового удешевленного издания «Протоколов» в Новочеркасске в 1918 году руководили присяжный поверенный Измайлов и писатель, войсковой старшина Родионов, автор «Нашего преступления». «Протоколы» рекламировала издаваемая названными лицами погромная газета «Часовой».

Еще до ухода атамана Краснова Донской войсковой круг потребовал прекращения субсидий «Часовому», который и перестал выходить в [феврале] 1919 года. Тогда же центр антисемитической пропаганды и склад издания «Протоколов» были переведены в Ростов, где после ухода заведовавшего короткое время отделом пропаганды в Особом совещании И. Е. Парамонова началось вновь их распространение. Мне, как бывшему начальнику политической части штаба Донской армии, известно, что распространением «Протоколов» занялись не только В. М. Пуришкевич, но и другие отважные публицисты в Ростове, Харькове и Киеве. «Протоколы» рассылались в войсковые части Добрармии, включая и Кубанские, конечно, без участия Кубанского правительства. Служили они пищей для погромной агитации и дали в этом отношении самые блестящие и печальные результаты. Пропаганда, развращая войска оправдыванием грабежей, была

одной из причин нашего поражения. Протопресвитером военного духовенства о. Георгием Шавельским был разослан циркуляр полковым священникам о недопущении такой агитации. Но его влияние было парализовано действиями некоторой части офицерства.

Летом 1918 года в Ростове появился бывший проф. Московской Духовной Академии Малахов (не духовное лицо), приступивший к антисемитской агитации на основе «Протоколов». Ростовскому градоначальнику, ген.-лейт. Семенову не удалось запретить эти лекции, так как они *устраивались Отделом пропаганды Особого Совещания.*

На Дону, начиная с февраля 1919 года и до конца фактического существования Донской государственной власти как власти независимой, «Протоколы» не были допущены к распространению.

На Украине и в Крыму

«Протоколы» сыграли крупную роль в бывших на Украине погромах. Один из моих знакомых, полковник Дзугарев, по происхождению осетин, рассказывал мне следующий характерный случай. Очутившись в Киеве во время борьбы между гетманом и Петлюрой, в ноябре 1919 года, он, переодевшись, бежал на Дон. В Лубнах его задержали петлюровцы и привели в штаб. Его приняли сперва за еврея и хотели расстрелять: «ибо, — говорил ему атаман, — вы хотите поставить нам царя с золотой головой. Это было сказано на заседании ваших Сионских Мудрецов».

Причина погромного движения на Украине, по-видимому, заключалась в этой подпольной агитации, а не в политике Украинской Директории.

Правление ген. Врангеля в Крыму оказалось эпохой антисемитической пропаганды на основе «Протоколов». Проф. Малахов, священник Востоков, журналисты Ножин и Руадзе, субсидируемые правительством, говорили на всех перекрестках о «Протоколах» и «жидомасонском» всемирном заговоре. Однако большого и реального успеха эта шумиха не имела.

Заключение

В итоге, в самой России, где «Протоколы» увидели свет, их влияние долгое время казалось ничтожным. Появилось оно только как попытка принципиального оправдания разбоев, сопровождавших гражданскую войну.

Поэтому я был немало удивлен, узнав, что «Протоколы Сионских Мудрецов» переведены почти на все главные европейские языки. Можно полагать, что интерес к ним появился в связи с необъяснимыми для многих «апокалиптическими» событиями нашего времени. Мне кажется, что такой способ объяснения исторического катаклизма имеет большое сходство с гаданием восточных женщин на набережной Галаты, где в случайных узорах брошенных камешков и монеток показывают смутные начертания настоящего и будущего.

Поучительно в истории распространения «Протоколов» то, что за исключением небольшой

группы лиц представители Русской Православной Церкви, несмотря на крупные ошибки недавнего прошлого, воздержались от всякого содействия делу. Знаменательным оказалось отношение Оптинских старцев к Нилусу. Я глубоко верю, что не Востоковы и Малаховы являются выразителями духа Православия, а Оптинские отшельники, постигшие мудрость Учителя. Для подлинно религиозных людей, для тех, кто не смотрит на веру как на «ancilla politicae»[1], христианская эсхатология выражается не в болезненных откровениях пророка духовного вырождения С. А. Нилуса, а в светлом учении современного учителя Церкви Вселенской В. С. Соловьева, предчувствовавшего грядущее единение всех сынов единого Бога для защиты общего достояния, ибо вся наша духовная культура покоится одинаково на вечных основаниях обоих Заветов.

Первые публикации: *Еврейская Трибуна.* Париж, 1921, 15 мая. — С. 1–7;
Последние Новости, 1921, 18 мая. — С. 2–3.

***

От редакции [газеты «Последние новости»]

Автор печатных пяти фельетонов о Нилусе и «Сионских Протоколах» А. М. дю Шайла — отставной подъесаул Войска Донского — прожил весь 1909 год в Оптиной Пустыни, куда он отпра-

---

[1] «Служанку политики» (лат., по аналогии с католическим постулатом, впервые сформулированным Цезарем Баронием: «Philosophia ancilla iheologiae» («Философия — служанка богословия»).

вился с целью изучения внутреннего быта Русской Церкви. В 1911 г. дю Шайла поступил в Петербургскую Духовную Академию, в которой прослушал четырехлетний курс. Написал несколько исследований на французском языке по истории русской культуры по славянским и церковным вопросам. С 1914 г. дю Шайла состоял в военной службе и был начальником передового перевозочного отряда при 101-й пехотной дивизии. В этом звании за непосредственное участие в боях был награжден Георгиевскими медалями всех 4-х степеней. С декабря 1916-го по август 1917 года служил в 8-м броневом автомобильном дивизионе. Засим перешел на службу в Штаб 8 Армии, где оставался до овладения Штабом большевиками. В 1918 году поступил в службу в Штаб Донской Армии. С 1919 года занимал последовательно должности штабного офицера для поручений по дипломатическим делам и начальника политической части.

В Крыму: из приказа генерала Врангеля

19-го апреля 1920 года генералом Врангелем издан следующий приказ:

«Бьет двенадцатый час нашего бытия. Мы в осажденной крепости — Крыму.

Успех обороны крепости требует полного единения ее защитников. Вместо этого находятся даже старшие Начальники, которые политиканствуют и сеют рознь между частями.

Пример этому — Штаб Донского Корпуса. Передо мною издание Штаба — “Донской Вест-

ник". Газета возстанавливает казаков против прочих не-казачьих частей Юга России, разжигает классовую рознь в населении и призывает казаков к измене России.

По соглашению с Донским атаманом приказываю генерал-лейтенанту Сидорину сдать должность генерал-лейтенанту Абрамову. Отрешаю от должности начальника штаба корпуса, генерал-лейтенанта Кельчевского и генерал-квартирмейстера, генерал-майора Кислова. Начальника политического отдела и редактора газеты, сотника графа дю Шайла предаю военно-полевому суду при коменданте главной квартиры. Следователю по особо важным делам немедленно на месте произвести следствие для обнаружения прочих виновных и предания их суду.

Газету закрыть.

Впредь буду взыскивать безпощадно со всех тех, кто забыл, «что в Единении — наш долг перед Родиной».

Иван Михайлович Концевич

ПЛАМЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Находка новой рукописи С. А. Нилуса

В 1934 году мне посчастливилось найти рукопись Нилуса — его послесловие к пятому изданию всемирно известной книги о «сионских протоколах», продолжающей производить и до настоящего дня самое сильное волнение в безбожных кругах. Эту находку мне пришлось не без борьбы изъять из корыстных рук некоторых бессовестных людей, попросту присвоивших чужое добро и намеревавшихся задешево сбыть его в общую продажу, где несомненно рукопись могла погибнуть навсегда. Спасенная рукопись мною передана была законным наследникам автора, с разрешения которых она ныне и печатается мною.

История написания этого послесловия представляется в таком виде — на основании сведений от родственников автора. В конце 1917 года Государыня Императрица Мария Феодоровна пожелала прочесть книгу Нилуса о сионских

протоколах, о чем сообщено было автору. В виду преследований и уничтожения Керенским только что вышедшего к началу революции четвертого издания, автор мог послать Государыне только единственный свой личный экземпляр, который благополучно дошел по назначению, был прочитан и возвращен близкой родственнице автора, бывшей передатчицей в этом деле, которая из Крыма выехала за границу во время общей эвакуации и скончалась во Франции в 1925 году. Она вывезла книгу за границу. В этот экземпляр книги вложена была упоминаемая рукопись.

Приходится догадываться, что С. А. Нилус, посылая книгу свою для прочтения Государыне, имел надежду на выпуск пятого издания вместо уничтоженного четвертого. Никаких подробностей по поводу этой возможности пятого издания я не имею. Но, очевидно, дело это не могло состояться. Вот к этому-то предполагаемому пятому изданию книги и написано автором его послесловие, здесь впервые печатаемое. Из лекции профессора СПб Духовной академии Малахова в Севастополе в 1920 году я узнал, что в Ростове-на-Дону было выпущено издание книги Нилуса во время Гражданской войны. Но экземпляра этого издания я не видел. Во всяком случае, там не было напечатано настоящее послесловие, и мною оно печатается впервые.

Памяти С. А. Нилуса

Книга С. А. Нилуса о сионских протоколах, совершенно независимо от намерений и предположений автора, произвела необычайное дей-

ствие во всем міре. Она в короткое время сделалась одной из самых знаменитых и острых книг, волнующих целые народы, она стала книгой всемирно-исторической, и с годами сила ее не только не падает, но, наоборот, возрастает. Эта книга — чудо, книга — факел, возбуждающий мировые пожары, вероятно, не для одного нашего столетия.

Долгое время у книги не было людей, способных дать ей государственное значение. Сочувствие предреволюционных властвующих русских кругов к книге было вяло и бездейственно. Лучше поняли книгу ее враги. Эти враждебные силы быстро организовали истребительную борьбу против столь слабого, как казалось всем, нового явления. Но и их сила и наглость не могли одолеть беззащитного произведения.

Фашистская Германия, можно сказать, выросла именно на книге Нилуса. И здесь впервые книга нашла государственную защиту. Противная сторона, пользуясь послевоенными своими завоеваниями, решилась поставить книгу Нилуса на своего рода мировой суд, каковым стал Бернский процесс. В связи с этим процессом на книгу Нилуса и на него самого врагами вновь выливались целые потоки лжи, самой грубой и беззастенчивой.

Но обе эти силы — и германский фашизм и мировое еврейство, и защитники Нилуса и его враги — одинаково не понимали Нилуса и его книги. Непонимание и пристрастие еврейства легко объяснимо как результат противления всякой истине с их стороны. Еврейство и Христа не

желает понять и сгорает ненавистью ко всякой добродетели не первое уже тысячелетие... Ныне оно особенно нетерпимо, потому что торжествует свою мнимую победу над міром.

Противники еврейства в лице Германии, мечтающие парализовать еврейство только в политике и политикой или воскрешением старого язычества и этими способами надеющиеся одолеть иудейское богоборчество, не менее заблуждаются, чем и сами евреи.

Одно только политическое понимание книги Нилуса есть полное ее непонимание. Этому вопросу и посвящены мои последующие строки.

Хотя Нилус и пишет об антихристе как о близкой политической возможности, но подходит он к этому вопросу не от политических предпосылок, а от церковного, святоотеческого православного учения. Вот эти два момента и важны: 1) вся его речь посвящена борьбе против антихриста и 2) все его предпосылки православно-церковные. Исходя же из других предпосылок Нилуса понять правильно нельзя. Отсюда должно быть ясно, почему Нилуса не понимают враги — евреи. Они просто отвергают Христа и в душе уже поклонились грядущему антихристу. Германия же не понимает и не поймет Нилуса потому, что она чужда Православия, и потому ее увлечение Нилусом непрочное и ошибочное, чисто внешнее. Не для этой почвы посеяно благодатное слово!

Книга Нилуса написана для Православной России, которая в свое время, покаявшись и очистившись от мерзости греховной, примет эту кни-

гу и сделает всё, чему она учит православного человека...

Книга Нилуса прежде всего книга православная, и вне Православия ее никому не понять. Сорвался на ней американец миллионер Форд, сорвутся на ней и увлекшиеся ею гитлеровцы, столь далекие от православного духа и учения. А для понимания книги Россией время пока еще не пришло. Но, несомненно, придет.

Почему же книга Нилуса православная? Этому вопросу до сих пор почти не уделялось внимание. Указывалось, — и это вполне соответствует действительности, — что высшая церковная власть в России, Святейший Синод, прошли мимо книги Нилуса, даже отстранились от нее, как от чего-то зачумленного и опасного. Между тем в Синоде были архиереи консерваторы, а Государь Николай II открыто не любил евреев, и его считали антисемитом. Можно ли при таком отношении Синода говорить, что книга Нилуса православная? Дальнейшее мое изложение ответит на этот вопрос, и вполне точно, в положительном смысле.

Хотя Синод отстранился от книги Нилуса и прямо не одобрил ее, но он побоялся и запретить ее, и в этом направлении не было сделано никаких попыток. Следовательно, поведение Синода в этом деле просто нейтральное.

На фоне этой нейтральности особенное значение приобретает роль в создании и распространении книги Нилуса приснопамятного молитвенника Земли Русской и чудотворца отца Иоанна Кронш-

тадтского. Нилус обращался к нему за наставлениями, между прочим, и по поводу книги. Об этом сам же он и напечатал подробно. Отец Иоанн отнесся к Нилусу совершенно положительно, а по поводу нерешительности и колебаний автора относительно печатания книги о сионских протоколах решительно ему сказал: «Печатай, книгу будут читать и покупать». Только это святое слово праведника и решило все дело. Нилус напечатал книгу, и она пошла по мировой дороге...

Для Православия авторитет отца Иоанна Кронштадтского слишком высок и совершенно непререкаем. Перед его авторитетом смирился не только Синод, но и сам Государь, которого праведник обличал в слабости власти, обличал хотя и отечески, но совершенно твердо. Приводимые в настоящей книге письма об отношении батюшки отца Иоанна к Нилусу и его книге еще более уточняют дело.

На основании всего этого дóлжно сказать, что книга Нилуса есть плод православного послушания автора. Она написана и появилась на свет Божий по благословению отца Иоанна Кронштадтского, и на ней исполнились предсказания праведника. Исполнится и последующая слава.

В высшей степени удивительно и знаменательно, что книга, написанная не для политики и не по политическим мотивам, с первых же дней своего появления в свет произвела чрезвычайное политическое действие и производит его до сих пор, и притом в масштабе мировом. К этому делу прикоснулись и Форд со своими миллионами, и

Гитлер со своей государственностью. Но чувствуется, что они не того духа, который породил эту великую книгу. Сходство имеется только чисто внешнее, как было это в России, где наша власть, хотя и интересовалась книгой Нилуса, но не понимала ее. Этим объясняется тот странный факт, что все эти политические «попутчики» Нилуса и его книги, невзирая на свои широкие материальные возможности ничего, собственно, в духе этой книги не только не сделали, но даже и не пытались сделать, а неизменно «отступали» от Нилуса, иногда даже и так грубо, как, например, Бостунич и Форд. Не менее, однако, знаменательно и то, что сама книга Нилуса делает свое дело както незримо и не совсем постижимо, «идет своею дорогою», вполне самостоятельно. И мне думается, что ее полное действие проявится в будущем лишь в той стране и народе, которые ее породили и одухотворили, то есть в будущей России, для которой она прежде всего и написана.

В чем же дух этой замечательной книги?

В ПРАВОСЛАВИИ.

Книга Нилуса глубоко православная книга. Она православным духом проникнута. Она им — и только им — и порождена. Она и писалась автором после его возвращения к живому Православию, писалась вдохновенно и даже соборно... Форма изложения, конечно, у Нилуса единоличная. Но вся духовная разработка, поиски, определившееся направление — всё это не единоличное нилусовское, а соборное православное. Оно заключается в том, что Нилус, возродившись ду-

хом, странствовал по монастырям, много и сладко беседовал со старцами, духовными светильниками Святой Руси. В этих странствиях и духовном горении и написана книга. И она не просто православная книга, а даже, можно сказать, и церковная, хотя официальная Церковь ее сторонилась. Но и собор духовных светильников России почти всегда был в стороне от официальной Церкви, хотя смиренно и уживался с нею и незримо, но могущественно помогал ей.

Нилус строго церковно, на основании святоотеческих писаний, подходит к вопросу о признаках появления антихриста в наше время. По апостольскому слову, «тайна беззакония в действии» с давних времен, и быть бдительными к действию этой тайны — долг и обязанность всех православных людей. Нилус осторожно с этой точки зрения и рассматривает наше время. У него нет ни полемики, ни раздражения, ни натяжек. Он обстоятельно и вполне объективно рисует картину действующего тайного беззакония в наше время. И делает это с единственною целью: по любви к ближним предупреждая их об опасности, угрожающей спасению души. Никакой политики и партийности у Нилуса нет, а есть только одна духовность. Об исключительной объективности Нилуса ярко говорит, например, всё то, что он пишет про обстоятельства, сопровождавшие появление так называемых протоколов. Все крикливые возражения и опровержения, выдвигаемые против Нилуса и его протоколов... с полной ясностью предложены читателю самим автором с са-

мого первого издания и учитываются как автором, так и внимательным читателем. И потому-то эти возражения и вся травля нисколько не останавливают мирового хода книги, ибо воистину «свет во тме светит, и тьме его не объять».

Яркой печатью православности, и духовности, и истинности книги Нилуса является благословение отца Иоанна Кронштадтского на писательский труд автора и пророчество о будущем успехе его книг. Сам Нилус не верил в возможность интереса читателей к его книгам. Под влиянием такого своего уныния и пессимизма он мог и не написать своего знаменитого труда. Но именно для устранения этого препятствия дивный прозорливец отец Иоанн уверенно предсказывает ему успех: «Пиши, твои книги будут покупаться и читаться». Эти слова сказаны в феврале 1906 года, когда революционный мрак и буря покрывали всю Россию... Вот это благодатное и могущественное слово отца Иоанна есть пример той соборности в труде Нилуса, о которой я упоминал и без которой и самого труда несомненно не появилось бы...

Пламенная любовь

Если кому сказанного покажется недостаточно, чтобы признать духовность и православность книги Нилуса, то можно добавить и другие факты, оглашение которых, впрочем, необходимо и независимо от единичных сомнений, а просто в виду исключительного значения этих фактов.

Что такое представляет из себя сам Нилус как человек? Он был образованным интеллигентом, далеко отошедшим от всякой церковности. Он был убежденным либералом. Он сам описывает, как в зрелом уже возрасте, он благодатно возродился духовно при наличии целого ряда чудес, им же описанных. Отмечу только одно из таких чудес: отыскание и расшифровку рукописи Мотовилова, излагающей божественную беседу святого Серафима Саровского о цели христианской жизни. Приводимые мною при сем абсолютно достоверные сведения о личности Нилуса отмечают как главную сущность его личности пламенную любовь к Богу и к людям и совершенно нестяжательное житие до конца дней своих. Своею любовью он преображал даже большевиков и приводил их не только к вере в Бога, но даже и к слезам. И если мы забудем хотя бы на минуту этот основной в жизни Нилуса факт — его христианскую высоко просветленную любовь — мы ничего не поймем в его книге об антихристе... Не только вторая половина жизни Нилуса, но и его смерть были дивны и воистину чудесны: он мирно скончался в советской России, в которой за одну привязанность к его книге грозил всем и каждому расстрел. Это ли не чудо... И, будучи совершенно нищим у большевиков, Нилус при содействии чудес получал пропитание и сам делился последнею своею одеждою с другими.

Так вот что такое Нилус как личность... Русский Савл. И он, конечно, не единственный. Наоборот, пора уже нам внести поправку в наши

ходячие представления об интеллигенции. Мы привыкли видеть только темные стороны ее истории: ее безбожие, нигилизм, революционность. Всё это, конечно, так и всё это, конечно, печально, но есть и отрадные стороны, и их-то нам нельзя упускать из виду, дабы не погрешить в окончательных заключениях... Пора о наших Савлах интеллигенции говорить как о характерной черте ее развития. Победоносцев и император Александр III из безнадежных либералов стали не только «реакционерами», но искренно православными людьми. Далее, террорист Лев Тихомиров довольно круто перешел к самодержавию и Православию и написал, пожалуй, лучшую книгу в защиту самодержавия... Кроме таких политически или литературно видных людей, были многие рядовые Савлы или вот такие, как Нилус. Хотя Нилус никого не убивал, но прежнее его духовное безразличие равносильно было убийству или хотя бы самоубийству.

После сказанного станет понятно, почему, немало иногда увлекаясь книгой Нилуса, совершенно ее не понимают и потом начатое под влиянием ее дело бросают. Нилус написал православную книгу о спасении души от диавольской тайны беззакония, а маловерующие в Бога политики пытаются превратить его книгу в обоснование погромной политики. Можно воспользоваться книгой Нилуса и для политики, ибо политика при правильном к ней отношении совсем не противна благочестию. Но... для такого политического употребления книги Нилуса надо иметь в своем серд-

це его пламенную любовь к Богу и к человеку, совершенно независимо от его внешних признаков... В частности, надо подойти с любовью даже и к... большевикам, как людям несчастным и заблуждающимся, помраченным тьмою князя міра сего. Нам это особенно трудно и понять, и принять, но любовь именно этого требует, а сам Нилус нам показал делом такую любовь к большевикам, которою пробудил от сна помрачения несчастного человека.

Нет никакой необходимости доказывать, что Нилус от всего сердца любил и еврейский народ, хотя всем известно из Священного Писания, что, следуя за своими слепыми вождями, евреи стали предателями и богоубийцами (Деян. 7, 52). Но не только злоба людей, — все силы ада побеждаются любовью и смирением Христовым. И надо, наконец, понять, что именно этим духом и написана книга Нилуса. Надо быть безпристрастным и объективным и своих личных симпатий и политических программ не приписывать Нилусу.

И в политике должна торжествовать любовь и правда, что нисколько не исключает строгих мер и наказаний. Это нам трудно понять, но без этого мы решительно ничем не отличаемся от большевиков. И вместо одной злобы и утопии насаждать другую злобу и утопию просто нецелесообразно, и затрата на это сил и средств просто бессмысленна... с православной, конечно, точки зрения.

1937

Воспоминание о Нилусе близкого ему человека

Батюшка отец Иоанн лично знал и любил супругу С. А. Нилуса. Когда он их встретил на Волге после их свадьбы, он поклонился ей и сказал: «Благодарю тебя, что ты за него вышла замуж». Это был, кажется, единственный человек, который ее поблагодарил. Остальные так злобно относились, так глумились над ними и их браком, что им нельзя было оставаться в Петербурге. Про него говорили, что он безнравственный проходимец, который на ней женился, чтобы пробраться во дворец, а про нее, что она на старости с ума сошла. Оба были жертвами таких страшных и злобных клевет. Даже родственники не бывали у них в доме. Одна я постоянно у них гостила и спорила со всеми остальными, стараясь их защитить. Сколько я огорчалась и скорбела, когда их при мне поносили. Ведь я знала, что они не только просто хорошие, но праведные люди.

В доме у них царила прямо благодать Божия, это чувствовалось при входе в дом. Всегда царствовала радость, никто не ссорился. У С. А. Нилуса был пламенный дар любви ко всем и каждому. При мне был случай, когда явился какой-то большевицкий комиссар с нахальным видом осматривать дом. Конечно, шапки не снял и имел вид очень грубый. С. А. повел его по всему дому и завел в церковь, которая помещалась наверху. Долго они оттуда не выходили. Супруга С. А. решила заглянуть туда и увидала большевика, который плачет в объятиях С. А. ... И у самого

С. А. слезы текут... Видно он сумел сказать большевику несколько таких слов, от которых сердце растопилось...

С. А. мне читал то, что он писал. Мы всегда были с ним единомысленны. Если я не могла чего понять умом, то чувствовала сердцем так же, как он. Мы с ним до конца переписывались, и некоторые письма его сохранились у меня. Мне все хочется начать записывать свои воспоминания о нем...

Он был такой яркий человек по пламенности своей души. Он всё время горел любовью к Богу, к святым и к людям. К нему приходили иногда издалека разные люди. Иногда приплетется какая-нибудь старушонка, безобразная на вид, от нее запах неприятный. А С. А. находит для нее самые нежные слова. И это без усилия над собой, а потому, что он полон любви ко всем.

Случалось, что он раздевался и в окно подавал свою одежду нищему. С. А. с супругой при большевиках никогда не голодали, но были бедны. После революции жили прямо чудом Божиим. И чудо это было неизменное. При мне было, что раз нечего было есть. И вдруг приходит неизвестная женщина и приносит огромную миску вареников и сметаны. Оказывается, что ей кто-то во сне приснился и строго приказал сделать вареники и их нам принести... В этот день буквально нечего было есть.

Чудо повторялось в разных видах тысячекратно, по вере моих стариков.

А вера у них была твердая...

Письмо
с отзывами отца Иоанна Кронштадтского о Нилусе и его сочинениях

5 июля <1908>

Здравствуйте мои дорогие С. А. и Е. А.! Спешу поделиться своей радостью и вкупе Вашей. 1-го июля в 8 ч. утра пароход подошел к конторке, я выхожу и узнаю, что батюшка отец Иоанн на Святом Ключе в имении купцов Стахеевых в 17 верстах от Елабуги. Я сейчас же багаж сдала конторщику и сама побежала на другую конторку, где стахеевский пароход дожидал гостей, которые были приглашены. Первым долгом увидала Филиппа Гр. Стельмаховича с семьей. Все были рады, что я подоспела и еще увижу батюшку. К обедне мы уже не успели, батюшка уже отслужил. Когда батюшка меня благословил, то я ему под ухо говорю, что Сергей Александрович Нилус шлет вам земной поклон и просит вашего благословения. Батюшка говорит: «Передай ему, что я глубоко, глубоко уважаю его и люблю его любовью брата о Христе». Я говорю ему: «Батюшка, ему хочется что-нибудь получить от вас на память». — «К сожалению, у меня ничего нет здесь».

Целый день почти я была с ним. Вечером была всенощная, правило. Все исповедовались у священника. Батюшка не служил всенощную. На следующий день успели человек 30 у него приобщиться, а тут Святых Даров не хватило, — и остались. Я, слава Богу, приобщилась. В 11 часов батюшка сел на пароход Стахеева. Хозяйка па-

рохода предложила мне батюшку проводить до Казани. Ну, я думаю, Вы представляете себе мою радость. Моя заветная мечта была, чтобы когда-нибудь с батюшкой ехать, и вдруг она осуществляется. Стахеева послала свой пароход на Шексну в Леушинский монастырь, где был батюшка. С ним поехала игумения с шестью певчими монашками. С батюшкой был иеромонах отец Феофан и две дамы: Вера Ив. и Екат. Ив. Те же самые поехали обратно, но только присоединились до Казани. Еще Филипп Григорьевич и я, грешная, удостоилась ехать.

На другой день около Казани пароход остановился. Батюшка служил обедню. Батюшке позволено иметь походную церковь. Все приобщились, и я тоже. За обедней батюшка плакал, часто слезы утирал. Господи, Господи! такой праведник плачет, так нам-то нужно рыдать от множества прегрешений. Я всё плакала, жаль было расставаться. Хоть бы пароход на мель сел, еще бы хоть минута расставанья продлилась! Пароход уже подходил к самой Казани. Батюшка вышел из каюты, я встала на колени и прошу благословения. Он благословил меня. Я ему подаю записочку, где написала, что мне нужно. Батюшка говорит: «Хорошая просьба! Хорошее желание». Встаю и говорю: «Батюшка! что благословите написать С. А. и Е. А. Н.?» — «Передай, что я их крепко люблю. Хорошо Нилус пишет, я с великим удовольствием прочитал его сочинения. Его сочинения чистый алмаз». — «Батюшка, ведь они оба очень

хорошие, религиозные и гостеприимные». А батюшка говорит: «От хорошего дерева хорошие и плоды». «Батюшка, — говорю, — благословите их!» Он снял шляпу, перекрестился и говорит: «Бог их благословит». Да я еще ему говорю, что С. А. еще три тетради написал и будет издавать. «Скажи, скорее бы издавал да мне прислал прочитать».

Видно, дорогой батюшка не думает долго жить. Глядя на него, думается, как и чем живет, — такой худенький, слабенький.

Простите. Остаюсь любящая Вас

Глафира Лобовикова

Письмо
с известием о смерти С. А. Нилуса

23 февраля 1929 года

Ты знаешь, как вся радость жизни теперь ушла, как стало одиноко и пусто. А все-таки я благодарю Бога за всё: и за прошлое, разумеется, и за его чудную кончину.

Он явился во сне одному умирающему иеродиакону и много говорил ему о благодати Божией и о том, как легко умирать; никакого страдания, душа легко разлучается с телом. Этот бедный очень боялся смерти, и всякая боязнь прошла после этого видения. Он, муж мой, был очень светлый и приятный.

Говорил о том, что всё, всё проникнуто благодатию Божией, что благодать не отвлеченное понятие, как мы думаем, а совсем другое. Много еще говорил, но больной был очень слаб и не мог

всего передать, но всё главное сказал и скончался вечером перед сороковым днем мужа. Разве это не поразительно?

Еще милая Марина (дочь Филиппа Петр. Степанова) в самый день и час его кончины заснула после бессонной ночи при больном ребенке и во сне видела, что кто-то стучит в окно — так что встала, смотрит: муж и я стоим под окном и такое у него светлое лицо, как солнце освещает снег. И все-таки она ничего не подумала, только что, может быть, мы скоро опять будем в Москве и к ней зайдем, как часто заходили. Мы очень ее полюбили, она очень хороший человек.

С. А. Нилус

Послесловие к 5-му изданию «Близ есть, при дверех»

Книга моя о грядущем антихристе в 4-м своем издании названная «Близ есть, при дверех» вышла из печати в Январе 1917 г., а уже 2 Марта того же года состоялось отречение от Всероссийского Престола за себя и за сына Царя Николая II. Дом Романовых как династия Самодержцев прекратил свое существование, и временное русское правительство не замедлило объявить Россию республикой. Что книгой моей предвиделось как возможность, стало уже совершившимся фактом, достоянием прошлого.

Удерживающий взят от православной русской среды. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать отъятие его в ближайшем будущем и от всех других монархических государств, не

исключая и «победоносной» Германии с ее союзниками. Этому не миновать быть не позже того мирного и всемирного конгресса, которым должна закончиться всё еще продолжающаяся, но уже близкая к своему заключительному моменту мировая человеческая катастрофа.

По слову святого апостола Павла и по святоотеческому Преданию, это отъятие удерживающего представляет собою ближайший и самый главный признак, знамение наступления того времени, когда откроется беззаконник, пришествие которого, *по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения* (2 Сол. 2, 7–10).

Насколько приблизилось к нам время явления «беззаконника», пусть судит сам читатель. В Петрограде и в Москве, а затем и в провинции с Апреля 1917 г. начался ряд публичных лекций делегаток уже знакомого читателю «Ордена Звезды на Востоке», неких В. Н. Пушкиной и Е. А. Нелидовой. Цель лекций — пропаганда идеи «нового неба и новой земли» в понимании ее и толковании того «ордена», которого они являются представительницами. Вниманию читателя предлагается нижеследующая афиша лекции В. Н. Пушкиной, состоявшейся 29 Апреля 1917 г. в Петрограде, в зале Тенишевского училища.

«Зал Тенишевского училища (Моховая, 33). В воскресенье 29 Апр. 1917 г. представительница Ордена Звезды на Востоке, В. Н. Пушкина, про-

чтет лекцию «Новое небо и новая земля». Программа: современное положение міра и России. Несостоятельность европейской цивилизации. Миссия России как провозвестительницы нового века. Братство, сотрудничество, жертвенность властей. Творческая роль идеалистов. Всеобщие чаяния. Грядущий великий брат».

В этой лекции представительница люциферианской пентаграммы говорила о «титанической борьбе двух міров»[1] и о грандиозной разрухе европейской[2] цивилизации, приведшей мір к кризису, потрясающему теперь народы до самых их глубин, — к всемирной войне. Обнажив язвы современного общественного строя, лекторша с негодованием обрушилась на Церковь Христову, бросив ей жестокий упрек в том, что в это тяжкое время «она не стала на защиту правды, не нашла огненного слова любви, бездушно отгородилась от жизни»... «прошло почти три года войны, и Европа поняла, по мнению лекторши, что она стоит на грани перелома, и народы сознали это и единодушно бросились уничтожать цитадель, в которой укрепился старый мір и со страстным отчаянием борется за свое существование. Но этот мір разрушится, потому что существование его психологически немыслимо. Из космического костра войны первая шагнула Россия, совершив революцию. Всё старое рушилось, и надо создавать новое. Новая жизнь должна иметь своей основой братство, сотрудничество,

[1] Все тот же символ «мохин-Довида».

[2] Подразумевается — христианской.

жертвенность власти, ее служение слабым. Перестроить жизнь на этих «новых» (?) началах — задача космического размаха, подразумевающая коренной переворот в психологии человека. Нужно выявить в человеке Лик Божий, ушедший в глубину человеческой души под напором звериного образа. Это выявление Божьего Лика в человеке и есть задача, стоящая в наши дни пред человеком».

«Кому же по плечу задача эта?» — спрашивает лекторша и отвечает вслед: — В наши дни, — говорит она, — существует горсточка людей-идеалистов, которые, объединившись под знаменем Звезды на Востоке, возрастили в тайниках своей души грезу о том, что в великую космическую минуту существования человечества в рядах его появится Великий Брат и Сотрудник, который освободит в человеке Лик Божий. В последние годы эта мысль всё настойчивее стучится в сознание людей. Ожидание Высокой Сущности распространено среди всех народов и во всех религиях. Индусы ждут Ягад-Гуру, буддисты — Бодисатву (Господа Матрейо), парсы — нового Заратустру в лице Саокианта — Спасителя. Магометане соорудили в Медине, рядом с могилой Магомета, пустую гробницу для ожидаемого ими грядущего пророка. В Персии шииты ждут возвращения имама — Махди, взятого, согласно их преданию, живым на небо и пребывающего ныне в небесном граде Ябуика. Бабисты ждут Великого Мирового Учителя, который объединит религиозную мысль Востока и Запада. Евреи ждут Мессию. В Бирме одно высокое

духовное лицо по имени Мадуй-Сайдан Цан Тика, живущий в Гайк-Дунге, в Мейктильском округе, проповедует о пришествии Бодисатвы Матрейи, который, по его словам, сошел с неба, тузита, и живет на земле в виде юноши. У этого проповедника 80 тысяч последователей. В Северной Индии один брамин провозвещает пришествие Кальки — Аватара, который, как он утверждает, уже находится на земле. У суфиев в Персии существует предание, что Великий Учитель явится среди людей в 1918 году, а одно древнее индусское предсказание говорит, что он придет между 1918–1947 гг. Ученый астролог Тиссон-Виллог писал в журнале «Рекорд» в Филадельфии, в декабре 1910 года, что на Востоке явится новый Учитель, и из этого источника разольется поток духовности, питаемый группою людей, которые разойдутся по всему міру, проповедуя учение внутреннего очищения и любви к ближнему. Среди христиан распространено ожидание Христа, вылившееся в проповеди отдельных лиц и разных духовных общин, как-то: адвентистов и других. Их особенно много в Америке. Наконец, существует громадная литература по этому вопросу. Упомянем книгу, написанную венгерским священником и озаглавленную «Albescit poblis, Christus venit» («Заря занимается, Христос грядет»). В Швеции известный профессор говорил на ту же тему в 1910 году с кафедры университета в Упсале. В Италии католический священник издал брошюру под заглавием «Пришествие Христа».

В Бельгии Ж. Дельвиль издал книгу: «Le Christ Viendra» («Христос придет»). В Англии священник Scott-Moncritff (Скот Монкриф) написал брошюру «Грядущий Христос», и в английских церквах раздаются теперь нередко проповеди о близком пришествии Христа»... Все эти предсказания являются, по мнению лекторши, «ярким доказательством того, что атмосфера міра в настоящее время насыщена ожиданием какого-то великого явления, которое каждая религия и каждая страна называет именем наиболее близким к его религиозной психике, к его духовному облику вообще».

И это явление, по утверждению лекторши, совершится: Великий Учитель придет и соединит все религии в одну религию братства и поклонения Богу в духе и истине, придет такой простой, и любящий, и совсем не страшный ни своим величием, ни святостью. Придет же он не в том образе, какой мы создали Его в нашем воображении, не в образе пророка, ходящего в белой одежде по солнечной стране со своими учениками среди спелых колосьев или в красочных восточных городах, — Великий Учитель явится в другом, чуждом нашему представлению о нем виде, и наши глаза, ослепленные тем прекрасным видением, могут не суметь сквозь новое одеяние разглядеть Высокую Сущность. Нам необходимо помнить, что Учитель придет в тот железнодорожный, трамвайный, автомобильный век, что мы называем современной цивилизацией. Он приноровится к нашей жизни и примет тот внешний

облик, в смысле одежды, общего склада жизни, способов передвижения, которые мы же сами уготовали ему нашими уродливыми формами жизни. В виду этого мудро составленные правила Ордена Звезды на Востоке предписывают приучиться распознавать величие в ком бы и в какой бы форме оно ни проявилось».

Почти одновременно с лекциями Пушкиной и ее подголосков по России стало распространяться воззвание некоей «Универсальной Лиги» нижеследующего содержания:

«Русские граждане! Вы блестяще начали дело свободы. Остается с такою же решительностью довести начатое до конца. Вы должны теперь понять, что христианскому рабству, которому уже давно подпали европейские государства, приходит конец. Это рабство должно быть уничтожено согласно миропониманию провидевших его и некогда казнивших позорной смертью того, кто создал это рабство. Вся сила теперь у нас: промышленность и торговля у нас; банки и биржа у нас; общественное мнение и печать с нами и за нас; железные дороги — наши. Мы проникли всюду и перенесли свою деятельность в войска. Результаты у вас на глазах. Вскоре армия будет тоже нашей. Наконец, в наших руках золото всего міра. Мы держим в своих руках весы Европы, и, когда наступит время, сотрем силу Вильгельма II способом еще неведомым міру, так как среди нас ОБЛАДАТЕЛЬ могущественных воли и разума, в полном расцвете духовных сил. В целях безопасности имя его не подлежит еще

оглашению[1]. Идите к нам, мы вас избавим от духовного рабства, в которое ввергло вас христианство. Знаком сочувствия целям Лиги служит треугольник всякого цвета, обращенный вершиною вниз».

Таковы знамения времени, явленные внимательному христианскому наблюдателю в течение Марта и Апреля 1917 года, вслед за выпуском в свет 4-го издания моей книги.

Но что скажет читатель при чтении приказа по Военному ведомству от 24 Декабря[2] 1897 года, за № 344, по которому «знаком сочувствия целям Лиги» должно было быть заклеймлено обязательно и заклеймляется всё обмундирование русской армии. Привожу в точной копии часть

---

[1] У составителя настоящей книги имеются некоторые данные, требующие, однако, подтверждения, что имя грядущего, не подлежащее еще оглашению, есть Давид. Логически оно и не может быть иным, ибо его именная печать носит это имя — «мохин-Довид» — «Щит (печать, герб) Давида». Если именная печать антихриста есть печать Давида, ergo, антихрист — Давид. Доселе исследователи данного вопроса число Зверя искали так называемым буквочисленным способом, подставляя буквам числовое их значение. Результат такого исследования известен. Нам разрешение этого вопроса представляется достижимым путем не арифметическим, а логическим, вышеуказанным способом. И если в печати имени заключается, как мы в этой книге показали, число звериное шестьсот шестьдесят шесть, то это же число **логически** находится и в самом имени. Не так же ли был развязан Гордиев узел, не так же ли было поставлено Колумбово яйцо? Ошибаемся ли мы или нет, покажет близкое будущее.

Это же воззвание распространялось от имени евреев в Сибири еще в 1909 году. Редакция его видоизменена и дополнена в зависимости от тех исторических событий, которые совершились с того времени.

[2] В Рождественский сочельник.

этого приказа, непосредственно касающуюся этого клейма.

«Правила клеймления в войсках предметов обмундирования и снаряжения

...

§ 8

Означенное в § 7 клеймо налагается треугольное в отличие от интендантского клейма и от круглого клейма части, строившей это обмундирование. Клеймо это одного размера для всех предметов обмундирования.

§ 9

Клеймо на обмундировании накладывается: а) на мундире и шинели — на правой поле (с изнанки) ниже талии, по сукну, ниже круглого клейма части, если оно имеется, б) на шароварах, с правой стороны пояса, с лицевой стороны, по сукну, и в) на шапке, фуражке, башлыке, рубахе и сапогах, как указано в § 6, при этом если обмундирование войсковой постройки, то оно накладывается рядом с круглым клеймом части, строившей эти предметы.

§ 6

Клейма накладываются на шапке и фуражке по средине дна, на подкладке (по холсту), на башлыке — по средине правой щеки с внутренней стороны, по сукну, на полотняной рубахе — на ее внутренней задней стороне, у нижнего края, на сапогах — вверху, с лицевой стороны.

Натуральная величина треугольного клейма (снято с приложения к приказу по Военному ведомству за № 344, чертеж 2-й).

(В подлинной рукописи автора в этом месте сделан от руки треугольник вершиной вниз с написанными в середине его следующими знаками: «Л. Гв. Сп. Б. зап. 898». Это обозначает: Лейбгвардии саперный баталион запас 1898 года.)

Из вышеизложенного читатель может видеть, что Израиль и руководимое им богоотступническое масонство, одолев с помощью сатаны лежащий во зле грешный и прелюбодейный мiр, уже не стесняется с ним, как с рабом своим, и кладет на него свое клеймо, печать рабства греху и диаволу и отступления от Триѵпостасного Бога. Соблюдая полноту антихристовой печати (мохин-Довид) как священный символ Израиля, как хоругвь «избранного племени» только для себя, они для «гоев», то есть для всех не-евреев, установили как печать антихриста ту ее половину, которая символически изображает собою диавола в масоно-иудейском «миропонимании», иными словами, нашего Бога, побежденного и долу низверженного якобы победоносным Люцифером-сатаною. Принятие на себя гоями-христианами этой печати, таким образом, является знамением их отречения от Бога и от Христа Его и добровольного рабства диаволу. Это грех хулы на Духа Святаго (Бог есть Дух), и ему нет прощения ни в сем веке, ни в будущем — кара за него

та же, что и диаволу: вечная мука в озере огненном.

Быть может, читатель спросит, каким же образом число Зверя 666, заключающееся в мохин-Довиде, в полной антихристовой печати, будет содержаться в ее половинной части? Ответим: каждый угол равностороннего треугольника равен 60 градусам. Значащая цифра, следовательно, 6. Три угла — три значащие цифры — 666.

Число гео-метрическое, земле-мерное, число человеческое (*И создал Господь Бог человека из праха земного*, Быт. 2, 7).

Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число Зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть (Апок. 13, 18).

Чтый да разумеет.

Выпуская в свет издание посильного труда моего и не питая надежды увидеть его в изданиях дальнейших, по причинам, читателю понятным, заключаю его Божественным глаголом Первоверховного апостола языков.

О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью. Ибо когда будут говорить «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами ***постигает*** *имеющую во чреве, и не избегнут.*

Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать. Ибо все вы — сыны света и сыны дня: мы не ***сыны*** *ночи, ни тьмы. Итак не будем спать, как и прочие, но будем бодрство-*

вать и трезвиться. Ибо спящие спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью. Мы же, будучи ***сынами*** *дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения, потому что Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения, чрез Господа нашего Иисуса Христа...»* (1 Сол. 5, 1–9).

Ему же честь и слава и держава во веки. Аминь.

2 ноября 1917 г. Четверг 24 седмицы по Пятид.
(Апост. дня 1 Сол. 5, 1–8).

Содержание

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

МАТЕРИАЛЫ К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ

Сергей Александрович Нилус

Собрание сочинений в шести томах

Том VI

Составление и общая редакция
А. Н. Стрижев

Художник
Андрей Леднёв
Редактор
Александр Стрижев
Корректор
Надежда Филиппова
Верстка
Виктор Горсков

Общественная благотворительная организация
«ОБЩЕСТВО СВЯТИТЕЛЯ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО»
Лицензия ИД № 06493 от 26.12.2001 г.
Подписано в печать 01.12.2004. Печать офсетная.
Бумага газетная. Гарнитура Журнальная.
Формат 84×108 1/32. Объем 18,5 п. л. Усл. п. л. 30,24.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 4047.

Адрес издательства:
196143, Санкт-Петербург, ул. Орджоникидзе, 23.
Отпечатано в ПФ «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»,
Адрес: 127473, Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16